

ВЕСТНИК

АДВОКАТСКОЙ ПАЛАТЫ
ГОРОДА МОСКВЫ

ВЫПУСК
№ 4 (147) 2019

2019

ВЕСТНИК

**Адвокатской палаты
города Москвы**

Выпуск № 4 (147) 2019

Москва
2020

Документы Адвокатской палаты города Москвы

АДВОКАТСКАЯ ПАЛАТА города Москвы

СОВЕТ

РЕШЕНИЕ

г. Москва

№ 177

30 октября 2019 года

О созыве Восемнадцатой ежегодной конференции адвокатов города Москвы

1. В соответствии со ст. 30 и 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» созвать Восемнадцатую ежегодную конференцию адвокатов города Москвы 13 марта 2020 года по адресу: «Большой конференц-зал в административном здании на Новом Арбате» (г. Москва, ул. Новый Арбат, дом 36/9), начало работы конференции – 10.00 час. (регистрация делегатов с 9 час. 15 мин.).

2. Сформировать следующую повестку дня конференции:

1. Отчет о деятельности Совета Адвокатской палаты города Москвы за 2019 год.
2. Отчет Совета Адвокатской палаты города Москвы об исполнении сметы расходов на содержание Адвокатской палаты города Москвы за 2019 год.
3. Отчет Ревизионной комиссии о результатах ревизии финансово-хозяйственной деятельности Адвокатской палаты города Москвы за 2019 год.
4. О смете расходов на содержание Адвокатской палаты города Москвы на 2020 год. Об определении размера обязательных ежемесячных отчислений адвокатов на общие нужды Адвокатской палаты города Москвы в 2020 году.
5. Избрание членов Ревизионной комиссии Адвокатской палаты города Москвы.

Президент
Адвокатской палаты города Москвы

И.А. Поляков

АДВОКАТСКАЯ ПАЛАТА города Москвы

СОВЕТ

РЕШЕНИЕ

г. Москва

№ 178

30 октября 2019 года

О норме представительства на Восемнадцатую ежегодную конференцию адвокатов города Москвы и порядке избрания делегатов

1. В соответствии с пп. 3 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» определить норму представительства на Восемнадцатую ежегодную конференцию адвокатов города Москвы:

1.1. Один делегат от 20 адвокатов, сведения о которых внесены в реестр адвокатов города Москвы.

1.2. Члены Совета Адвокатской палаты города Москвы, Квалификационной комиссии Адвокатской палаты города Москвы, избранные из числа адвокатов, Ревизионной комиссии Адвокатской палаты города Москвы, а также члены Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации, члены Комиссии по этике и стандартам Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации, избранные от адвокатов, состоящие в реестре адвокатов города Москвы, избираются делегатами конференции свыше установленной нормы представительства.

2. Утвердить порядок избрания делегатов на Восемнадцатую ежегодную конференцию адвокатов города Москвы (прилагается).

3. Утвердить Регламент проведения Общего собрания членов Адвокатской палаты города Москвы по избранию делегатов на Восемнадцатую ежегодную конференцию адвокатов города Москвы.

Президент
Адвокатской палаты города Москвы

И.А. Поляков

УТВЕРЖДЕНО
Решением Совета Адвокатской палаты
города Москвы № 178
от 30 октября 2019 г.

ПОРЯДОК

избрания делегатов на Восемнадцатую ежегодную конференцию адвокатов города Москвы

1. Делегаты на Конференцию избираются в следующем порядке:

1.1. Адвокаты, осуществляющие адвокатскую деятельность в коллегиях адвокатов и адвокатских бюро с **численностью 20 и более адвокатов**, сведения о которых внесены в реестр адвокатов города Москвы, проводят в своих адвокатских образованиях собрания по избранию делегатов по установленной норме представительства от числа адвокатов коллегии адвокатов или адвокатского бюро, сведения о которых внесены в реестр адвокатов города Москвы.

Собрание считается правомочным, если в его работе приняло участие не менее 25 процентов адвокатов от числа адвокатов данного адвокатского образования, сведения о которых внесены в реестр адвокатов города Москвы.

1.2. Адвокаты, осуществляющие адвокатскую деятельность в адвокатских кабинетах, коллегиях адвокатов и адвокатских бюро с численностью менее 20 адвокатов, сведения о которых внесены в реестр адвокатов города Москвы, принимают участие в Общем собрании, организуемом Советом Адвокатской палаты города Москвы 31 января 2020 года в 15.00 часов (начало регистрации с 14.30 час.) по адресу: «Малый конференц-зал в административном здании на Новом Арбате» (г. Москва, ул. Новый Арбат, дом 36/9).

2. Решения на собраниях, указанных в пп. 1.1 и 1.2 настоящего Порядка, принимаются простым большинством голосов адвокатов, участвующих в данных собраниях.

При принятии решений каждый участник собрания обладает одним голосом.

Передача права голоса участником собрания иным лицам по доверенности не допускается.

3. При избрании делегатов необходимо иметь в виду следующее.

В случае, если число адвокатов, участвующих в собрании, не является кратным числу 20, адвокаты вправе избрать делегатов по следующему принципу: если число адвокатов, участвующих в избрании делегатов, превышает 20 человек, то в случае оставшейся численности, равной или свыше 50 процентов (от 20), избирается еще один делегат, если менее 50 процентов – делегат не избирается.

Например:

а) число адвокатов, внесенных в список, насчитывает 95 человек. В этом случае собрание избирает пять делегатов: $20 \times 4 = 80$, и от 15 адвокатов (свыше 50 процентов) – один делегат;

б) если в списки включены 83 человека, то избираются только четыре делегата ($80 : 20 = 4$), оставшиеся три адвоката составляют менее 50 процентов от 20.

4. Ответственными за организацию собраний, указанных в п. 1.1 настоящего Порядка, являются руководители адвокатских образований.

5. Протоколы собраний по избранию делегатов на Восемнадцатую ежегодную конференцию адвокатов города Москвы (форма прилагается) представляются нарочным в Совет Адвокатской палаты города Москвы не позднее 20 января 2020 года.

Члены Совета Адвокатской палаты города Москвы, Квалификационной комиссии Адвокатской палаты города Москвы, избранные из числа адвокатов, Ревизионной комиссии Адвокатской палаты города Москвы, а также члены Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации и члены Комиссии по этике и стандартам Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации, избранные от адвокатов, состоящие в реестре адвокатов города Москвы, избираются делегатами на Конференцию свыше установленной нормы представительства на собраниях коллегий адвокатов и адвокатских бюро с численностью более 20 адвокатов (сведения о которых внесены в реестр адвокатов города Москвы), в которых они осуществляют свою адвокатскую деятельность, либо на Общем собрании, организуемом согласно п.п. 1.2 настоящего Порядка, если они осуществляют свою адвокатскую деятельность в адвокатских кабинетах или коллегиях адвокатов и адвокатских бюро с численностью менее 20 адвокатов, сведения о которых внесены в реестр адвокатов города Москвы.

ПРОТОКОЛ собрания адвокатов, осуществляющих адвокатскую деятельность в составе

(наименование адвокатского образования)

г. Москва

«__» _____ 20__ года

Всего по списку:

_____ общее число адвокатов, сведения о которых внесены в реестр адвокатов города Москвы

ПРИСУТСТВОВАЛО:

_____ общее число адвокатов, сведения, о которых внесены в реестр адвокатов города Москвы

ПОВЕСТКА ДНЯ

1. Избрание Председателя и секретаря Собрания.
2. Избрание делегата(ов) на Восемнадцатую ежегодную конференцию адвокатов города Москвы.

1. Избрание Председателя и секретаря собрания.

_____ предложил(а) избрать Председателем Собрания

_____ ,
Ф.И.О. адвоката

секретарем собрания _____ .

_____ ,
Ф.И.О. адвоката

РЕШИЛИ: Избрать Председателем собрания _____ ,

Ф.И.О. адвоката

секретарем собрания _____

_____ ,
Ф.И.О. адвоката

Результаты голосования: «за» — _____

«против» — _____

«воздержались» — _____

2. Избрание делегата(ов) на Восемнадцатую ежегодную конференцию адвокатов города Москвы.

_____ сообщил о норме представительства на Восемнадцатую ежегодную конференцию адвокатов города Москвы, определенную решением Совета Адвокатской палаты города Москвы, которая будет проходить 13 марта 2020 года по адресу: «Большой конференц-зал в административном здании на Новом Арбате» (г. Москва, ул. Новый Арбат, дом 36/9), и разъяснил порядок избрания

делегатов. Учитывая количество адвокатов по списку, предложил избрать делегата(ов)

По результатам голосования принято решение: избрать делегатом(ми) на Восемнадцатую ежегодную конференцию адвокатов города Москвы:

Ф.И.О., номер в реестре адвокатов города Москвы

Председатель собрания

Секретарь

УТВЕРЖДЕНО
Решением Совета Адвокатской
палаты города Москвы № 178
от 30 октября 2019 года

РЕГЛАМЕНТ
проведения Общего собрания
членов Адвокатской палаты города Москвы
по избранию делегатов
на Восемнадцатую ежегодную конференцию
адвокатов города Москвы

1. Настоящий Регламент определяет порядок проведения Общего собрания членов Адвокатской палаты города Москвы по избранию делегатов на Восемнадцатую ежегодную конференцию адвокатов города Москвы.

2. Общее собрание в своей деятельности руководствуется Конституцией Российской Федерации, Федеральным законом «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», Кодексом профессиональной этики адвоката, решениями Совета Адвокатской палаты города Москвы и настоящим Регламентом.

3. Время и место проведения Общего собрания определяются Советом Адвокатской палаты города Москвы.

4. Участниками Общего собрания являются только адвокаты, осуществляющие адвокатскую деятельность в адвокатских кабинетах, коллегиях адвокатов с численностью менее 20 адвокатов, сведения о которых внесены в реестр адвокатов города Москвы, и адвокатских бюро с численностью также менее 20 адвокатов, сведения о которых внесены в реестр адвокатов города Москвы.

5. Общее собрание считается правомочным вне зависимости от числа адвокатов, принявших участие в Собрании.

6. Все решения Общего собрания принимаются простым большинством голосов его участников. Во время работы Общего собрания ведется протокол.

7. Регистрация участников Общего собрания проводится на основании списков адвокатских кабинетов, членов коллегий адвокатов и адвокатских бюро при предъявлении адвокатских удостоверений.

Участник Общего собрания удостоверяет факт регистрации, а также правильность сведений, указанных в регистрационном листе, собственноручной подписью.

Регистрация по доверенности в качестве участника собрания не допускается.

8. По результатам регистрации участников Общего собрания составляется протокол, который подписывается всеми членами группы регистрации.

9. Общее собрание открывает Президент Адвокатской палаты города Москвы.

10. Непосредственно после открытия Общего собрания для его проведения избираются президиум, секретариат и счетная комиссия.

11. Президиум из своего состава избирает председательствующего на Общем собрании и секретаря Общего собрания.

12. Председательствующий вносит на утверждение Общего собрания повестку дня, предоставляет возможность выступлений участникам Собрания, проводит голосование по вопросам повестки дня, закрывает Собрание, осуществляет иные функции.

13. Общее собрание избирает делегатов на Восемнадцатую ежегодную конференцию адвокатов города Москвы согласно утвержденной Советом Адвокатской палаты города Москвы норме представительства от числа присутствующих на собрании адвокатов.

14. Список кандидатов в делегаты Конференции формируется президиумом Общего собрания на основе предложений участников собрания из числа адвокатов, присутствующих на собрании.

15. Участники Общего собрания вправе:

- выступать и вносить предложения по поводу формирования списка;
- выдвигать себя и другие кандидатуры в список;
- заявлять самоотвод.

16. После обсуждения списка председательствующий ставит его на голосование.

В случае, если в данный список включается число кандидатов в делегаты, превышающее установленную норму представительства, проводится рейтинговое голосование.

После голосования в списке кандидатов в делегаты остаются те из них, которые набрали относительное большинство голосов по сравнению с другими.

17. Члены Совета Адвокатской палаты города Москвы, Квалификационной комиссии Адвокатской палаты города Москвы, избранные из числа адвокатов, Ревизионной комиссии Адвокатской палаты города Москвы, а также члены Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации и Комиссии по этике и стандартам Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации, избранные от адвокатов, состоящие в реестре адвокатов города Москвы, избираются делегатами конференции в соответствии с Решением Совета Адвокатской палаты города Москвы № 178 от 30 октября 2019 года свыше установленной нормы представительства по отдельному списку.

После подведения итогов рейтингового голосования список кандидатов в делегаты Конференции выносится председательствующим для окончательного голосования.

18. Решение об избрании делегатов на Восемнадцатую ежегодную конференцию адвокатов города Москвы принимается открытым голосованием, простым большинством голосов.

По решению Общего собрания голосование может осуществляться как персонально, так и списком.

19. По результатам голосования составляется протокол.

20. После принятия решения об избрании делегатов на Конференцию Общее собрание прекращает свою работу.

По результатам работы Общего собрания составляется протокол, который подписывается председательствующим и секретарем Собрания.

АДВОКАТСКАЯ ПАЛАТА города Москвы

СОВЕТ

пер. Сивцев Вражек, д. 43
г. Москва, 119002

тел.: +7(495)909-85-94
e-mail: info@advokatymoscow.ru

Исх. № _____

« ____ » _____ 2019 г.

Руководителям органов управления коллегиями адвокатов и адвокатскими бюро, адвокатским кабинетам

Уважаемые коллеги!

Направляются документы Совета Адвокатской палаты города Москвы, определяющие норму представительства, порядок избрания делегатов на Восемнадцатую ежегодную конференцию адвокатов города Москвы, которая состоится 13 марта 2020 года по адресу: «Большой конференц-зал в административном здании на Новом Арбате» (г. Москва, ул. Новый Арбат, дом 36/9).

Обращаем ваше внимание на то, что адвокаты, осуществляющие адвокатскую деятельность в адвокатских кабинетах, коллегиях адвокатов и адвокатских бюро с численностью **менее 20 адвокатов**, сведения о которых внесены в реестр адвокатов города Москвы, принимают участие в избрании делегатов на конференцию только на Общем собрании, организуемом Советом Адвокатской палаты города Москвы 31 января 2020 года в 15.00 часов (начало регистрации с 14.30 час.) по адресу: «Малый конференц-зал в административном здании на Новом Арбате» (г. Москва, ул. Новый Арбат, дом 36/9).

Убедительно прошу довести данную информацию до членов вашего коллектива.

Приложение: на _____ листах

Президент
Адвокатской палаты города Москвы

И.А. Поляков

**АДВОКАТСКАЯ ПАЛАТА
города Москвы**

СОВЕТ

пер. Сивцев Вражек, д. 43
г. Москва, 119002

тел.: +7(495)909-85-94
e-mail: info@advokatymoscow.ru

Исх. № _____

« ____ » _____ 2019 г.

**Руководителю
коллегии адвокатов,
адвокатского бюро**

Направляются документы Совета Адвокатской палаты города Москвы, определяющие норму представительства, порядок избрания делегатов на Восемнадцатую ежегодную конференцию адвокатов города Москвы, которая состоится 13 марта 2020 года по адресу: «Большой конференц-зал в административном здании на Новом Арбате» (г. Москва, ул. Новый Арбат, дом 36/9).

Прошу Вас принять меры к организации в Вашем коллективе собрания по избранию делегатов на конференцию.

Обращаем Ваше внимание на то, что в собрании по избранию делегатов на конференцию вправе принимать участие адвокаты, сведения о которых внесены в реестр адвокатов города Москвы, осуществляющие адвокатскую деятельность только в Вашей коллегии адвокатов или адвокатском бюро.

Президент
Адвокатской палаты города Москвы

И.А. Поляков

УТВЕРЖДЕНО

Решением Совета Адвокатской палаты
города Москвы от 30 октября 2019 года
(Протокол № 12. Приложение № 6)

ЗАЯВЛЕНИЕ
Совета Адвокатской палаты города Москвы
«О распространении недостоверной информации
в отношении адвокатов»

В Адвокатскую палату города Москвы поступило коллективное обращение адвокатов, из которого следует, что в сети «Интернет» на различных сайтах размещена анонимная информация о «рейтингах» адвокатов и адвокатских образований, «черных списках» адвокатов, статистике «выигранных» и «проигранных» адвокатами дел, об адвокатских образованиях, сведения о которых отсутствуют в реестре адвокатских образований города Москвы. Информация о членстве адвокатов в адвокатских образованиях, об их специализации зачастую не соответствует действительности. Так, на сайте несуществующей в действительности коллегии, именующей себя «МГКА Адвокаты Москвы», ложно указаны в качестве ее членов 6 800 адвокатов, а также содержится информация о том, что эта «коллегия» занимает «первое место в рейтинге юридических компаний Москвы» и «выиграла» 1 321 908 дел, «проиграв» 0.

Все указанные сайты содержат негативные отзывы о большом количестве адвокатов, исходящие якобы от их доверителей (при этом ни один из доверителей не может быть идентифицирован), а также фотографии адвокатов с оттиском «внесен в черный список», ссылки на решения некоего «рейтингового комитета» о внесении того или иного адвоката в «черный список».

В связи с тем, что указанная информация, размещенная в сети «Интернет», затрагивает права и законные интересы адвокатов и адвокатских образований города Москвы, Совет Адвокатской палаты города Москвы считает необходимым заявить следующее.

В соответствии с Конституцией Российской Федерации каждому гарантируется свобода мысли и слова, распространения информации и выражения мнений, каждый имеет право на объединение.

В связи с этим, а также учитывая, что профессиональная деятельность адвокатов носит публично-правовой характер, само по себе высказывание (в том числе и публичное) отдельными гражданами, их группами и объединениями мнений в отношении тех или иных адвокатов не может рассматриваться как нарушающее права адвокатов.

Однако, если такие высказывания основаны на вымышленных, искаженных или ложных фактах и обстоятельствах, то они могут ввести в заблуждение неограниченный круг лиц и причинить вред доброму имени, чести, достоинству и деловой репутации адвокатов.

Кроме того, оценка профессиональной деятельности адвоката по оказанию юридической помощи является исключительной прерогативой его доверителей, которым такая помощь была оказана. Установление же в профессиональном поведении адвокатов дисциплинарных проступков и применение мер дисциплинарной ответственности является исключительной компетенцией дисциплинарных органов адвокатских палат и осуществляется в порядке, предусмотренном Федеральным законом «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и Кодексом профессиональной этики адвоката.

Распространение адвокатами ложной информации о себе и дискредитация коллег в целях создания конкурентных преимуществ являются грубым нарушением правил профессиональной этики, влекущим дисциплинарную ответственность. В соответствии с п. 1 и 2 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката адвокат строит свои отношения с другими адвокатами на основе взаимного уважения и соблюдения их профессиональных прав. Адвокат не должен употреблять выражения, умаляющие честь, достоинство или деловую репутацию другого адвоката либо авторитет адвокатуры, использовать в беседах с лицами, обратившимися за оказанием юридической помощи, и с доверителями выражения, порочащие другого адвоката, а также критику правильности действий и консультаций адвоката, ранее оказывавшего юридическую помощь этим лицам. В соответствии с п. 1 ст. 17 Кодекса профессиональной этики адвоката информация, размещаемая адвокатами, в том числе в сети «Интернет», допустима, если она не содержит оценочных характеристик адвоката, отзывов других лиц о работе адвоката, сравнений с другими адвокатами и критики других адвокатов, заявлений, намеков, двусмысленностей, которые могут ввести в заблуждение потенциальных доверителей или вызывать у них безосновательные надежды.

Совет Адвокатской палаты города Москвы подчеркивает, что размещенные на указанных и иных подобных ресурсах в сети «Интернет» сведения о «рейтингах», «черных списках» адвокатов, количестве «выигранных» и «проигранных» дел являются не только неофициальными, но и неverifiedируемыми: в силу анонимного характера они не могут считаться достоверными.

Используемые авторами и распространителями такой информации термины «рейтинг», «черный список», «выигранные» и «проигранные» дела не имеют ясных критериев и могут по-разному пониматься и толковаться различными лицами.

По указанным причинам использование подобной информации при принятии решения о выборе юридического представителя несет в себе существенные риски.

Адвокатская палата города Москвы и ее органы никогда не формировали какие-либо рейтинги либо «черные списки» адвокатов, не оценивали деятельность адвокатов с точки зрения «выигранных» либо «проигранных» дел, не создавали никаких «рейтинговых комитетов» по оценке адвокатов, не участвовали в деятельности подобных объединений и не имеют отношения к ресурсам, на которых размещаются подобные сведения.

Вся официальная информация в отношении адвокатов, состоящих в реестре адвокатов города Москвы, и адвокатских образований города Москвы размещается на официальном сайте Адвокатской палаты города Москвы по адресу: <http://www.advokatymoscow.ru/>, а также в «Вестнике Адвокатской палаты города Москвы».

Совет обращает внимание адвокатов на то, что основания и порядок защиты чести, достоинства и деловой репутации установлены ст. 152 ГК РФ.

Кроме того, в соответствии со ст. 10.3 ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» № 149-ФЗ операторы поисковых систем по заявлению гражданина обязаны удалять из результатов поиска ссылки на незаконную, недостоверную или неактуальную информацию о заявителе.

Иные способы защиты прав могут быть реализованы адвокатом, в отношении которого распространена недостоверная информация, путем обращения в Федеральную службу РФ по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций – орган, уполномоченный рассматривать обращения о нарушении прав в информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе в сети «Интернет», а также в Федеральную антимонопольную службу РФ в случае, если размещенная информация содержит признаки недобросовестной конкуренции или ненадлежащей рекламы.

При поступлении в Адвокатскую палату города Москвы жалоб или представлений в отношении адвокатов, состоящих в реестре адвокатов города Москвы, о совершении ими дисциплинарных нарушений, связанных с распространением несоответствующих требованиям профессиональной этики сведений в отношении себя или других адвокатов, такие обращения рассматриваются в установленном законом и Кодексом профессиональной этики адвоката порядке.

АДВОКАТСКАЯ ПАЛАТА города Москвы

СОВЕТ

РЕШЕНИЕ

г. Москва

№ 179

30 октября 2019 года

Об исполнении ст. ст. 7, 15, 16, 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»

1. В соответствии с п. 5 ст. 15 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» **приняты** в члены Адвокатской палаты города Москвы:

1. Бабинец Виталий Владимирович
2. Васькина Юлия Викторовна
3. Воронов Леонид Германович
4. Гридчина Нелли Евгеньевна
5. Жуйков Алексей Вячеславович
6. Иванов Дмитрий Николаевич
7. Клячков Дмитрий Николаевич
8. Кондрин Сергей Иванович
9. Мамедова Елена Сергеевна
10. Пивоваров Антон Игоревич
11. Постанюк Владимир Дмитриевич
12. Потылицына Елена Владимировна
13. Рубанова Евгения Викторовна
14. Сагов Тимур Баширович
15. Садаев Муслим Ахмадович
16. Сокол Жанна Владимировна
17. Фадеева Ольга Анатольевна
18. Фёдоров Артём Александрович
19. Федорченко Майя Мерабовна
20. Филонова Оксана Геннадьевна
21. Чепкенчиев Ислам Рашидович.

2. В соответствии с пп. 2 п. 1 ст. 16 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» **приостановили статус** адвоката:

1. Агинова Байрта Аркадьевна, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/13864, с 30 октября 2019 года.

2. Галетко Андрей Валентинович, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/10432, с 30 октября 2019 года.

3. Дорджиев Санал Валерьевич, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/9683, с 30 октября 2019 года.

4. Ищенко Андрей Евгеньевич, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/13201, с 30 октября 2019 года.

5. Кавун Алла Евгеньевна, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/3472, с 30 октября 2019 года.

6. Калинина Екатерина Михайловна, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/8689, с 30 октября 2019 года.

7. Коваленко Валерий Глебович, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/10798, с 30 октября 2019 года.

8. Кравченко Светлана Федоровна, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/2189, с 30 октября 2019 года.

9. Манская Екатерина Владимировна, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/13970, с 30 октября 2019 года.

10. Новиков Николай Игоревич, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/14765, с 30 октября 2019 года.

11. Пестова Людмила Викторовна, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/7340, с 30 октября 2019 года.

12. Сайдаева Малика Баняминовна, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/12743, с 30 октября 2019 года.

13. Семкина Светлана Александровна, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/11787, с 30 октября 2019 года.

14. Соломиенко Виктория Павловна, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/1400, с 30 октября 2019 года.

15. Федорова Лариса Юрьевна, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/4585, с 30 октября 2019 года.

16. Чахлова Анна Викторовна, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/14620, с 30 октября 2019 года.

17. Шлёнов Александр Васильевич, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/6565, с 30 октября 2019 года.

18. Шустов Дмитрий Анатольевич, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/1612, с 30 октября 2019 года.

3. В соответствии с пп. 1 п. 1 ст. 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» прекратили статус адвоката:

1. Гугаев Магомед Русланович, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/12587, с 30 октября 2019 года.

2. Гусев Александр Васильевич, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/5307, с 30 октября 2019 года.

3. Доронкин Алексей Борисович, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/351, с 01 ноября 2019 года.

4. Касселс Марина Алексеевна, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/441, с 01 ноября 2019 года.

5. Козлов Алексей Андреевич, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/793, с 30 октября 2019 года.

6. Пешин Леонид Арсентьевич, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/100, с 30 октября 2019 года.

7. Сучкова Мария Андреевна, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/13969, с 30 октября 2019 года.

8. Тарасенко Владимир Алексеевич, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/6166, с 30 октября 2019 года.

9. Ханин Владимир Харитонович, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/1748, с 30 октября 2019 года.

10. Шуть Сергей Александрович, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/11024, с 30 октября 2019 года.

4. В соответствии с пп. 3 п. 1 ст. 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» **прекращен статус** адвокатов:

1. Илюхин Дмитрий Геннадиевич, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/10353, с 02 сентября 2019 года.

2. Лукьянов Дмитрий Николаевич, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/11860, с 05 октября 2019 года.

3. Шкарупин Анатолий Александрович, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/3627, с 30 июля 2011 года.

5. В соответствии с п. 5 ст. 16 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» **возобновили статус** адвоката:

1. Александрова Светлана Юрьевна, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/13013, с 01 ноября 2019 года.

2. Атрощенко Светлана Александровна, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/6074, с 01 ноября 2019 года.

3. Гордейчик Алексей Владимирович, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/14507, с 30 октября 2019 года.

4. Готра Мария Михайловна, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/10995, с 01 ноября 2019 года.

5. Дробязко Сергей Владимирович, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/12660, с 30 октября 2019 года.

6. Задощенко Александр Николаевич, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/2465, с 30 октября 2019 года.

7. Липовский Александр Борисович, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/14256, с 30 октября 2019 года.

8. Скворцов Николай Николаевич, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/6761, с 30 октября 2019 года.

9. Скузоватов Юрий Иванович, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/4380, с 30 октября 2019 года.

10. Соколов Дмитрий Владимирович, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/5865, с 07 ноября 2019 года.

11. Цвилленев Дмитрий Юрьевич, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/11893, с 30 октября 2019 года.

6. В соответствии с п. 3 Решения № 2 Совета Адвокатской палаты города Москвы от 16 декабря 2002 года освободить от уплаты ежемесячных обязательных

отчислений на нужды Адвокатской палаты города Москвы адвоката в связи с льготами, приравненными к льготам участников и ветеранов Великой Отечественной войны:

Ангелова Валерия Николаевича, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/2253, с 01 января 2003 года.

Президент
Адвокатской палаты города Москвы

И.А. Поляков

АДВОКАТСКАЯ ПАЛАТА города Москвы

СОВЕТ

РЕШЕНИЕ

г. Москва

№ 180

30 октября 2019 года

Об исполнении пп. 18 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»

Заслушав доклад Вице-президента Адвокатской палаты города Москвы Кипниса Н.М., Совет Адвокатской палаты города Москвы, руководствуясь пп. 18 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»,

РЕШИЛ:

Внести изменения в реестр адвокатских образований и их филиалов на территории города Москвы:

1. Учреждены адвокатские кабинеты (ст. 21 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»):

1. Адамов Тажиб Таривердиевич, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4104, с 09 ноября 2019 года.

2. Андреев Павел Викторович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4110, с 01 октября 2019 года.

3. Анисимов Игорь Леонидович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4100, с 30 сентября 2019 года.

4. Бабенко Виталий Александрович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4117, с 28 октября 2019 года.

5. Бегунов Михаил Анатольевич, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4106, с 11 октября 2019 года.

6. Беляев Сергей Михайлович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4101, с 07 октября 2019 года.

7. Бредихин Алексей Константинович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4113, с 23 октября 2019 года.

8. Буклова Виктория Александровна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4115, с 24 октября 2019 года.

9. Бурканов Юрий Анатольевич, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-2031, с 10 сентября 2019 года.

10. Еремеев Владимир Александрович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4102, с 01 октября 2019 года.

11. Замдиханова Гелсиня Шагизяновна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4098, с 08 октября 2019 года.

12. Ковин Дмитрий Михайлович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4108, с 16 октября 2019 года.

13. Курнышев Михаил Владимирович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4112, с 22 октября 2019 года.

14. Кучеров Михаил Владимирович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4111, с 21 июня 2019 года.

15. Луговой Юрий Иванович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4099, с 30 сентября 2019 года.

16. Молоканов Алексей Юрьевич, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4103, с 07 октября 2019 года.

17. Пектеева Наталия Алексеевна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4116, с 24 октября 2019 года.

18. Поляков Сергей Александрович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-1586, с 02 октября 2019 года.

19. Серновец Мария Николаевна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4107, с 01 сентября 2019 года.

20. Шайхутдинов Марат Ринатович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4105, с 10 октября 2019 года.

21. Шахматова Елена Николаевна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4114, с 25 октября 2019 года.

22. Юшкова Галина Валерьевна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-3207, с 14 августа 2019 года.

2. Ликвидированы адвокатские кабинеты (ст. 21 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»):

1. Галетко Андрей Валентинович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-2564, с 30 октября 2019 года.

2. Гончаров Кирилл Анатольевич, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-3786, с 07 октября 2019 года.

3. Илюхин Дмитрий Геннадиевич, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-3767, с 02 сентября 2019 года.

4. Клименко Сергей Анатольевич, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4055, с 13 сентября 2019 года.

5. Коваленко Валерий Глебович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-2343, с 30 октября 2019 года.

6. Кораблев Андрей Алексеевич, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4013, с 01 октября 2019 года.

7. Котлов Василий Владимирович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-2122, с 01 сентября 2019 года.

8. Сайдаева Малика Баняминовна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-3542, с 30 октября 2019 года.

9. Ханин Владимир Харитонович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-3859, с 30 октября 2019 года.

10. Чурсина Людмила Валерьевна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-3538, с 16 октября 2019 года.

11. Шустов Дмитрий Анатольевич, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4045, с 30 сентября 2019 года.

3. Учреждены коллегии адвокатов (ст. 22 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»):

1. Коллегия адвокатов города Москвы «Кодекс», регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/1-807, с 25 сентября 2019 года.

2. Коллегия адвокатов города Москвы «Перспектива», регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/1-808, с 20 июня 2019 года.

4. Ликвидирована коллегия адвокатов (ст. 22 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»):

Коллегия адвокатов «Защитник», регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/1-314, с 19 сентября 2019 года.

5. Учреждены адвокатские бюро (ст. 23 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»):

1. Адвокатское бюро «Авангард», г. Москва, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/2-410, с 19 сентября 2019 года.

2. Адвокатское бюро города Москвы «Продвижение», регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/2-411, с 10 октября 2019 года.

Президент
Адвокатской палаты города Москвы

И.А. Поляков

АДВОКАТСКАЯ ПАЛАТА города Москвы

СОВЕТ

РЕШЕНИЕ

г. Москва

№ 181

30 октября 2019 года

О награждении адвокатов

1. Совет Адвокатской палаты города Москвы, рассмотрев и обсудив представленные адвокатскими образованиями города Москвы ходатайства о награждении адвокатов, представление вице-президента Ключвганта В.В., решил наградить

Почетной грамотой Адвокатской палаты города Москвы

Агееву Марию Сергеевну, регистрационный номер 77/9142 в реестре адвокатов города Москвы, адвоката Московской городской коллегии адвокатов,

Почетным дипломом Адвокатской палаты города Москвы

Моткову Евгению Александровну, руководителя отдела по связям с общественностью Адвокатской палаты города Москвы, за активное участие в создании позитивного образа Адвокатской палаты города Москвы и завоевание I места в номинации «Лучший сайт Адвокатской палаты» проекта Best Law Firm Website по решению специального жюри Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации.

2. Совет Адвокатской палаты города Москвы, рассмотрев и обсудив представление Коллегии адвокатов «Московская городская коллегия адвокатов», решил

в Книгу почета московской адвокатуры

занести имя Клейменовой Зои Израилевны, регистрационный номер 77/6542 в реестре адвокатов города Москвы, адвоката Коллегии адвокатов «Московская городская коллегия адвокатов»,

Присвоить звание «Заслуженный адвокат Адвокатской палаты города Москвы»

Бурмистрову Михаилу Васильевичу, регистрационный номер 77/1265 в реестре адвокатов города Москвы, адвокату Московской городской коллегии адвокатов,

Присвоить звание «Ветеран московской адвокатуры»

1. Анахову Александру Дмитриевичу, регистрационный номер 77/4681 в реестре адвокатов города Москвы, адвокату Московской городской коллегии адвокатов;
2. Борисовой Марине Михайловне, регистрационный номер 77/6352 в реестре адвокатов города Москвы, адвокату Московской городской коллегии адвокатов;
3. Восканян Миките Михайловичу, регистрационный номер 77/5394 в реестре адвокатов города Москвы, адвокату Московской городской коллегии адвокатов;
4. Змойро Андрею Борисовичу, регистрационный номер 77/6195 в реестре адвокатов города Москвы, адвокату Московской городской коллегии адвокатов;
5. Кащенко Марине Вячеславовне, регистрационный номер 77/5606 в реестре адвокатов города Москвы, адвокату Московской городской коллегии адвокатов;
6. Кошкину Максиму Георгиевичу, регистрационный номер 77/5612 в реестре адвокатов города Москвы, адвокату Московской городской коллегии адвокатов;
7. Макееву Владимиру Валентиновичу, регистрационный номер 77/6296 в реестре адвокатов города Москвы, адвокату Московской городской коллегии адвокатов;
8. Матвеевской Зое Александровне, регистрационный номер 77/3510 в реестре адвокатов города Москвы, адвокату Московской городской коллегии адвокатов;
9. Мойсеевой Елене Леонидовне, регистрационный номер 77/4752 в реестре адвокатов города Москвы, адвокату Московской городской коллегии адвокатов;
10. Молдованцеву Дмитрию Николаевичу, регистрационный номер 77/3815 в реестре адвокатов города Москвы, адвокату Московской городской коллегии адвокатов;
11. Москаленко Каринне Акоповне, регистрационный номер 77/4728 в реестре адвокатов города Москвы, адвокату Московской городской коллегии адвокатов;
12. Нахимовой Елене Владимировне, регистрационный номер 77/1185 в реестре адвокатов города Москвы, адвокату Московской городской коллегии адвокатов;
13. Орешкину Сергею Ивановичу, регистрационный номер 77/142 в реестре адвокатов города Москвы, адвокату Московской городской коллегии адвокатов;
14. Слетовой Елене Васильевне, регистрационный номер 77/2692 в реестре адвокатов города Москвы, адвокату Московской городской коллегии адвокатов;
15. Степановой Ольге Анатольевне, регистрационный номер 77/6010 в реестре адвокатов города Москвы, адвокату Московской городской коллегии адвокатов;
16. Сухановой Светлане Мироновне, регистрационный номер 77/3534 в реестре адвокатов города Москвы, адвокату Московской городской коллегии адвокатов;
17. Таратута Марине Владимировне, регистрационный номер 77/5812 в реестре адвокатов города Москвы, адвокату Московской городской коллегии адвокатов.

3. Совет Адвокатской палаты города Москвы, рассмотрев и обсудив представленные адвокатскими образованиями города Москвы ходатайства о награждении адвокатов, решил обратиться с ходатайством о награждении наградами Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации.

К награждению представлены:

медалью «За заслуги в защите прав и свобод граждан» I степени:

1. Балтаева Фания Мухаматдиновна, регистрационный номер 77/6648 в реестре адвокатов города Москвы, адвокат Московской городской коллегии адвокатов;

2. Красновский Григорий Николаевич, регистрационный номер 77/3982 в реестре адвокатов города Москвы, адвокат Коллегии адвокатов г. Москвы «Г.Н. Красновский и партнеры»;

медалью «За заслуги в защите прав и свобод граждан» II степени:

1. Лифшиц Илья Михайлович, регистрационный номер 77/5789 в реестре адвокатов города Москвы, адвокат Адвокатского бюро «ЭДАС» (г. Москва);

2. Еремеев Виктор Николаевич, регистрационный номер 77/12670 в реестре адвокатов города Москвы, адвокат Московской городской коллегии адвокатов;

3. Илатовских Любовь Васильевна, регистрационный номер 77/13686 в реестре адвокатов города Москвы, адвокат Московской городской коллегии адвокатов;

4. Полетыкин Геннадий Яковлевич, регистрационный номер 77/10538 в реестре адвокатов города Москвы, адвокат Московской городской коллегии адвокатов;

5. Макарова Елена Викторовна, регистрационный номер 77/4253 в реестре адвокатов города Москвы, адвокат Межреспубликанской коллегии адвокатов (г. Москва).

Президент
Адвокатской палаты города Москвы

И.А. Поляков

АДВОКАТСКАЯ ПАЛАТА города Москвы

СОВЕТ

РЕШЕНИЕ

г. Москва

№ 201

26 ноября 2019 года

Об исполнении ст. ст. 7, 15, 16, 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»

1. В соответствии с п. 5 ст. 15 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» **приняты** в члены Адвокатской палаты города Москвы:

1. Абакаров Мурад Гаджимурадович
2. Абдурахманов Муса Русланович
3. Адаменко Дантес Артурович
4. Алексеев Андрей Георгиевич
5. Баев Михаил Борисович
6. Бочарова Юлия Владимировна
7. Валиев Арслан Саидович
8. Власов Михаил Андреевич
9. Войнова Яна Андреевна
10. Глазунов Сергей Владимирович
11. Гопанюк Антон Владимирович
12. Горячев Игорь Иванович
13. Дептицкий Сергей Евстафьевич
14. Деренский Дмитрий Васильевич
15. Дребезов Максим Вадимович
16. Дрозд Вячеслав Михайлович
17. Душаева Анастасия Александровна
18. Захарченко Надежда Валентиновна
19. Игнатъев Сергей Васильевич
20. Кожухаренко Наталья Анатольевна
21. Крылов Максим Анатольевич
22. Курбанова Саидат Магомедсайгидовна
23. Маментьев Кирилл Валерьевич
24. Мурадов Арам Хачатурович
25. Мурасова Елена Владимировна
26. Некрасова Анастасия Николаевна

27. Непомнящий Евгений Викторович
28. Сотникова Оксана Владимировна
29. Тарасова Елизавета Александровна
30. Чебан Ирина Николаевна
31. Черных Юрий Сергеевич
32. Шмелева Надежда Дмитриевна
33. Щербакова Ирина Александровна.

2. В соответствии с п. 5 ст. 15 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» исключена из членов Адвокатской палаты города Москвы:

Каматесова Людмила Леонидовна, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/12901, с 26 ноября 2019 года.

3. В соответствии с пп. 2 п. 1 ст. 16 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» **приостановили статус** адвоката:

1. Балтаева Фания Мухаматдиновна, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/6648, с 26 ноября 2019 года.

2. Вдовина Александра Владимировна, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/12868, с 26 ноября 2019 года.

3. Гарина Ирина Борисовна, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/2929, с 26 ноября 2019 года.

4. Еременко Дмитрий Витальевич, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/5985, с 26 ноября 2019 года.

5. Замогильнова Ирина Игоревна, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/13849, с 26 ноября 2019 года.

6. Зотова Екатерина Сергеевна, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/2387, с 26 ноября 2019 года.

7. Иванов Андрей Викторович, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/5324, с 26 ноября 2019 года.

8. Калашникова Лариса Александровна, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/3129, с 01 декабря 2019 года.

9. Кожуховский Юрий Владиславович, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/13650, с 26 ноября 2019 года.

10. Лейнсоо Татьяна Николаевна, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/10706, с 26 ноября 2019 года.

11. Маркин Андрей Николаевич, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/7271, с 26 ноября 2019 года.

12. Осемян Артур Магмадович, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/10257, с 26 ноября 2019 года.

13. Охрименко Елена Андреевна, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/13472, с 26 ноября 2019 года.

14. Суворов Василий Георгиевич, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/11494, с 26 ноября 2019 года.

15. Шалаев Андрей Владимирович, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/8264, с 26 ноября 2019 года.

16. Хозяинов Артем Александрович, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/9936, с 26 ноября 2019 года.

4. В соответствии с пп. 1 п. 1 ст. 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» **прекратили статус** адвоката:

1. Будников Виктор Александрович, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/3841, с 26 ноября 2019 года.
2. Герасимова Ольга Владимировна, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/6730, с 01 декабря 2019 года.
3. Корнеев Михаил Михайлович, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/2776, с 26 ноября 2019 года.
4. Маликова Лидия Валентиновна, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/608, с 26 ноября 2019 года.
5. Минкина Елена Юрьевна, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/7219, с 26 ноября 2019 года.
6. Ступкина Надежда Николаевна, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/6900, с 01 декабря 2019 года.
7. Шахунянц Евгений Александрович, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/5345, с 26 ноября 2019 года.
8. Яворский Ярослав Иосифович, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/2737, с 26 ноября 2019 года.

5. В соответствии с пп. 3 п. 1 ст. 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» **прекращен статус** адвокатов:

1. Крюченкова Светлана Ильинична, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/1439, с 12 ноября 2019 года.
2. Фролов Игорь Викторович, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/2791, с 01 августа 2019 года.

6. В соответствии с п. 5 ст. 16 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» **возобновили статус** адвоката:

1. Голованов Владимир Юрьевич, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/167, с 01 февраля 2019 года.
2. Крохин Андрей Николаевич, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/6122, с 26 ноября 2019 года.
3. Лаптева Кристина Александровна, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/12216, с 26 ноября 2019 года.
4. Сахнина Ольга Евгеньевна, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/10483, с 26 ноября 2019 года.

7. В соответствии с п. 15 Решения Семнадцатой ежегодной конференции адвокатов города Москвы от 08 февраля 2019 года освободить от уплаты ежемесячных обязательных отчислений на нужды Адвокатской палаты города Москвы адвоката:

– в связи с нахождением в отпуске по беременности и родам:

Якушко Наталью Юрьевну, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/13769, с 08 ноября 2019 года по 26 марта 2020 года.

Президент
Адвокатской палаты города Москвы

И.А. Поляков

АДВОКАТСКАЯ ПАЛАТА города Москвы

СОВЕТ

РЕШЕНИЕ

г. Москва

№ 202

26 ноября 2019 года

Об исполнении пп. 18 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»

Заслушав доклад Вице-президента Адвокатской палаты города Москвы Кипниса Н.М., Совет Адвокатской палаты города Москвы, руководствуясь пп. 18 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»,

РЕШИЛ:

Внести изменения в реестр адвокатских образований и их филиалов на территории города Москвы:

1. Учреждены адвокатские кабинеты (ст. 21 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»):

1. Барышников Иван Александрович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-3376, с 30 октября 2019 года.

2. Борисова Александра Борисовна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-2042, с 11 ноября 2019 года.

3. Буланов Алексей Сергеевич, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4124, с 01 ноября 2019 года.

4. Дублина Валентина Ивановна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4125, с 31 октября 2019 года.

5. Захарьев Вадим Алиметович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-3006, с 12 ноября 2019 года.

6. Кац Елена Шаевна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-2012, с 01 ноября 2019 года.

7. Качмазов Георгий Эльбрусович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4118, с 01 ноября 2019 года.

8. Кизиков Сергей Евгеньевич, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4119, с 01 ноября 2019 года.

9. Кручин Евгений Викторович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4126, с 01 ноября 2019 года.

10. Куликов Павел Викторович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4127, с 14 ноября 2019 года.

11. Малая Ирина Владимировна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4128, с 31 октября 2019 года.

12. Манохин Станислав Вячеславович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4129, с 07 ноября 2019 года.

13. Махов Роман Валерьевич, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4130, с 05 ноября 2019 года.

14. Монахова Елена Владимировна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4131, с 11 ноября 2019 года.

15. Поликарпов Андрей Викторович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4120, с 30 октября 2019 года.

16. Полушина Екатерина Борисовна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4132, с 30 октября 2019 года.

17. Редкина Татьяна Сергеевна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-1976, с 19 ноября 2019 года.

18. Самохоткин Матвей Александрович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-1627, с 18 ноября 2019 года.

19. Спевак Константин Викторович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4121, с 30 октября 2019 года.

20. Терехов Дмитрий Евгеньевич, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4122, с 05 ноября 2019 года.

21. Уткина Наталья Германовна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-2517, с 19 ноября 2019 года.

22. Хорст Дмитрий Игоревич, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4123, с 06 ноября 2019 года.

2. Ликвидированы адвокатские кабинеты (ст. 21 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»):

1. Астапов Максим Сергеевич, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-2498, с 01 ноября 2019 года.

2. Беляев Сергей Михайлович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4101, с 01 декабря 2019 года.

3. Герасимова Ольга Владимировна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-1424, с 01 декабря 2019 года.

4. Горленко Андрей Андреевич, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-3225, с 15 сентября 2019 года.

5. Даничкина Евгения Борисовна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-2533, с 31 октября 2019 года.

6. Еременко Дмитрий Витальевич, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-2214, с 26 ноября 2019 года.

7. Зотова Екатерина Сергеевна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-3242, с 26 ноября 2019 года.

8. Иванов Андрей Викторович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-3336, с 26 ноября 2019 года.

9. Кондрашин Николай Николаевич, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-2664, с 26 ноября 2019 года.

10. Крыжановская Оксана Анатольевна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-3891, с 01 ноября 2019 года.

11. Лейнсоо Татьяна Николаевна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-3716, с 26 ноября 2019 года.

12. Леманн Александр Александрович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-2225, с 10 ноября 2019 года.

13. Морозова Дарья Константиновна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-3032, с 01 ноября 2019 года.

14. Ступкина Надежда Николаевна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-2593, с 01 декабря 2019 года.

15. Тукан Леонид Николаевич, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-2818, с 30 октября 2019 года.

16. Фролов Игорь Викторович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-3458, с 01 августа 2019 года.

3. Учреждены коллегии адвокатов (ст. 22 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»):

1. Московская городская коллегия адвокатов «Вектор», регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/1-809, с 18 сентября 2019 года.

2. Филиал Коллегии адвокатов Волгоградской области «Легион» в г. Москве, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/1-810, с 07 октября 2019 года.

3. Московская коллегия адвокатов «Защитники», регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/1-811, с 02 августа 2019 года.

4. Московская коллегия адвокатов «Столичная юридическая компания», регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/1-812, с 15 октября 2019 года.

4. Ликвидированы коллегии адвокатов (ст. 22 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»):

1. Московская коллегия адвокатов «Кац, Юшкова и партнеры», регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/1-769, с 13 августа 2019 года.

2. Коллегия адвокатов г. Москвы «Юрист-Групп», регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/1-628, с 26 ноября 2019 года.

3. Коллегия адвокатов г. Москвы «Куликовы и партнеры», регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/1-679, с 12 ноября 2019 года.

5. Учреждено адвокатское бюро (ст. 23 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»):

Московский филиал Адвокатского бюро «Прайм Эдвайс» (г. Санкт-Петербург), регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/2-411, с 25 сентября 2019 года.

6. Ликвидировано адвокатское бюро (ст. 23 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»):

Адвокатское бюро г. Москвы «Гриб и партнеры», регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/2-264, с 11 ноября 2019 года.

Президент
Адвокатской палаты города Москвы

И.А. Поляков

АДВОКАТСКАЯ ПАЛАТА города Москвы

СОВЕТ

РЕШЕНИЕ

г. Москва

№ 203

26 ноября 2019 года

О награждении адвокатов

1. Совет Адвокатской палаты города Москвы, рассмотрев и обсудив представленные адвокатскими образованиями города Москвы ходатайства о награждении адвокатов, решил:

наградить Почетной грамотой Адвокатской палаты города Москвы

1. Елияна Самвела Робертовича, регистрационный номер 77/8424 в реестре адвокатов города Москвы, адвоката Коллегии адвокатов г. Москвы «Межтерриториальная»;

2. Колесникову Анжелу Вячеславовну, регистрационный номер 77/8107 в реестре адвокатов города Москвы, адвоката Коллегии адвокатов г. Москвы «Межтерриториальная»;

3. Маршани Тимура Захаровича, регистрационный номер 77/10788 в реестре адвокатов города Москвы, адвоката Коллегии адвокатов г. Москвы «Межтерриториальная»;

4. Мищенко Сергея Вячеславовича, регистрационный номер 77/2326 в реестре адвокатов города Москвы, адвоката Коллегии адвокатов г. Москвы «Межтерриториальная».

2. Совет Адвокатской палаты города Москвы, рассмотрев и обсудив представление Коллегии адвокатов «Московская городская коллегия адвокатов», решил:

присвоить звание «Ветеран московской адвокатуры»

1. Антоновой Марии Михайловне, регистрационный номер 77/5724 в реестре адвокатов города Москвы, адвокату Московской городской коллегии адвокатов;

2. Игнатенко Андрею Николаевичу, регистрационный номер 77/5491 в реестре адвокатов города Москвы, адвокату Московской городской коллегии адвокатов;

3. Куренной Татьяне Николаевне, регистрационный номер 77/6185 в реестре адвокатов города Москвы, адвокату Московской городской коллегии адвокатов;

4. Павловой Ларисе Октябристовне, регистрационный номер 77/3538 в реестре адвокатов города Москвы, адвокату Московской городской коллегии адвокатов;

5. Таубкиной Галине Валерьевне, регистрационный номер 77/5810 в реестре адвокатов города Москвы, адвокату Московской городской коллегии адвокатов;

6. Хускивадзе Ольге Чичиковне, регистрационный номер 77/5614 в реестре адвокатов города Москвы, адвокату Московской городской коллегии адвокатов.

3. Совет Адвокатской палаты города Москвы, рассмотрев и обсудив представленные адвокатскими образованиями города Москвы ходатайства о награждении адвокатов и представление вице-президента Клювганта В.В., решил обратиться с ходатайством о награждении наградами Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации.

К награждению представлены:

орденом «За верность адвокатскому долгу»

Агарков Виталий Михайлович, регистрационный номер 77/4191 в реестре адвокатов города Москвы, адвокат Межреспубликанской коллегии адвокатов (г. Москва);

медалью «За заслуги в защите прав и свобод граждан» II степени

Твердов Юрий Михайлович, регистрационный номер 77/10646 в реестре адвокатов города Москвы, адвокатский кабинет.

Президент
Адвокатской палаты города Москвы

И.А. Поляков

АДВОКАТСКАЯ ПАЛАТА города Москвы

СОВЕТ

РЕШЕНИЕ

г. Москва

№ 228

18 декабря 2019 года

Об исполнении ст. ст. 7, 15, 16, 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»

1. В соответствии с п. 5 ст. 15 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» **приняты** в члены Адвокатской палаты города Москвы:

1. Абалаков Роман Александрович
2. Айдемиров Гаджикерим Магомедович
3. Алекберова Тамила Низамиевна
4. Бакай Иван Павлович
5. Баязитов Рушан Ряшидович
6. Белова Маргарита Валерьевна
7. Воронин Сергей Анатольевич
8. Галустов Шалва Михайлович
9. Голец Евгения Сергеевна
10. Горбунова Светлана Николаевна
11. Деренская Екатерина Станиславовна
12. Истомина Анна Владимировна
13. Калашникова Анна Сергеевна
14. Кожевников Иван Николаевич
15. Колосов Константин Владиславович
16. Лукин Евгений Евгеньевич
17. Маржохов Анзор Михайлович
18. Меланин Сергей Леонидович
19. Першина Наталья Николаевна
20. Сабинин Михаил Николаевич
21. Сизова Марина Олеговна
22. Сорбат Евгений Владимирович
23. Спирин Дмитрий Александрович
24. Тихомиров Алексей Сергеевич
25. Филимонов Игорь Станиславович
26. Шевякова Наталья Александровна
27. Юшкова Екатерина Владимировна.

2. В соответствии с п. 5 ст. 15 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» исключена из членов Адвокатской палаты города Москвы:

Шалова Ольга Васильевна, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/9601, с 18 декабря 2019 года.

3. В соответствии с пп. 2 п. 1 ст. 16 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» **приостановили статус** адвоката:

1. Андрушин Юрий Васильевич, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/5825, с 18 декабря 2019 года.

2. Бакнин Андрей Николаевич, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/1160, с 18 декабря 2019 года.

3. Козлов Александр Олегович, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/9090, с 18 декабря 2019 года.

4. Левина Ирина Александровна, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/12820, с 18 декабря 2019 года.

5. Стельмах Ирина Борисовна, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/11036, с 01 января 2020 года.

6. Теплякова Яна Юрьевна, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/11345, с 18 декабря 2019 года.

7. Титков Антон Андреевич, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/9737, с 18 декабря 2019 года.

8. Хабибуллин Рафаил Гаясович, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/7815, с 01 января 2020 года.

9. Ясенков Александр Николаевич, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/12452, с 18 декабря 2019 года.

4. В соответствии с пп. 1 п. 1 ст. 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» **прекратили статус** адвоката:

1. Баженов Сергей Михайлович, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/6356, с 31 декабря 2019 года.

2. Должикова Инга Ремовна, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/2577, с 31 декабря 2019 года.

3. Иванов Александр Вячеславович, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/9483, с 18 декабря 2019 года.

4. Меньшенин Павел Александрович, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/13107, с 18 декабря 2019 года.

5. Петрухина Надежда Петровна, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/3793, с 27 декабря 2019 года.

6. Рекун Юрий Алексеевич, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/2122, с 18 декабря 2019 года.

7. Сергеева Людмила Александровна, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/6571, с 27 декабря 2019 года.

8. Туйчиева Зарема Аскеровна, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/7394, с 18 декабря 2019 года.

9. Ухорский Павел Иванович, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/1782, с 01 января 2020 года.

10. Форсов Александр Валентинович, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/7712, с 31 декабря 2019 года.

11. Фуражкина Наталья Сергеевна, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/323, с 18 декабря 2019 года.

12. Хасаев Артур Магдыевич, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/10178, с 01 декабря 2019 года.

13. Швидкий Юрий Николаевич, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/11731, с 18 декабря 2019 года.

5. В соответствии с пп. 3 п. 1 ст. 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» **прекращен статус** адвокатов:

1. Ермаков Юрий Юрьевич, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/9984, с 25 ноября 2019 года.

2. Задорожный Владимир Дмитриевич, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/3161, с 29 марта 2015 года.

3. Разумовский Дмитрий Юрьевич, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/837, с 28 ноября 2019 года.

6. В соответствии с п. 5 ст. 16 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» **возобновили статус** адвоката:

1. Акавов Арслан Алимпашев, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/12157, с 09 декабря 2019 года.

2. Буянова Лидия Алексеевна, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/5521, с 09 января 2020 года.

3. Дукальский Владимир Станиславович, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/5445, с 06 января 2020 года.

4. Лапо Валерий Анатольевич, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/7998, с 15 января 2020 года.

5. Малкандуев Сафарбий Тахирович, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/10515, с 18 декабря 2019 года.

6. Никулина Евгения Павловна, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/8796, с 18 декабря 2019 года.

7. В соответствии с п. 15 Решения Семнадцатой ежегодной конференции адвокатов города Москвы от 08 февраля 2019 года освободить от уплаты ежемесячных обязательных отчислений на нужды Адвокатской палаты города Москвы адвокатов в связи с нахождением в отпуске по беременности и родам:

1. Брынскую Татьяну Михайловну, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/10429, с 06 мая 2019 года по 08 октября 2019 года.

2. Проценко Кристину Александровну, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/7514, с 01 сентября 2019 года по 10 января 2020 года.

Президент
Адвокатской палаты города Москвы

И.А. Поляков

АДВОКАТСКАЯ ПАЛАТА города Москвы

СОВЕТ

РЕШЕНИЕ

г. Москва

№ 229

18 декабря 2019 года

Об исполнении пп. 18 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»

Заслушав доклад Вице-президента Адвокатской палаты города Москвы Кипниса Н.М., Совет Адвокатской палаты города Москвы, руководствуясь пп. 18 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»,

РЕШИЛ:

Внести изменения в реестр адвокатских образований и их филиалов на территории города Москвы:

1. Учреждены адвокатские кабинеты (ст. 21 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»):

1. Агеева Елена Викторовна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4135, с 06 декабря 2019 года.

2. Владимирова Татьяна Витальевна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4136, с 12 декабря 2019 года.

3. Гордейчик Алексей Владимирович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-3946, с 30 октября 2019 года.

4. Питиримов Дмитрий Игоревич, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4137, с 09 декабря 2019 года.

5. Пугленков Владислав Владимирович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4138, с 10 декабря 2019 года.

6. Сахнина Ольга Евгеньевна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4133, с 27 ноября 2019 года.

7. Смирнова Елена Александровна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4143, с 17 декабря 2019 года.

8. Сохийев Дмитрий Витальевич, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4139, с 15 ноября 2019 года.

9. Сурков Вячеслав Михайлович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4134, с 15 ноября 2019 года.

10. Толстых Анна Георгиевна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4140, с 02 декабря 2019 года.

11. Тюхай Вадим Владимирович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4141, с 10 декабря 2019 года.

12. Урусова Елена Геннадиевна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4142, с 20 ноября 2019 года.

2. Ликвидированы адвокатские кабинеты (ст. 21 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»):

1. Башинский Сергей Викторович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-1950, с 26 ноября 2019 года.

2. Должикова Инга Ремовна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-3842, с 31 декабря 2019 года.

3. Подъяблонский Игорь Валентинович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-3979, с 31 декабря 2019 года.

4. Разумовский Дмитрий Юрьевич, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-1901, с 28 ноября 2019 года.

5. Теплякова Яна Юрьевна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4086, с 18 декабря 2019 года.

6. Форсов Александр Валентинович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-844, с 31 декабря 2019 года.

7. Фуражкина Наталья Сергеевна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-848, с 18 декабря 2019 года.

8. Хабибуллин Рафаил Гаясович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-2330, с 01 января 2020 года.

9. Шиняков Сергей Сергеевич, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-3870, с 28 октября 2019 года.

10. Шинякова Елена Валерьевна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-3829, с 28 октября 2019 года.

3. Учреждены коллегии адвокатов (ст. 22 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»):

1. Московская городская межотраслевая коллегия адвокатов, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/1-813, с 16 октября 2019 года.

2. «Ассоциация адвокатов Москвы», филиал Ростовской областной коллегии адвокатов «ФЕРТО», регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/1-814, с 11 ноября 2019 года.

3. Московская городская коллегия адвокатов «ВРЕМЯ ЗАЩИТЫ», регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/1-815, с 21 октября 2019 года.

4. Московский филиал Армавирской городской коллегии адвокатов «Правовая защита», регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/1-816, с 06 августа 2019 года.

5. Московская городская коллегия адвокатов «Интеллект Защита», регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/1-817, с 28 октября 2019 года.

6. Межрегиональная коллегия адвокатов г. Москвы (ОГРН 1057746500360. ИНН 7718542330), регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/1-818, с 24 марта 2005 года.

4. Учреждено адвокатское бюро (ст. 23 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»):

Адвокатское бюро города Москвы «Калачян, Ильдуганов и партнеры», регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/2-413, с 11 ноября 2019 года.

Президент
Адвокатской палаты города Москвы

И.А. Поляков

АДВОКАТСКАЯ ПАЛАТА города Москвы

СОВЕТ

РЕШЕНИЕ

г. Москва

№ 230

18 декабря 2019 года

О награждении адвокатов

1. Совет Адвокатской палаты города Москвы, рассмотрев и обсудив представленные адвокатскими образованиями города Москвы ходатайства о награждении адвокатов, решил:

наградить «Почетной грамотой Адвокатской палаты города Москвы»

1. Власову Ксению Борисовну, регистрационный номер 77/10132 в реестре адвокатов города Москвы, адвоката «Московской коллегии адвокатов “Юлова и партнеры”»;

2. Герасимова Дениса Васильевича, регистрационный номер 77/12855 в реестре адвокатов города Москвы, адвоката «Московской Межрайонной коллегии адвокатов»;

3. Ловкову Елену Викторовну, регистрационный номер 77/11142 в реестре адвокатов города Москвы, адвоката «Коллегии адвокатов г. Москвы “Комаев и партнеры”»;

4. Пендюрина Михаила Алексеевича, регистрационный номер 77/11122 в реестре адвокатов города Москвы, адвоката «Московской коллегии адвокатов “Юлова и партнеры”»;

5. Передельскую Яну Валерьевну, регистрационный номер 77/10700 в реестре адвокатов города Москвы, адвоката «Московской Межрайонной коллегии адвокатов».

2. Совет Адвокатской палаты города Москвы, рассмотрев и обсудив представленные адвокатскими образованиями города Москвы ходатайства о награждении адвокатов, решил обратиться с ходатайством о награждении наградами Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации.

К награждению представлены:

медалью «За заслуги в защите прав и свобод граждан» II степени:

1. Кеврель Альфред Станиславович, регистрационный номер 77/1664 в реестре адвокатов города Москвы, адвокат «Коллегии адвокатов г. Москвы “Г.Н. Красновский и Партнеры”»;

2. Юлова Елена Геннадиевна, регистрационный номер 77/2912 в реестре адвокатов города Москвы, адвокат «Московской коллегии адвокатов “Юлова и партнеры”».

**Почетной грамотой Федеральной палаты адвокатов
Российской Федерации**

Малышева Елена Вячеславовна, регистрационный номер 77/4550 в реестре адвокатов города Москвы, адвокат «Московской Межрайонной коллегии адвокатов».

Президент
Адвокатской палаты города Москвы

И.А. Поляков

Адвокатское сообщество

ПОЗДРАВЛЯЕМ!

Приняли присягу и получили статус адвоката

30 октября 2019 года

1. Абашина Екатерина Викторовна
2. Гландин Сергей Викторович
3. Зарванская Ирина Игоревна
4. Кипкеев Станислав Хызырович
5. Коротеева Ксения Владимировна
6. Попов Александр Геннадьевич
7. Пфейфер Елена Геннадьевна
8. Раховская Кира Валерьевна
9. Сивцов Кирилл Юрьевич
10. Тутрин Евгений Николаевич

Приняли присягу и получили статус адвоката

26 ноября 2019 года

1. Дякин Сергей Андреевич
2. Зисин Александр Михайлович
3. Иваненко Иван Михайлович
4. Кеббул Мария Ламриевна
5. Кузьминский Владимир Игоревич
6. Купко Сергей Валентинович
7. Неофитов Алексей Анатольевич
8. Родионова Алина Александровна
9. Фадеев Кирилл Владимирович
10. Фаздалов Ризван Рустемович
11. Факич Денис Энверович
12. Хандримайло Виктория Александровна
13. Хухорев Сергей Владимирович
14. Чекина Павел Сергеевич
15. Шагалов Филипп Григорьевич

Приняли присягу и получили статус адвоката

18 декабря 2019 года

1. Бордуков Александр Андреевич
2. Бутенко Роман Николаевич
3. Вишняков Сергей Васильевич
4. Горячев Дмитрий Юрьевич
5. Евмененко Феликс Дмитриевич
6. Кунова Анжелика Васильевна
7. Машковцев Андрей Александрович
8. Нечипоренко Наталья
9. Ованесова Кира Рубеновна
10. Пирумова Виктория Эдуардовна
11. Портных Илона Борисовна
12. Смирнов Илья Олегович
13. Соболев Игорь Евгеньевич
14. Стрелкова Юлия Владимировна
15. Толстых Андрей Васильевич
16. Шейкин Олег Игоревич

Обзор дисциплинарной практики

1. Дисциплинарные производства по жалобам на ненадлежащее исполнение адвокатами обязанностей перед доверителями, а также по вопросам «двойной защиты» и вступления адвокатов в уголовные дела в качестве защитников по назначению в нарушение установленного порядка

1.1. За допущенные нарушения, выразившиеся в неподаче апелляционных жалоб на постановления суда о продлении срока содержания под стражей его подзащитному и в незнакомлении с протоколом судебного заседания, к адвокату применена мера дисциплинарной ответственности в виде предупреждения.

Совет Адвокатской палаты города Москвы... рассмотрел с участием представителя заявителя А., адвоката С., адвоката Г., в закрытом заседании дисциплинарное производство, возбужденное по жалобе А. от 12 мая 2019 г. ... в отношении адвоката Г.

В соответствии с Заключением Квалификационной комиссии от 25 сентября 2019 г. адвокатом Г. допущено неисполнение, вопреки предписаниям подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката во взаимосвязи с п. 4 ст. 13 Кодекса профессиональной этики адвоката, своих профессиональных обязанностей перед доверителем А. при осуществлении его защиты в Т. районном суде города Москвы по уголовному делу... выразившееся: (1) в неподаче апелляционной жалобы на постановление Т. районного суда города Москвы от 30 августа 2018 г. о продлении А. срока содержания под стражей; (2) в неподаче апелляционной жалобы на постановление Т. районного суда города Москвы от 12 декабря 2018 г. о продлении А. срока содержания под стражей; (3) в неподаче

апелляционной жалобы на приговор Т. районного суда города Москвы от 5 марта 2019 г.; (4) в незнакомлении с протоколом судебного заседания Т. районного суда города Москвы по уголовному делу...

Одновременно с этим Комиссия в своем Заключении пришла к выводам о необходимости прекращения дисциплинарного производства в части дисциплинарных обвинений в том, что адвокат Г.: 1) не посещала А. в ФКУ СИЗО... УФСИН России по городу Москве; 2) не согласовывала с ним правовую позицию по делу; 3) не предлагала способы и варианты защиты по уголовному делу, не консультировала его и не разъясняла ему нормы материального и процессуального права; 4) не оказывала ему помощь в ознакомлении с материалами уголовного дела, в написании ходатайств, жалоб и иных процессуальных документов; 5) не обжаловала другие решения суда, нарушающие его права и законные интересы; 6) не знакомилась с материалами уголовного дела либо делала это формально; 7) не подавала замечания на протокол судебного заседания; 8) не предприняла каких-либо действий по собиранию и представ-

лению необходимых для его защиты документов, в том числе с помощью заявлений ходатайств, направлению адвокатских запросов и т.д.; 9) не производила необходимых действий для реализации правовой позиции по делу вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Адвокат Г. в заседании Совета заявила о получении ею Заключения Квалификационной комиссии в установленный срок, ознакомлении с ним. Изначально заявила о своем полном несогласии с выводами Заключения Квалификационной комиссии в части установления в ее действиях дисциплинарных нарушений, объясняя это тем, что все действия и бездействие были ею согласованы с ее подзащитным А. Однако в ходе заседания Совета адвокат Г. изменила свою точку зрения, полностью согласившись с выводами Заключения Квалификационной комиссии.

Представитель заявителя А., адвокат С., в заседании Совета также подтвердила своевременность получения Заключения Квалификационной комиссии и ознакомление с ним. Полностью согласившись с выводами, изложенными в Заключении Квалификационной комиссии, высказала мнение о том, что установленные в Заключении Комиссии в действиях адвоката Г. дисциплинарные нарушения несовместимы со статусом адвоката.

Рассмотрев Заключение Квалификационной комиссии и материалы дисциплинарного производства, заслушав явившихся участников, Совет в полном объеме соглашается с выводами Комиссии в связи с их законностью, обоснованностью и мотивированностью.

Совет признает, что Квалификационной комиссией на основании достаточной совокупности достоверных доказательств, позволяющей считать презумпцию добросовестности адвоката опровергнутой, а вину доказанной, установлены факты неисполнения адвокатом Г. своих профессиональных обязанностей перед доверителем А. при осуществлении его защиты в Т. районном суде города Москвы по уголовному делу... выразившиеся (1) в неподаче апелляционной жалобы на постановление Т. районного суда города Москвы от 30 августа 2018 г. о продлении А. срока содержания под стражей, (2) в неподаче апелляционной жалобы на постановление Т. районного суда города Москвы от 12 декабря 2018 г. о продлении А. срока содержания под стражей, (3) в неподаче апелляционной жалобы на приговор Т. районного суда города Москвы от 5 марта 2019 г., (4) в неознакомлении с протоколом судебного заседания Т. районного суда города Москвы по уголовному делу...

Квалификационной комиссией в Заключении обоснованно сделан вывод о том, что адвокат Г., не обжаловав постановления Т. районного суда города Москвы от 30 августа и 12 декабря 2018 г., которыми подсудимому А. продлевался срок содержания под стражей, а также приговор Т. районного суда города Москвы от 5 марта 2019 г., проигнорировала требования п. 9 Стандарта осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве (принят VIII Всероссийским съездом адвокатов 20 апреля 2017 г., опубликован на официальном сайте Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации <http://fparf.ru>, а также в издании «Вестник Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации». 2017. № 2(57). С. 140–142), в соответствии с которыми адвокат по

просьбе подзащитного или по собственной инициативе, при наличии к тому оснований, обжалует его задержание, избрание ему меры пресечения, продление срока содержания под стражей или срока домашнего ареста, применение к подзащитному иных мер процессуального принуждения, другие решения и действия (бездействие), нарушающие права и законные интересы подзащитного.

В соответствии с подп. 2 и 3 п. 4 ст. 13 Кодекса профессиональной этики адвоката «адвокат-защитник обязан обжаловать приговор, если суд не разделил позицию адвоката-защитника, а также при наличии оснований к отмене или изменению приговора по благоприятным для подзащитного мотивам». «Отказ подзащитного от обжалования приговора фиксируется его письменным заявлением адвокату» (абз. 2 п. 4 ст. 13 Кодекса профессиональной этики адвоката). Вопрос о мере пресечения разрешается судом также и при постановлении приговора и является его составной нераздельной частью (п. 17 ч. 1 ст. 299 УПК РФ). Поэтому содержание подп. 3 п. 4 ст. 13 Кодекса профессиональной этики адвоката, с учетом обязанности адвоката разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно отстаивать права и законные интересы доверителя (подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката), распространяется не только на само процессуальное решение, приговор суда, но и на все другие вопросы, разрешаемые при его постановлении, а также на судебные решения по вопросу об избрании, изменении и продлении меры пресечения. Данная правовая позиция является устоявшейся в правоприменительной

практике Адвокатской палаты города Москвы и неоднократно публиковалась в «Вестнике Адвокатской палаты города Москвы» (см., например, «Вестник Адвокатской палаты города Москвы». 2012. Выпуск № 1–3).

Судебные заседания Т. районного суда города Москвы 30 августа и 12 декабря 2018 г., на которых судом были вынесены постановления о продлении А. срока содержания под стражей, проходили при участии защитника-адвоката Г.

Из протоколов судебного заседания Т. районного суда города Москвы от 30 августа и 12 декабря 2018 г. усматривается, что адвокат Г. поддержала позицию А., возражавшего против удовлетворения судом ходатайств о продлении ему (А.) срока содержания под стражей, ссылаясь на то, что личность А. документально установлена, он не намерен скрываться от суда, ранее не судим, имеет на иждивении ребенка.

Т. районный суд города Москвы ни 30 августа, ни 12 декабря 2018 г. позицию защитника-адвоката Г. не разделил, продлив А. срок содержания под стражей.

Однако апелляционные жалобы на постановления Т. районного суда города Москвы от 30 августа и 12 декабря 2018 г., которыми А. продлен срок содержания под стражей, адвокатом Г. не подавались.

Как видно из приговора Т. районного суда города Москвы от 5 марта 2019 г., подсудимый А. вину в предъявленном ему обвинении не признал.

5 марта 2019 г. по приговору Т. районного суда города Москвы А. был признан виновным в совершении преступлений, предусмотренных ч. 5 ст. 33, ч. 4 ст. 160, ч. 5 ст. 33, ст. 196 УК РФ, и ему назначено наказание в виде лишения свободы.

Адвокат Г. приговор Т. районного суда города Москвы от 5 марта 2019 г. не обжаловала.

Учитывая приведенные выше правовые положения, Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, признает, что адвокат Г. была обязана обжаловать постановления Т. районного суда города Москвы от 30 августа и 12 декабря 2018 г. о продлении А. срока содержания под стражей и приговор Т. районного суда города Москвы от 5 марта 2019 г., но не исполнила свои профессиональные обязанности перед доверителем А.

Совет признает несостоятельными доводы адвоката Г. о том, что постановления Т. районного суда города Москвы от 30 августа и 12 декабря 2018 г. о продлении А. срока содержания под стражей она не обжаловала, потому что А. сообщил, что сам решит, когда и что он будет обжаловать, а приговор Т. районного суда города Москвы от 5 марта 2019 г. не обжаловала, так как А. сообщил, что еще не решил, будет его обжаловать или нет, поскольку в силу приведенных выше правовых положений только фиксация письменным заявлением адвокату отказа подзащитного от обжалования судебного акта является доказательством обсуждения данного вопроса между ними и подтверждением отказа доверителя от реализации своего права.

Каких-либо письменных заявлений на имя адвоката Г. об отказе А. от юридической помощи по обжалованию указанных выше постановлений и приговора Т. районного суда города Москвы адвокатом Г. представлено не было. Более того, Квалификационная комиссия установила, что постановления Т. районного суда города Москвы от 30 августа и 12 декабря 2018 г., которыми подсудимому А. продлевался срок

содержания под стражей, а также приговор Т. районного суда города Москвы от 5 марта 2019 г. самостоятельно обжаловались А. в апелляционном порядке.

Совет также разделяет вывод Квалификационной комиссии о профессиональной упречности бездействия адвоката Г., отказавшейся от ознакомления с протоколом судебного заседания и от подачи на него замечаний, поскольку выполнение адвокатом этих действий является неотъемлемой частью исполнения обязанности, предусмотренной подп. 1 и 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката.

Согласно п. 10 Стандарта осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве защитник должен знакомиться с протоколами процессуальных действий, проводимых с его участием, на всех стадиях уголовного процесса и при необходимости приносить на них замечания.

Из протокола судебного заседания Т. районного суда города Москвы от 10 июля 2018 г. следует, что на вопрос председательствующего *«Вы ознакомлены с материалами уголовного дела? Вам необходимо ознакомиться с протоколом судебного заседания?»* адвокат Г. ответила: *«С материалами уголовного дела ознакомлена, с протоколом судебного заседания знакомиться в настоящее время не желаю»*.

Адвокат Г. никаких пояснений причин отказа от ознакомления с протоколом судебного заседания не представила. Ссылаясь на подачу заявлений об ознакомлении с протоколом судебного заседания в адрес Т. районного суда города Москвы, адвокат Г. никаких документов, подтверждающих этот довод, также не предоставила, из чего Комис-

сией сделан обоснованный вывод о том, что адвокатом такие заявления не подавались, и с протоколом судебного заседания она не знакомилась.

Неознакомление адвоката с протоколом судебного заседания, равно как и с другими материалами уголовного дела, исключает возможность добросовестного исполнения обязанности по оказанию квалифицированной юридической помощи и является нарушением минимальных требований, предъявляемых к деятельности адвоката, осуществляющего защиту по уголовному делу, установленных Стандартом осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве.

С учетом изложенного Квалификационная комиссия пришла к законному и обоснованному выводу о том, что адвокатом Г. не были исполнены надлежащим образом профессиональные обязанности перед доверителем А.

Совет соглашается и с выводом Квалификационной комиссии о необходимости прекращения дисциплинарного производства в части, касающейся оставшихся дисциплинарных обвинений, вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката Г. нарушений норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката, так как эти дисциплинарные обвинения не нашли своего подтверждения в ходе рассмотрения дисциплинарного производства. В Заключение Комиссии изложены исчерпывающие обоснования этого вывода, с которыми Совет полностью соглашается.

Определяя в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности адвоката Г. за совершенные дисциплинарные проступки, Совет учитывает умышленный

и грубый характер данных нарушений, свидетельствующий о намеренном игнорировании адвокатом Г. требований Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», Кодекса профессиональной этики адвоката и решений органов адвокатского самоуправления, принятых в пределах их компетенции, обязывающих адвоката при осуществлении профессиональной деятельности честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно исполнять свои обязанности, активно отстаивать и защищать права, свободы и законные интересы доверителей всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами, руководствуясь Конституцией Российской Федерации, законом и Кодексом профессиональной этики адвоката.

В то же время Совет учитывает, что адвокат Г. не имеет непогашенных дисциплинарных взысканий и полностью признала свою вину в установленных Квалификационной комиссией дисциплинарных нарушениях.

При таких обстоятельствах Совет полагает необходимым применение к адвокату Г. меры дисциплинарной ответственности в виде предупреждения как в наибольшей степени отвечающей требованию справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренного п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката.

На основании изложенного... Совет Адвокатской палаты города Москвы решил:

1) за неисполнение адвокатом Г., вопреки предписаниям подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката во

взаимосвязи с п. 4 ст. 13 Кодекса профессиональной этики адвоката, своих профессиональных обязанностей перед доверителем А. при осуществлении его защиты в Т. районном суде города Москвы по уголовному делу... выразившееся (1) в неподаче апелляционной жалобы на постановление Т. районного суда города Москвы от 30 августа 2018 г. о продлении А. срока содержания под стражей, (2) в неподаче апелляционной жалобы на постановление Т. районного суда города Москвы от 12 декабря 2018 г. о продлении А. срока содержания под стражей, (3) в неподаче апелляционной жалобы на приговор

Т. районного суда города Москвы от 5 марта 2019 г., (4) в неознакомлении с протоколом судебного заседания Т. районного суда города Москвы по уголовному делу... применить к адвокату Г. меру дисциплинарной ответственности в виде предупреждения;

2) прекратить в оставшейся части дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката Г. по жалобе А. от 12 мая 2019 г. ...вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

1.2. За ненадлежащее исполнение обязанностей, выразившееся в принятии поручения на защиту по назначению следователя в нарушение установленного порядка и при неистечении 24-часового срока с момента фактического задержания подзащитного, а также в неоказании ему квалифицированной юридической помощи, в действиях в ущерб его интересам, к адвокату применена мера дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса адвоката.

Совет Адвокатской палаты города Москвы... рассмотрел в закрытом заседании дисциплинарное производство, возбужденное по жалобе Г. (А.)¹ от 19 июня 2019 г. ...в отношении адвоката З.

В соответствии с Заключением Квалификационной комиссии от 9 октября 2019 г. адвокатом З. допущено ненадлежащее, вопреки предписаниям подп. 1 и 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре

в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 и ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнение своих профессиональных обязанностей перед доверителем Г. (честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно отстаивать права и законные интересы доверителя, следить за соблюдением закона в отношении доверителя и в случае нарушений прав доверителя ходатайствовать об их устранении), выразившееся: 1) во вступлении 5 июня 2019 г. в уголовное дело... в качестве защитника Г. по назначению следователя... МРСО СУ по ...АО ГСУ СК РФ по городу Москве в нарушение установленного порядка оказания юридической помощи адвокатами, участвующими в качестве защитников в уголовном судопроизводстве по назначению; 2) в принятии им 5 июня 2019 г. участия в качестве защитника по

¹ Учитывая сведения, содержащиеся в постановлении следователя... МРСО СУ по ...АО ГСУ СК РФ по городу Москве лейтенанта юстиции... от 27 июня 2019 г. об уточнении данных уголовного дела о данных личности обвиняемого и данных уголовного распоряжением Президента Адвокатской палаты города Москвы... об уточнении данных заявителя в распоряжение о возбуждении дисциплинарного производства в отношении адвоката З. ...внесены изменения, в соответствии с которыми заявителем жалобы от 19 июня 2019 г. ...следует считать Г.

назначению по уголовному делу... в условиях неистечения 24-часового срока с момента фактического задержания Г. в проведении следующих следственных и иных процессуальных действий: в допросе Г. в качестве свидетеля в период времени с 18.30 по 19.00, в предъявлении Г. для опознания в период времени с 19.10 по 19.15, в допросе Г. в качестве подозреваемого в период времени с 19.45 по 20.00, в проведении очной ставки между потерпевшей П. и подозреваемым Г. в период времени с 20.05 по 20.15, в предъявлении Г. обвинения и его допросе в качестве обвиняемого в период времени с 20.30 по 20.35; 3) в неподаче им апелляционной жалобы на постановление К. районного суда города Москвы от 7 июня 2019 г., которым в отношении Г. избрана мера пресечения в виде заключения под стражу.

Адвокат З. в заседании Совета подтвердил получение Заключения Квалификационной комиссии в установленный срок и ознакомление с ним, сообщив о своем полном несогласии с выводами данного заключения Квалификационной комиссии по основаниям, изложенным в представленных в Совет письменных возражениях. Считает, что выводы Комиссией сделаны на основе не вполне достоверных и отчасти искаженных данных со стороны *«преступника-анонима, стремящегося любыми способами уйти от ответственности и при этом выдвигающего клеветнические измышления в отношении адвоката, желая отомстить за то, что арестован судом»* (цитата из письменных возражений адвоката З. – Примеч. Совета). Отвечая на вопросы членов Совета, адвокат З. подтвердил тот факт, что он явился в орган предварительного расследования по телефонограмме следователя, имея при себе не полностью оформленный ордер, в котором графа

«Основания выдачи ордера» оставалась незаполненной. После завершения всех следственных действий с его участием и участием Г. он, убедившись, что какого-либо соглашения с ним на защиту Г. заключено не будет, вписал в графу «Основания выдачи ордера» текст: «ст. 51 УПК РФ». Наряду с этим адвокат З. просил его строго не наказывать, сославшись на то, что ему не вполне понятны требования, предъявляемые к деятельности адвоката в качестве защитника по назначению органа следствия, дознания и суда, закрепленные в решениях органов адвокатского самоуправления.

Рассмотрев Заключение Квалификационной комиссии от 9 октября 2019 г. и материалы дисциплинарного производства, выслушав адвоката З., Совет в полном объеме соглашается с Заключением Комиссии в связи с их законностью, обоснованностью и мотивированностью.

Совет признает, что Квалификационной комиссией на основании достаточной совокупности достоверных доказательств, позволяющей считать презумпцию добросовестности адвоката опровергнутой, а его вину доказанной, установлены факты ненадлежащего исполнения адвокатом З. своих профессиональных обязанностей перед доверителем Г. (честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно отстаивать права и законные интересы доверителя, следить за соблюдением закона в отношении доверителя и в случае нарушения прав доверителя ходатайствовать об их устранении), выразившиеся: 1) во вступлении 5 июня 2019 г. в уголовное дело... в качестве защитника Г. по назначению следователя... МРСО СУ по ...АО ГСУ СК РФ по городу Москве в нарушение установленного порядка

оказания юридической помощи адвокатами, участвующими в качестве защитников в уголовном судопроизводстве по назначению; 2) в принятии им 5 июня 2019 г. участия в качестве защитника по назначению по уголовному делу... в условиях неистечения 24-часового срока с момента фактического задержания Г. в проведении следующих следственных и иных процессуальных действий: в допросе Г. в качестве свидетеля в период времени с 18.30 по 19.00, в предъявлении Г. для опознания в период времени с 19.10 по 19.15, в допросе Г. в качестве подозреваемого в период времени с 19.45 по 20.00, в проведении очной ставки между потерпевшей П. и подозреваемым Г. в период времени с 20.05 по 20.15, в предъявлении Г. обвинения и его допросе в качестве обвиняемого в период времени с 20.30 по 20.35; 3) в неподаче им апелляционной жалобы на постановление К. районного суда города Москвы от 7 июня 2019 г., которым в отношении Г. избрана мера пресечения в виде заключения под стражу.

Квалификационной комиссией достоверно установлено, что адвокат З. вступил в уголовное дело в нарушение Правил распределения поручений на участие адвокатов Адвокатской палаты города Москвы в качестве защитников в уголовном судопроизводстве по назначению дознавателя, следователя или суда в порядке статей 50 и 51 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, утвержденных Решением Совета Адвокатской палаты города Москвы от 27 сентября 2018 г. № 128 (в редакции Решения Совета Адвокатской палаты города Москвы от 20 декабря 2018 г. № 182).

При этом в соответствии с ч. 1 ст. 50 УПК РФ защитник или несколько защитников могут быть приглашены для участия в деле как самим обви-

няемым (подозреваемым), так и его законным представителем, а также другими лицами по поручению или с согласия обвиняемого. В соответствии с ч. 4 ст. 50 УПК РФ, если в течение 24 часов с момента задержания подозреваемого или заключения подозреваемого, обвиняемого под стражу явка защитника, приглашенного им, невозможна, то дознаватель или следователь принимает меры по назначению защитника в порядке, определенном советом Федеральной палаты адвокатов.

Согласно Федеральному закону «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»:

– адвокатская палата субъекта Российской Федерации создается, в том числе, в целях обеспечения оказания квалифицированной юридической помощи, ее доступности для населения на всей территории данного субъекта Российской Федерации, организации юридической помощи, оказываемой гражданам Российской Федерации бесплатно, контроля за соблюдением адвокатами Кодекса профессиональной этики адвоката (п. 4 ст. 29). При этом совет адвокатской палаты «организует оказание юридической помощи адвокатами, участвующими в качестве защитников в уголовном судопроизводстве по назначению органов дознания, органов предварительного следствия или суда, в соответствии с порядком, определенным советом Федеральной палаты адвокатов; доводит этот порядок до сведения указанных органов, адвокатов и контролирует его исполнение адвокатами» (подп. 5 п. 3 ст. 31);

– Федеральная палата адвокатов РФ как орган адвокатского самоуправления в Российской Федерации создается в целях координации деятельности адвокатских палат (п. 2 ст. 35). Совет Федеральной палаты адвокатов РФ координирует

деятельность адвокатских палат, в том числе по вопросам оказания адвокатами юридической помощи гражданам Российской Федерации бесплатно в рамках государственной системы бесплатной юридической помощи и их участия в качестве защитника в уголовном судопроизводстве по назначению органов дознания, органов предварительного следствия или суда либо в качестве представителя в гражданском или административном судопроизводстве по назначению суда (подп. 4 п. 3 ст. 37).

В соответствии с подп. 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката адвокат обязан выполнять решения органов адвокатской палаты субъекта Российской Федерации, Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации, принятые в пределах их компетенции.

В соответствии с подп. 9 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката адвокат не вправе оказывать юридическую помощь по назначению органов дознания, органов предварительного следствия или суда в нарушение порядка ее оказания, установленного решением Совета.

В рамках полномочий, предоставленных ему ч. 3 ст. 50 УПК РФ, подп. 3.1 п. 3 ст. 37 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», Совет Федеральной палаты адвокатов своим Решением от 15 марта 2019 г. утвердил Порядок назначения адвокатов в качестве защитников в уголовном судопроизводстве, абз. 2 п. 4.1 которого установлено, что о принятом решении о назначении защитника в порядке, предусмотренном ст. 50 УПК РФ, дознаватель, следователь или суд уведомляют адвокатскую палату (представителей адвокатской палаты) с

целью назначения в качестве защитника по уголовному делу того адвоката, которому адвокатская палата (представители адвокатской палаты) поручит участие в данном уголовном деле. Абзацем 2 п. 2.1 данного Порядка также установлено, что советы адвокатских палат субъектов Российской Федерации в пределах своих полномочий, предусмотренных подп. 5 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», принимают региональные правила с учетом региональных особенностей.

В городе Москве порядок оказания юридической помощи адвокатами, участвующими в качестве защитников в уголовном судопроизводстве по назначению органов дознания, органов предварительного следствия, прокурора или суда, определен Правилами распределения поручений на участие адвокатов Адвокатской палаты города Москвы в качестве защитников в уголовном судопроизводстве по назначению дознавателя, следователя или суда в порядке статей 50 и 51 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, а также в качестве представителей в гражданском и административном судопроизводстве по назначению суда в порядке статьи 50 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, статьи 54 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации (далее – Правила), утвержденными Решением Совета Адвокатской палаты города Москвы от 27 сентября 2018 г. № 128 (в редакции Решения Совета Адвокатской палаты города Москвы от 20 декабря 2018 г. № 182), доведенными до сведения членов адвокатского сообщества и других лиц путем опубликования в официальном печатном издании «Вестник Адвокатской палаты города Москвы» (2018.

Выпуск № 3(142). С. 14–17; выпуск № 4(143). С. 26–32) и на официальном сайте Адвокатской палаты города Москвы <http://www.advokatymoscow.ru> в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», где доступен по ссылке: <http://www.advokatymoscow.ru/upload/January/Pravila.pdf>

В соответствии с п. 3 Правил распределение требований инициаторов об участии адвокатов в делах по назначению дознавателя, следователя или суда осуществляется Адвокатской палатой города Москвы исключительно посредством автоматизированной информационной системы Адвокатской палаты города Москвы (далее – АИС АПМ). Требования инициаторов (далее – требование) об обеспечении участия защитника в уголовном судопроизводстве в порядке, установленном ст. 50 и 51 УПК РФ, а также требования об обеспечении представителя в порядке, установленном ст. 50 ГПК РФ и ст. 54 КАС РФ, направленные в Палату, адвокатское образование, адвокату любым иным способом, кроме размещения требования в АИС АПМ, являются недействительными, не рассматриваются и не распределяются. Принятие и (или) осуществление адвокатом защиты или представительства по назначению, поступившему к нему не через АИС АПМ, является дисциплинарным проступком и влечет за собой применение мер дисциплинарной ответственности.

Согласно п. 10 Правил требования об участии адвоката в делах по назначению направляются инициатором в АИС АПМ путем заполнения соответствующей формы на сайте Палаты в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» по адресу: <http://www.51.advokatymoscow.ru> в соответствии с Инструкцией инициатора по работе в сервисе привлечения адвокатов в делах

по назначению через Адвокатскую палату города Москвы. Требование также может быть направлено инициатором в АИС АПМ дистанционно посредством телефонной связи с использованием многоканального телефона, указанного на сайте Палаты в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет».

Согласно п. 11 Правил в целях обеспечения участия адвоката по назначению в плановых следственных и иных процессуальных действиях (в том числе в судебных заседаниях) требование должно поступить в АИС АПМ в срок не позднее 24 (двадцати четырех) часов до начала запланированного процессуального действия или судебного заседания. При наличии предусмотренных Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации оснований для производства неотложных следственных или иных процессуальных действий (в том числе судебного заседания) инициатор вправе разместить в АИС АПМ соответствующее требование не позднее двух часов до начала процессуального действия или судебного заседания. В данном случае, если адвокат, назначенный АИС АПМ для исполнения требования, с учетом времени суток, расстояния и иных обстоятельств, влияющих на время его прибытия, не может явиться к месту производства следственных и иных процессуальных действий (в том числе судебного заседания) в указанное инициатором время, он обязан незамедлительно сообщить инициатору по указанным последним контактными телефонами о примерном времени своего фактического прибытия и принять разумные меры для скорейшего прибытия к месту производства следственных и иных процессуальных действий (в том числе судебного заседания) с учетом возможности отнесения соответствующих затрат к процессуальным издержкам.

Согласно п. 18 Правил в случае неработоспособности АИС АПМ более чем двух часов подряд Президент Палаты вправе своим распоряжением временно ввести в действие ранее действовавший порядок оказания юридической помощи адвокатами, участвующими в качестве защитников в уголовном судопроизводстве по назначению дознавателя, следователя или суда, определенный Решениями Совета Адвокатской палаты города Москвы от 16 декабря 2002 г. № 1 «О порядке участия адвокатов в качестве защитников в уголовном судопроизводстве по назначению и о порядке оказания гражданам Российской Федерации юридической помощи бесплатно», от 25 марта 2004 г. № 8 «Об определении порядка оказания юридической помощи адвокатами, участвующими в качестве защитников в уголовном судопроизводстве по назначению», от 19 апреля 2007 г. № 33 «О соблюдении порядка оказания юридической помощи адвокатами, участвующими в качестве защитников в уголовном судопроизводстве по назначению», а также разъяснениями Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации и Совета Адвокатской палаты города Москвы по данному вопросу.

В своих устных и письменных объяснениях адвокат З. полностью признал тот факт, что он получил телефонограмму о необходимости участия в уголовном деле в качестве защитника Г. (А.) в порядке ст. 50, 51 УПК РФ от следователя... МРСО СУ по ...АО ГСУ СК РФ П., который позвонил на его (адвоката З.) личный мобильный телефон ночью 5 июня 2019 г. По прибытию адвоката З. в следственный отдел следователь П. показал ему свой рапорт на имя руководителя следственного органа, в котором указывалось, что в автоматизированной информационной системе Адвокатской

палаты города Москвы имел место технический сбой, вследствие чего руководитель... МРСО СУ по ...АО ГСУ СК РФ по городу Москве... Е. дал следователю согласие на приглашение адвоката «посредством телефонограммы».

Однако материалами дисциплинарного производства достоверно установлено, что, вопреки утверждению, содержащемуся в рапорте следователя... МРСО СУ по ...АО ГСУ СК РФ по городу Москве... П. от 5 июня 2019 г. на имя руководителя... МРСО СУ по ...АО ГСУ СК РФ по городу Москве... Е., 5 июня 2019 г. сбоев в работе автоматизированной информационной системы Адвокатской палаты города Москвы не было, требование об обеспечении участия защитника в уголовном судопроизводстве на 5–6 июня 2019 г. для осуществления защиты Г. (А.) в порядке, установленном ст. 50 и 51 УПК РФ, в АИС АПМ не поступало, что подтверждается служебной запиской руководителя IT-отдела Адвокатской палаты города Москвы... от 3 сентября 2019 г.

При этом Квалификационной комиссией справедливо обращено внимание на то обстоятельство, что указанный рапорт написан следователем П. 5 июня 2019 г., в 19.00, тогда как телефонный звонок с просьбой принять участие в уголовном деле в качестве защитника А. по назначению поступил адвокату З. намного раньше (еще в ночное время), а 5 июня 2019 г., в 18.30, адвокат З. уже принимал участие в допросе Г. (А.) в качестве свидетеля. Указанные обстоятельства свидетельствуют об указании следователем в рапорте недостоверных сведений и опровергают доводы адвоката З. о том, что перед вступлением в уголовное дело ему был предъявлен указанный рапорт как доказательство сбоя в автоматизированной информационной системе Адвокатской палаты города Москвы.

Кроме того, согласно п. 18 Правил ранее действовавший порядок оказания юридической помощи адвокатами, участвующими в качестве защитников в уголовном судопроизводстве по назначению дознавателя, следователя или суда, допускающий передачу телефонограммы о выделении адвоката не в Адвокатскую палату города Москвы, а в адвокатское образование, применяется не по усмотрению следователя или руководителя следственного органа, а вводится распоряжением Президента Адвокатской палаты города Москвы.

Сопоставив приведенные выше правовые положения с достоверно установленными Комиссией обстоятельствами, Совет признает, что адвокатом З. был нарушен установленный порядок оказания юридической помощи адвокатами, участвующими в качестве защитников в уголовном судопроизводстве по назначению, что свидетельствует о ненадлежащем, вопреки предписаниям подп. 1, 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», исполнении адвокатом З. своих профессиональных обязанностей перед доверителем Г., выразившемся во вступлении 5 июня 2019 г. в уголовное дело... в качестве защитника Г. по назначению следователя в нарушение установленного порядка оказания юридической помощи адвокатами, участвующими в качестве защитников в уголовном судопроизводстве по назначению.

Анализируя установленные Комиссией обстоятельства принятия адвокатом З. 5 июня 2019 г. участия в качестве защитника по назначению по уголовному делу... в условиях неистечения 24-часового срока с момента фактического задержания Г. в проведении указанных выше следственных и иных процессуальных действий, Совет признает

полное игнорирование адвокатом З. требований ст. 50 УПК РФ и Разъяснений Совета от 24 сентября 2015 г. «О соблюдении требований части 3 и части 4 статьи 50 УПК РФ при осуществлении защиты по назначению», в которых указано, что «24-часовой срок явки приглашенного защитника с момента задержания подозреваемого или заключения подозреваемого, обвиняемого под стражу является особым, как в силу своей сжатости, так и более жестких правил назначения защитника (без предложения пригласить другого защитника взамен неявившегося). Ситуация, в которой оказывается подозреваемый в первые часы после задержания, полностью исключает злоупотребление правом с его стороны. Узвимость его положения усиливается крайней сложностью реализовать свое право на защиту адвокатом по своему выбору, для приглашения которого фактически отпущено время менее суток с учетом того, что статья 96 УПК РФ обязывает дознавателя, следователя уведомить кого-либо из родственников задержанного не позднее 12 часов. Сам подозреваемый не знает, кто будет приглашать адвоката – заключать соглашение на защиту в соответствии с частью 1 статьи 50 УПК может любое лицо. В аналогичном положении оказывается и заключенный под стражу подозреваемый, обвиняемый, не имеющие защитника по соглашению. Вот почему привлечение к участию в деле защитника по назначению ранее установленных УПК РФ 24 часов по сути будет означать ликвидацию права подозреваемого, обвиняемого на приглашение адвоката... На основании изложенного Совет разъясняет: адвокат, назначенный защитником задержанного, подозреваемого или заключенного под стражу подозреваемого, прибыв к дознавателю, следователю, обязан выяснить точное

время фактического задержания, заключения под стражу и после свидания с подозреваемым, обвиняемым наедине не принимать участия в каких-либо процессуальных действиях до истечения предусмотренного ч. 4 ст. 50 УПК РФ 24-часового срока для явки приглашенного защитника. Кроме случая, когда будет представлено не вызывающее сомнений в своей достоверности подтверждение невозможности явки адвоката, с которым заключено соглашение, в тот же срок. Невыполнение данного разъяснения будет расцениваться как нарушение подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 и ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката, устанавливающих обязанность адвоката честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно отстаивать права и законные интересы доверителя, следить за соблюдением закона в отношении доверителя и в случае нарушения прав доверителя ходатайствовать об их устранении» (см. «Вестник Адвокатской палаты города Москвы». 2015. Выпуск № 3(129). С. 39–42).

В соответствии с ч. 1.1 ст. 92 УПК РФ в случае, если защитник участвует в производстве по уголовному делу с момента фактического задержания подозреваемого, его участие в составлении протокола задержания обязательно.

В соответствии с п. 15 ст. 5 УПК РФ под моментом фактического задержания понимается момент производимого в порядке, установленном настоящим Кодексом, фактического лишения свободы передвижения лица, подозреваемого в совершении преступления.

Квалификационной комиссией вне разумных сомнений установлено, что Г. (А.) был задержан сотрудниками поли-

ции 5 июня 2019 г., в 00.40, непосредственно после совершения преступления и без соблюдения требований ч. 1 ст. 92 УПК РФ удерживался в... МРСО СУ по...АО ГСУ СК РФ по городу Москве без оформления протокола задержания. Протокол задержания был составлен только в 19.30 5 июня 2019 г., при этом время фактического задержания Г. (А.) указано в нем как 19.30.

Адвокату З. были известны указанные обстоятельства, так как он неоднократно в конфиденциальной обстановке общался с задержанным Г. (А.), и они совместно выработали защитительную позицию. Кроме того, в следственном отделе находилась потерпевшая П.

Согласно подп. «а» и «в» п. 4 Стандарта осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве (принят VIII Всероссийским съездом адвокатов 20 апреля 2017 г., опубликован на официальном сайте Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации <http://fparf.ru>, а также в издании «Вестник Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации». 2017. № 2(57). С. 140–142), в рамках первого свидания с подозреваемым, обвиняемым адвокату следует выяснить наличие обстоятельств, препятствующих принятию поручения на защиту или исключающих участие данного адвоката в производстве по уголовному делу, разъяснить право на приглашение защитника по соглашению в случае, если адвокат осуществляет защиту по назначению.

Материалами дисциплинарного производства доподлинно установлено, что первым следственным действием, в котором принял участие адвокат З., был допрос Г. (А.) в качестве свидетеля, после чего с участием адвоката З. были произведены перечисленные выше процессуальные действия.

Несмотря на то обстоятельство, что в предусмотренном уголовно-процессуальным законом порядке задержание Г. (А.) не было процессуально оформлено, для адвоката З. как для профессионального участника уголовного судопроизводства с учетом правовой позиции, сформулированной Конституционным Судом Российской Федерации в Постановлении от 27 июня 2000 г. № 11-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В.И. Маслова», должно было быть очевидным, что в конституционно-правовом смысле Г. (А.) является подозреваемым по указанному выше уголовному делу, поэтому до истечения 24-часового срока с момента его фактического задержания 5 июня 2019 г., 00.40, адвокат З. должен был только побеседовать с задержанным Г. (А.) и принять участие в составлении протокола его задержания.

Оценивая приведенные выше фактические обстоятельства, Совет признает установленным, что адвокат З. до истечения 24 часов с момента фактического задержания Г. (А.) (с момента фактического ограничения свободы его передвижения) приступил к осуществлению защиты Г. (А.), тогда как в соответствии с п. 4 ст. 50 УПК РФ следователь до истечения 24 часов с момента задержания подозреваемого вправе принимать меры по назначению ему защитника только в том случае, если явка защитника, приглашенного подозреваемым, невозможна.

В этой связи Совет полностью соглашается с выводом Квалификационной комиссии о том, что адвокат З., вопреки предписаниям подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской

Федерации», п. 1 ст. 8 и ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката, ненадлежащим образом исполнил профессиональные обязанности перед доверителем Г. (А.), приняв 5 июня 2019 г. участие в качестве его защитника по назначению в проведении следующих следственных и иных процессуальных действий по уголовному делу... до истечения 24 часов с момента его (Г. (А.)) фактического задержания: в допросе Г. в качестве свидетеля в период времени с 18.30 по 19.00, в предъявлении Г. для опознания в период времени с 19.10 по 19.15, в допросе Г. в качестве подозреваемого в период времени с 19.45 по 20.00, в проведении очной ставки между потерпевшей П. и подозреваемым Г. в период времени с 20.05 по 20.15, предъявлении Г. обвинения и в его допросе в качестве обвиняемого в период времени с 20.30 по 20.35.

Совет полностью соглашается и с выводом Комиссии об упречности профессионального бездействия адвоката З. в части его отказа от обжалования постановления К. районного суда города Москвы от 7 июня 2019 г., которым Г. (А.) была избрана мера пресечения в виде заключения под стражу.

Совет отмечает, что согласно п. 9 Стандарта осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве адвокат по просьбе подзащитного или по собственной инициативе при наличии к тому оснований обжалует его задержание, избрание ему меры пресечения, продление срока содержания под стражей или срока домашнего ареста, применение к подзащитному иных мер процессуального принуждения, другие решения и действия (бездействие), нарушающие права и законные интересы подзащитного.

В соответствии с подп. 2 и 3 п. 4 ст. 13 Кодекса профессиональной эти-

ки адвоката «адвокат-защитник обязан обжаловать приговор, если суд не разделит позицию адвоката-защитника, а также при наличии оснований к отмене или изменению приговора по благоприятным для подзащитного мотивам». «Отказ подзащитного от обжалования приговора фиксируется его письменным заявлением адвокату». Вопрос о мере пресечения разрешается судом также и при постановлении приговора и является его составной нераздельной частью (п. 17 ч. 1 ст. 299 УПК РФ). Поэтому содержание подп. 3 п. 4 ст. 13 Кодекса профессиональной этики адвоката, с учетом обязанности адвоката разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно отстаивать права и законные интересы доверителя (подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката), распространяется не только на само процессуальное решение – приговор суда, но и на все другие вопросы, разрешаемые при его постановлении, а также на судебные решения по вопросу об избрании, изменении и продлении меры пресечения. Данная правовая позиция является устоявшейся в дисциплинарной практике Адвокатской палаты города Москвы и неоднократно публиковалась в Вестнике Адвокатской палаты города Москвы (см., например, «Вестник Адвокатской палаты города Москвы». 2012. Выпуск №№ 1–3).

Судебное заседание К. районного суда города Москвы от 7 июня 2019 г., в котором в отношении Г. (А.) была избрана мера пресечения в виде заключения под стражу, проходило при участии адвоката З. Из протокола судебного заседания К. районного суда города Мо-

сквы от 7 июня 2019 г. усматривается, что адвокат З. возражал против удовлетворения судом ходатайства следователя об избрании в отношении Г. (А.) меры пресечения в виде заключения под стражу, однако суд позицию адвоката-защитника З. не разделил и избрал в отношении Г. (А.) меру пресечения в виде заключения под стражу.

Апелляционная жалоба на постановление К. районного суда города Москвы от 7 июня 2019 г., которым в отношении Г. (А.) избрана мера пресечения в виде заключения под стражу, защитником-адвокатом З. не подавалась. При этом заявление Г. (А.) на имя адвоката З., в котором бы содержался отказ подзащитного от обжалования указанного постановления суда, адвокатом З. получено не было.

Учитывая приведенные выше правовые положения, адвокат З. был обязан обжаловать постановление К. районного суда города Москвы от 7 июня 2019 г., которым в отношении Г. (А.) была избрана мера пресечения в виде заключения под стражу, но он не исполнил свои профессиональные обязанности перед доверителем Г.

Определяя в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности адвоката З. за совершенные дисциплинарные проступки, Совет принимает во внимание умышленный характер, тяжесть и злостность совершенных им дисциплинарных нарушений, в основе которых лежит полное игнорирование требований Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», Кодекса профессиональной этики адвоката и решений органов адвокатского самоуправления, принятых в пределах их компетенции, а равно явное пренебре-

жение доверием защищаемого лица, права и законные интересы которого были существенно ущемлены в результате совершенных адвокатом З. нарушений. Совет обращает особое внимание на то обстоятельство, что адвокат З., вступив в дело в качестве защитника по назначению в нарушение установленного порядка, использовал это обстоятельство не для оказания квалифицированной юридической помощи подзащитному, а действовал в ущерб его интересам. Совершение адвокатом подобных дисциплинарных нарушений не только порочит его честь и достоинство, но и подрывает авторитет адвокатуры в целом в глазах представителей как гражданского, так и профессионального сообщества, так как «достоинство адвоката есть достоинство всего сословия» (Ф.Э. Молло). При таких обстоятельствах Совет признает профессиональное поведение адвоката З. несовместимым с нахождением в составе адвокатского сообщества и приходит к выводу о необходимости применения к нему меры дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса адвоката. Применение более мягкой меры дисциплинарной ответственности Совет считает невозможным, поскольку это не соответствовало бы принципу справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренному п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката, а также давало бы основания полагать, что подобное профессиональное поведение может быть совместимо со статусом адвоката.

Определяя в соответствии с п. 7 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката срок, по истечении которого З. может быть допущен к сдаче квалификационного экзамена, Совет, принимая во внимание его ходатайство, обращенное к Совету, о менее строгом наказа-

нии, считает необходимым установить этот срок в 1 (один) год.

На основании изложенного... Совет Адвокатской палаты города Москвы решил:

за ненадлежащее, вопреки предписаниям подп. 1, 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 и ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнение адвокатом З. своих профессиональных обязанностей перед доверителем Г. (А.) (честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно отстаивать права и законные интересы доверителя, следить за соблюдением закона в отношении доверителя и в случае нарушений прав доверителя ходатайствовать об их устранении), выразившееся:

1) во вступлении 5 июня 2019 г. в уголовное дело... в качестве защитника Г. по назначению следователя... МРСО СУ по ...АО ГСУ СК РФ по городу Москве в нарушение установленного порядка оказания юридической помощи адвокатами, участвующими в качестве защитников в уголовном судопроизводстве по назначению;

2) в принятии им 5 июня 2019 г. участия в качестве защитника по назначению по уголовному делу... в условиях неистечения 24-часового срока с момента фактического задержания Г. в проведении следующих следственных и иных процессуальных действий: в допросе Г. в качестве свидетеля в период времени с 18.30 по 19.00, в предъявлении Г. для опознания в период времени с 19.10 по 19.15, в допросе Г. в качестве подозреваемого в период времени с 19.45 по 20.00, в проведении очной ставки между потерпевшей П. и подозреваемым Г. в период времени с 20.05 по 20.15, в предъявлении Г. обвинения

и его допросе в качестве обвиняемого в период времени с 20.30 по 20.35;

3) в неподаче им апелляционной жалобы на постановление К. районного суда города Москвы от 7 июня 2019 г., которым в отношении Г. избрана мера пресечения в виде заключения под стражу,

– применить к адвокату З. меру дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса адвоката с установлением срока, по истечении которого он может быть допущен к сдаче квалификационного экзамена на приобретение статуса адвоката, в 1 (один) год.

1.3. За ненадлежащее исполнение обязанностей, выразившееся в принятии поручения на защиту по уголовному делу по назначению следователя в нарушение установленного порядка, в невнесении в протокол задержания в качестве подозреваемого замечаний в отношении времени его задержания, в неподаче апелляционной жалобы на постановление об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, к адвокату применена мера дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса адвоката.

Совет Адвокатской палаты города Москвы... рассмотрел в закрытом заседании 30 октября 2019 г. с участием адвоката К. ...дисциплинарное производство, возбужденное в отношении него по жалобе Ка. от 13 июня 2019 г. ...и представлению вице-президента Адвокатской палаты города Москвы... от 8 июля 2019 г.

В соответствии с Заключением Квалификационной комиссии от 9 октября 2019 г. адвокатом К. допущено ненадлежащее, вопреки предписаниям подп. 1 и 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 и ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнение профессиональных обязанностей перед доверителем Ка. (честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно отстаивать права и законные интересы доверителя, следить за соблюдением закона в отношении доверителя и в случае нарушений прав доверителя ходатайствовать об их устранении), выразившееся:

1) в невнесении в протокол задержания Ка. в качестве подозреваемой от 1 мая 2019 г. замечаний о неточно-

сти протокола в части времени ее задержания и необращении внимания Б. районного суда города Москвы на время фактического задержания Ка. при рассмотрении 3 мая 2019 г. ходатайства следователя об избрании в отношении нее меры пресечения в виде заключения под стражу;

2) в неподаче адвокатом апелляционной жалобы на постановление Б. районного суда города Москвы от 3 мая 2019 г., которым в отношении Ка. была избрана мера пресечения в виде заключения под стражу;

3) во вступлении 1 мая 2019 г. в уголовные дела №№ 01, 02, 03, 04 в качестве защитника Ка. по назначению следователя в нарушение взаимосвязанных положений подп. 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», подп. 9 п. 1 ст. 9 и п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката, а также установленного порядка оказания юридической помощи адвокатами, участвующими в качестве защитников в уголовном судопроизводстве по назначению.

При этом Квалификационной комиссией в Заключении сделан вывод

о необходимости прекращения дисциплинарного производства в оставшейся части дисциплинарного производства вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушений законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Адвокат К. в заседании Совета пояснил, что с Заключением Квалификационной комиссии ознакомился, но с ним не согласен, причины своего несогласия изложил ранее в письменных возражениях, представленных в Адвокатскую палату города Москвы. На заданные вопросы ответил, что письма из отдела внутренних дел представил для того, чтобы подтвердить, что на самом деле участвовал в следственных действиях со своей подзащитной Ка. Уточнил, что полностью осознает, какие именно нарушения в его действиях признала Квалификационная комиссия: вышел на защиту без заявки в Автоматизированную информационную систему Адвокатской палаты города Москвы, не подал апелляционную жалобу по мере пресечения, не внес время фактического задержания Ка. в протокол.

Заявительница Ка. в заседание Совета не явилась, находится под стражей.

Рассмотрев Заключение Комиссии и материалы дисциплинарного производства, выслушав адвоката К., Совет полностью соглашается с выводами Квалификационной комиссии, поскольку они основаны на правильно, полно, всесторонне и достоверно изученных обстоятельствах дела.

Установлено, что 1 мая 2019 г. возбуждено уголовное дело № 01, в одно производство с которым были соединены уголовные дела №№ 02–04, возбужденные в отношении Ка. по п. «а», «б» ч. 3 ст. 228.1 УК РФ. На основании телефонограммы следователя, отправленной

на личный номер адвоката К., тот вступил в указанные уголовные дела до их объединения в одно производство в качестве защитника Ка., предъявив следователю один ордер на ее защиту в порядке ст. 51 УПК РФ. В тот же день, 1 мая 2019 г., в 15.00, следователем с участием защитника К. был составлен протокол задержания подозреваемой Ка., время фактического задержания Ка. указано в нем как 15.00. Затем, 1 мая 2019 г., по уголовному делу № 01 с участием защитника К., с 15.10 по 16.10, Ка. была допрошена в качестве подозреваемой, потом ей было предъявлено обвинение, и в период времени с 18.00 по 18.20 она была допрошена в качестве обвиняемой. При этом из постановления следователя и иных материалов дела усматривается, что Ка. была фактически задержана сотрудниками полиции примерно в 12.00 часов 30 апреля 2019 г.

3 мая 2019 г. Б. районным судом города Москвы в отношении Ка. избрана мера пресечения в виде заключения под стражу. Защиту Ка. осуществлял адвокат К., который указанное постановление суда в апелляционном порядке не обжаловал.

Как в своих письменных, так и в устных объяснениях, данных в заседании Квалификационной комиссии 9 октября 2019 г., адвокат К. продемонстрировал полную неосведомленность о том, в каком именно органе предварительного расследования им осуществлялась защита Ка. и в скольких уголовных делах он осуществлял ее защиту. Неосведомленность адвоката К. является следствием его принципиального непонимания основополагающих положений УПК РФ и недобросовестного отношения к исполнению профессиональных обязанностей.

Из имеющихся в дисциплинарном производстве процессуальных доку-

ментов усматривается, что Ка. действительно была задержана сотрудниками полиции по подозрению в совершении преступления 30 апреля 2019 г., примерно в 12.00. Вместе с тем в протоколе ее задержания в качестве подозреваемой от 1 мая 2019 г. указано, что Ка. была задержана в 15.00 часов 1 мая 2019 г. Указанное в протоколе время задержания Ка. не соответствует действительности, хотя адвокат К. подписал протокол задержания подозреваемого без замечаний. В дальнейшем, в ходе рассмотрения Б. районным судом города Москвы 3 мая 2019 г. ходатайства следователя об избрании в отношении Ка. меры пресечения в виде заключения под стражу, адвокат К. также не обратил внимание суда на время фактического задержания Ка., что повлекло за собой исчисление судом срока содержания Ка. под стражей с 1 мая 2019 г.

Совет соглашается с выводом Квалификационной комиссии о ненадлежащем, вопреки предписаниям подп. 1, 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», исполнении адвокатом К. своих профессиональных обязанностей перед доверителем Ка., выразившемся в невнесении в протокол задержания Ка. в качестве подозреваемой от 1 мая 2019 г. замечаний о неточности протокола в части времени ее задержания и необращении внимания Б. районного суда города Москвы на время фактического задержания Ка. при рассмотрении 3 мая 2019 г. ходатайства следователя об избрании в отношении нее меры пресечения в виде заключения под стражу.

Рассмотрев дисциплинарные обвинения в отношении адвоката К. в том, что он не обжаловал постановление Б. районного суда города Москвы от 3 мая 2019 г., которым обвиняемой Ка. была

избрана мера пресечения в виде заключения под стражу, Совет отмечает, что содержание подп. 3 п. 4 ст. 13 Кодекса профессиональной этики адвоката в полной мере распространяется на судебные решения по вопросу об избрании, изменении и продлении меры пресечения. Данная правовая позиция является устоявшейся в правоприменительной практике дисциплинарных органов Адвокатской палаты города Москвы и неоднократно публиковалась в «Вестнике Адвокатской палаты города Москвы» (см., например, «Вестник Адвокатской палаты города Москвы». 2012. Выпуск №№ 1–3).

Судебное заседание Б. районного суда города Москвы от 3 мая 2019 г., в ходе которого в отношении Ка. была избрана мера пресечения в виде заключения под стражу, проходило при участии защитника К. Из протокола судебного заседания Б. районного суда города Москвы от 3 мая 2019 г. усматривается, что адвокат К. возражал против удовлетворения судом ходатайства следователя об избрании в отношении Ка. меры пресечения в виде заключения под стражу, однако суд позицию адвоката К. не разделил, избрав в отношении Ка. меру пресечения в виде заключения под стражу. Несмотря на это, апелляционная жалоба на постановление Б. районного суда города Москвы от 3 мая 2019 г., которым в отношении Ка. избрана мера пресечения в виде заключения под стражу, защитником-адвокатом К. не подавалась. При этом заявление Ка. на имя адвоката К., в котором бы содержался отказ подзащитного от обжалования указанного постановления суда, адвокатом К. получено не было. Соответственно, адвокат К. был обязан обжаловать постановление Б. районного суда города Москвы от 3 мая 2019 г., но не исполнил свои професси-

ональные обязанности перед доверителем Ка.

Рассматривая доводы представления вице-президента Адвокатской палаты города Москвы... о том, что адвокат К. вступил в уголовное дело в нарушение Правил распределения поручений на участие адвокатов Адвокатской палаты города Москвы в качестве защитников в уголовном судопроизводстве по назначению дознавателя, следователя или суда в порядке статей 50 и 51 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, утвержденных Решением Совета Адвокатской палаты города Москвы от 27 сентября 2018 г. № 128 (в редакции Решения Совета Адвокатской палаты города Москвы от 20 декабря 2018 г. № 182), Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, считает, что они нашли свое подтверждение в ходе рассмотрения настоящего дисциплинарного производства.

В своих письменных и устных объяснениях адвокат К. получение телефонограммы следователя с просьбой принять участие в уголовном деле в качестве защитника Ка. на свой личный телефон не отрицает, полагает, что он имел право вступить в уголовное дело в качестве защитника Ка. по просьбе следователя, поскольку, со слов последнего, адвокату К. стало известно о том, что 1 мая 2019 г. в работе автоматизированной информационной системы Адвокатской палаты города Москвы произошел сбой.

Вопреки этим объяснениям, Квалификационной комиссией установлено, что 1 мая 2019 г. сбоя не было, требование следователя об обеспечении участия защитника в уголовном судопроизводстве на 1 мая 2019 г. для осуществления защиты Ка. в порядке, установленном ст. 50 и 51 УПК РФ, не поступало, что подтверждается служеб-

ной запиской руководителя IT-отдела... от 9 сентября 2019 г.

Сопоставив приведенные выше правовые положения с установленными в ходе рассмотрения дисциплинарного производства обстоятельствами, Совет считает установленным, что адвокатом К. был нарушен порядок оказания юридической помощи адвокатами, участвующими в качестве защитников в уголовном судопроизводстве по назначению.

При таких обстоятельствах Совет признает презумпцию добросовестности адвоката К. в отношении всех указанных выше дисциплинарных обвинений опровергнутой, а его вину в совершении этих дисциплинарных нарушений установленной.

Определяя в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности к адвокату К. за совокупность совершенных нарушений, Совет принимает во внимание их умышленный и грубый характер и отмечает, что действия и бездействие адвоката К. направлены к подрыву доверия к адвокатуре как институту гражданского общества как со стороны лиц, обращающихся к адвокатам за квалифицированной юридической помощью, так и со стороны государства, которое наделило адвокатов правом создать публично-правовую корпорацию, основанную на принципах законности, независимости, самоуправления, корпоративности, и предоставило адвокатам широкие права как гарантию их независимости в выполнении основной профессиональной функции – оказывать физическим и юридическим лицам квалифицированную юридическую помощь способами, не противоречащими закону, а также демонстрируют явное и нарочитое пренебрежение адвокатом требова-

ниями законодательства, регламентирующего адвокатскую деятельность в Российской Федерации, и решениями органов адвокатского самоуправления, принятыми в пределах их компетенции. Вступив в дело в качестве защитника по назначению с нарушением установленного порядка, адвокат К. не оказал подзащитной квалифицированной юридической помощи, не обеспечил защиту ее прав и законных интересов, проявил профессиональную недобросовестность и некомпетентность.

Учитывая указанные обстоятельства, Совет приходит к выводу о несовместимости профессионального поведения адвоката К. с принадлежностью к адвокатскому сообществу и, следовательно, о необходимости применения к нему меры дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса адвоката. Совет считает, что более мягкая мера дисциплинарной ответственности не только не отвечала бы требованию справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренному п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката, но и давала бы основание полагать, что адвокатское сообщество считает подобное профессиональное поведение адвоката допустимым.

В соответствии с требованиями п. 1.1 ст. 25, п. 7 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката Совет считает необходимым установить в отношении К. срок, по истечении которого указанное лицо допускается к сдаче квалификационного экзамена на повторное приобретение статуса адвоката, продолжительностью в 1 (один) год, как в наибольшей степени соответствующий характеру и тяжести дисциплинарного проступка и иным обстоятельствам дела.

Совет соглашается с выводом Квалификационной комиссии о необходимости прекращения дисциплинарного

производства в оставшейся части. В заключении Комиссии приведены исчерпывающие обоснования этого вывода, которые Совет разделяет.

На основании изложенного... Совет Адвокатской палаты города Москвы решил:

1. За ненадлежащее, вопреки предписаниям подп. 1, 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 и ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнение адвокатом К. своих профессиональных обязанностей перед доверителем Ка. (честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно отстаивать права и законные интересы доверителя, следить за соблюдением закона в отношении доверителя и в случае нарушений прав доверителя ходатайствовать об их устранении), выразившееся:

1) в невнесении в протокол задержания Ка. в качестве подозреваемой от 1 мая 2019 г. замечаний о неточности протокола в части времени ее задержания и необращении внимания Б. районного суда города Москвы на время фактического задержания Ка. при рассмотрении 3 мая 2019 г. ходатайства следователя об избрании в отношении нее меры пресечения в виде заключения под стражу;

2) в неподаче адвокатом апелляционной жалобы на постановление Б. районного суда города Москвы от 3 мая 2019 г., которым в отношении Ка. была избрана мера пресечения в виде заключения под стражу;

– 3) во вступлении 1 мая 2019 г. в уголовные дела №№ 01–04 в качестве защитника Ка. по назначению следователя в нарушение взаимосвязанных положений подп. 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и

адвокатуры в Российской Федерации», подп. 9 п. 1 ст. 9 и п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката, а также установленного порядка оказания юридической помощи адвокатами, участвующими в качестве защитников в уголовном судопроизводстве по назначению,

– применить к адвокату К. ...меру дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса адвоката. Установить в отношении К. срок, по истечении которого он допускается к сда-

1.4. Совет применил к адвокатам меру дисциплинарной ответственности в виде предупреждения за нарушение ими установленного порядка оказания юридической помощи адвокатами, участвующими в качестве защитников в уголовном судопроизводстве по назначению.

Совет Адвокатской палаты города Москвы... рассмотрел с участием адвокатов М. и З. в закрытом заседании дисциплинарное производство, возбужденное по представлениям вице-президента Адвокатской палаты города Москвы... в отношении адвоката М. и в отношении адвоката З.

В соответствии с Заключением Квалификационной комиссии от 9 октября 2019 г. адвокатами М. и З. допущено нарушение взаимосвязанных положений подп. 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», подп. 9 п. 1 ст. 9 и п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката, выразившееся в принятии 10 июня 2019 г. адвокатом М. защиты подсудимого С., а адвокатом З. защиты подсудимого П. в К. районном суде города Москвы по уголовному делу... по назначению суда в нарушение установленного порядка оказания юридической помощи адвокатами, участвующими в качестве защитников в уголовном судопроизводстве по назначению.

че квалификационного экзамена на повторное приобретение статуса адвоката, продолжительностью в 1 (один) год.

2. Прекратить в оставшейся части дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката К. по жалобе Ка. от 13 июня 2019 г. ... вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Адвокаты М. и З. в заседании Совета подтвердили получение Заключения Квалификационной комиссии в установленный срок, ознакомление с ним, одновременно сообщили о своем несогласии с выводами Комиссии, изложенными в Заключении по основаниям, изложенным в их письменных возражениях, представленных в Совет. При этом адвокаты М. и З. согласились с тем, что они вступили в дело в нарушение установленного порядка, объяснив свое несогласие с выводами Комиссии тем, что они действовали не с целью нарушить установленный порядок, а в целях оказания содействия суду по недопущению срыва судебного заседания из-за отсутствия адвокатов.

Рассмотрев Заключение Квалификационной комиссии и материалы дисциплинарного производства, выслушав его явившихся участников, Совет в полном объеме соглашается с выводами Комиссии в связи с их законностью, обоснованностью и мотивированностью.

Совет признает, что Квалификационной комиссией на основании до-

статочной совокупности достоверных доказательств, позволяющей считать презумпцию добросовестности адвокатов опровергнутой, а их вину доказанной, установлено нарушение адвокатами М. и З. установленного порядка оказания юридической помощи адвокатами, участвующими в качестве защитников в уголовном судопроизводстве по назначению, выразившееся в принятии 10 июня 2019 г. адвокатом М. защиты подсудимого С., а адвокатом З. защиты подсудимого П. в К. районном суде города Москвы по уголовному делу... по назначению суда.

Квалификационной комиссией вне разумных сомнений установлены все имеющие значение для надлежащего разрешения дисциплинарного производства фактические обстоятельства.

Так, установлено, что в производстве К. районного суда города Москвы находилось уголовное дело... по обвинению С., П. и Д. в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 30, ч. 2 ст. 159.5 УК РФ, открытое судебное заседание по которому в особом порядке было назначено на 14.00 часов 10 июня 2019 г. постановлением федерального судьи... от 27 мая 2019 г.

27 мая 2019 г., в 14.22, инициатором, судьей... (контактное лицо – секретарь Щ.) в автоматизированной информационной системе Адвокатской палаты города Москвы (далее – АИС АПМ) созданы заявки №№ ...64 и ...65, содержащие требования об обеспечении участия 10 июня 2019 г., в 10.00, в судебном заседании К. районного суда города Москвы по уголовному делу... защитников подсудимых С. и П. (соответственно) в порядке, установленном ст. 50 и 51 УПК РФ.

27 мая 2019 г. АИС АПМ в соответствии с заявкой № ...64 защитником С. в К. районном суде города Москвы был

назначен адвокат А., а в соответствии с заявкой № ...65 защитником П. – адвокат Пр.

4 июня 2019 г. адвокатской конторой... Коллегии адвокатов «...» адвокату З. был выдан ордер на защиту П. в К. районном суде города Москвы в порядке ст. 51 УПК РФ. Номер заявки в ордере не указан.

5 июня 2019 г. адвокатской конторой... Коллегии адвокатов «...» адвокату М. был выдан ордер на защиту С. в К. районном суде города Москвы в порядке ст. 51 УПК РФ. Номер заявки в ордере не указан.

АИС АПМ адвокаты З. и М. защитниками подсудимых П. и С. не назначались. В материалах дисциплинарного производства содержатся сведения о направлении 6 июня 2019 г. секретарем судебного заседания К. районного суда города Москвы Щ. в адвокатскую контору... Коллегии адвокатов «...» телефонограммы о выделении адвокатов в порядке ст. 51 УПК РФ. Вместе с тем указанная дата не соответствует датам выдачи ордеров.

6 июня 2019 г. адвокат М. на основании личного заявления ознакомился в К. районном суде города Москвы с материалами уголовного дела...

7 июня 2019 г. адвокат А. прибыл в К. районный суд города Москвы, предъявил ордер... на защиту С. «на стадии предварительного следствия», после чего на основании личного заявления был ознакомлен с материалами уголовного дела...

10 июня 2019 г., в 14.00, было открыто судебное заседание К. районного суда города Москвы по уголовному делу... В указанное судебное заседание в числе прочих лиц явились защитники подсудимого С., адвокаты М. и А., а также защитник подсудимого П. – адвокат З. Обсудив вопрос об освобождении

от участия в деле адвоката А., который представил ордер... на защиту С., суд постановил освободить его от участия в деле. Уголовное дело было рассмотрено судом с участием защитника подсудимого С., адвоката М., и защитника подсудимого П., адвоката З.

Рассматривая доводы представлений вице-президента Адвокатской палаты города Москвы... о том, что адвокаты М. и З. 10 июня 2019 г. приняли на себя защиту подсудимых С. и П. (соответственно) в К. районном суде города Москвы по уголовному делу... в нарушение Правил распределения поручений на участие адвокатов Адвокатской палаты города Москвы в качестве защитников в уголовном судопроизводстве по назначению дознавателя, следователя или суда в порядке статей 50 и 51 УПК РФ, утвержденных Решением Совета Адвокатской палаты города Москвы от 27 сентября 2018 г. № 128 (в редакции Решения Совета Адвокатской палаты города Москвы от 20 декабря 2018 г. № 182), Совет, соглашаясь с Комиссией, приходит к выводу, что они нашли свое подтверждение в ходе рассмотрения настоящего дисциплинарного производства.

В своих объяснениях адвокаты М. и З. вступление в уголовное дело помимо АИС АПМ не отрицали, полагают, что они имели право вступить в уголовное дело в качестве защитников подсудимых С. и П. (соответственно) на основании телефонограммы, поступившей из К. районного суда города Москвы в адвокатскую контору... Коллегии адвокатов «...», поскольку со слов лица, ее передавшего, в работе АИС АПМ произошел сбой, а их адвокатская контора «закреплена» за К. районным судом.

Вместе с тем сведения о сбое в работе АИС АПМ не соответствуют действительности, поскольку еще 27 мая

2019 г. в АИС АПМ были созданы заявки №№ ...64 и ...65, в соответствии с которыми защитником С. в К. районном суде города Москвы был назначен адвокат А., а защитником П. – адвокат Пр. (соответственно).

Адвокаты М. и З. были осведомлены о том, что в работе АИС АПМ не было сбоя, поскольку в судебное заседание К. районного суда города Москвы 10 июня 2019 г. по уголовному делу... явился назначенный АИС АПМ защитник подсудимого С. – адвокат А., предъявивший ордер, в котором был указан номер соответствующей заявки, а вопрос об участии в деле адвоката А. обсуждался судом с участием адвокатов М. и З.

Кроме того, абз. 2 п. 4.1 Порядка назначения адвокатов в качестве защитников в уголовном судопроизводстве, утвержденного Решением Совета Федеральной палаты адвокатов от 15 марта 2019 г., установлено, что о принятом решении о назначении защитника в порядке, предусмотренном ст. 50 УПК РФ, дознаватель, следователь или суд уведомляют адвокатскую палату (представителей адвокатской палаты) с целью назначения в качестве защитника по уголовному делу того адвоката, которому адвокатская палата (представители адвокатской палаты) поручит участие в данном уголовном деле.

Настоящий Порядок применяется на всей территории Российской Федерации независимо от места назначения адвокатов в качестве защитников в уголовном судопроизводстве (п. 2.3 Порядка).

Согласно п. 4 Правил распределения поручений на участие адвокатов Адвокатской палаты города Москвы в качестве защитников в уголовном судопроизводстве по назначению дознавателя, следователя или суда в порядке статей 50 и 51 Уголовно-процессуального

кодекса Российской Федерации, а также в качестве представителей в гражданском и административном судопроизводстве по назначению суда в порядке статьи 50 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, статьи 54 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации (далее также – Правила), утвержденных Решением Совета Адвокатской палаты города Москвы от 27 сентября 2018 г. № 128 (в редакции Решения Совета Адвокатской палаты города Москвы от 20 декабря 2018 г. № 182), адвокаты, избравшие форму личного участия в делах по назначению, обязаны подать в отдел кадров Палаты на личном приеме заявление об избрании формы личного участия в делах по назначению, получить инструкцию по регистрации в личном кабинете АИС АПМ и пройти регистрацию в личном кабинете АИС АПМ посредством информационно-телекоммуникационной сети «Интернет».

При этом по смыслу положений п. 18 Правил ранее действовавший порядок оказания юридической помощи адвокатами, участвующими в качестве защитников в уголовном судопроизводстве по назначению дознавателя, следователя или суда, допускающий передачу телефонограммы о выделении адвоката не в Адвокатскую палату города Москвы, а в адвокатское образование, применяется не по усмотрению судьи, в производстве которого находится уголовное дело, а вводится распоряжением Президента Адвокатской палаты города Москвы.

Сопоставив приведенные выше правовые положения с установленными Комиссией обстоятельствами, Совет признает установленным, что адвокатами М. и З. был нарушен изложенный выше порядок оказания юридической помощи адвокатами, участвующими в

качестве защитников в уголовном судопроизводстве по назначению, тем самым они нарушили взаимосвязанные положения подп. 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», подп. 9 п. 1 ст. 9 и п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката, приняв 10 июня 2019 г. защиту подсудимых С. и П. (соответственно) в К. районном суде города Москвы по уголовному делу...

Одновременно с этим Совет отмечает ошибочность сведений, изложенных в описательно-мотивировочной части Заключения Комиссии (с. 11), о том, что адвокат М. в АИС АПМ не зарегистрирован, поскольку данные о его регистрации в действительности имеются. Однако это обстоятельство не только не влияет на законность и обоснованность выводов Комиссии относительно допущенного адвокатом М. дисциплинарного нарушения, но, напротив, является дополнительным свидетельством того, что адвокату М., как и адвокату З., также зарегистрированному в АИС АПМ, был достоверно известен надлежащий порядок назначения адвокатов в качестве защитников в уголовном судопроизводстве, утвержденный указанными решениями Совета Федеральной палаты адвокатов и Совета Адвокатской палаты города Москвы.

Определяя в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности адвокатов М. и З. за совершенный дисциплинарный проступок, Совет учитывает умышленный и грубый характер данных нарушений, свидетельствующий о намеренном игнорировании этими адвокатами требований уголовно-процессуального закона, Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокату-

ре в Российской Федерации», Кодекса профессиональной этики адвоката и решений органов адвокатского самоуправления, принятых в пределах их компетенции. Доводы адвокатов М. и З., выдвинутые ими в качестве обоснования своего вступления в дело в обход АИС АПМ, лишь подтверждают факт такого недопустимого игнорирования.

В то же время Совет учитывает, что адвокаты М. и З., имеющие длительный стаж адвокатской деятельности, ранее к дисциплинарной ответственности не привлекались, в ходе дисциплинарного разбирательства в Совете признали допущенное ими дисциплинарное нарушение, объяснив его ложно понятыми интересами обеспечения нужд судопроизводства.

В связи с этим Совет полагает необходимым применить к адвокатам М. и З. меру дисциплинарной ответственности в виде предупреждения как в наибольшей степени отвечающей требованию справедливости дисциплинарного раз-

бирательства, предусмотренному п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката.

На основании изложенного... Совет Адвокатской палаты города Москвы решил:

за нарушение взаимосвязанных положений подп. 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», подп. 9 п. 1 ст. 9 и п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката, выразившееся в принятии 10 июня 2019 г. адвокатом М. защиты подсудимого С., а адвокатом З. защиты подсудимого П. в К. районном суде города Москвы по уголовному делу... по назначению суда в нарушение установленного порядка оказания юридической помощи адвокатами, участвующими в качестве защитников в уголовном судопроизводстве по назначению, применить к адвокатам М. и З. меру дисциплинарной ответственности в виде предупреждения (каждому).

1.5. Совет прекратил статус адвоката за злоупотребление доверием и предательство интересов доверителя.

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе... рассмотрел в закрытом заседании 30 октября 2019 г. дисциплинарное производство в отношении адвоката К. ...возбужденное по жалобам Б. от 17 июня, 5 и 16 сентября 2019 г.

В соответствии с Заключением Квалификационной комиссии от 25 сентября 2019 г. адвокатом К. допущены:

– нарушение п. 2 и 3 ст. 5 Кодекса профессиональной этики адвоката, что выразилось в том, что он без ведома и соответствующего поручения Б., действующей в своих интересах и интересах своего несовершеннолетнего сына Х., в период с 15 марта по 10 апре-

ля 2018 г. принял участие в рассмотрении Б. районный судом города Москвы гражданского дела... по иску ООО «...» к Х. и Б., действуя как их представитель, использовав при этом доверенность от 25 марта 2016 г., которая ранее ему была выдана с целью оказания Б. и ее несовершеннолетнему сыну Х. квалифицированной юридической помощи, и намеренно не предпринял достаточных действий для защиты прав и интересов Б. и ее несовершеннолетнего сына Х., фактически действуя в интересах их процессуального оппонента ООО «...»;

– ненадлежащее, вопреки предписаниям п. 6 ст. 10 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнение

профессиональных обязанностей перед доверителем Б., которое выразилось в том, что после завершения оказания в 2017 году юридической помощи доверителям Б. и Х. он не вернул им ранее выданную на его имя доверенность от 25 марта 2016 г., удостоверенную нотариусом города Москвы...

Вместе с тем Квалификационной комиссией в Заключении от 25 сентября 2019 г. сделаны выводы о необходимости прекращения дисциплинарного производства в части дисциплинарного обвинения в том, что адвокат К. инициировал предъявление Ш. иска к Б. в Л. районный суд города М. Республики... а затем без ведома и поручения со стороны Б. представлял ее при рассмотрении судом исковых требований Ш., вследствие истечения сроков применения мер дисциплинарной ответственности, а также о необходимости прекращения в оставшейся части дисциплинарного производства вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушений законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Адвокат К. и заявительница Б. в заседание Совета не явились, явку представителей не обеспечили. Совет, принимая во внимание, что они были извещены надлежащим образом о времени и месте заседания Совета, адвокат ранее давал объяснения по дисциплинарным обвинениям, ходатайств об отложении рассмотрения дисциплинарного производства от адвоката и заявителя не поступало, а также с учетом требований п. 5 ст. 24 Кодекса профессиональной этики адвоката, устанавливающего, что неявка кого-либо из участников дисциплинарного производства не препятствует разбирательству и принятию решения, рассмотрел дисциплинарное

производство в отношении адвоката К. в отсутствие его участников.

Совет, рассмотрев дисциплинарное дело, в полном объеме соглашается с Заключением Квалификационной комиссии и ее выводами, поскольку они основаны на правильно и полно установленных обстоятельствах дела.

Так, установлено, что Б. первоначально обратилась к адвокату К. в связи с необходимостью защиты ее прав и интересов, а также прав и интересов несовершеннолетнего Х. в наследственных правоотношениях, возникших в связи со смертью Х.И., который являлся Б. мужем, а Х. – отцом. Между Б. и адвокатом К. были заключены два соглашения об оказании юридической помощи. В соответствии с п. 1.2 Соглашения (договора) абонентского юридического обслуживания от 5 марта 2013 г. адвокат К. принял поручение об оказании юридической помощи, связанной со вступлением Б. в наследство покойного Х.И. В п. 1.1 Соглашения (договора) оказания юридических услуг от 20 сентября 2013 г. его предмет сформулирован следующим образом: «оказывать юридические услуги претензионной работе, по представительству в судах первой, апелляционной инстанции, службе судебных приставов и пр. по поданному на Заказчика искового заявления от Х., М., Ф.». Действуя как представитель Б., адвокат К. принимал участие в рассмотрении следующих гражданских дел: № 02-5... по иску Б. к М. о признании права на обязательную долю в наследстве покойного Х.И., которое находилось в производстве П. районного суда города Москвы в период с 27 июня по 30 ноября 2016 г., № 2-1... по иску компании «...» к Ба., Б. (действующей в интересах несовершеннолетнего Х.), М., Ф., Х.С., о взыскании денежных средств с наследников покойного Х.И. по обяза-

тельствам наследодателя, которое находилось в производстве П. районного суда города С. в период с 22 сентября 2014 г. по 15 августа 2016 г., № 2-5... по иску В. к Б-й, Б., М., Ф., Х.С. о взыскании денежных средств с наследников по обязательствам покойного Х.И., которое в период с 16 марта по 29 мая 2017 г. находилось в производстве Б. районного суда Н. области. Для участия в рассмотрении указанных дел Б., действуя от себя лично, а также от имени несовершеннолетнего Х., выдала адвокату К. несколько нотариально удостоверенных доверенностей. А именно, Б., действуя от имени несовершеннолетнего Х., выдала на имя адвоката К. доверенность от 9 ноября 2015 г., наделив последнего правами представителя в судебном разбирательстве. В материалы дисциплинарного производства текст этой доверенности не представлен, однако факт ее выдачи подтверждается представленным распоряжением об отзыве этой доверенности, подписанным Б. от имени Х. 21 августа 2017 года. 25 марта 2016 г. Б., действуя от себя лично, а также от имени несовершеннолетнего Х., выдала адвокату К. доверенность с правом представления в судебных, административных и правоохранительных органах. Текст указанной доверенности, как и распоряжения Б. и Х., в лице Б. о ее отмене, датированные 24 мая 2018 г., имеются в материалах дисциплинарного производства. Доверенность от 22 августа 2017 г., выданная Б. на имя адвоката К., в материалах дисциплинарного производства отсутствует. Однако факт ее выдачи подтверждается представленным распоряжением об отмене указанной доверенности, подписанным Б. 30 августа 2017 г. Оказывая юридическую помощь Б. и Х., адвокат К. получил информацию о характере правоотношений, сложившихся в связи с наследова-

нием Х. имущества покойного Х.И., в частности, о приобретении Х. в порядке наследования доли в праве общей долевой собственности на нежилое помещение, расположенное по адресу: город Москва, улица... дом.. корпус... 26 января 2018 г. в Б. районный суд города Москвы от ООО «...» поступило исковое заявление о взыскании с Б., действующей в интересах несовершеннолетнего Х., и с самого Х. задолженности, возникшей из договора подряда № 38-рн от 2 ноября 2016 г., подписанного между Х. и ООО «...», предметом которого являлось выполнение последним работ по ремонту нежилого помещения, расположенного по адресу: город Москва, улица... дом... корпус... 13 февраля 2018 г. указанное заявление было принято судом к производству. 15 февраля 2018 г. судом была проведена беседа со сторонами, а 10 апреля 2018 г. – судебное заседание, завершившееся постановлением судом решения о взыскании с Х. в лице Б. (суммы № 1) рублей задолженности по договору, (суммы № 2) рублей неустойки и (суммы № 3) рублей расходов по государственной пошлине. Как следует из протокола судебного заседания от 10 апреля 2018 г. и не оспаривается адвокатом К., он участвовал при рассмотрении указанного дела, действуя в качестве представителя Б. и Х. на основании доверенности от 26 марта 2016 г.

Давая оценку действиям адвоката К. применительно к дисциплинарным обвинениям в том, что адвокат К. участвовал при рассмотрении Б. районным судом города Москвы дела по иску ООО «...» о взыскании с Б., действующей в интересах несовершеннолетнего Х., и с самого Х. задолженности, возникшей из договора подряда № 38-рн от 2 ноября 2016 г., подписанного между Х. и ООО «...», без ведома и в отсутствие

соответствующего поручения с ее стороны, а также в том, что при рассмотрении этого дела адвокат К. намеренно действовал вопреки интересам Б. и Х., способствуя постановлению судебного акта о взыскании с них денежных средств, Совет учел следующие обстоятельства.

Адвокат К. в письменных объяснениях, предоставленных Квалификационной комиссией, указывал, что он участвовал в рассмотрении дела в Б. районном суде города Москвы по просьбе Б. и Х., предпринимая необходимые действия по защите их прав и интересов.

В соответствии с п. 1, 2 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» адвокатская деятельность осуществляется на основании соглашения между адвокатом и доверителем. Соглашение представляет собой гражданско-правовой договор, заключаемый в простой письменной форме между доверителем и адвокатом. Адвокатом К., несмотря на соответствующее предложение Квалификационной комиссии, соглашение об оказании юридической помощи, на основании которого им осуществлялось представительство Б. и Х. при рассмотрении указанного выше дела в Б. районном суде города Москвы, не представлено. В письменных объяснениях, данных Квалификационной комиссией, адвокат К. указывал, что представительство Б. и Х. в Б. районном суде города Москвы им осуществлялось на основании ранее заключенных с Б. соглашений об оказании юридической помощи. Вместе с тем в соглашениях от 5 марта и 20 сентября 2013 г. содержатся указания на конкретные поручения, принятые адвокатом К. в соответствии с этими соглашениями: оказание юридической помощи, связанной со вступлением Б. в наследство покойного Х.И. и

представительство Б. в споре с участием Х., М., Ф. Указанные соглашения заключены между адвокатом К. и Б. за четыре с половиной года до рассмотрения Б. районным судом города Москвы исковых требований ООО «...» к Б. и Х.

Адвокатом К. не представлено никаких доказательств того, что Б. в какой-либо форме обращалась к нему с просьбой об участии в гражданском деле по иску ООО «...». Более того, объяснения адвоката К. о том, что в 2018 году он осуществлял представительство Б. и Х. при рассмотрении требований ООО «...» в Б. районном суде города Москвы по «просьбе» Б., противоречат той части объяснений адвоката К., где им указано, что в 2016 году вследствие возникших у него подозрений в адрес В., Ч. и Б. в совершении преступления (подделка подписи), он, руководствуясь п. 4 ст. 6 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», был вынужден отказаться от оказания юридической помощи Б. и Ч. Объяснения адвоката К. о прекращении оказания юридической помощи Б. в 2017 году соответствуют позиции заявительницы Б., которая также указывает, что адвокат К. прекратил оказывать ей юридическую помощь начиная с августа 2017 года. В качестве мотива прекращения работы с адвокатом К. Б. указывает, что он предлагал ей разного рода «сомнительные схемы» ведения бизнеса. Намерение Б. прекратить осуществление представительства ее и несовершеннолетнего Х. адвокатом К. подтверждается фактом отзыва ею 21 и 31 августа 2017 г. двух ранее выданных на имя адвоката К. доверенностей.

Учитывая пояснения участников дисциплинарного производства о характере взаимоотношений, сложившихся между адвокатом К. и Б., Совет отклоня-

ет как надуманные доводы адвоката К. об обращении к нему Б. в 2018 году по поводу ее представительства при рассмотрении гражданского дела по иску ООО «...» в Б. районном суде города Москвы и о даче адвокатом К. согласия представлять Б. и Х. в указанном деле, тем более без заключения отдельного соглашения об оказании этой юридической помощи.

Специальная доверенность на представление Б. и Х. в Б. районном суде города Москвы адвокату К. не выдавалась. Он участвовал при рассмотрении дела на основании доверенности, выданной двумя годами ранее, 25 марта 2016 г., носящей общий характер, которая в нарушение п. 6 ст. 10 Кодекса профессиональной этики адвоката не была им возвращена Б. после завершения исполнения ею поручений в 2017 году.

Указанную доверенность Б., действуя от себя лично, а также от имени несовершеннолетнего Х., отозвала 4 мая 2018 г., чем косвенно подтверждается ее версия о том, что ранее эта доверенность не была отозвана по забывчивости, а действия по ее отзыву она предприняла после получения информации о ее использовании адвокатом К. вопреки интересам доверителей.

Совет также принял во внимание объяснения Б. о том, что о наличии в производстве Б. районного суда города Москвы гражданского дела по иску ООО «...» она узнала из базы информации о судебных делах, размещенной в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», 22 марта 2018 г., то есть после того, как по делу 15 марта 2018 г. была проведена беседа и значительно раньше 10 апреля 2018 г., когда по делу судом было проведено единственное заседание, по результатам которого суд постановил решение о взыскании с Б. и Х. денежных средств. Б.

ознакомилась с материалами дела до судебного заседания, имевшего место 10 апреля 2018 г., была осведомлена о характере требований ООО «...» и о том обстоятельстве, что от ее имени в рассмотрении дела участвует адвокат К. Вместе с тем никаких действий по прекращению полномочий адвоката К. она не предприняла, в судебное заседание с целью заявления возражений против исковых требований ООО «...» не явилась и иного представителя не направила. Данное обстоятельство могло бы свидетельствовать о том, что адвокат К., участвуя в судебном разбирательстве в Б. районном суде города Москвы, действовал как минимум с согласия Б. В то же время Б. в жалобе и ее представитель Ч. в устных объяснениях, данных Квалификационной комиссии, указанное обстоятельство объяснили следующим образом. После ознакомления Б. с материалами гражданского дела по иску ООО «...», находящегося в производстве Б. районного суда города Москвы, Б. и ее доверенное лицо Ч. сделали вывод о попытке совершения в отношении Б. и Х. противоправных действий. В связи с данными обстоятельствами Ч. 9 апреля 2018 г., накануне судебного заседания, назначенного на 10 апреля 2018 г., обратился с заявлением в органы внутренних дел. Светокопия первого листа заявления Ч., адресованного начальнику ГУ МВД России по городу Москве... с талоном-уведомлением... подтверждающим получение указанного заявления органами внутренних дел 9 апреля 2018 г., в 18.09, приобщена к материалам дисциплинарного производства. Со слов Ч., непосредственно после передачи заявления в органы внутренних дел он имел беседу с оперативными сотрудниками, которые посоветовали ему и Б. 10 апреля 2018 г. в судебное заседание не являться и иного предста-

вителя не направлять, чтобы признаки преступных деяний в действиях лиц, на которых указывали Б. и Ч., приобрели бы большую степень выраженности. Кроме того, Ч. не предполагал, что решение будет постановлено Б. районным судом города Москвы в первом же судебном заседании. Такое объяснение бездействия Б. и Ч. Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, признает достоверным, поскольку после постановления Б. районным судом города Москвы 10 апреля 2018 г. решения по исковым требованиям ООО «...» Б. отозвала доверенность, выданную адвокату К., выдала доверенность другому представителю, который от имени Х. обратился с апелляционной жалобой на указанное решение суда, мотивировав жалобу недобросовестностью адвоката К., представлявшего Х. при рассмотрении дела, неизвещением Б. о месте и времени рассмотрения дела вследствие неверного указания в исковом заявлении адреса ответчиков, подложностью договора подряда, на котором ООО «...» основывало исковые требования. Апелляционным определением судебной коллегии по гражданским делам М. городского суда от 14 марта 2019 г. решение Б. районного суда города Москвы от 10 апреля 2018 г. было отменено, производство по делу прекращено в связи с ликвидацией ООО «...» как юридического лица.

Адвокат К. в объяснениях, данных Квалификационной комиссии, свою причастность к оформлению договора подряда и иных документов между Х. и ООО «...» отрицал. Вместе с тем в материалы дисциплинарного производства предоставлены акты приема-передачи ключей от помещения, расположенного по адресу: город Москва, улица... дом... корпус... подписанные 3 ноября и 27 декабря 2016 г. адвокатом К., дей-

ствующим в качестве представителя Х., и представителем ООО «...».

Анализируя процессуальную позицию адвоката К. при рассмотрении требований ООО «...», Квалификационная комиссия в Заключении от 25 сентября 2019 г. отметила нижеследующие обстоятельства.

Как следует из искового заявления ООО «...» и постановленного Б. районным судом города Москвы 10 апреля 2018 г. решения, требования ООО «...» были обоснованы договором подряда № 38-рп от 2 ноября 2016 г., а также подписанными его сторонами актами выполненных работ от 12 ноября и 25 декабря 2016 г.

В материалы дисциплинарного производства представлен отзыв на исковое заявление, поданный 12 марта 2018 г. в Б. районный суд города Москвы от имени Б. и Х. и подписанный от имени Б., которая в своей жалобе и дополнениях к ней указывает, что ее подпись на отзыве является поддельной, данный документ она не подписывала. Поскольку отсутствуют какие-либо доказательства того, что отзыв на исковое заявление ООО «...» был представлен в Б. районный суд города Москвы адвокатом К., утверждать о фальсификации подписи Б. на отзыве именно адвокатом К. нет оснований. Вместе с тем, как следует из протокола судебного заседания Б. районного суда города Москвы от 10 апреля 2018 г., а также из текста судебного решения, адвокат К. возражал против требований ООО «...», излагая позицию, содержащуюся в отзыве на исковые требования, а потому он несет ответственность за ее обоснованность и достаточность для защиты интересов Б. и Х. Возражая против требований ООО «...» об оплате стоимости выполненных работ в размере (суммы № 1) рублей, адвокат К. ссылался на недо-

статки выполненных работ, а именно вздутие ламината (общая площадь около 10 кв. м), неравномерность окраски стен на кухне (общая площадь 4 кв. м), трещина на штукатурке на стене на кухне, протечка в смесителе душевой. Вместе с тем в соответствии с п. 1–3 ст. 720 ГК РФ заказчик обязан осмотреть и принять выполненную работу (ее результат), а при обнаружении отступлений от договора или иных недостатков, ухудшающих результат работы, немедленно заявить об этом подрядчику. Заказчик, обнаруживший недостатки в работе при ее приемке, вправе ссылаться на них в случаях, если в акте или ином документе, удостоверяющем приемку, были оговорены эти недостатки либо возможность последующего предъявления требований об их устранении. Если иное не предусмотрено договором подряда, заказчик, принявший работу без проверки, лишается права ссылаться на недостатки работы, которые могли быть установлены при обычном способе ее приемки. Очевидно, что в силу изложенных норм законодательства при наличии подписанных от имени заказчика Х. актов сдачи-приемки работ исполнителя, в которых никакие недостатки выполненных ООО «...» не были указаны, само по себе заявление относительно наличия претензий в отношении качества выполненных работ достаточным основанием для отказа в удовлетворении требований ООО «...» об оплате выполненных работ являться не могло. Адвокат К., будучи профессиональным советником по юридическим вопросам, действуя добросовестно, мог и должен был представить при рассмотрении требований ООО «...» доказательства ненадлежащего качества выполненных им работ, в частности, приобщить к материалам дела фотографии недостатков работ ООО «...», обратиться к специа-

листу на предмет проверки объема и качества выполненных ООО «...» работ, заявить ходатайство о назначении по данному вопросу судебной строительно-технической экспертизы. Ничего этого им сделано не было, никакие доказательства в опровержение требований ООО «...» адвокатом К. предоставлены не были. Фактически возражения против требований истца с его стороны носили формальный характер. В результате при наличии возражений ответчика относительно их качества, предполагающих сложный предмет доказывания, суд, руководствуясь предоставленными ООО «...» актами приемки выполненных работ, рассмотрел его требования о взыскании стоимости строительных работ в одном судебном заседании, которое согласно его протоколу длилось 35 минут (открыто в 15.00, закрыто в 15.35).

Заявителем Б. в материалы дисциплинарного производства представлено заключение специалиста... от 13 июня 2018 г., в котором по результатам проведенного почерковедческого исследования сделан вывод о том, что подпись от имени Х. на договоре подряда на выполнение ремонтных работ № 38-рпот 2 ноября 2016 г., вероятно, выполнена не Х., а иным лицом. Адвокат К., участвуя в рассмотрении дела в качестве представителя Х., никак не удостоверился в принадлежности своему доверителю подписи на договоре, на котором ООО «...» основывало иски о взыскании.

В исковом заявлении, которое было подано ООО «...» в Б. районный суд города Москвы, копия которого имеется в материалах дисциплинарного производства, адрес проживания Б. и Х. был указан как Н. область ... район, РП ... ул. ... д. 01. Вместе с тем по данному адресу ни Б., ни Х. никогда

не проживали. В доверенности, в которой адвокат К. обосновывал свои полномочия как представителя Б. и Х., был указан иной их адрес: Н. область ... район, РП ... ул. ... д. 02. Если бы адвокат К., установив несоответствие в номере дома, обратился к Б., по поручению которой, как он утверждает, он действовал, с вопросом относительно точного адреса ее места проживания, то установил бы, что на момент рассмотрения дела она уже проживала и была зарегистрирована по адресу: город Москва... проезд, д. ... кв. ... Однако этого адвокатом К. сделано не было. В результате судебные извещения направлялись Б. по адресу Н. область ... район, РП ... ул. ... д. 02, где она фактически никогда не проживала. Неизвещение Б. и Х. о дате и времени судебного разбирательства впоследствии было указано судебной коллегией по гражданским делам М. городского суда в качестве основания отмены постановленного Б. районным судом города Москвы 10 апреля 2018 г. решения.

На основании изложенного Совет соглашается с Квалификационной комиссией и приходит к выводу, что приведенные выше недостатки правовой позиции адвоката К. при рассмотрении требований ООО «...» не могут быть объяснены просто низкой квалификацией или недостаточной подготовкой к участию в рассмотрении данного спора, но вкупе с иными, описанными выше обстоятельствами свидетельствуют о его намеренном процессуальном бездействии с целью способствовать вынесению судом решения об удовлетворении требований ООО «...» к Б. и Х. При этом участие в данном гражданском деле адвоката К. в качестве представителя ответчика для суда фактически легитимизировало заявленные ООО «...»

исковые требования и представленные в их обоснование документы.

При рассмотрении дисциплинарного дела Квалификационной комиссией изучены два письма, направленные по электронной почте адвокатом К. в адрес Б. Электронное письмо, датированное 12 марта 2018 г., содержит текст следующего содержания: «...*Вашего пугливого представителя, не умеющего держать мужского слова и которого вы активно поддержали во вранье и в подлости, разыскивают люди, которым он должен по договору денег. Чем дальше он будет скрываться, тем хуже положение, выше процент за просрочку по договору. Пора в столь престарелом возрасте научиться отвечать за свои слова. Не хватало его еще отлавливать перед судом или у вас на даче. Пусть уже не стесняется и звонит людям, как он "обещал". Люди ждут его с деньгами. С уважением, адвокат К.*». В письме от 17 апреля 2018 г. указывается: «...*страусиная политика до добра не доводит. Общий долг уже около 15 млн по суду. Что делать? Когда представитель отдаст деньги? С уважением, адвокат К.*» (орфография и пунктуация сохранены. – Примеч. Совета). Адвокат К. в письменных объяснениях, данных Квалификационной комиссии, направление указанных писем в адрес Б. не отрицал, дав этому следующее объяснение: «*Исполняя обязанности адвоката я неоднократно предупреждал Б. о том, что есть решение суда (П. районный суд г. С., вступило в законную силу 29.11.2018) на основании которого она должна будет... денежные средства и с выплатой долга лучше не тягивать. Я также говорил о том, что действия Ч. по различным "схемам" могут привести только к увеличению долга. Об этом я сообщал в своей переписке ей. Может быть моя переписка*

была излишне эмоциональной, но я уже не знал, как донести до Б. свои опасения и то, что она обязана будет исполнить решение суда, что у службы судебных приставов есть полномочия по розыску должников и привлечению их к соответствующей ответственности» (орфография и пунктуация сохранены. – Примеч. Совета).

Совет критически относится к изложенным объяснениям адвоката К. Как следует из его собственных объяснений, он прекратил оказание юридической помощи Б. в 2017 году, заподозрив ее в совершении противоправных действий, а также в связи с невыплатой ему вознаграждения. Б. в жалобе факт прекращения оказания ей адвокатом К. юридической помощи в 2017 году подтверждает. Кроме того, как следует из содержания электронных писем адвоката К., в них содержатся фразы, которые в качестве консультирования доверителя в рамках оказания квалифицированной юридической помощи интерпретированы быть не могут: *«туглого представителя, не умеющего держать мужского слова, которого вы активно поддерживали во вранье и в подлости»* (в отношении действий представителя Б. и ее лично), *«пора в столь престарелом возрасте научиться отвечать за свои слова»* (в отношении представителя или лично Б.), *«не хватало еще его отлавливать перед судом или у вас на даче»* (в отношении представителя Б.). В последней фразе адвокат К. фактически солидаризируется с «людьми», о претензиях которых к представителю Б. он пишет в письме, указывая на свое участие в принятии решения «отлавливать» представителя Б. перед судом или у нее на даче.

При указанных обстоятельствах Совет признает объяснения адвоката К.

относительно обстоятельств принятия им поручения и направленности его действий при участии в рассмотрении спора по требованиям ООО «...» к Б. и Х. недостоверными, несостоятельными и отклоняет их, соответствующие дисциплинарные обвинения признает подтвержденными материалами дисциплинарного производства, а презумпцию добросовестности адвоката К. в этой части опровергнутой.

В соответствии с п. 2, 3 ст. 5 Кодекса профессиональной этики адвоката адвокат должен избегать действий (бездействия), направленных к подрыву доверия. Злоупотребление доверием несовместимо со званием адвоката.

Адвокат К., приняв без ведома и ответственного поручения Б. в период с 15 марта по 10 апреля 2018 г. участие в рассмотрении гражданского дела № 02-14... в Б. районном суде города Москвы по исковым требованиям ООО «...» к Б. и Х., используя при этом доверенность от 25 марта 2016 г., которая ранее была выдана на его имя с целью оказания квалифицированной юридической помощи Б. и Х. и адвокатом К., в нарушение законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре не возвращена, намеренно не предприняв достаточных действий в защиту их прав и интересов, фактически действуя в интересах ООО «...», злоупотребил доверием Б., нарушив тем самым требования п. 2 и 3 ст. 5 Кодекса профессиональной этики адвоката.

Совет соглашается с Квалификационной комиссией и в части, касающейся нарушения адвокатом К. требований п. 6 ст. 10 Кодекса профессиональной этики адвоката, которое выразилось в том, что по завершении оказания в 2017 году юридической помощи Б. и Х. он вплоть до 24 мая 2018 г. не вернул доверителям ранее выданную на его имя доверенность от 25 марта 2016 г.

Избирая в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности адвоката К. за совершенные нарушения, Совет принимает во внимание, что они являются умышленными и грубыми, сопряжены с неисполнением фундаментальных требований законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и Кодекса профессиональной этики адвоката. Совет также отмечает, что недопустимое профессиональное поведение адвоката К., выразившееся в предательстве интересов доверителя, наносит вред авторитету адвокатуры и направлено к подрыву доверия к ней, что согласно п. 3 ст. 5 Кодекса профессиональной этики адвоката несовместимо со званием адвоката. С учетом совокупности указанных обстоятельств Совет считает действия адвоката К. несовместимыми со статусом адвоката и приходит к выводу о применении к нему меры дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса адвоката, как в наибольшей степени отвечающей требованию соразмерности и справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренному п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката. Применение более мягкой меры дисциплинарной ответственности Совет считает невозможным еще и по той причине, что это давало бы основание считать подобное поведение допустимым для адвоката.

Определяя в соответствии с требованиями п. 7 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката срок, по истечении которого К. может быть допущен к сдаче квалификационного экзамена на присвоение статуса адвоката, Совет с учетом всей совокупности приведенных выше обстоятельств считает необходимым установить этот срок продолжительностью в 3 (три) года.

Одновременно с этим Совет соглашается с Заключением Квалификационной комиссии о необходимости прекращения настоящего дисциплинарного производства в отношении адвоката К. как вследствие истечения сроков применения мер дисциплинарной ответственности, так и в связи с отсутствием в иных действиях (бездействии) адвоката нарушений законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

В части дисциплинарного обвинения в адрес адвоката К. в том, что он инициировал обращение Ш. с иском в суд, а затем, имея доверенность, без ведома и поручения со стороны Б. представлял ее при рассмотрении Л. районным судом города М. Республики... исковых требований Ш., Квалификационной комиссией установлено, что, как следует из информации, размещенной на официальном сайте указанного суда, 31 января 2017 г. судом было зарегистрировано исковое заявление Ш. к Б. о взыскании сумм по договору займа (гражданское дело № 2-89...). 1 февраля 2017 г. иск принят судом к производству. 22 февраля 2017 г. производство по делу было приостановлено в связи с назначением судом экспертизы. По делу состоялись судебные заседания 7 и 17 апреля, 10 и 22 мая, 1 июня 2017 г. В последнем судебном заседании производство по делу было прекращено в связи с отказом Ш. от иска. Заявительницей Б. предоставлен текст определения суда от 1 июня 2017 г. о прекращении производства по делу в связи с отказом Ш. от исковых требований. Из определения суда усматривается, что ответчиками по указанному гражданскому делу являлись Б., действующая в интересах сына Х., и Ф. В качестве представителей ответчиков в определении суда указаны Д. и К. Кого именно из ответчиков представлял К. при рассмотрении указанного дела, не ясно.

В соответствии с п. 5 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката (в редакции, действовавшей до внесения в нее изменений VIII Всероссийским съездом адвокатов 20 апреля 2017 г.) меры дисциплинарной ответственности могли быть применены к адвокату, если с момента совершения им нарушения прошло не более одного года. 20 апреля 2017 г. абз. 2 п. 5 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката был изложен в следующей редакции: «Меры дисциплинарной ответственности могут быть применены к адвокату, если с момента совершения им нарушения прошло не более двух лет, а при длящемся нарушении – с момента его прекращения (пресечения)».

Согласно разъяснениям Комиссии Федеральной палаты адвокатов РФ по этике и стандартам № 06/17 по вопросам применения п. 5, 7 ст. 18, п. 1.1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, утвержденным Советом Федеральной палаты адвокатов РФ 28 июня 2017 г. (Протокол № 4), доведенным до сведения членов адвокатского сообщества и других лиц путем опубликования в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» на официальном сайте Федеральной палаты адвокатов РФ <http://www.fparf.ru>, изменения, утвержденные VIII Всероссийским съездом адвокатов 20 апреля 2017 г., не имеют обратной силы и применяются к отношениям, возникшим после введения их в действие. Таким образом, двухлетний срок, предусмотренный абз. 2 п. 5 Кодекса профессиональной этики адвоката, применяется к действиям (бездействию) адвоката, совершенным после 20 апреля 2017 г. В том случае, если действия (бездействие) адвоката, ставшие предметом дисциплинарного разбирательства, начались до вступления указанных изменений в

силу и продолжают после введения их в действие, то к таким действиям (бездействию) адвоката подлежит применению двухлетний срок, предусмотренный абз. 2 п. 5 Кодекса профессиональной этики адвоката.

Поскольку определением Л. районного суда города М. Республики... от 1 июня 2017 г. производство по гражданскому делу № 2-89... прекращено в связи с отказом истца от иска, то в любом случае после 1 июня 2017 г. адвокат К. не мог представлять заявительницу и ее несовершеннолетнего сына в ходе рассмотрения указанного гражданского дела. Жалоба Б. от 5 сентября 2019 г. поступила в Адвокатскую палату города Москвы 12 сентября 2019 г. ...дисциплинарное производство было возбуждено Президентом Адвокатской палаты города Москвы 19 сентября 2019 г.

В силу положений подп. 3 п. 3 ст. 21 Кодекса профессиональной этики адвоката одним из обстоятельств, исключающих возможность дисциплинарного производства, является истечение сроков применения мер дисциплинарной ответственности. Согласно положениям п. 8 ст. 23 Кодекса профессиональной этики адвоката Квалификационная комиссия обязана вынести заключение по существу, если к моменту возбуждения дисциплинарного производства не истекли сроки, предусмотренные ст. 18 настоящего Кодекса. В соответствии с подп. 5 п. 9 ст. 23 Кодекса профессиональной этики адвоката дисциплинарное производство подлежит прекращению вследствие истечения сроков применения мер дисциплинарной ответственности. При таких обстоятельствах Совет признает необходимость прекращения дисциплинарного производства в указанной части вследствие истечения сроков применения мер дисциплинарной ответственности.

В оставшейся части дисциплинарных обвинений Совет соглашается с Квалификационной комиссией и признает презумпцию добросовестности адвоката К. не опровергнутой. В заключении Комиссии приведены исчерпывающие обоснования этого вывода, которые Совет полностью разделяет.

При таких обстоятельствах Совет признает необходимость прекращения дисциплинарного производства в оставшейся части вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушений законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Совет разъясняет заявительнице Б., что правовая оценка действиям Ку., адвоката К. и иных лиц по предъявлению к Ч., Б., В. и Ма. требований, основанных на договоре займа и договорах поручительства, которые Б. считает сфальсифицированными, может быть дана правоохранительными органами и судом в рамках соответствующих процедур, предусмотренных гражданско-процессуальным и уголовно-процессуальным законодательством. К компетенции дисциплинарных органов Адвокатской палаты города Москвы это не относится.

На основании изложенного... Совет Адвокатской палаты города Москвы решил:

1) применить к адвокату К. меру дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса адвоката с установлением в отношении К. срока, по истечении которого он допускается к сдаче квалификационного экзамена на приобретение статуса адвоката, продолжительностью 3 (три) года, за:

– нарушение п. 2 и 3 ст. 5 Кодекса профессиональной этики адвоката, выразившееся в том, что адвокат К. без ведома и соответствующего поручения Б., дей-

ствующей в своих интересах и интересах своего несовершеннолетнего сына Х., в период с 15 марта по 10 апреля 2018 г. принял участие в рассмотрении Б. районным судом города Москвы гражданского дела № 02-14... по иску ООО «...» к Х. и Б., действуя как их представитель, использовав при этом доверенность от 25 марта 2016 г., которая ранее ему была выдана с целью оказания Б. и ее несовершеннолетнему сыну Х. квалифицированной юридической помощи, и намеренно не предпринял достаточных действий для защиты прав и интересов Б. и ее несовершеннолетнего сына Х., фактически действуя в интересах их процессуально-го оппонента ООО «...»;

– ненадлежащее, вопреки предписаниям п. 6 ст. 10 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнение профессиональных обязанностей перед доверителем Б., которое выразилось в том, что после завершения оказания в 2017 году юридической помощи доверителям Б. и Х. адвокат К. не вернул им ранее выданную на его имя доверенность от 25 марта 2016 г., удостоверенную нотариусом города Москвы...

2) прекратить дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката К. по жалобам Б.:

– в части дисциплинарного обвинения в том, что адвокат К. инициировал предъявление Ш. иска к Б. в Л. районный суд города М. Республики... а затем без ведома и поручения со стороны Б. представлял ее при рассмотрении судом исковых требований Ш., вследствие истечения сроков применения мер дисциплинарной ответственности;

– в оставшейся части – вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушений законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

1.6. Совет прекратил дисциплинарное производство, указав, что адвокат, находясь в сложной ситуации, хотя и не в полной мере исполнил требования, содержащиеся в Разъяснении Совета, но совершил ряд необходимых и важных действий, направленных на соблюдение права обвиняемого пользоваться помощью выбранных им защитников, и в его действиях отсутствует вина в совершении дисциплинарного проступка.

Совет Адвокатской палаты города Москвы... рассмотрел в закрытом заседании 30 октября 2019 г. дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката К. по жалобе Р. от 19 июня 2019 г.

В соответствии с Заключением Квалификационной комиссии от 9 октября 2019 г. дисциплинарное производство в отношении адвоката К. подлежит прекращению вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката, и надлежащего исполнения адвокатом профессиональных обязанностей перед доверителем.

Заявитель Р. и адвокат К., надлежащим образом извещенные о дне, времени и месте рассмотрения дисциплинарного производства, в заседание Совета не явились, ходатайств об отложении рассмотрения дисциплинарного производства не заявили. Совет считает возможным рассмотреть дисциплинарное производство в отсутствие неявившихся участников, поскольку ими ранее давались пояснения, а в соответствии с п. 5 ст. 24 Кодекса профессиональной этики адвоката неявка кого-либо из участников дисциплинарного производства не препятствует разбирательству и принятию решения.

Совет, рассмотрев дисциплинарное производство, соглашается с Заключением Квалификационной комиссии о прекращении дисциплинарного производства, однако считает необходимым

изменить мотивировку, приведенную Комиссией в обоснование этого вывода. Приходя к такому решению, Совет исходит из следующего.

Квалификационная комиссия правильно установила и описала в Заключении фактические обстоятельства проведения судебных заседаний М. городского суда 16 и 18 апреля 2019 г., а также действия адвоката К. в ходе судебного заседания 18 апреля 2019 г. по рассмотрению апелляционных жалоб защиты на постановление Б. районного суда города Москвы от 14 марта 2019 г., в соответствии с которым обвиняемым Р., Ю. и И. продлены сроки содержания под стражей. В частности, в защиту обвиняемого Р. с апелляционной жалобой обратился его защитник по соглашению, адвокат С.

В судебном заседании М. городского суда 16 апреля 2019 г. с целью выполнения требований уголовного-процессуального закона и рассмотрения замечаний обвиняемых И. и Ю. на протокол судебного заседания принято решение об отложении рассмотрения материала на 18 апреля 2019 г., в 11.00. Защитник обвиняемого Р., адвокат С., категорически возражал против назначения судебного заседания на указанную дату в связи с необходимостью его участия в ранее назначенном судебном разбирательстве с участием присяжных заседателей в... городском суде М. области. О невозможности своего участия именно 18 апреля 2019 г., в дату, на которую было отложено судебное заседание, защитник обвиняемого Р., адвокат С., незамедли-

тельно, с указанием уважительной причины, сообщил в судебном извещении и электронном письме, направленном по официальному электронному адресу М. городского суда... и просил отложить рассмотрение материала на любой день после 18 апреля 2019 г., приложив извещения... городского суда М. области о назначении судебных заседаний на 17 и 18 апреля 2019 г.

16 апреля 2019 г., в 17.34, судья М. городского суда А. разместила в АИС Адвокатской палаты города Москвы заявку на осуществление защиты Р. в М. городском суде в порядке, предусмотренном ст. 50 и 51 УПК РФ. Указанную заявку принял адвокат К., которому адвокатской конторой №... Коллегии адвокатов «...» 17 апреля 2019 г. выдан ордер... на осуществление защиты Р. в М. городском суде.

17 апреля 2019 г. адвокат К. в М. городском суде ознакомился с материалом в отношении Р. и других обвиняемых.

18 апреля 2019 г. адвокат С. в судебное заседание М. городского суда по рассмотрению материала... в апелляционном порядке не явился по указанной выше уважительной причине. Адвокат К. явился в указанное судебное заседание и принял участие в нем в качестве назначенного защитника обвиняемого Р.

После объявления председательствующим состава суда, а также участников судебного разбирательства обвиняемый Р. заявил отвод председательствующему, мотивировав его тем, что: «Мы не просили назначать нам адвокатов в порядке ст. 51 УПК РФ». Адвокатом К. заявленный отвод поддержан. Постановлением суда в отводе председательствующему отказано.

После разъяснения председательствующим прав и обязанностей участникам процесса обвиняемый Р. попросил

объявить перерыв для согласования позиции с адвокатом, назначенным в порядке ст. 51 УПК РФ, указав, что он не обращался с просьбой о назначении ему этого адвоката, что нарушает его права и обязанности. Заявленное Р. ходатайство адвокатом К. поддержано. Постановлением суда судебное заседание продолжено в прежнем составе.

Затем в судебном заседании был объявлен перерыв для ознакомления с постановлениями суда о рассмотрении замечаний на протокол судебного заседания, об отказе в восстановлении срока апелляционного обжалования обвиняемому И. и для консультаций обвиняемых с адвокатами.

В дальнейшем при рассмотрении вопроса об истребовании документа, на основании которого ходатайства следователя о продлении срока содержания под стражей трех обвиняемых рассматриваются в одном судебном заседании, обвиняемый Р. отказался выразить свое мнение. Адвокат К. оставил данный вопрос на усмотрение суда.

После этого обвиняемый Р. обратился с ходатайством об ознакомлении его с обращением о назначении ему защитника на основании ст. 51 УПК РФ и об отложении судебного разбирательства ввиду нарушения его права на защиту. Адвокат К. заявленное Р. ходатайство поддержал, указав, что у Р. имеется защитник – адвокат по соглашению, и Р. не выражал согласия на вступление в дело адвоката по назначению. Суд постановил отказать в удовлетворении заявленного Р. ходатайства, поскольку его адвокат был извещен надлежащим образом о дате и времени судебного заседания, процессуальным законодательством предусмотрен сокращенный, трехдневный, срок для рассмотрения материалов о продлении срока содержания под стражей, и суд не вправе его нарушать.

В дальнейшем при рассмотрении различных процессуальных вопросов (об освобождении от участия в процессе защитников иных обвиняемых, назначенных в соответствии со ст. 51 УПК РФ, ввиду прибытия защитников-адвокатов по соглашению, об отложении рассмотрения дела, приобщении к материалу документов, предоставленных адвокатами иных обвиняемых, истребовании документов, о вызове свидетелей) обвиняемый Р. заявлял о невозможности высказать по ним свое мнение, так как он лишен права на защиту и, соответственно, лишен возможности участия в судебном заседании. Адвокат К. по вопросам о замене иных защитников высказывался нейтрально, не возражал против ходатайств или оставлял их на усмотрение суда. Ходатайства об отложении рассмотрения материала по различным основаниям о приобщении документов, предоставленных иными адвокатами, адвокат К. поддерживал.

Заявленный впоследствии адвокатом И. отвод председательствующему обвиняемый Р. и адвокат К. поддержали.

После этого председательствующая судья проинформировала участников разбирательства о том, что адвокаты С., П., Г. и Г-в, извещенные надлежащим образом о дате, времени и месте судебного заседания, для участия в нем не явились, и повторно поставила на обсуждение вопрос о возможности рассмотрения апелляционных жалоб при такой явке. Обвиняемый Р. против рассмотрения жалоб возражал, указывая, что он не может реализовать свое право на защиту и выстроить «линию защиты», так как отсутствует его адвокат по соглашению. Адвокат К. позицию Р. поддерживал.

На стадии судебного следствия после того, как судья... доложила материал, обвиняемый Р. заявил, что он не

знает позицию своего адвоката, в связи с чем не может участвовать в судебном заседании и выразить свое мнение по обсуждаемым вопросам. Адвокат К. поддержал доводы апелляционных жалоб.

По вопросу о возможности рассмотрения апелляционных жалоб без повторной проверки материалов, которые были исследованы судом первой инстанции, адвокат К. сказал, что считает это возможным, а обвиняемый Р. заявил, что он лишен права на защиту и не может высказать свое мнение.

В судебных прениях обвиняемый Р. повторно заявил, что не обращался с просьбой о назначении ему защитника в порядке ст. 51 УПК РФ, обратил внимание на то, что ему не была предоставлена возможность конфиденциального общения с адвокатом, так как при этом присутствовал секретарь судебного заседания. Свидетельские показания не подтверждают его причастности к совершению преступления. Обвиняемый Р. обратил внимание на то обстоятельство, что в отношении него материалы судом исследованы не были, он лишен права на защиту, просил отменить постановление суда первой инстанции. Адвокат К. в своей речи сослался на нарушение в отношении Р. конституционных норм и положений УПК РФ, указав, что постановление суда первой инстанции носит формальный характер, и отметил, что суд не исследовал часть материалов, которые могли повлиять на его выводы. Адвокат К. настаивал на отсутствии подтверждения того, что обвиняемый Р. может скрыться от следствия и суда, оказывать давление на свидетелей либо иным образом воспрепятствовать производству по делу, попросил принять во внимание те обстоятельства, что Р. является гражданином РФ, имеет семью, детей, не имеет недвижимости за грани-

цей, просил постановление суда первой инстанции отменить как незаконное и необоснованное.

По результатам разбирательства судом апелляционной инстанции вынесено постановление об оставлении постановления Б. районного суда города Москвы от 14 марта 2019 г. без изменения.

Оценивая профессиональное поведение адвоката К. в сложившейся ситуации, Совет прежде всего обращает внимание на то, что судья М. городского суда... не приняла заявленный обвиняемым Р. отказ от защитника, адвоката по назначению К., со ссылкой на положения п. 9, 10 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 ноября 2012 г. № 26 «О применении норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде апелляционной инстанции», согласно которым в силу ч. 11 ст. 108, ч. 3 ст. 107, ч. 8 ст. 109 УПК РФ на постановления судьи об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу или домашнего ареста и о продлении срока содержания под стражей или домашнего ареста либо об отказе в этом в течение трех суток со дня их вынесения могут быть принесены в порядке, установленном ст. 389.3 УПК РФ, апелляционные жалоба, представление, подлежащие рассмотрению в тот же срок со дня поступления жалобы или представления в суд апелляционной инстанции. С учетом сокращенных сроков рассмотрения апелляционных жалоб (представления) на решения по ходатайствам об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу или домашнего ареста либо о продлении срока ее действия участники уголовного судопроизводства должны быть извещены о месте, дате и времени судебного заседания в срок, достаточный для обеспечения их участия в нем.

Квалификационная комиссия посчитала достаточным основанием для участия адвоката К. в качестве защитника обвиняемого Р. при рассмотрении судом апелляционной инстанции М. городского суда 18 апреля 2019 г. апелляционных жалоб на постановление Б. районного суда города Москвы о продлении срока содержания под стражей то обстоятельство, что председательствующим судьей... ходатайства обвиняемого Р. об отказе от защитника К. и обеспечении участия в судебном заседании адвоката С. были рассмотрены и дважды отклонены судом. Отказ в удовлетворении ходатайств обвиняемого Р. суд апелляционной инстанции также мотивировал сокращенным трехдневным сроком рассмотрения материалов о продлении срока содержания под стражей, не отрицая уважительности причин неявки адвоката С. в судебное заседание 18 апреля 2019 г.

Между тем в соответствии с Разъяснением Совета Адвокатской палаты города Москвы от 18 января 2016 г. «Об участии в уголовном судопроизводстве защитников по назначению» «...защитнику по назначению, отказ от которого, заявленный в установленном законом порядке, не принят дознавателем, следователем или судом с вынесением соответствующего процессуального решения, при определении своей дальнейшей позиции следует исходить из следующего. В соответствии с ч. 2 ст. 52 УПК РФ отказ от защитника необязателен для дознавателя, следователя и суда. Вместе с тем само по себе наличие у указанных субъектов уголовного судопроизводства права не принять отказ от защитника не означает, что они могут пользоваться этим правом произвольно либо в целях, не соответствующих конституционным требованиям и назначению уголовного судопроизводства (ст. 6

УПК РФ). В соответствии с требованиями ст. 11, 16, 243 УПК РФ, именно на орган или должностное лицо, осуществляющие от имени государства производство по уголовному делу, возложена обязанность обеспечить всем участникам судопроизводства реализацию их прав и законных интересов. Пленум Верховного Суда РФ в п. 18 Постановления от 30 июня 2015 г. № 29 “О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве” указал, что “Суд может не признать право обвиняемого на защиту нарушенным в тех случаях, когда отказ в удовлетворении ходатайства либо иное ограничение в реализации отдельных правомочий обвиняемого или его защитника обусловлены явно недобросовестным использованием ими этих правомочий в ущерб интересам других участников процесса, поскольку в силу требований части 3 статьи 17 Конституции Российской Федерации осуществление прав и свобод человека не должно нарушать права и свободы других лиц”. Указанное разъяснение Пленума Верховного Суда РФ о недопустимости злоупотреблений правом на защиту, однако, ни в коей мере не означает, что другие участники судопроизводства, и в особенности те из них, которые осуществляют властные полномочия, могут злоупотреблять ими, тем более путем ущемления конституционного права на защиту. При этом в соответствии с требованиями ч. 4 ст. 7 УПК РФ определения суда, постановления судьи, прокурора, следователя, дознавателя должны быть законными, обоснованными и мотивированными.

Основываясь на этих требованиях закона и правовых позициях высших судов РФ, Европейского Суда по правам человека в их системном истолковании,

Совет Адвокатской палаты города Москвы считает, что отказ от защитника по назначению при наличии у того же лица защитника по соглашению может быть не принят дознавателем, следователем или судом лишь в том случае, когда процессуальное поведение защитника по соглашению, либо поведение подозреваемого, обвиняемого при реализации права на свободный выбор защитника, будучи явно недобросовестным, ущемляет конституционные права других участников судопроизводства. Иными словами, непринятие отказа от защитника по назначению при наличии защитника по соглашению может являться законным и обоснованным лишь в том случае, когда действия или бездействие подозреваемого, обвиняемого при реализации права на свободный выбор защитника и/или действие или бездействие защитника по соглашению противоречат требованиям закона либо представляют собой злоупотребление правом на защиту, и такое нарушение или злоупотребление дезорганизует ход дознания, предварительного следствия либо судебного заседания, то есть направлено на срыв судебного процесса либо досудебного производства по делу. Следовательно, продолжение участия в деле защитника по назначению при наличии у того же лица защитника по соглашению не может рассматриваться как недопустимое дублирование функций защиты, нарушающее конституционное право подозреваемого, обвиняемого на свободный выбор защитника, только при условии, что процессуальное решение дознавателя, следователя или суда, которым отклонен заявленный отказ от защитника по назначению, не только вынесено в соответствии с требованиями закона, но и содержит указание именно на такое поведение подозреваемого, обвиняемого и/или за-

щитника (защитников) по соглашению, с приведением конкретных фактических обстоятельств, подтверждающих обоснованность этого вывода. Процессуальное решение органа или лица, осуществляющего производство по уголовному делу, которым отклонен заявленный отказ от защитника по назначению, не содержащее такого обоснования, а принятое лишь со ссылкой на наличие дискреционного полномочия, предусмотренного ч. 2 ст. 52 УПК РФ, не может, как явно не соответствующее требованиям ч. 4 ст. 7 УПК РФ, являться законным и достаточным основанием продолжения участия в деле защитника по назначению, дублирующего защитника по соглашению, и вынуждает защитника по назначению устраниваться от участия в деле в соответствии с п. 2 настоящих Разъяснений».

Председательствующий судья... свои протокольные постановления об отказе в удовлетворении ходатайств обвиняемого Р. об отказе от защитника К. мотивировала следующим образом:

«Отказать в удовлетворении ходатайства обвиняемого Р., принимая во внимание, что адвокаты в защиту обвиняемых были извещены надлежащим образом о дате и времени судебного заседания, предусмотрены короткие сроки для рассмотрения ходатайства о продлении меры пресечения в виде заключения под стражу в течение 3 суток, и суд не вправе их нарушать» (с. 6 протокола судебного заседания от 18 апреля 2019 г.);

«Рассмотреть апелляционные жалобы при данной явке участников процесса, принимая во внимание надлежащее извещение участников процесса о дате и времени судебного заседания. Согласно материалам дела апелляционные жалобы были направлены посредством почты всем участникам про-

цесса. Кроме того, суд принимает во внимание установленные законом сроки для рассмотрения материалов о продлении меры пресечения в виде заключения под стражу в течение 3 суток» (с. 12 протокола судебного заседания от 18 апреля 2019 г.).

Как следует из содержания указанных протокольных постановлений судьи, в них отсутствуют указания на поведение обвиняемого Р. и/или его защитника по соглашению, адвоката С., противоречащее требованиям закона либо представляющее собой злоупотребление правом на защиту. Отсутствуют в них и ссылки на конкретные фактические обстоятельства, свидетельствующие о попытках дезорганизации хода судебного заседания или его срыва со стороны К. и/или его защитника по соглашению. Таким образом, в соответствии с Разъяснением Совета от 18 января 2016 г. «Об участии в уголовном судопроизводстве защитников по назначению» приведенные выше протокольные постановления не могли как явно не соответствующие требованиям ч. 4 ст. 7 УПК РФ рассматриваться в качестве достаточного основания продолжения участия в деле защитника по назначению, адвоката К., дублирующего защитника по соглашению, адвоката С. В этой ситуации правильным и полностью соответствующим интересам подзащитного профессиональным поведением адвоката К. было бы устранение от участия в деле в соответствии с пунктом 2 указанных выше Разъяснений.

Совет отмечает, что адвокат К. знал о добросовестном процессуальном поведении защитника по соглашению, адвоката С., который не только принял участие в первоначально назначенном судебном заседании М. городского суда 16 апреля 2019 г., но и незамедлительно сообщил о наличии явно уважительной

причины невозможности явки в судебное заседание 18 апреля 2019 г. в связи с участием в ранее назначенном судебном заседании с участием присяжных заседателей. При этом он готов был участвовать в судебном заседании М. городского суда начиная с 19 апреля 2019 г. При таких обстоятельствах со всей очевидностью отсутствовали какие-либо признаки недобросовестного поведения защитника по соглашению и, тем более, злоупотребления им своими правами.

В свою очередь, адвокат К., ознакомившись с материалами 17 апреля 2019 г., также знал о том, что, согласно извещению Б. районного суда города Москвы от 5 апреля 2019 г. все дополнительные документы должны подаваться напрямую в М. городской суд в срок до 10 апреля 2019 г., поскольку «не позднее, чем за 7 дней до даты рассмотрения в суде апелляционной инстанции, дело будет передано в М. городской суд» (с. 38 материалов дела). Таким образом, материалы должны были поступить в М. городской суд не позднее 9 апреля 2019 г. Следовательно, согласно требованиям п. 9, 10 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 ноября 2012 г. № 26 «О применении норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде апелляционной инстанции» судебное заседание М. городского суда должно было состояться не позднее 12 апреля 2019 г. Несмотря на это, оно было впервые назначено только на 16 апреля 2019 г., то есть с нарушением трехсуточного срока, не говоря уже о том, что предметом обжалования было постановление суда первой инстанции, вынесенное 14 марта 2019 г., более месяца назад от даты первоначально назначенного судебного заседания суда апелляционной инстанции.

При таких обстоятельствах мотивировка приведенных выше протокольных постановлений суда необходимостью соблюдения трехсуточного срока рассмотрения апелляционных жалоб на постановление о продлении срока содержания под стражей явно противоречит фактическим обстоятельствам движения материалов и, в частности, их поступления в М. городской суд и срока назначения судебного заседания. В связи с этим указание на соблюдение трехсуточного срока является лишь формальной ссылкой на нормативное регулирование, сделанной без учета всех конкретных фактических обстоятельств.

Совет считает, что реализация конституционного права на защиту, неотъемлемой и основополагающей составной частью которого является право на свободный выбор защитника, имеет приоритет перед формальным соблюдением сроков рассмотрения материалов дел или уголовных дел. Это тем более верно, когда именно обвиняемый (подозреваемый), в интересах которого и установлен сокращенный срок рассмотрения апелляционной жалобы на продление срока содержания под стражей, обращается к суду с просьбой обеспечить реализацию права на защиту, понимая при этом, что данными действиями будут нарушены формальные процессуальные сроки.

При таких обстоятельствах Совет приходит к выводу о том, что адвокатом К. в сложившейся ситуации не в полной мере были исполнены требования, содержащиеся в Разъяснении Совета Адвокатской палаты города Москвы от 18 января 2016 г. «Об участии в уголовном судопроизводстве защитников по назначению».

В соответствии с п. 1 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката при-

менение мер дисциплинарной ответственности возможно только тогда, когда адвокатом умышленно или по грубой неосторожности нарушены требования законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и Кодекса профессиональной этики адвокатов.

Между тем правильно установленные и указанные Квалификационной комиссией в Заключении фактические обстоятельства участия адвоката К. в судебном заседании М. городского суда 18 апреля 2019 г. свидетельствуют о том, что в его действиях отсутствовали умысел или грубая неосторожность, в том числе по отношению к ненадлежащему исполнению Разъяснения Совета Адвокатской палаты города Москвы от 18 января 2016 г. «Об участии в уголовном судопроизводстве защитников по назначению». Совет отмечает, что сложившаяся ситуация представляла определенную сложность, при этом адвокат К. совершил ряд необходимых и значимых действий, направленных на соблюдение права обвиняемого Р. на свободный выбор защитника. Поведение адвоката К. в судебном заседании 18 апреля 2019 г. в целом свидетельствует о признании им приоритета прав доверителя и необходимости их защиты и не является недобросовестным.

При таких обстоятельствах Совет приходит к выводу о том, что в действиях адвоката К. отсутствует вина в совершении дисциплинарного проступка, в связи с чем дисциплинарное производство в соответствующей части подлежит прекращению. Вместе с тем Совет обращает внимание адвоката К. на необходимость более тщательного анализа ситуации и неукоснительного соблюдения решений органов адвокатского самоуправления, принятых в пределах их компетенции. Совет также напоминает адвокату К. о том, что

в сложной этической ситуации адвокат вправе обратиться в Совет за разъяснением, в котором ему не может быть отказано.

В оставшейся части Совет полностью соглашается с Квалификационной комиссией в оценке установленных фактических обстоятельств и ее выводах. Так, Квалификационная комиссия дала правильную оценку доводу жалобы о том, что адвокат К. 17 апреля 2019 г. не ознакомился с материалами, и не нашла оснований для удовлетворения жалобы в этой части. Комиссией приведено исчерпывающее обоснование этого вывода, которое Совет разделяет.

Применительно к доводу жалобы о том, что адвокат К. не провел с обвиняемым Р. конфиденциальную беседу с целью обсуждения позиции по делу, Совет также соглашается с Квалификационной комиссией и отмечает, что согласно протоколу судебного заседания апелляционной инстанции М. городского суда от 18 апреля 2019 г. по просьбе обвиняемого Р. в начале судебного заседания, на стадии разъяснения участникам процесса их прав и обязанностей, объявлялся перерыв для согласования Р. позиции с адвокатом К. Впоследствии, после доведения судом до участников процесса информации о результатах рассмотрения судом первой инстанции замечаний обвиняемых Ю. и И. на протокол судебного заседания, судом также объявлялся перерыв, в том числе для консультаций обвиняемых с адвокатами. Таким образом, и это не оспаривается заявителем Р., беседа относительно позиции в судебном заседании адвокатом К. с ним была проведена, дополнительно Р. была предоставлена возможность получить консультации. В части довода о том, что беседа между адвокатом К. и обвиняемым Р. не носила конфиденциального характера, Квалификационная комис-

сия отмечает, что после вступления адвокатом К. 17 апреля 2019 г. в дело в качестве защитника обвиняемого Р. в суде апелляционной инстанции, учитывая назначенную дату судебного заседания 18 апреля 2019 г., возможность посетить обвиняемого Р. в следственном изоляторе, где тот находился, с целью проведения конфиденциальной беседы в следственном кабинете у адвоката К. отсутствовала. Общение посредством видео-конференц-связи с использованием аппаратуры, установленной в М. городском суде и следственном изоляторе, для адвоката К. по сути являлось единственно возможным способом проведения беседы с обвиняемым Р. Очевидно, что использование видеоконференции допускало возможность слышать разговор между обвиняемым Р. и адвокатом К. для лиц, находившихся в помещениях, где была установлена используемая для видеоконференции аппаратура, как в здании М. городского суда, так и в здании следственного изолятора. Однако учитывая фактическую невозможность иным образом обеспечить реализацию обвиняемым Р. права на общение с адвокатом К. иным способом, действия последнего по осуществлению беседы с обвиняемым Р. посредством видеоконференцсвязи не могут быть признаны упречными.

Довод заявителя Р. о «непроявлении» адвокатом К. никакой реакции на его заявления о непонимании причин участия адвоката К. в судебном заседании и незавлении им после каждого такого заявления Р. ходатайств об объявлении перерыва Совет также отклоняет как несостоятельный. Причины, по которым адвокат К. участвует в судебном заседании, были доведены до сведения обвиняемого Р. судьей при рассмотрении заявленных Р. ходатайств об отказе от защитника, адвоката по назначению К.,

и обеспечении участия защитника, адвоката по соглашению С. На основании изложенного Совет рассматривает заявления обвиняемого Р. о непонимании им оснований участия адвоката К. в судебном заседании как способ выражения своего несогласия с таким участием. Соответствующее ходатайство обвиняемым Р. было заявлено, адвокатом К. поддержано и судом рассмотрено. Учитывая то, что, как указано выше, между адвокатом К. и обвиняемым Р. была проведена беседа относительно позиции в судебном заседании, непроведение адвокатом К. с обвиняемым Р. дополнительных консультаций относительно причин участия первого в судебном заседании упречным поведением не является. На этом основании в данной части дисциплинарных обвинений Совет не усматривает ненадлежащего исполнения адвокатом К. профессиональных обязанностей перед доверителем Р.

При таких обстоятельствах Совет признает презумпцию добросовестности адвоката К. не опровергнутой, а дисциплинарное производство подлежащим прекращению по основанию, предусмотренному подп. 2 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката.

На основании изложенного... Совет Адвокатской палаты города Москвы решил:

прекратить дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката К. по жалобе Р. от 19 июня 2019 г. ...вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката, и надлежащего исполнения адвокатом профессиональных обязанностей перед доверителем.

1.7. Совет прекратил дисциплинарное производство, поскольку доводы жалобы не нашли своего фактического и юридического подтверждения в ходе разбирательства.

Совет Адвокатской палаты города Москвы... рассмотрел в закрытом заседании 30 октября 2019 г. дисциплинарное производство, возбужденное по жалобе К. от 11 июня 2019 г.

В соответствии с Заключением Квалификационной комиссии от 25 сентября 2019 г. дисциплинарное производство в отношении адвоката Л. подлежит прекращению вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката, и надлежащего исполнения адвокатом профессиональных обязанностей перед доверителем.

Заявитель К. и адвокат Л., надлежащим образом извещенные о времени и месте рассмотрения дисциплинарного производства, в заседание Совета не явились, ходатайств об отложении рассмотрения дисциплинарного производства не заявили. Совет считает возможным рассмотреть дисциплинарное производство в отсутствие неявившихся участников, поскольку ими ранее давались пояснения, а в соответствии с п. 5 ст. 24 Кодекса профессиональной этики адвоката неявка кого-либо из участников дисциплинарного производства не препятствует разбирательству и принятию решения.

Совет, рассмотрев дисциплинарное производство, в полном объеме соглашается с Заключением Квалификационной комиссии и ее выводами, поскольку они основаны на правильно и полностью установленных обстоятельствах дела.

Так, установлено, что 29 мая 2019 г., в период времени с 15.35 до 18.30, заявитель К. был допрошен следователем...

отдела СЧ ГСУ ГУ МВД России по городу Москве... в качестве свидетеля по уголовному делу. В ходе дачи показаний К. подробно сообщил следователю об обстоятельствах трудоустройства и работы в ООО «...» и ответил на его вопросы.

В этот же день, 29 мая 2019 г., между Лу. и адвокатом Л. было заключено соглашение на оказание юридической помощи... на защиту К. «на следствии в ГСУ МВД ...АО города Москвы при проведении следственных действий при задержании».

29 мая 2019 г. адвокату Л. был выписан ордер... с указанием следующих данных: «защита по соглашению К. следствие ГСУ УВД ...АО».

30 мая 2019 г. К. в письменном виде на имя следователя подал заявление следующего содержания: *«Прошу допустить в качестве моего защитника адвоката Л. 30.05.2019. Подпись»*.

30 мая 2019 г., в 00.25, составлен протокол задержания подозреваемого К. в помещении служебного кабинета... УВД по ...АО ГУ МВД России по г. Москве. При оформлении задержания присутствовал защитник подозреваемого К., адвокат Л. По поводу задержания К. заявил: *«С задержанием не согласен, никакого преступления я не совершал. Подпись»*. По окончании задержания от подозреваемого К. и его защитника, адвоката Л., каких-либо заявлений и замечаний не поступило.

30 мая 2019 г., в период времени с 00.55 до 01.05, К. был допрошен в качестве подозреваемого «в совершении мошенничества, то есть хищении чужого имущества путем обмана и злоупотребления доверием, совершенном груп-

пой лиц по предварительному сговору, то есть в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 159 Уголовного кодекса Российской Федерации». Допрос проводился с участием адвоката Л. Как следует из протокола допроса, подозреваемый К. пояснил: «[...] На момент допроса чувствую себя хорошо, задаваемые вопросы мне понятны, не возражаю против проведения следственных и процессуальных действий с участием защитника Л. В настоящее время от дачи каких-либо показаний по существу моего подозрения в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 159 УК РФ не желаю, желаю воспользоваться ст. 51 Конституции Российской Федерации. Более к сказанному в данный момент мне добавить нечего» (орфография и пунктуация сохранены. – Примеч. Совета). От подозреваемого К. и его защитника, адвоката Л., каких-либо заявлений и замечаний не поступило.

В этот же день, 30 мая 2019 г., в 02.25, К. было предъявлено обвинение в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 159 УК РФ. В процедуре предъявления обвинения принимал участие защитник, адвокат Л. Текст постановления о привлечении в качестве обвиняемого прочитан лично К. По окончании процедуры предъявления обвинения копия постановления вручена обвиняемому К. и его защитнику, адвокату Л.

30 мая 2019 г., в период времени с 02.45 по 02.55, К. был допрошен в качестве обвиняемого. В ходе допроса принимал участие защитник обвиняемого К., адвокат Л. Обвиняемый К. вину в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 159 УК РФ, не признал, от дачи показаний отказался. Как следует из протокола допроса, «По существу предъявленного обвинения об-

виняемый К. показал следующее: «Сущность предъявленного обвинения мне разъяснена и понятна. Виновным себя по предъявленному обвинению не признаю, указанное преступление не совершал. В настоящее время по существу предъявленного мне обвинения давать показания не желаю, желаю воспользоваться ст. 51 Конституции Российской Федерации. Более пояснить ничего не желаю»». От обвиняемого К. и его защитника, адвоката Л., заявлений о ходе и результатах допроса, а также замечаний к протоколу допроса не поступило.

31 мая 2019 г. Т. районным судом города Москвы обвиняемому К. была избрана мера пресечения в виде заключения под стражу. В качестве защитника обвиняемого К. в судебном заседании Т. районного суда города Москвы принимал участие адвокат М., представивший ордер... «на защиту прав и интересов обвиняемого К. в Т. райсуде г. Москвы при рассм. ход-ва об избрании меры пресечения» (орфография и пунктуация сохранены. – Примеч. Совета). Основанием для выдачи ордера явилось «Соглашение № 185 от 31.05.2019».

Давая оценку установленным выше фактическим обстоятельствам, Совет соглашается с анализом и выводами Квалификационной комиссии относительно доводов жалобы.

Материалами дисциплинарного производства подтверждено, что основанием для вступления адвоката Л. в уголовное дело в качестве защитника К. является соглашение. Сопоставление предмета Соглашения на оказание юридической помощи от 29 мая 2019 г. ... (пункт 1.1) и ордера адвоката Л. от 29 мая 2019 г. ... свидетельствует о том, что адвокат Л. принял на себя поручение на защиту подозреваемого (обвиняемого) К. на стадии предварительного расследования в форме предварительного

следствия, которое проводилось следователями УВД по ...АО ГУ МВД России по г. Москве. Соглашение на защиту К. было заключено с Лу., сведения о которой изложены в его тексте. Указанных сведений достаточно для верификации лица, заключившего соглашение в интересах обвиняемого (подозреваемого). То обстоятельство, что Лу., по всей видимости, не является родственником К., не влияет на вывод о правомерности заключения ею соглашения об оказании юридической помощи К., а само это соглашение полностью соответствует требованиям ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации».

Совет соглашается с выводом Квалификационной комиссии о том, что доводы жалобы К. в части якобы имевшей место «схемы обхода автоматизированной программы назначения адвокатов в порядке ст. 51 УПК РФ» не нашли своего фактического и юридического подтверждения.

Доводы заявителя К. о том, что ему не было известно об основаниях участия адвоката Л. в уголовном деле и о том, что он выражал свое несогласие на защиту его интересов адвокатом Л., также не нашли своего фактического подтверждения. Совет отмечает, что вступление адвоката Л. в уголовное дело в качестве защитника было обусловлено предварительным согласием подозреваемого К., которое ясно выражено и изложено им в письменном заявлении от 30 мая 2019 г. на имя следователя. Адвокат Л. ночью 30 мая 2019 г. принял участие в четырех процессуальных действиях: составлении протокола задержания подозреваемого, допросе подозреваемого, предъявлении обвинения и допросе обвиняемого К. В ходе каждого процессуального действия следователь предлагал подозреваемому (обвиняемо-

му) К. изложить свои заявления и принести замечания на соответствующие протоколы. Между тем заявитель К. ни разу не воспользовался своим правом на возражения и заявления, в том числе об отказе от защитника, адвоката Л. При этом, как свидетельствуют протоколы следственных и процессуальных действий, имеющиеся в материалах дисциплинарного производства, подозреваемый (обвиняемый) К. активно пользовался принадлежащими ему правами: давал показания, отказывался от дачи показаний, давал краткие пояснения и пользовался иными правами. Более того, при проведении следственного действия, допроса подозреваемого, К. в протоколе прямо заявил, что «не возражает против проведения следственных и процессуальных действий с участием защитника Л.».

Совет также отмечает, что указанные выше процессуальные действия были проведены 30 мая 2019 г., в период с 00.25 по 02.55. В указанный промежуток времени подозреваемый (обвиняемый) К. каких-либо показаний по существу подозрения (обвинения) не давал. В связи с этим отсутствовали какие-либо основания для возникновения противоречивых позиций между заявителем К. и адвокатом Л. В свою очередь адвокат Л. не проявлял какой-либо процессуальной активности, которая могла бы быть воспринята заявителем К. как действия, направленные против его интересов или его позиции.

Из протокола судебного заседания Т. районного суда города Москвы от 31 мая 2019 г. также усматривается, что ни самим К., ни его защитником по соглашению, адвокатом М., при рассмотрении ходатайства органа следствия об избрании заявителю меры пресечения в виде заключения под стражу не делалось заявлений о нарушении права К. на

защиту в связи с участием в деле защитника, адвоката Л.

Наконец, К. – совершеннолетний, имеющий среднее образование, не состоящий на учете у наркологов и психиатров, работавший на должностях агента и директора офиса ООО «...».

При таких обстоятельствах Совет отклоняет как несостоятельные доводы жалобы заявителя К. о якобы имевшемся у него желании иметь другого адвоката-защитника и отсутствии возможности сделать соответствующее заявление об этом.

На основании изложенного Совет признает презумпцию добросовестности адвоката Л. не опровергнутой, а

дисциплинарное производство подлежащим прекращению по основанию, предусмотренному подп. 2 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката.

На основании изложенного... Совет Адвокатской палаты города Москвы решил:

прекратить дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката Л. вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката, и надлежащего исполнения адвокатом профессиональных обязанностей перед доверителем.

3.1.8. Адвокатам объявлено предупреждение за ненадлежащее исполнение ими своих профессиональных обязанностей, выразившееся в том, что они не предприняли всех необходимых действий для установления движения искового заявления доверителя, поданного вместе с заявлением о принятии мер по обеспечению иска.

Совет Адвокатской палаты города Москвы... рассмотрел в закрытом заседании 30 октября 2019 г. с участием представителя заявительницы Г-ой, гражданина Е. ...дисциплинарное производство в отношении адвокатов П. и С., возбужденное по жалобе Г-ой от 11 июня 2019 г.

В соответствии с Заключением Квалификационной комиссии от 25 сентября 2019 г. адвокатами П. и С. допущено ненадлежащее, вопреки положениям подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнение профессиональных обязанностей перед доверителем Г-ой, которое выразилось в неосуществлении ими в период с 27 декабря 2017 г. по 19 февраля 2018 г. всех возможных мер для установления движения иско-

вого заявления Г-ой о разделе общего имущества с Г-им, которое было подано в Н. районный суд города Москвы 21 декабря 2017 г. вместе с заявлением о принятии мер по обеспечению иска.

В оставшейся части дисциплинарное производство признано Квалификационной комиссией подлежащим прекращению вследствие отсутствия в иных действиях адвокатов нарушений норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Заявительница жалобы Г-ая в заседание Совета не явилась, направила своего представителя Е., который с Заключением Квалификационной комиссии согласился в полном объеме.

Адвокаты П. и С. в заседание Совета не явились, направили в Совет Адвокатской палаты города Москвы заявление от 28 октября 2019 г., в котором сообще-

ли, что с выводами Квалификационной комиссии, изложенными в Заключении от 25 сентября 2019 г., они согласны в полном объеме, нарушения, установленные Квалификационной комиссией, признают, а также сообщили о невозможности явки в заседание Совета в связи с профессиональной занятостью и просили рассмотреть дисциплинарное производство в их отсутствие

Совет, принимая во внимание, что адвокаты П. и С. были извещены надлежащим образом о времени и месте заседания Совета, ранее давали объяснения по дисциплинарным обвинениям, ходатайств об отложении рассмотрения дисциплинарного производства не заявляли и просили рассмотреть дисциплинарное производство в их отсутствие, а также с учетом требований п. 5 ст. 24 Кодекса профессиональной этики адвоката, устанавливающего, что неявка кого-либо из участников дисциплинарного производства не препятствует разбирательству и принятию решения, рассмотрел дисциплинарное производство в отношении адвокатов П. и С. в их отсутствие.

Совет, рассмотрев дисциплинарное производство, в полном объеме соглашается с Заключением Квалификационной комиссии и ее выводами, поскольку они основаны на правильно и полностью установленных обстоятельствах дела.

В результате дисциплинарного производства установлены факты ненадлежащего профессионального поведения адвокатов П. и С., выразившиеся в том, что, вопреки положениям подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, адвокаты П. и С. в период с 27 декабря 2017 г. по 19 февраля 2018 г. не предприняли всех возможных мер для

установления движения искового заявления Г-ой о разделе общего имущества с Г-им, которое было подано в Н. районный суд города Москвы 21 декабря 2017 г. вместе с заявлением о принятии мер по обеспечению иска.

Указанные нарушения нашли свое подтверждение в материалах дисциплинарного производства и признаны адвокатами П. и С.

Так, в соответствии с Соглашением об оказании правовой помощи от 13 декабря 2017 г. ...адвокаты П. и С. приняли поручение Г-ой представлять ее интересы в судебных органах РФ по вопросам расторжения брака, определения места жительства несовершеннолетнего ребенка, взыскания алиментов и разделе общего имущества, приобретенного в период брака с Г-им.

Согласно копии искового заявления, подписанного в качестве представителя Г-ой адвокатом П., содержащего требования Г-ой к Г-му о разделе общего имущества, приобретенного в период брака, с отметкой экспедиции Н. районного суда города Москвы о принятии, указанное исковое заявление было сдано в суд 21 декабря 2017 г. В исковом заявлении содержались требования о разделе приобретенного в период брака общего с Г-им имущества, включая квартиру, расположенную по адресу: Московская область ...район, г/п... рабочий поселок... ул. ... д. ... кв. ... а также 100% доли в уставном капитале ООО «...».

В качестве приложения № 15 к исковому заявлению Г-ой указаны «копии искового заявления для ответчика и третьих лиц». Никаких отметок об отсутствии данного приложения при принятии искового заявления экспедицией Н. районного суда города Москвы не было сделано. Тем не менее 26 декабря 2017 г. федеральным судьей Н. районного суда

города Москвы... вынесено определение об оставлении искового заявления Г-ой без движения по причине отсутствия копии искового заявления для ответчика. При этом, как следует из описи материалов гражданского дела, светоконья которой предоставлена менты с целью устранения недостатка поданного искового заявления (отсутствие копии для ответчика), на который указано в определении от 26 декабря 2017 г., в суд не представлялись.

В материалы дисциплинарного производства представлено вынесенное 19 февраля 2018 г. федеральным судьей Н. районного суда города Москвы... определение о принятии искового заявления Г-ой к производству. Ни о каком оставлении поданного искового заявления без движения и представлении в суд копии искового заявления для ответчика во исполнение ранее вынесенного определения суда в определении о принятии искового заявления к производству не указывается.

Как следует из информации о гражданском деле... в производстве Н. районного суда города Москвы по иску Г-ой к Г-му, размещенной на официальном портале судов общей юрисдикции в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» по адресу www.mos-gorsud.ru, исковое заявление Г-ой было зарегистрировано 16 февраля 2018 г. и в тот же день принято судом к производству. Какие-либо сведения о регистрации искового заявления после его поступления в суд 21 декабря 2017 г., об оставлении его без движения определением от 26 декабря 2017 г., о предоставлении истцом недостающих документов в информации о деле на сайте www.mos-gorsud.ru отсутствуют.

На основании изложенных обстоятельств Совет вслед за Квалификационной комиссией соглашается с выво-

дом, который разделяют все участники дисциплинарного производства, о том, что определение об оставлении искового заявления без движения от 26 декабря 2017 г. было вынесено судом без законных на то оснований, при этом на официальном портале судов общей юрисдикции в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» по адресу www.mos-gorsud.ru информация о движении искового заявления Г-ой отображалась некорректным образом, а именно, не была отображена информация о поступлении искового заявления в Н. районный суд города Москвы 21 декабря 2017 г. и оставлении его без движения определением суда от 26 декабря 2017 г. Также некорректно указана дата вынесения судом определения о принятии искового заявления Г-ой к производству: согласно данным сайта – 16 февраля 2018 г., согласно имеющемуся тексту определения о принятии искового заявления к производству – 19 февраля 2018 г.

Вместе с исковым заявлением 21 декабря 2017 г. в Н. районный суд города Москвы было сдано заявление о принятии мер по обеспечению иска, также подписанное в качестве представителя Г-ой, адвокатом П. Как следует из его текста, который имеется в материалах дисциплинарного производства, в указанном заявлении содержалась просьба о принятии мер по обеспечению иска в отношении имущества, составляющего предмет требований Г-ой, в частности, о запрете ИФНС России №... по городу Москве осуществлять любые регистрационные действия в отношении ООО «...», связанные с внесением изменений в учредительные документы, а также возможными реорганизацией и ликвидацией. Таким образом, на момент обращения в суд с исковыми требованиями адвокатам П., С. и их доверительни-

це Г-ой была очевидна необходимость принять процессуальные меры срочного характера для немедленной защиты интересов истца ввиду возможных действий ответчика, вследствие которых интересы Г-ой могли быть нарушены по причине невозможности исполнения судебного акта, который может быть постановлен по требованиям Г-ой. Такие действия адвокатами П. и С. были предприняты в виде составления заявления о принятии мер по обеспечению иска в порядке ст. 140 ГПК РФ и направления его в суд вместе с исковым заявлением 21 декабря 2017 г.

Поскольку заявление о принятии мер по обеспечению иска не могло быть рассмотрено судом до принятия искового заявления Г-ой к производству, обязанностью адвокатов П. и С. было предпринять все возможные меры для обеспечения принятия Н. районным судом города Москвы искового заявления Г-й к производству.

Вопрос о принятии искового заявления к производству в соответствии со ст. 133 ГПК РФ должен быть рассмотрен судом в течение пяти дней с момента его поступления в суд. Согласно ст. 141 ГПК РФ заявление об обеспечении иска рассматривается судом в день его поступления, о рассмотрении заявления судом выносится определение.

Руководствуясь изложенными нормами процессуального законодательства, адвокаты П. и С. должны были исходить из обязанности Н. районного суда города Москвы принять исковое заявление Г-ой к производству и рассмотреть заявление о принятии мер по обеспечению иска не позднее 26 декабря 2017 г.

Как следует из объяснений адвокатов П. и С., которые Квалификационная комиссия сочла достоверными, они пытались получить информацию

о движении искового заявления Г-ой и рассмотрении заявления о принятии мер по обеспечению иска на официальном портале судов общей юрисдикции в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», а также обращаясь с устными запросами к работникам канцелярии Н. районного суда города Москвы и к судьям. Однако на устные запросы адвокатов никакая информация представлена не была, на указанном выше официальном сайте какая-либо информация до 16 февраля 2018 г. отсутствовала.

Не располагая даже информацией о поступлении поданного 21 декабря 2017 г. искового заявления на рассмотрение судье, адвокаты П. и С. должны были предполагать, что это вызвано бездействием сотрудников аппарата суда, вследствие чего сданные в суд документы просто не были переданы судье, либо переданные документы судьей рассмотрены, и по ним приняты процессуальные решения, но вследствие технической ошибки эти действия не были отображены на официальном сайте суда, и о них не были осведомлены технические сотрудники суда, предоставляющие информацию участникам судебных разбирательств.

В соответствии с подп. 1, 8 п. 1 ст. 39 Федерального конституционного закона «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации» приемка и выдача документов, ведение учета движения дел и сроков их прохождения в суде осуществляются аппаратом суда. Таким образом, на основании имеющейся у них информации адвокаты П. и С. должны были полагать, что права их доверительницы Г-ой на принятие к производству и рассмотрение ее искового заявления, а также заявления о принятии мер по обеспечению иска в установленные процессуальным законодательством сроки

нарушаются вследствие ненадлежащего исполнения сотрудниками аппарата Н. районного суда города Москвы своих обязанностей.

Согласно подп. 1, 5 п. 3 ст. 35 Федерального конституционного закона «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации» организацию работы районного суда общей юрисдикции осуществляет его председатель. Он же осуществляет общее руководство аппаратом суда.

Совет соглашается с Квалификационной комиссией и полагает, что, начиная с 27 декабря 2017 г., когда процессуальные сроки для принятия искового заявления Г-ой к производству и рассмотрения заявления о принятии мер по обеспечению иска истекли, и на основании информации, которой располагали адвокаты П. и С., имело место нарушение прав их доверительницы вследствие ненадлежащего исполнения обязанностей аппаратом суда. Учитывая согласованную с Г-ой необходимость в совершении срочных действий по защите ее прав и интересов в форме мер по обеспечению иска, адвокаты П. и С., помимо формальных действий, направленных на получение информации относительно движения поданного искового заявления, могли и должны были предпринять возможные действия по защите нарушенных прав доверительницы Г-ой, в частности, посредством направления письменного обращения на имя председателя Н. районного суда города Москвы.

При направлении адвокатами П. и С. от собственного имени либо от имени заявительницы Г-ой письменного обращения на имя председателя Н. районного суда города Москвы относительно отсутствия движения по поданному в суд 21 декабря 2017 г. исковому заявлению они с высокой вероятностью по-

лучили бы информацию о вынесении судьей... 26 декабря 2017 г. определения об оставлении искового заявления без рассмотрения, после чего они могли бы предпринять действия по надлежащей защите прав доверителя в сложившейся ситуации, например, представить (фактически повторно) в суд копию искового заявления для ответчика Г-го.

Однако подобные, как и любые иные активные действия по защите прав доверительницы Г-ой, адвокатами П. и М. предприняты не были.

Указанное бездействие Совет признает ненадлежащим исполнением адвокатами профессиональных обязанностей перед доверительницей Г-ой, вопреки установленным положениями подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката обязанностям адвоката разумно, добросовестно, квалифицированно, своевременно, активно защищать права и интересы доверителя. То есть при наличии обстоятельств, обуславливающих необходимость принятия срочных процессуальных мер для защиты интересов доверителя, в частности, обращения с заявлением о принятии мер по обеспечению иска, обязанностью адвоката является не только составление соответствующего заявления и направление его в суд, но и осуществление всех возможных действий с целью добиться его рассмотрения судом в процессуальные сроки, предусмотренные законодательством.

При таких обстоятельствах Совет признает презумпцию добросовестности адвокатов П. и С. в отношении указанного дисциплинарного обвинения опровергнутой, а их вину в нарушении требований подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской дея-

тельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката установленной.

Избирая в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности адвокатов П. и С. за допущенное нарушение, Совет принимает во внимание, что оно было совершено по грубой неосторожности и привело к нарушению прав доверительницы в части непринятия своевременных мер, направленных на обеспечение иска. Вместе с тем Совет учитывает, что адвокаты П. и С. ранее к дисциплинарной ответственности не привлекались. При таких обстоятельствах Совет полагает необходимым применить к адвокатам П. и С. меру дисциплинарной ответственности в виде предупреждения как в наибольшей степени отвечающую требованиям соразмерности и справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренному п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката.

Одновременно с этим Совет соглашается с Заключением Квалификационной комиссии о необходимости прекращения настоящего дисциплинарного производства в отношении адвокатов П. и С. в оставшейся части.

В части дисциплинарного обвинения в адрес адвокатов П. и С. в том, что они «вынудили» заявительницу Г-ую нести расходы на нотариальное удостоверение выданной на их имя доверенности, Совет соглашается с Квалификационной комиссией и считает его явно надуманным. В соответствии с п. 1 ст. 53 ГПК РФ полномочия представителя на ведение дела должны быть выражены в доверенности, выданной и оформленной в соответствии с законом. Согласно п. 5 той же статьи полномочия адвоката

на ведение дела в суде удостоверяются ордером, выданным соответствующим адвокатским образованием. Как следует из п. 1 ст. 54 ГПК РФ, представитель вправе совершать от имени представляемого все процессуальные действия, однако полномочия на совершение ряда процессуальных действий, включая подписание искового заявления, предъявление исполнительного документа к взысканию, должны быть специально оговорены в доверенности. Из представленных в материалы дисциплинарного производства копий искового заявления и заявления о принятии мер по обеспечению иска усматривается, что они подписаны адвокатом П. в качестве представителя Г-ой. Протоколами заседаний Н. районного суда города Москвы по гражданскому делу... подтверждается, что Г-кая в судебных заседаниях 10 мая, 6 и 27 июня, 26 июля и 7 августа 2018 г. лично не участвовала, ее представительство осуществляли адвокаты на основании выданной доверенности. Таким образом, полномочия, предусмотренные выданной Г-ой на их имя доверенностью, адвокатами П. и С. были использованы для представления ее интересов в судебном разбирательстве. Какие-либо нарушения законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре со стороны адвокатов П. и С. в данной части отсутствуют.

Аналогичным образом Совет соглашается с Квалификационной комиссией и не усматривает ненадлежащего исполнения профессиональных обязанностей перед доверительницей Г-ой со стороны адвокатов П. и С. в связи с совершением ими процессуальных действий, на которые указывается в жалобе: заявлением ходатайств об отложении рассмотрения дела по причине неявки стороны спора, третьего лица, в связи с необходимостью ознакомления с его материалами

дела, даже если последующее, после отложения, ознакомление с материалами дела адвокатами не производилось. Органы адвокатского самоуправления не считают возможным вмешиваться в избранную адвокатом тактику ведения дела, в рамках которой адвокат, основываясь на собственных знаниях, опыте и понимании процессуальной ситуации, принимает решения о совершении тех либо иных процессуальных действий, настаивает на скорейшем рассмотрении дела либо предпринимает процессуальные шаги по его отложению. При этом следует отметить наличие очевидных технических ошибок, содержащихся в протоколах заседаний Н. районного суда города Москвы. Так, например, в протоколе судебного заседания от 7 августа 2018 г. в качестве представителя Г-ой указана «П-ва, гражданка РФ, личность установлена по паспорту». Аналогичная техническая ошибка содержится в протоколе судебного заседания от 10 мая 2018 г., где указано о заявлении представителем истца ходатайства об отложении рассмотрения дела «ввиду неявки истца». Очевидно, что указанные технические ошибки никак на права и обязанности Г-ой не повлияли, разумные основания настаивать на принесении адвокатами в данной части замечаний на протокол судебного заседания отсутствуют.

Совет соглашается с Квалификационной комиссией и считает также надуманным довод Г-ой о том, что адвокаты П. и С. не обратились с апелляционной жалобой на постановленное Н. районным судом города Москвы 7 августа 2018 г. решение и не разъяснили ей порядок его обжалования в апелляционном порядке. В тексте судебного решения, которое Г-ая получила от адвоката П., указано, что оно «может быть обжаловано сторонами в апелляцион-

ном порядке в Московский городской суд через Н. районный суд города Москвы в течение месяца со дня принятия решения суда в окончательной форме». Таким образом, о возможности обращения с апелляционной жалобой на решение Н. районного суда города Москвы от 7 августа 2018 г. Г-ая была осведомлена и признала это при рассмотрении дисциплинарного производства. При таких обстоятельствах Квалификационная комиссия считает достоверными объяснения адвокатов П. и С. о том, что Г-ая, зная о возможности обращения с апелляционной жалобой на указанное решение суда, такого намерения не высказывала, с соответствующими запросами к ним не обращалась. В устных пояснениях, данных Квалификационной комиссией при рассмотрении дисциплинарного производства, представитель Г-ой Е. пояснил, что обращение с жалобой в отношении адвокатов П. и С. в органы адвокатского сообщества обусловлено необходимостью использовать постановленные по результатам рассмотрения жалобы Г-ой решения для восстановления пропущенного срока на подачу апелляционной жалобы на решение Н. районного суда от 7 августа 2018 г. Кроме того, заявительница Г-ая не отрицает, что адвокат П. в январе 2019 года по ее поручению, действуя на основании не отозванной Г-ой доверенности, обращался в Федеральную службу судебных приставов России с заявлением о возбуждении исполнительного производства во исполнение решения Н. районного суда города Москвы от 6 июня 2018 г. о взыскании с Г-го в пользу Г-ой алиментов на содержание ребенка. Таким образом, в январе 2019 года Г-ая, безусловно зная о том, что решение Н. районного суда города Москвы от 7 августа 2018 г. ни ею, ни адвокатами П. и С. не было

обжаловано, выражала доверие адвокату П., поручая совершать от ее имени и в ее интересах юридически значимые действия. Поэтому в данной части дисциплинарных обвинений Совет ненадлежащего исполнения адвокатами П. и С. профессиональных обязанностей перед доверительницей Г-ой не усматривает.

В части утверждения заявительницы Г-ой о том, что невозможность признания за ней права на долю в ООО «...», приобретенную Г-им в период брака с нею, вызвана именно ненадлежащим исполнением профессиональных обязанностей адвокатами П. и С., Совет разъясняет, что в соответствии со статьями 23–25 Кодекса профессиональной этики адвоката в компетенцию Квалификационной комиссии и Совета входят установление факта нарушения адвокатом законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуры и применение мер дисциплинарной ответственности к адвокату, но не анализ материально-правовых последствий такого нарушения. Кроме того, заявительницей Г-ой при рассмотрении дисциплинарного производства не представлены документы, подтверждающие, вследствие каких юридических действий и когда именно Г-ий утратил право на 100% доли в уставном капитале ООО «...». Из данных Единого государственного реестра юридических лиц в отношении ООО «...» усматривается, что в феврале 2018 года в указанный реестр были внесены две записи: 13 и 26 февраля 2018 г. Причем последняя запись датирована периодом после принятия Н. районным судом искового заявления Г-ой к производству, в отношении которого заявительница претензий к адвокатам в части бездействия в связи с неприятием поданного в суд искового заявления не предъявляет. Кроме

того, как указывают адвокаты П. и С., и в данной части их объяснения подтверждаются заявительницей Г-ой, ими обсуждалась с Г-ой возможность оспаривания действий Г-го, направленных на прекращение у него права на 100% долей в уставном капитале ООО «...», однако Г-ой решение о предъявлении соответствующих требований не было принято, а в объеме ранее заключенного между адвокатами и Г-ой соглашения об оказании юридической помощи такое поручение не входит.

При указанных обстоятельствах Совет признает презумпцию добросовестности адвокатов П. и С. в оставшейся части дисциплинарных обвинений не опровергнутой, а дисциплинарное производство подлежащим прекращению вследствие отсутствия в действиях адвокатов нарушений норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуры, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

На основании изложенного... Совет Адвокатской палаты города Москвы решил:

1) применить к адвокату П. меру дисциплинарной ответственности в виде предупреждения за ненадлежащее, вопреки положениям подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуры в Российской Федерации» и п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнение им профессиональных обязанностей перед доверительницей Г-ой, которое выразилось в неосуществлении им в период с 27 декабря 2017 г. по 19 февраля 2018 г. всех возможных мер для установления движения искового заявления Г-ой о разделе общего имущества с Г-им, которое было подано в Н. районный суд города Москвы 21 декабря 2017 г. вместе с заявлением о принятии мер по обеспечению иска;

2) применить к адвокату С. меру дисциплинарной ответственности в виде предупреждения за ненадлежащее, вопреки положениям подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнение им профессиональных обязанностей перед доверительницей Г-ой, которое выразилось в неосуществлении им в период с 27 декабря 2017 г. по 19 февраля 2018 г. всех возможных мер для установления движения искового заяв-

ления Г-ой о разделе общего имущества с Г-им, которое было подано в Н. районный суд города Москвы 21 декабря 2017 г. вместе с заявлением о принятии мер по обеспечению иска;

3) прекратить в оставшейся части дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвокатов П. и С. по жалобе Г-ой от 11 июня 2019 г., вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвокатов нарушений законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

1.9. К адвокату применена мера дисциплинарной ответственности в виде предупреждения за ненадлежащее неисполнение ею профессиональных обязанностей защитника по назначению, выразившееся в том, что она не потребовала от следователя вынесения постановления, разрешающего устное ходатайство обвиняемой, и не совершила иных действий, направленных на защиту ее прав и законных интересов.

Совет Адвокатской палаты города Москвы... рассмотрел в закрытом заседании 30 октября 2019 г. дисциплинарное производство в отношении адвоката Р., возбужденное по жалобе К. от 6 мая 2019 г.

В соответствии с Заключением Квалификационной комиссии от 25 сентября 2019 г. адвокатом Р. допущено неисполнение, вопреки предписаниям подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 и ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката («Участвуя в судопроизводстве... адвокат должен... следить за соблюдением закона в отношении доверителя и в случае нарушений прав последнего ходатайствовать об их устранении»), профессиональных обязанностей перед доверителем К., выразившееся в том, что она не потребовала от следователя вынесения постановления, разрешающего устное ходатайство обвиняемой К., заявленное

ей 12 октября 2019 г. в ходе допроса в качестве обвиняемой в порядке, определенном правилами гл. 15 УПК РФ, и не совершила иных последовательных действий, указанных в разъяснении Совета Адвокатской палаты города Москвы от 2 марта 2004 г. «Об участии в делах по назначению», направленных на защиту прав и законных интересов обвиняемого.

Кроме того, Квалификационная комиссия пришла к выводу о необходимости прекращения в оставшейся части дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката Р. по жалобе К., вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Заявительница К. в заседание Совета Адвокатской палаты города Москвы не явилась, находится под стражей. Пред-

ставителя для участия в заседании Совета не направила.

Адвокат Р. в заседание Совета не явилась, представила письменные возражения и просила рассмотреть дисциплинарное производство в ее отсутствие. Совет, принимая во внимание, что адвокат Р. своевременно получила Заключение Квалификационной комиссии, ранее давала объяснения, представила письменные возражения, а также с учетом требований п. 5 ст. 24 Кодекса профессиональной этики адвоката, устанавливающего, что неявка кого-либо из участников дисциплинарного производства не препятствует разбирательству и принятию решения, рассмотрел дисциплинарное производство в отношении адвоката Р. в ее отсутствие.

Совет, рассмотрев дисциплинарное производство и Заключение Квалификационной комиссии, а также возражения адвоката Р., повторяющие доводы ее предыдущих объяснений, в полном объеме соглашается с фактическими обстоятельствами, установленными Квалификационной комиссией и изложенными в ее Заключении.

Так, установлены следующие фактические обстоятельства.

В производстве СЧ СУ УВД по ... АО ГУ МВД России по городу Москве находилось уголовное дело, возбужденное 25 апреля 2017 г. по ч. 4 ст. 159 УК РФ. С 14 ноября 2017 г. К., являющаяся одной из обвиняемых по делу, находится по стражей.

На основании Соглашения об оказании юридической помощи от 29 июня 2018 г. ...адвокат Коллегии адвокатов «...» Б. принял поручение на осуществление защиты К. 10 июля 2018 г. он вступил в уголовное дело в качестве защитника К. по соглашению.

5 октября 2018 г. адвокат Б. с помощью смс-сообщения был уведомлен о

проведении 9 октября 2018 г. следственных и иных процессуальных действий с участием его подзащитной К. в ФКУ СИЗО-... УФСИН России по городу Москве. 9 октября 2018 г. адвокат Б. по факсу направил следователю ходатайство о переносе даты проведения следственных действий (предъявление обвинения) с 9 октября 2018 г. на другую дату в связи с его профессиональной занятостью по уголовному делу, рассматриваемому мировым судьей судебного участка №... города К. Т. области и с просьбой «Уведомить его заблаговременно».

10 октября 2018 г. адвокат Б. был уведомлен по факсу о том, что по его просьбе предъявление обвинения К. переносится на 9.00 часов 11 октября 2018 года. 10 октября 2018 г. адвокат Б. по факсу направил следователю Е. ходатайство о переносе даты предъявления обвинения К. с 11 октября 2018 г. на более позднюю в связи с его профессиональной занятостью по уголовному делу, рассматриваемому мировым судьей судебного участка №... района города Т. и просьбой «Уведомить его заблаговременно с учетом требований статей 50 и 172 УПК РФ».

12 октября 2012 г., с 10.00 по 12.40, адвокат Б. находился в судебном заседании Х. районного суда города Москвы по уголовному делу в отношении М. 12 октября 2018 г. следователь Е. вынес постановление о назначении обвиняемой К. защитника Р. в порядке ст. 51 УПК РФ. 12 октября 2018 г. она прибыла в СИЗО и предоставила следователю Е. ордер... выданный ей на осуществление защиты К. по назначению в... отделе СЧ СУ УВД по ...АО ГУ МВД России по городу Москве, после чего с ее участием был проведен ряд следственных и процессуальных действий. В тот же день, 12 октября 2018 г., следовате-

лем Е. было вынесено постановление о полном удовлетворении ходатайства К. об отказе от защитника по назначению, адвоката Р.

Принимая во внимание данные адвокатом Р. объяснения о том, что 12 октября 2018 г. в помещении следственного изолятора следователь Е. предъявил ей письменные уведомления адвоката Б. о запланированных процессуальных действиях, список вызовов на номер телефона адвоката Б. и его переписку со следователем Е., имеющуюся в телефоне последнего, и ряд иных установленных в ходе дисциплинарного разбирательства обстоятельств, Квалификационная комиссия пришла к выводу о том, что 12 октября 2018 г. следователем Е. до адвоката Р. не доводилась информация о согласовании следователями следственной группы с адвокатом Б. места, даты и времени проведения следственных и иных процессуальных действий – 15 октября 2018 г. В отсутствие указанной информации адвокат Р. обоснованно полагала, что ввиду своей профессиональной занятости адвокат Б. не может принять участие в предъявлении К. обвинения в новой редакции и в проведении с ее участием иных процессуальных действий, а поэтому у следователя имеются предусмотренные ч. 3 ст. 50, п. 1 ч. 1, ч. 2 ст. 51 УПК РФ основания для его замены защитником по назначению.

С учетом изложенного Совет, как и Квалификационная комиссия, признает, что, вступив 12 октября 2018 г. в уголовное дело в качестве защитника К. по назначению следователя, адвокат Р. не допустила нарушений норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре.

Вместе с тем в Разъяснении Совета Адвокатской палаты города Москвы от 2 марта 2004 г. «Об участии в делах по

назначению» указано, что адвокатам, вступающим в уголовное судопроизводство по назначению, нередко приходится сталкиваться с нарушением следователями порядка замены участвовавшего ранее в деле и выбывшего из него по различным причинам защитника по соглашению – следователь не дает подозреваемому или обвиняемому возможности реализовать право в течение отпущенного законом срока (от одних до пяти суток) заключить соглашение с новым адвокатом, а в нарушение закона сразу же привлекает адвоката по назначению. В случае, если обвиняемый (подозреваемый) заявляет об отказе от защитника по назначению, адвокат обязан потребовать от следователя вынесения постановления, разрешающего заявленное ходатайство в порядке, определенном правилами главы 15 УПК РФ. При отказе следователя вынести соответствующее постановление, адвокату следует подать следователю свое письменное ходатайство о рассмотрении ходатайства обвиняемого об отказе от защитника с разъяснением причин, по которым он (адвокат) не вправе до вынесения следователем постановления о разрешении заявленного обвиняемым ходатайства осуществлять его защиту. В ходатайство о вынесении постановления о разрешении ходатайства обвиняемого об отказе от защитника адвокату следует заявить о невозможности продолжать участвовать в процессуальном действии и покинуть место его производства, незамедлительно обжаловав действия (бездействие) следователя в соответствии с гл. 16 УПК, и сообщить о случившемся в Адвокатскую палату города Москвы.

Согласно ч. 2 ст. 52 УПК РФ отказ от защитника необязателен для дознавателя, следователя и прокурора. Поэтому в случае вынесения следователем поста-

новления об отказе в удовлетворении ходатайства об отказе от назначенного защитника адвокат не вправе выйти из дела, но обязан в протоколе процессуального действия отметить нарушение норм УПК РФ и помочь обвиняемому составить жалобу на нарушение следователем его права на защиту (см. Разъяснение Совета Адвокатской палаты города Москвы от 2 марта 2004 г. «Об участии в делах по назначению» // Специальный выпуск «Вестника Адвокатской палаты города Москвы»: сборник нормативных и информационных материалов за 2002–2014 годы. М., 2014. С. 110–111).

12 октября 2018 г. при проведении следователем Е. допроса К. качестве обвиняемой с участием защитника по назначению, адвоката Р., от К. поступило устное ходатайство об отказе от указанного защитника. Оно было занесено следователем в протокол допроса обвиняемой К., но разрешено уже после завершения всех следственных и иных процессуальных действий с участием адвоката Р.

Оценивая действия (бездействие) адвоката Р. после вступления в уголовное дело на предмет их соответствия Разъяснению Совета Адвокатской палаты города Москвы от 2 марта 2004 г. «Об участии в делах по назначению», а именно соблюдение адвокатом Р. установленного в указанном разъяснении алгоритма поведения защитника по назначению при отказе от него со стороны доверителя, Совет усматривает в действиях (бездействии) адвоката Р. неисполнение своих профессиональных обязанностей перед доверителем, выразившееся в том, что она не потребовала от следователя вынесения постановления, разрешающего заявленное ходатайство в порядке, определенном правилами главы 15 УПК РФ, и не со-

вершила иных последовательных действий, указанных в Разъяснении Совета Адвокатской палаты города Москвы от 2 марта 2004 г. «Об участии в делах по назначению».

При таких обстоятельствах Совет, признавая презумпцию добросовестности адвоката Р. в отношении указанного дисциплинарного обвинения опровергнутой, а ее вину в совершении этого нарушения доказанной, принимая во внимание умышленный и грубый характер нарушения, полагает необходимым применить к адвокату Р. за допущенное дисциплинарное нарушение меру дисциплинарной ответственности в виде предупреждения, как в наибольшей степени отвечающую требованию справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренного п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката.

Совет соглашается с выводом Квалификационной комиссии о необходимости прекращения дисциплинарного производства в оставшейся части по основаниям, изложенным в Заключение комиссии.

Совет отклоняет довод адвоката Р., содержащийся в ее письменных возражениях, о повторном характере жалобы К. от 6 мая 2019 г. и истечении шестимесячного срока применения мер дисциплинарной ответственности. Предыдущая жалоба К. не рассматривалась дисциплинарными органами Адвокатской палаты города Москвы на предмет наличия или отсутствия признаков дисциплинарного нарушения, поскольку она была признана недопустимым поводом для возбуждения дисциплинарного производства ввиду несоответствия требованиям ст. 20 Кодекса профессиональной этики адвоката, в связи с чем в возбуждении дисциплинарного производства было отказано. Следовательно, шестимесячный срок примене-

ния мер дисциплинарной ответственности, установленный п. 5 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката, подлежит исчислению с даты поступления в Адвокатскую палату города Москвы жалобы К. от 6 мая 2019 г., и на момент принятия настоящего решения этот срок не истек.

На основании изложенного... Совет Адвокатской палаты города Москвы решил:

1) применить к адвокату Р. меру дисциплинарной ответственности в виде предупреждения за неисполнение, вопреки предписаниям подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 и ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката («Участвуя в судопроизводстве... адвокат должен...следить за соблюдением закона в отношении доверителя и в случае нарушений прав последнего ходатайствовать об их устранении»), про-

фессиональных обязанностей перед доверителем К., выразившееся в том, что она не потребовала от следователя вынесения постановления, разрешающего устное ходатайство обвиняемой К., заявленное ею 12 октября 2019 г. в ходе допроса в качестве обвиняемой в порядке, определенном правилами главы 15 УПК РФ, и не совершила иных последовательных действий, указанных в Разъяснении Совета Адвокатской палаты города Москвы от 2 марта 2004 г. «Об участии в делах по назначению», направленных на защиту прав и законных интересов обвиняемого;

2) прекратить в оставшейся части дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката Р. по жалобе К. от 6 мая 2019 г., вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

1.10. Совет прекратил дисциплинарное производство, поскольку в момент вступления адвоката в дело в качестве защитника по назначению у его доверителя формально еще не было защитников по соглашению по новому уголовному делу, поэтому у адвоката не имелось препятствий для вступления в дело и участия в проведении процессуальных действий.

Совет Адвокатской палаты города Москвы... рассмотрел в закрытом заседании 30 октября 2019 г. дисциплинарное производство в отношении адвоката Ч., возбужденное по жалобе А. от 5 июня 2019 г.

В соответствии с Заключением Квалификационной комиссии от 25 сентября 2019 г. в действиях (бездействии) адвоката Ч. не установлено нарушений норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката, вследствие чего Квалификационная комиссия пришла к выводу о необходи-

мости прекращения дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката Ч. по жалобе А. от 5 июня 2019 г.

Заявитель А. и адвокат Ч., уведомленные надлежащим образом, в заседание Совета не явились, представителей не направили.

Совет, принимая во внимание, что адвокат Ч. своевременно получил Заключение Квалификационной комиссии, ранее давал письменные и устные объяснения, а также с учетом требований п. 5 ст. 24 Кодекса профессиональной этики адвоката, устанавливающие

го, что неявка кого-либо из участников дисциплинарного производства не препятствует разбирательству и принятию решения, рассмотрел дисциплинарное производство в отношении адвоката Ч. в его отсутствие и в отсутствие заявителя А.

Совет, рассмотрев Заключение Комиссии и материалы дисциплинарного производства, соглашается с выводами Квалификационной комиссии, изложенными в ее Заключении, относительно установленных фактических обстоятельств, однако считает необходимым изменить мотивировку решения о прекращении дисциплинарного производства.

Так, установлены следующие фактические обстоятельства.

В производстве старшего следователя О. межрайонного следственного отдела СУ по ...АО ГСУ СК РФ по городу Москве Б. находилось уголовное дело, возбужденное 9 октября 2017 г. в отношении А. по признакам преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 133 УК РФ. Защиту А. по уголовному делу № 117... по назначению следователя в СУ по ...АО ГСУ СК РФ по городу Москве осуществлял адвокат М

21 мая 2019 г., в 22.10, старшим следователем Б. в автоматизированной информационной системе Адвокатской палаты города Москвы сформирована заявка... на осуществление защиты А. в СУ по ...АО ГСУ СК РФ по городу Москве по уголовному делу № 119... Согласно указанной заявке следственные действия были запланированы на 11.30 22 мая 2019 г. Заявка распределена АИС АПМ адвокату Ч. 22 мая 2019 г. постановлением старшего следователя Б. в отношении А. возбуждено уголовное дело № 119... по признакам преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 306 УК РФ. Указанное уголовное дело при-

нято старшим следователем Б. к своему производству.

22 мая 2019 г. с участием защитника Ч. заявитель А. был ознакомлен с постановлением старшего следователя Б. от 22 мая 2019 г. о возбуждении уголовного дела № 119... и постановлением заместителя руководителя СУ по ...АО ГСУ СК РФ по городу Москве от 22 мая 2019 г. о производстве предварительного следствия по указанному уголовному делу следственной группой, после чего в период времени с 14.45 по 15.59 был допрошен в качестве подозреваемого. При этом А. трижды заявил отказ от адвоката Ч. в связи с наличием у него другого защитника (заявление об отказе было также внесено А. в протокол допроса). Эти заявления были рассмотрены следователем Б. и оставлены без удовлетворения.

После допроса А. в качестве подозреваемого в уголовное дело в качестве его защитника по соглашению вступил адвокат Л., извещенный следователем в соответствии с требованием А. Дальнейшие следственные и иные процессуальные действия 22 мая 2019 г. проводились с участием защитника-адвоката Л., а защитник-адвокат Ч. покинул место производства следственных действий.

22 мая 2019 г., в 20.50, А. в ходе производства предварительного следствия по уголовному делу № 119... был задержан по подозрению в совершении преступления в порядке ст. 91, 92 УПК РФ. 22 мая 2019 г. уголовное дело № 117... было соединено в одно производство с уголовным делом № 119... соединенному уголовному делу присвоен номер № 117...

Рассматривая доводы жалобы А. о том, что адвокат Ч. 22 мая 2019 г. принял участие в качестве его защитника при производстве следственных и иных

процессуальных действий при наличии у него другого защитника, адвоката М., и вопреки желанию А. пригласить для осуществления своей защиты адвоката Л., Квалификационная комиссия сочла их явно надуманными.

Исходя из положений ст. 49–51 УПК РФ, Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», утвержденного Советом Федеральной палаты адвокатов Решением от 15 марта 2019 г. Порядка назначения адвокатов в качестве защитников в уголовном судопроизводстве, утвержденных Решением Совета Адвокатской палаты города Москвы от 27 сентября 2018 г. № 128 (в редакции Решения Совета Адвокатской палаты города Москвы от 20 декабря 2018 г. № 182), Правилами распределения поручений на участие адвокатов Адвокатской палаты города Москвы в качестве защитников в уголовном судопроизводстве по назначению дознавателя, следователя или суда в порядке статей 50 и 51 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, а также в качестве представителей в гражданском и административном судопроизводстве по назначению суда в порядке статьи 50 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, статьи 54 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации», Квалификационная комиссия констатировала, что адвокатом Ч. приведенный выше порядок вступления в уголовное дело в качестве защитника по назначению был соблюден.

Согласно ч. 4 ст. 49 УПК РФ адвокат вступает в уголовное дело в качестве защитника по предъявлении удостоверения адвоката и ордера. Поэтому Совет признает, что адвокаты М. и Л. защитниками А. по уголовному делу № 119... в момент вступления в него адвоката Ч.

формально не являлись. Следовательно, и у адвоката Ч. не имелось формальных препятствий для вступления в указанное уголовное дело и участия в проведении процессуальных действий, поскольку все заявления А. об отказе от адвоката Ч., поддержанные последним, были рассмотрены следователем сразу же после их заявления, и в их удовлетворении было отказано.

При таких обстоятельствах Совет соглашается с выводом Квалификационной комиссии о необходимости прекращения дисциплинарного производства в отношении адвоката Ч., поскольку не усматривает в его профессиональном поведении умысла либо грубой неосторожности, в то время как согласно п. 1 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката применение к адвокату мер дисциплинарной ответственности возможно только при наличии одной из указанных форм вины.

В то же время Совет обращает внимание адвоката Ч. на следующее. Нормативные положения, регламентирующие взаимоотношения адвоката и его подзащитного, предоставляют последнему возможность реализации права на получение квалифицированной юридической помощи от того защитника, в чьей надежности и компетентности он уверен. В рассматриваемом случае это были адвокат М., являвшийся защитником А. по основному уголовному делу № 117... а также адвокат Л., ранее защищавший А. в суде по тому же делу. При этом основное уголовное дело № 117... длительное время расследовалось, и именно в связи с ним А. сделал заявление, квалифицированное следователем как заведомо ложный донос и ставшее поводом для возбуждения в отношении А. нового уголовного дела № 119... по признакам преступления, предусмотренного ст. 306 УК РФ. Таким образом,

новое уголовное дело, в которое вступил адвокат Ч., находилось в тесной и очевидной взаимосвязи с основным уголовным делом. Оба дела до их соединения, имевшего место в тот же день, 22 мая 2019 г., находились в производстве одного и того же следователя. Более того, заявка в автоматизированной информационной системе Адвокатской палаты города Москвы была размещена следователем накануне возбуждения уголовного дела, 21 мая 2019 г., что свидетельствовало о спланированном характере этих действий следователя. Все эти обстоятельства были очевидны для адвоката Ч. Как следует из материалов дисциплинарного производства, именно адвокат М. с 24 мая 2019 г. защищает по соглашению заявителя по объединенному делу, в рамках которого расследуются деяния, квалифицированные по ст. 133 и 306 УК РФ. Поэтому 22 мая 2019 г. в конфликтной ситуации, когда подзащитный явно, недвусмысленно и мотивированно высказал недоверие явившемуся к нему по назначению следствия адвокату Ч., последнему сле-

довало учесть все эти обстоятельства и выяснить, уведомлялись ли адвокаты М. и/или Л. о предстоящих процессуальных действиях, для участия в которых на основании заявки следователя вызван адвокат Ч., по согласованию с А. связаться с адвокатами Л. и/или М. и выяснить у них возможность вступления во вновь возбужденное уголовное дело, а далее действовать в зависимости от полученной информации. Именно такой алгоритм действий адвоката Ч. наиболее полно отвечал бы законным интересам А. и, следовательно, являлся бы оптимальным для самого адвоката Ч.

На основании изложенного... Совет Адвокатской палаты города Москвы решил:

прекратить дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката Ч., вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

1.11. Адвокату объявлено предупреждение за неисполнение требований закона и решений органов адвокатского самоуправления, принятых в пределах их компетенции, выразившееся в нарушении установленного порядка вступления в уголовное дело в качестве назначенного защитника при рассмотрении судом ходатайства о продлении срока содержания под стражей обвиняемому, имевшему защитника по соглашению.

Совет Адвокатской палаты города Москвы... с участием заявителя, адвоката Щ., и адвоката К., рассмотрел в закрытом заседании дисциплинарное производство, возбужденное по жалобе адвоката Щ. от 18 июля 2019 г. ...в отношении адвоката К.

В соответствии с Заключением Квалификационной комиссии от 23 октября 2019 г. адвокат К. допустила ненадлежащее, вопреки предписаниям подп. 1,

4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнение своих профессиональных обязанностей перед доверителем Л. («Честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно отстаивать права и законные интересы доверителя»), выразившееся во вступлении 25 апреля 2019 г. в уго-

ловное дело... в качестве защитника Л. при рассмотрении И. районным судом города Москвы ходатайства органа следствия о продлении Л. срока содержания под стражей в нарушение установленного порядка оказания юридической помощи адвокатами, участвующими в качестве защитников в уголовном судопроизводстве по назначению.

Одновременно с этим в Заключении Квалификационной комиссии указано на необходимость прекращения дисциплинарного производства в части обжалования ею постановления И. районного суда города Москвы от 25 апреля 2019 г., которым Л. продлен срок содержания под стражей, вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства.

Адвокат К. в заседании Совета подтвердила своевременное получение Заключения Квалификационной комиссии, ознакомление с ним, с выводами Заключения согласилась и заявила о глубоком раскаянье в совершенном проступке, обратилась к Совету с просьбой не назначать ей самого строгого дисциплинарного взыскания в виде прекращения статуса адвоката.

Заявитель, адвокат Щ., в заседании Совета также подтвердил своевременность получения Заключения Квалификационной комиссии и ознакомление с ним, с выводами Квалификационной комиссии полностью согласился. Определение меры дисциплинарной ответственности адвоката К. оставил на усмотрение Совета.

Рассмотрев и обсудив Заключение Квалификационной комиссии и материалы дисциплинарного производства, выслушав его участников, Совет признает, что Квалификационной комиссией на основании достаточной сово-

купности достоверных доказательств, позволяющей считать презумпцию добросовестности адвоката опровергнутой, а вину доказанной, установлен факт вступления адвоката К. 25 апреля 2019 г. в уголовное дело... в качестве защитника Л. при рассмотрении И. районным судом города Москвы ходатайства органа следствия о продлении Л. срока содержания под стражей в нарушение установленного порядка оказания юридической помощи адвокатами, участвующими в качестве защитников в уголовном судопроизводстве по назначению.

Так, установлено, что 7 февраля 2019 г. через автоматизированную информационную систему Адвокатской палаты города Москвы (далее – АИС АПМ) была сформирована заявка следователя СО ОМВД России по району... города Москвы... на обеспечение задержанному в порядке ст. 91, 92 УПК РФ Л. защитника в порядке, предусмотренном ст. 51 УПК РФ, которая была распределена адвокату Щ.

25 апреля 2019 г. И. районным судом города Москвы в отношении обвиняемого Л. продлен срок содержания под стражей. Указанное постановление в апелляционном порядке не обжаловалось. Защиту Л. в И. районном суде города Москвы 25 апреля 2019 г. осуществляла адвокат К., которой заявка на защиту Л. по назначению в И. районном суде города Москвы АИС АПМ не распределялась, поскольку он ранее был обеспечен защитником по назначению, которым являлся адвокат Щ.

Объяснения адвоката К. относительно того, что следователь не смог разместить заявку установленным порядком по причине сбоя в работе АИС АПМ, были обоснованно отвергнуты Квалификационной комиссией как надуманные.

Установив данные обстоятельства, Квалификационная комиссия справедливо отметила, что в силу п. 1 ч. 1 ст. 51 УПК РФ участие защитника в уголовном судопроизводстве обязательно, если подозреваемый, обвиняемый не отказался от защитника в порядке, установленном ст. 52 УПК РФ. Если в случаях, предусмотренных ч. 1 ст. 51 УПК РФ, защитник не приглашен самим подозреваемым, обвиняемым, его законным представителем, а также другими лицами по поручению или с согласия подозреваемого, обвиняемого, то дознаватель, следователь или суд обеспечивает участие защитника в уголовном судопроизводстве (ч. 3 ст. 51 УПК РФ).

Согласно Федеральному закону «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»:

– адвокатская палата субъекта Российской Федерации создается, в том числе, в целях обеспечения оказания квалифицированной юридической помощи, ее доступности для населения на всей территории данного субъекта Российской Федерации, организации юридической помощи, оказываемой гражданам Российской Федерации бесплатно, контроля за соблюдением адвокатами Кодекса профессиональной этики адвоката (п. 4 ст. 29). При этом совет адвокатской палаты «организует оказание юридической помощи адвокатами, участвующими в качестве защитников в уголовном судопроизводстве по назначению органов дознания, органов предварительного следствия или суда, в соответствии с порядком, определенным советом Федеральной палаты адвокатов; доводит этот порядок до сведения указанных органов, адвокатов и контролирует его исполнение адвокатами» (подп. 5 п. 3 ст. 31);

– Федеральная палата адвокатов РФ как орган адвокатского самоуправления

в Российской Федерации создается в целях координации деятельности адвокатских палат (п. 2 ст. 35). Совет Федеральной палаты адвокатов РФ координирует деятельность адвокатских палат, в том числе по вопросам оказания адвокатами юридической помощи гражданам Российской Федерации бесплатно в рамках государственной системы бесплатной юридической помощи и их участия в качестве защитника в уголовном судопроизводстве по назначению органов дознания, органов предварительного следствия или суда либо в качестве представителя в гражданском или административном судопроизводстве по назначению суда (подп. 4 п. 3 ст. 37).

В соответствии с подп. 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката адвокат обязан выполнять решения органов адвокатской палаты субъекта Российской Федерации, Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации, принятые в пределах их компетенции.

В соответствии с подп. 9 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката адвокат не вправе оказывать юридическую помощь по назначению органов дознания, органов предварительного следствия или суда в нарушение порядка ее оказания, установленного решением Совета.

В рамках полномочий, предоставленных ему ч. 3 ст. 50 УПК РФ, подп. 3.1 п. 3 ст. 37 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», Совет Федеральной палаты адвокатов своим Решением от 15 марта 2019 г. утвердил Порядок назначения адвокатов в качестве защитников в уголовном судопроизводстве, абз. 2 п. 4.1 которого установлено, что о принятом решении о назначении

защитника в порядке, предусмотренном ст. 50 УПК РФ, дознаватель, следователь или суд уведомляют адвокатскую палату (представителей адвокатской палаты) с целью назначения в качестве защитника по уголовному делу того адвоката, которому адвокатская палата (представители адвокатской палаты) поручит участие в данном уголовном деле. Абзацем 2 п. 2.1 данного Порядка также установлено, что советы адвокатских палат субъектов Российской Федерации в пределах своих полномочий, предусмотренных подп. 5 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», принимают региональные правила с учетом региональных особенностей.

В городе Москве порядок оказания юридической помощи адвокатами, участвующими в качестве защитников в уголовном судопроизводстве по назначению органов дознания, органов предварительного следствия, прокурора или суда, определен Правилами распределения поручений на участие адвокатов Адвокатской палаты города Москвы в качестве защитников в уголовном судопроизводстве по назначению дознавателя, следователя или суда в порядке статей 50 и 51 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, а также в качестве представителей в гражданском и административном судопроизводстве по назначению суда в порядке статьи 50 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, статьи 54 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации, утвержденными Решением Совета Адвокатской палаты города Москвы от 27 сентября 2018 г. № 128 (далее – Правила) (в редакции Решения Совета Адвокатской палаты города Москвы от 20 декабря 2018 г. № 182),

доведенными до сведения членов адвокатского сообщества и других лиц путем опубликования в официальном печатном издании «Вестник Адвокатской палаты города Москвы» (2018. Выпуск № 3(142). С. 14–17, 2018. Выпуск № 4(143). С. 26–32) и на официальном сайте Адвокатской палаты города Москвы <http://www.advokatymoscow.ru> в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», где доступен по ссылке <http://www.advokatymoscow.ru/upload/January/Pravila.pdf>

В соответствии с п. 3 Правил распределение требований инициаторов об участии адвокатов в делах по назначению дознавателя, следователя или суда осуществляется Адвокатской палатой города Москвы исключительно посредством автоматизированной информационной системы Адвокатской палаты города Москвы (далее – АИС АПМ). Требования инициаторов (далее – требование) об обеспечении участия защитника в уголовном судопроизводстве в порядке, установленном ст. 50 и 51 УПК РФ, а также требования об обеспечении представителя в порядке, установленном ст. 50 ГПК РФ и ст. 54 КАС РФ, направленные в Палату, адвокатское образование, адвокату любым иным способом, кроме размещения требования в АИС АПМ, являются недействительными, не рассматриваются и не распределяются. Принятие и (или) осуществление адвокатом защиты или представительства по назначению, поступившему к нему не через АИС АПМ, является дисциплинарным проступком и влечет за собой применение мер дисциплинарной ответственности.

В соответствии с п. 10 Правил требования об участии адвоката в делах по назначению направляются инициатором в АИС АПМ путем заполнения соответствующей формы на сайте Адвокатской

палаты города Москвы в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» по адресу 51.advokatymoscow.ru в соответствии с Инструкцией инициатора по работе в сервисе привлечения адвокатов в делах по назначению через Адвокатскую палату города Москвы. Требование может быть также направлено инициатором в АИС АПМ дистанционно посредством телефонной связи с использованием многоканального телефона, указанного на сайте Адвокатской палаты города Москвы в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет».

Согласно п. 11 Правил в целях обеспечения участия адвоката по назначению в плановых следственных и иных процессуальных действиях (в том числе судебных заседаниях) требование должно поступить в АИС АПМ в срок не позднее 24 (двадцати четырех) часов до начала запланированного процессуального действия или судебного заседания. При наличии предусмотренных УПК РФ оснований для производства неотложных следственных или иных процессуальных действий (в том числе судебного заседания) инициатор вправе разместить в АИС АПМ соответствующее требование не позднее двух часов до начала процессуального действия или судебного заседания. В данном случае, если адвокат, назначенный АИС АПМ для исполнения требования, с учетом времени суток, расстояния и иных обстоятельств, влияющих на время его прибытия, не может явиться к месту производства следственных и иных процессуальных действий (в том числе судебного заседания) в указанное инициатором время, он обязан незамедлительно сообщить инициатору по указанным последним контактными телефонами о примерном времени своего фактического прибытия и принять ра-

зумные меры для скорейшего прибытия к месту производства следственных и иных процессуальных действий (в том числе судебного заседания) с учетом возможности отнесения соответствующих затрат к процессуальным издержкам.

Согласно п. 18 Правил в случае неработоспособности АИС АПМ более чем два часа подряд Президент Палаты вправе своим распоряжением временно ввести в действие ранее действовавший порядок оказания юридической помощи адвокатами, участвующими в качестве защитников в уголовном судопроизводстве по назначению дознавателя, следователя или суда, определенный Решениями Совета Адвокатской палаты города Москвы от 16 декабря 2002 г. № 1 «О порядке участия адвокатов в качестве защитников в уголовном судопроизводстве по назначению и о порядке оказания гражданам Российской Федерации юридической помощи бесплатно», от 25 марта 2004 г. № 8 «Об определении порядка оказания юридической помощи адвокатами, участвующими в качестве защитников в уголовном судопроизводстве по назначению», от 19 апреля 2007 г. № 33 «О соблюдении порядка оказания юридической помощи адвокатами, участвующими в качестве защитников в уголовном судопроизводстве по назначению», а также разъяснениями Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации и Совета Адвокатской палаты города Москвы по данному вопросу.

Материалами дисциплинарного производства установлено, что 23–25 апреля 2019 г. сбоя в работе АИС АПМ не было.

Кроме того, как уже отмечалось выше, согласно п. 18 Правил ранее действовавший порядок оказания юридической помощи адвокатами, участвующи-

ми в качестве защитников в уголовном судопроизводстве по назначению дознавателя, следователя или суда, допустивший передачу телефонограммы о выделении адвоката не в Адвокатскую палату города Москвы, а в адвокатское образование, применяется не по усмотрению следователя или руководителя следственного органа, а вводится распоряжением Президента Адвокатской палаты города Москвы.

Сопоставив приведенные выше правовые положения с установленными обстоятельствами, Квалификационная комиссия обоснованно признала установленным, что адвокатом К. был нарушен изложенный выше порядок оказания юридической помощи адвокатами, участвующими в качестве защитников в уголовном судопроизводстве по назначению.

Соглашаясь с этим выводом Комиссии, Совет квалифицирует дисциплинарное нарушение адвоката К. только как нарушение подп. 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», устанавливающего обязанность адвоката исполнять решения органов адвокатской палаты субъекта федерации, Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации, принятых в пределах их компетенции.

Необходимость такого изменения квалификации действий адвоката К. обусловлена сложившимся в дисциплинарной практике Адвокатской палаты города Москвы подходом, согласно которому право адвоката на подачу жалобы не является абсолютным, он может ставить вопрос о применении к коллеге мер дисциплинарного воздействия, когда допущенные этим коллегой нарушения законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре нарушают его (заявителя жалобы) права и закон-

ные интересы или права и законные интересы его доверителя в деле, по которому адвокатом, подавшим жалобу, оказывается (оказывалась) доверителю юридическая помощь.

Отвечая на вопрос членов Совета о том, какой вред правам и законным интересам обвиняемого Л. был причинен вступлением адвоката К. 25 апреля 2019 г. в уголовное дело... в качестве защитника Л. при рассмотрении И. районным судом города Москвы ходатайства органа следствия о продлении Л. срока содержания под стражей в нарушение установленного порядка оказания юридической помощи адвокатами, участвующими в качестве защитников в уголовном судопроизводстве по назначению, заявитель жалобы, адвокат Щ., указать такие негативные последствия не смог, а самостоятельной жалобы от Л. в Адвокатскую палату города Москвы не поступало.

При таких обстоятельствах достаточных оснований для квалификации действий адвоката К. как ненадлежащее исполнение предусмотренной подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката обязанности адвоката честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно отстаивать права и законные интересы доверителя не имеется. Дисциплинарное производство в данной части подлежит прекращению в связи с обнаружившимся отсутствием допустимого повода для его возбуждения.

Одновременно с этим Совет полностью соглашается с выводом Квалификационной комиссии о необходимости прекращения дисциплинарного производства в части необжалования адвокатом К. постановления И. район-

ного суда города Москвы от 25 апреля 2019 г., которым Л. был продлен срок содержания под стражей, вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства, поскольку жалобы доверителя Л. на это нарушение не поступало.

За неисполнение и ненадлежащее исполнение своих обязанностей адвокат несет ответственность, предусмотренную Федеральным законом «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (подп. 4 п. 1, п. 2 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»).

Нарушение адвокатом требований законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и Кодекса профессиональной этики адвоката, совершенное умышленно или по грубой неосторожности, влечет применение мер дисциплинарной ответственности, предусмотренных Федеральным законом «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и Кодексом профессиональной этики адвоката (п. 1 ст. 18 Кодекса).

Определяя в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности адвоката К. за совершенный дисциплинарный проступок, Совет учитывает умышленный и грубый характер данного нарушения, свидетельствующий об игнорировании адвокатом К. решений органов адвокатской палаты субъекта федерации и Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации, принятых в пределах их компетенции.

В то же время Совет учитывает, что адвокат К. полностью признала свою вину в установленном дисциплинарном нарушении, раскаялась в его соверше-

нии, обратилась с ходатайством о неприменении к ней самой строгой меры дисциплинарной ответственности, реального вреда правам и законным интересам доверителя не причинено.

При таких обстоятельствах Совет полагает необходимым применить к адвокату К. меру дисциплинарной ответственности в виде предупреждения как в наибольшей степени отвечающую требованию справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренного п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката.

На основании изложенного... Совет Адвокатской палаты города Москвы решил:

1) за неисполнение требования подп. 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», обязывающего адвоката исполнять решения органов адвокатской палаты субъекта федерации, Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации, принятых в пределах их компетенции, и выразившееся во вступлении 25 апреля 2019 г. в уголовное дело... в качестве защитника Л. при рассмотрении И. районным судом города Москвы ходатайства органа следствия о продлении Л. срока содержания под стражей в нарушение установленного порядка оказания юридической помощи адвокатами, участвующими в качестве защитников в уголовном судопроизводстве по назначению, применить к адвокату К. меру дисциплинарной ответственности в виде предупреждения;

2) прекратить в оставшейся части дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката К. по жалобе адвоката Щ. от 18 июля 2019 г., вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства.

1.12. Адвокату объявлено предупреждение за ненадлежащее исполнение им своих обязанностей, выразившееся во включении в соглашение об оказании юридической помощи условий о гонораре успеха по гражданскому спору неимущественного характера, а также в получении и необоснованном удержании указанного гонорара.

Совет Адвокатской палаты города Москвы... рассмотрел с участием заявителя З. в закрытом заседании 18 декабря 2019 г. дисциплинарное производство в отношении адвоката А. (К.)... возбужденное по жалобе З.

20 ноября 2019 г. Квалификационная комиссия Адвокатской палаты города Москвы вынесла Заключение о ненадлежащем, вопреки предписаниям подп. 1 п. 1 ст. 7 и ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» во взаимосвязи с п. 3 ст. 16 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнении адвокатом А. (К.) профессиональных обязанностей перед доверителем З., выразившемся во включение в соглашение об оказании юридической помощи... от 13 мая 2019 г. п. 1.2 и 3.1, в соответствии с которыми получение вознаграждения было поставлено в зависимость от результата рассмотрения гражданского дела судом апелляционной инстанции, в то время как по условиям заключенного соглашения адвокат приняла поручение на ведение гражданского дела по спору неимущественного характера, а также в получении 13 мая 2019 г. от З. в указанном качестве (суммы № 1) рублей и их последующем удержании.

Одновременно с этим в Заключении Квалификационной комиссии указано на необходимость прекращения дисциплинарного производства вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства как в части дисциплинарного

обвинения в ненадлежащем оказании ею квалифицированной юридической помощи доверителю П. на стадии апелляционного рассмотрения его гражданского дела, включая ее неучастие в судебных заседаниях судебной коллегии по гражданским делам М. городского суда 30 мая, 24 июня и 10 июля 2019 г., так и в части оценки З. действий адвоката А. (К.), связанных с получением ею 13 мая 2019 г. вознаграждения в размере (суммы № 1) рублей, которые он считает обманом, совершенным ею с целью завладения денежными средствами.

Заявитель жалобы З. в заседании Совета заявил о несогласии с Заключением Квалификационной комиссии в части выводов о необходимости прекращения дисциплинарного производства вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства, указав, что такое решение Комиссии является, по его мнению, излишне формальным, поскольку непосредственным получателем юридической помощи П. была выдана З. доверенность с обширными полномочиями, и при таких обстоятельствах Комиссии следовало рассмотреть по существу дисциплинарные обвинения о некачественном оказании юридической помощи. Кроме того, З. просил Совет применить к адвокату А. (К.) меру дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса адвоката.

Адвокат А. (К.), извещенная надлежащим образом о времени и месте рассмотрения дисциплинарного производства и своевременно получившая

Заключение Комиссии, в заседание Совета не явилась, направила письменное заявление от 18 декабря 2019 г., в котором сообщила, что желает лично участвовать в заседании Совета и давать объяснения, однако в настоящее время находится на лечении до 23 декабря 2019 г., в связи с чем просила перенести заседание Совета после 23 декабря 2019 года. Совет, принимая во внимание, что адвокат А. (К.) ранее давала объяснения, а также то, что к заявлению от 18 декабря 2019 г. документы, подтверждающие невозможность ее явки в заседание Совета, не приложены, руководствуясь нормой п. 5 ст. 24 Кодекса профессиональной этики адвоката, устанавливающей, что неявка кого-либо из участников дисциплинарного производства не препятствует разбирательству и принятию решения, рассмотрел дисциплинарное производство в отношении адвоката А. (К.) в ее отсутствие.

Совет, рассмотрев дисциплинарное производство, выслушав заявителя З., в полном объеме соглашается с заключением Квалификационной комиссии и ее выводами, поскольку они основаны на правильно и полно установленных обстоятельствах дела.

Так, в результате рассмотрения дисциплинарного производства установлено, что 2 ноября 2018 г. С. районным судом города Москвы вынесено решение по гражданскому делу... по иску С. к П. о защите чести, достоинства и деловой репутации, которым частично удовлетворены искивые требования С., в том числе признаны не соответствующими действительности, порочащими честь, достоинство и деловую репутацию истца С. сведения, опубликованные ответчиком П. в сети «Интернет» в виде видеороликов, а также в виде текстовых сообщений. Суд обязал ответчика П. в течение пяти дней после вступления

решения в законную силу опровергнуть сведения, которые судом признаны порочащими честь, достоинство и деловую репутацию С., путем публикации на срок не менее шести месяцев соответствующего видеообращения на личной странице П. в социальной сети Facebook. Также с ответчика П. в пользу истца С. взыскана компенсация морального вреда в размере (суммы № 2) рублей.

Ответчик П. подал на указанное решение суда апелляционные жалобы 28 ноября 2018 г., 25 февраля и 20 мая 2019 г.

Истец С. также обжаловал решение, подав 22 марта 2019 г. апелляционную жалобу.

Апелляционные жалобы истца С. и ответчика П. приняты к рассмотрению судебной коллегией по гражданским делам М. городского суда, и гражданскому делу в суде апелляционной инстанции присвоен №...

13 мая 2019 г. З. заключил с адвокатом А. (К.) соглашение об оказании юридической помощи... согласно условиям которого адвокат обязалась оказать юридическую помощь П. в виде представления его интересов и оказания всей возможной юридической помощи и «сопровождение гражданского дела в М. городском суде (апелляционная инстанция) по иску С. к П. о защите чести и достоинства гр.д. ...подготовка всех необходимых материалов с достижением положительного результата для клиента (отмена решения в части удовлетворенных искивых требований с дальнейшим отказом в удовлетворении иска в этой части и отказом в удовлетворении апелляционной жалобы истца С.) (цитата п. 1.2 Соглашения об оказании юридической помощи... от 13 мая 2019 г. – примеч. Совета).

Факт внесения денежных средств 21 мая 2019 г. в размере (суммы № 1)

рублей в кассу МКА «...» по Соглашению... от 13 мая 2019 г. подтвержден приходным кассовым ордером...

Судебное разбирательство в суде апелляционной инстанции проходило в трех судебных заседаниях: 30 мая, 24 июня и 10 июля 2019 г., ни в одном из которых адвокат А. (К.) не принимала участия.

В заседании судебной коллегии по гражданским делам М. городского суда 30 мая 2019 г. было удовлетворено ходатайство представителя ответчика П., З., и к материалам гражданского дела были приобщены дополнения к апелляционной жалобе П.

Апелляционным определением судебной коллегии по гражданским делам М. городского суда от 10 июля 2019 г. решение С. районного суда города Москвы от 2 ноября 2018 г. оставлено без изменения, а апелляционные жалобы и дополнения к ним – без удовлетворения.

Из апелляционного определения судебной коллегии по гражданским делам М. городского суда от 10 июля 2019 г. следует: «...Оценивая доводы апелляционной жалобы П. и дополнений к ней, судебная коллегия приходит к выводу, что они также не могут повлечь отмены либо изменения решения суда.

В жалобе ответчика указывается, что утверждение о том, что С. совершил плагиат, а именно украл придуманные П. концепции (идеи), а также неправомерно (без цитирования) заимствовал форму выражения данных идей (текст), не порочит честь, достоинство и деловую репутацию истца, так как соответствует действительности.

Однако данное утверждение апелляционной жалобы опровергается представленными в материалы дела доказательствами и основано на ошибочном толковании норм материального права.

...Между тем вне зависимости от смысла, который вкладывал ответчик в свои высказывания, суд правильно квалифицировал правоотношения сторон. Порочащими в равной степени являются как сведения, содержащие утверждения о правонарушении (преступлении), так и о совершении нечестного поступка, неправильного, неэтичного поведения в личной, общественной жизни...

Публичное обвинение ответчиком истца как в краже концепций, так и в неправомерном заимствовании текста очевидно нанесло существенный урон профессиональной репутации истца» (цитата абзацев 7–9 на листе 18 и абзаца 2 на листе 19 апелляционного определения судебной коллегии по гражданским делам М. городского суда от 10 июля 2019 г. – Примеч. Совета).

Перечислив в апелляционном определении содержащиеся в материалах гражданского дела заключения специалистов (лингвиста, филолога, историка), судебная коллегия указала, что «...относимым, допустимым и достоверным доказательством в настоящем споре, посредством которого возможно установить факт наличия (отсутствия) плагиата со стороны истца, могла явиться судебная комплексная автороведческая историческая экспертиза с привлечением профессиональных и независимых лингвиста и ученого-историка... Бремя доказывания соответствия действительности распространенных сведений о совершенном истцом плагиате и некорректном заимствовании текста лежит на ответчике, который в нарушение ч. 1 ст. 56 ГПК РФ не представил допустимых и достоверных доказательств ни кражи истцом вышеупомянутых концепций, ни факта производности текста, написанного истцом, от текста, написанного ответчиком. Ходатайства о комплексной автороведческой исто-

рической экспертизе ответчиком также заявлено не было.

Довод апелляционной жалобы ответчика о том, что суд неправомерно отклонил его ходатайство о проведении лингвистической экспертизы (т. 2, л.д. 269–270), приведенных выводов не опровергает, поскольку ответ на поставленный в ходатайстве вопрос о том, следует ли из фраз ответчика о плагиате вывод, что истец, по мнению ответчика, осуществил плагиат, не требует специальных познаний и, как следствие, не является основанием для назначения экспертизы» (*цитата абзацев 5–7 на листе 20 и абзацы 1, 2 на листе 21 апелляционного определения судебной коллегии по гражданским делам М. городского суда от 10 июля 2019 г. – Примеч. Совета*).

В пункте 3.1 Соглашения об оказании юридической помощи... от 13 мая 2019 г. определено, что гонорар в размере (суммы № 1) рублей, выплаченный адвокату А. (К.) при подписании данного соглашения, должен быть ею полностью возвращен З. в случае недостижения результата, указанного в п. 1.2 соглашения. 10 июля 2019 г. апелляционным определением судебной коллегии по гражданским делам М. городского суда по делу П. решение суда первой инстанции от 2 ноября 2018 г. было оставлено без изменения. Это означает возникновение у адвоката А. (К.) обязательства вернуть З. денежные средства в размере (суммы № 1) рублей.

Как утверждает З. и не опровергает адвокат А. (К.), денежные средства в размере (суммы № 1) рублей адвокатом доверителю не возвращены до сих пор, хотя с момента возникновения у нее обязательства по возврату гонорара прошло более четырех месяцев. В своих письменных объяснениях адвокат А. (К.) не приводит причину, по которой

она до сих пор не произвела возврат доверителю денежных средств. Вместе с тем, соглашаясь с необходимостью их возврата, адвокат А. (К.) указала, что «денежные средства, подлежащие возврату по соглашению, могут быть переведены З. на указанный им счет со счета коллегии» (*цитата последнего предложения письменных объяснений адвоката А. от 19 ноября 2019 г. – Примеч. Совета*).

В соответствии со ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» адвокатская деятельность осуществляется на основе соглашения между адвокатом и доверителем. Соглашение представляет собой гражданско-правовой договор, заключаемый в простой письменной форме между доверителем и адвокатом (адвокатами), на оказание юридической помощи самому доверителю или назначенному им лицу. Являясь гражданско-правовым договором, соглашение об оказании юридической помощи в полной мере подчиняется общим нормам гражданского законодательства, если иное не предусмотрено специальными нормами законодательства об адвокатской деятельности.

Стороны соглашения об оказании юридической помощи вправе согласовать выплату вознаграждения адвокату в различных формах (в зависимости от фактически совершенных исполнителем действий или от результата действия исполнителя), если такие условия не противоречат основополагающим принципам российского права (публичному порядку Российской Федерации).

Как установлено п. 2 ст. 16 Кодекса профессиональной этики адвоката, гонорар определяется соглашением сторон и может учитывать объем и сложность работы, продолжительность времени, необходимого для ее выпол-

нения, опыт и квалификацию адвоката, сроки, степень срочности выполнения работы и иные обстоятельства.

При этом п. 3 ст. 16 Кодекса профессиональной этики адвоката определен единственный возможный случай, когда выплата вознаграждения адвокату может быть поставлена в зависимость от полученного для доверителя благоприятного результата рассмотрения его спора – если этот спор носит имущественный характер.

Как усматривается из материалов дисциплинарного производства, между истцом С. и ответчиком П. имел место гражданско-правовой спор неимущественного характера, поскольку истец обратился с иском к ответчику о защите чести, достоинства и деловой репутации.

Это означает, что адвокат А. (К.), заключая 13 мая 2019 г. с З. соглашение... на ведение дела в интересах П. на стадии апелляционного судопроизводства, не могла не знать, что принимает на себя обязательства принять участие в рассмотрении неимущественного спора между ее доверителем П., привлеченным к участию в деле в качестве ответчика, и истцом С.

Надлежащее исполнение адвокатом своих профессиональных обязанностей перед доверителем, то есть выполнение обязанности честно, разумно и добросовестно отстаивать права и законные интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами, предполагает не только оказание доверителю квалифицированной юридической помощи по интересующему его вопросу, но и строгое выполнение адвокатом предписаний закона о порядке оформления правоотношений с доверителем, поскольку именно адвокат как профессиональный участник правоотношений, связанных с

заключением и расторжением соглашения об оказании юридической помощи, обязан принять меры к тому, чтобы все процедуры, относящиеся к процессу заключения и расторжения соглашения об оказании юридической помощи, соответствовали требованиям действующего законодательства и не нарушали права и охраняемые законом интересы доверителя. Несоблюдение адвокатом данной обязанности существенным образом нарушает права и законные интересы доверителя (ухудшает его положение), поскольку затрудняет их защиту.

Толкуя условия Соглашения об оказании юридической помощи... от 13 мая 2019 г. по правилам, предусмотренным в ч. 1 ст. 431 ГК РФ (принимая во внимание буквальное значение содержащихся в них слов и выражений), Совет вслед за Квалификационной комиссией приходит к выводу о том, что положения п. 1.2 и 3.1 соглашения в их взаимосвязи предусматривают, что адвокат А. (К.) вправе оставить выплаченное ей З. при заключении соглашения вознаграждение в (сумме № 1) рублей только в случае достижения положительного результата в виде судебного акта, которым будет отказано в иске С., в противном случае полученный адвокатом авансовый платеж подлежит возврату доверителю. Таким образом, в Соглашении об оказании юридической помощи... от 13 мая 2019 г. адвокат А. (К.) предусмотрела условие о «гонораре успеха», включение которого в соглашение на оказание юридической помощи разрешено п. 3 ст. 16 Кодекса профессиональной этики адвоката только при участии адвоката в рассмотрении спора имущественного характера.

При указанных обстоятельствах Совет признает установленным, что адвокат А. (К.), включив в Соглашение об оказании юридической помощи...

от 13 мая 2019 г. положение, по которому получение (сохранение) ею вознаграждения в размере (суммы № 1) рублей ставится в зависимость от благоприятного для ответчика П. результата рассмотрения апелляционным судом гражданского дела, содержащего только неимущественные требования, ненадлежащим образом исполнила профессиональные обязанности перед доверителем, нарушив положения законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката (п. 3 ст. 16 Кодекса профессиональной этики адвоката). Кроме того, с учетом изложенных выше правовых положений Совет считает, что у адвоката А. (К.) не имелось предусмотренных законом оснований для получения от З. денежных средств в (сумме № 1) рублей в качестве гонорара успеха по гражданскому спору неимущественного характера, и у нее отсутствуют основания для удержания указанной суммы в настоящее время, так как даже в соответствии с условиями заключенного сторонами Соглашения об оказании юридической помощи указанная сумма подлежала возврату адвокатом А. (К.) З., поскольку «положительного результата» по гражданскому неимущественному делу П. адвокатом А. (К.) достигнуто не было.

Одновременно с этим Совет полностью соглашается с выводом Квалификационной комиссии о необходимости прекращения дисциплинарного производства вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства как в части дисциплинарного обвинения в ненадлежащем оказании ею квалифицированной юридической помощи доверителю П. на стадии апелляционного рассмотрения его гражданского дела,

включая ее неучастие в судебных заседаниях судебной коллегии по гражданским делам М. городского суда 30 мая, 24 июня и 10 июля 2019 г., так и в части оценки З. действий адвоката А. (К.), связанных с получением ею 13 мая 2019 г. вознаграждения в размере (суммы № 1) рублей, которые он считает обманом, совершенным ею с целью завладения денежными средствами

Органы адвокатского самоуправления в своей дисциплинарной практике последовательно исходят из правовой позиции, согласно которой претензии к качеству юридической помощи, оказываемой адвокатом по соглашению с доверителем, вправе предъявлять лишь последний. Заявителем по настоящему дисциплинарному производству является З., заключивший с адвокатом А. (К.) соглашение об оказании юридической помощи П., который является дееспособным совершеннолетним гражданином... От П. каких-либо жалоб в отношении адвоката А. (К.) на оказание ему последней неквалифицированной юридической помощи или по иным аспектам работы не поступало.

В связи с этим Совет полагает необходимым прекратить дисциплинарное производство в указанной части ввиду обнаружившегося отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства. Одновременно Совет разъясняет, что П. вправе самостоятельно подать жалобу, если считает оказанную адвокатом А. (К.) юридическую помощь неквалифицированной.

Согласно Разъяснениям Комиссии Федеральной палаты адвокатов РФ по этике и стандартам по вопросам применения п. 3 ст. 21 Кодекса профессиональной этики адвоката, утвержденным Советом Федеральной палаты адвокатов РФ 28 января 2016 г. (Прото-

кол № 3), доведенным до сведения членов адвокатского сообщества и других лиц путем опубликования в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» на официальном сайте Федеральной палаты адвокатов РФ <http://www.fparf.ru>, компетенция квалификационной комиссии и совета адвокатской палаты субъекта РФ включает установление в действиях (бездействии) адвоката только признаков дисциплинарного проступка и применение к адвокату мер дисциплинарной ответственности. Установление в поведении адвоката (как и любого другого лица) признаков уголовно наказуемого деяния или административного правонарушения возможно лишь в порядке, предусмотренном соответствующим законодательством. Порядок уголовного судопроизводства на территории РФ устанавливается УПК РФ и является обязательным для судов, органов прокуратуры, органов предварительного следствия и органов дознания, а также иных участников уголовного судопроизводства (ч. 1 и 2 ст. 1 УПК РФ). Следовательно, вопрос о наличии в действиях (бездействии) адвоката признаков уголовно наказуемого деяния может быть решен только в порядке уголовного судопроизводства, определенном УПК РФ.

При таких обстоятельствах Совет соглашается с выводом Квалификационной комиссии о том, что оценка З. действий адвоката А. (К.), связанных с получением ею 13 мая 2019 г. вознаграждения в размере (суммы № 1) рублей, которые он считает обманом, совершенным ею с целью завладения денежными средствами, выходит за пределы компетенции органов адвокатского самоуправления и свидетельствует о недопустимости жалобы в этой части. С учетом изложенного Совет разъясняет заявителю З., что в случае,

если он считает, что адвокатом А. (К.) совершено деяние, содержащее признаки преступления, он может обратиться с соответствующим заявлением в органы, осуществляющие уголовное преследование.

Нарушение адвокатом требований законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и Кодекса профессиональной этики адвоката, совершенное умышленно или по грубой неосторожности, влечет применение мер дисциплинарной ответственности, предусмотренных Федеральным законом «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и Кодексом профессиональной этики адвоката (п. 1 ст. 18 Кодекса).

Определяя в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности адвоката А. (К.) за совершенный дисциплинарный проступок, Совет учитывает умышленный и грубый характер данного нарушения, свидетельствующий об игнорировании адвокатом А. (К.) норм Кодекса профессиональной этики адвоката, регулирующих получение адвокатом вознаграждения, причитающегося ему за работу. В то же время Совет принимает во внимание, что адвокат А. (К.) ранее к дисциплинарной ответственности не привлекалась, выражает готовность возратить полученные денежные средства. При таких обстоятельствах Совет полагает необходимым применить к адвокату А. (К.) меру дисциплинарной ответственности в виде предупреждения как в наибольшей степени отвечающую требованию справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренному п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката.

В материалах дисциплинарного производства содержится свидетельство о

заключении брака, согласно которому А. в связи со вступлением в брак избрана фамилия К.

На основании изложенного... Совет Адвокатской палаты города Москвы решил:

1) применить к адвокату А. (К.) меру дисциплинарной ответственности в виде предупреждения за ненадлежащее, вопреки предписаниям подп. 1 п. 1 ст. 7 и ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» во взаимосвязи с п. 3 ст. 16 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнение профессиональных обязанностей перед доверителем З., выразившееся во включение в Соглашение об оказании юридической

помощи... от 13 мая 2019 г. п. 1.2 и 3.1, в соответствии с которыми получение вознаграждения было поставлено в зависимость от результата рассмотрения гражданского дела судом апелляционной инстанции, в то время как по условиям заключенного соглашения адвокат принял поручение на ведение гражданского дела по спору неимущественного характера, а также в получении 13 мая 2019 г. от З. в указанном качестве (суммы № 1) рублей и их последующем удержании;

2) прекратить в оставшейся части дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката А. (К.) вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для его возбуждения.

1.13. Адвокату объявлено предупреждение за ненадлежащее исполнение им профессиональных обязанностей перед доверителем, выразившееся в том, что адвокат не заявила ходатайства об отложении процессуальных действий и предоставлении ее подзащитному времени для реализации права на самостоятельное приглашение защитника, не поддержала письменное ходатайство обвиняемого об отложении процессуальных действий, а также не потребовала от следователя вынесения постановлений, разрешающих указанные письменные ходатайства, и не совершила ряд других последовательных действий по защите интересов доверителя.

Совет Адвокатской палаты города Москвы... рассмотрел с участием адвоката Р., заявителя Е. в закрытом заседании 18 декабря 2019 г. дисциплинарное производство в отношении адвоката Р., возбужденное по жалобе Е. от 9 августа 2019 г.

В соответствии с Заключением Квалификационной комиссии от 13 ноября 2019 г. адвокат Р. допустила ненадлежащее, вопреки предписаниям подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 («Адвокат обязан разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно отстаивать права и за-

конные интересы доверителя»), подп. 1 и 2 п. 1 ст. 9 («Адвокат не вправе действовать вопреки законным интересам доверителя, занимать по делу позицию, противоположную позиции доверителя, и действовать вопреки его воле»), ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката («Участвуя в судопроизводстве... адвокат должен... следить за соблюдением закона в отношении доверителя и в случае нарушений прав последнего ходатайствовать об их устранении»), исполнение профессиональных обязанностей перед доверителем Е., выразившееся в том, что 27 марта 2019 г. она не заявила ходатайства об отложении процессуальных действий

и предоставлении обвиняемому Е. времени для реализации права на самостоятельное приглашение защитника, не поддержала письменное ходатайство Е. от 27 марта 2019 г. об отложении процессуальных действий и предоставлении ему времени для реализации права на самостоятельное приглашение защитника, а также письменный отказ Е. от нее от 27 марта 2019 г., не потребовала от следователя вынесения постановлений, разрешающих указанные письменные ходатайства Е. в порядке, определенном правилами главы 15 УПК РФ, и не совершила иных последовательных действий, указанных в Разъяснении Совета Адвокатской палаты города Москвы от 2 марта 2004 г. «Об участии в делах по назначению».

Адвокат Р. в заседании Совета с Заключением Квалификационной комиссии частично не согласилась, представила в Совет свои письменные возражения от 16 декабря 2019 г., в которых указала, что считает совершенный проступок малозначительным. Указывает на то, что ее действиями интересы Е. не были нарушены. Наоборот, после ее действий адвокаты «подняли такой шум, что прокурор изменил меру пресечения». Адвокат Р. считает, что ходатайства она поддержала, оснований заявлять о том, что интересы Е. были нарушены, у нее не имелось. Кроме того, она считает, что истек предусмотренный п. 5 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката шестимесячный срок применения к ней мер дисциплинарной ответственности. Просит признать, что, если она «допустила какие-либо нарушения их малозначительными, применив 6-ти месячный срок дисциплинарное производство прекратить» (орфография и пунктуация сохранены. – *Примеч. Совета*).

Заявитель Е. в заседании Совета с Заключением Квалификационной ко-

миссии согласился в полном объеме, просил привлечь адвоката Р. к дисциплинарной ответственности, определив ее меру по усмотрению Совета.

Рассмотрев дисциплинарное производство, выслушав его участников, Совет в полном объеме соглашается с Заключением Квалификационной комиссии от 18 декабря 2019 г. и ее выводами, поскольку они основаны на правильно и полно установленных фактических обстоятельствах.

Так, установлено, что 9 февраля 2017 г. ...отделом по расследованию особо важных дел (о преступлениях в сфере транспортной безопасности и коррупции)... межрегионального следственного управления на транспорте Следственного комитета Российской Федерации в отношении Е. и иных неустановленных лиц возбуждено уголовное дело... по признакам преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 159 УК РФ.

9 февраля 2017 г. Е. был задержан в порядке, предусмотренном ст. 91, 92 УПК РФ.

11 февраля 2017 г. М. районным судом города Москвы в отношении Е. избрана мера пресечения в виде заключения под стражу. Впоследствии срок содержания Е. под стражей судом неоднократно продлевался. Срок следствия по уголовному делу также неоднократно продлевался.

Защиту Е. по соглашению на предварительном следствии, а затем и при рассмотрении уголовного дела С. районным судом города Москвы осуществляли адвокаты Ж., Ч., К.

7 февраля 2019 г. С. районным судом города Москвы уголовное дело в отношении Е. и иных лиц было возвращено... межрегиональному транспортному прокурору для устранения препятствий его рассмотрения судом и устранения выявленных нарушений

Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, допущенных на досудебной стадии производства по уголовному делу.

Апелляционным постановлением городского суда от 19 марта 2019 г. постановление С. районного суда города Москвы от 7 февраля 2019 г. изменено, в вводной части указано, что датой рождения Л. является 11 марта 1974 г. В остальной части постановление оставлено без изменения, апелляционные жалобы – без удовлетворения. Защиту Е. в Московском городском суде осуществляли адвокаты Ж. и К.

После поступления уголовного дела... в следственный орган от... межрегионального транспортного прокурора старшим следователем отдела по расследованию особо важных дел... межрегионального следственного управления на транспорте Следственного комитета Российской Федерации... Х. оно 25 марта 2019 г. было принято к своему производству, о чем он уведомил обвиняемого Е. через администрацию ФКУ СИЗО-... УФСИН России по городу Москве и адвокатов Ж., Ч., К., не являвшихся по состоянию на указанную дату защитниками Е., сообщив им, что срок следствия установлен по 25 апреля 2019 г.

Также в указанный день следователь Х. уведомил Е., адвокатов Ж., Ч., К. о том, что на 26 марта 2019 г. запланировано предъявление Е. обвинения в совершении преступлений, предусмотренных ч. 4 ст. 159, ч. 3 ст. 159, ч. 3 ст. 159 УК РФ. При этом Е. разъяснены положения ст. 50 УПК РФ.

26 марта 2019 г. старший следователь отдела по расследованию особо важных дел... межрегионального следственного управления на транспорте Следственного комитета Российской Федерации... Х. уведомил обвиняемого

Е. и адвокатов Ж., Ч., К. о запланированном на 27–31 марта 2019 г. ознакомлении с материалами уголовного дела... в порядке, предусмотренном ст. 217 УПК РФ. При этом Е. были разъяснены положения ст. 50 УПК РФ. В этот же день обвиняемый Е. был уведомлен следователем о рассмотрении 29 марта 2019 г. М. районным судом города Москвы ходатайства следователя об установлении обвиняемому, его защитнику срока для ознакомления с материалами уголовного дела.

26 марта 2019 г. старший следователь отдела по расследованию особо важных дел... межрегионального следственного управления на транспорте Следственного комитета Российской Федерации... Х. уведомил обвиняемого Е., что в связи с неявкой его защитников по соглашению 26 марта 2019 г. в ФКУ СИЗО-... УФСИН России по городу Москве для проведения следственных и иных процессуальных действий предъявление ему обвинения, а также проведение иных следственных и процессуальных действий переносится на 27 марта 2019 года. Е. было разъяснено, что в случае неявки адвоката по соглашению Е. будет назначен защитник в соответствии со ст. 50 УПК РФ.

27 марта 2019 г. следователем Х. в автоматизированной информационной системе Адвокатской палаты города Москвы (АИС АПМ) была создана заявка... об обеспечении обвиняемому Е. защитника по назначению 27 марта 2019 г. Заявка была распределена системой адвокату Р.

27 марта 2019 г. старшим следователем отдела по расследованию особо важных дел... межрегионального следственного управления на транспорте Следственного комитета Российской Федерации... Х. было вынесено постановление о назначении обвиняемому Е.

в качестве защитника по уголовному делу... адвоката Р., представившей удостоверение... При этом по состоянию на 27 марта 2019 г. не имелось заключенных с адвокатами соглашений на защиту обвиняемого Е. на стадии предварительного расследования. Ранее заключенные соглашения были исполнены адвокатами Ж., Ч. и К. и прекратили свое действие.

27 марта 2019 г. в ходе проведения следственных и иных процессуальных действий Е. на имя следователя Х. были поданы собственноручно написанные ходатайства (заявления) об отказе от:

– защитника – адвоката по назначению Р. в связи с наличием трех защитников – адвокатов по соглашению Ж., К., Ч., а также в связи с тем, что обвиняемый Е. не доверяет адвокату по назначению;

– дачи показаний и участия в следственных и иных процессуальных действиях в отсутствие защитников – адвокатов по соглашению Ж., К., Ч., желании давать показания и принимать участие в следственных и иных процессуальных действиях в присутствии указанных адвокатов, а также о просьбе к следователю обеспечить их явку;

– дачи показаний и участия в следственных и иных процессуальных действиях в отсутствие адвоката, в связи с чем Е. ходатайствовал о предоставлении времени, достаточного для заключения с адвокатом соглашения об оказании юридической помощи.

27 марта 2019 г., в 16.45, Е. с участием адвоката Р. было предъявлено обвинение в совершении преступлений, предусмотренных ч. 4 ст. 159, ч. 3 ст. 159, ч. 3 ст. 159 УК РФ (постановление вынесено следователем 25 марта 2019 г.). При этом следователем на листах разъяснения прав указано, что Е. «От подписи отказался в связи

с отсутствием защитника по соглашению». После чего в период времени с 16.50 по 17.10 Е. был допрошен в качестве обвиняемого, от дачи показаний Е. отказался. Протокол допроса составлен на девяти листах, от подписи в протоколе допроса Е. отказался, на каждом листе протокола допроса следователем указано: «От подписи отказался в связи с отсутствием защитника по соглашению». На каждом листе протокола допроса Е. имеется подпись адвоката Р.

27 марта 2019 г., в период времени с 17.15 по 17.27, обвиняемый Е. и защитник, адвокат Р., были уведомлены об окончании следственных действий по уголовному делу... о чем следователем Х. в порядке, предусмотренном ст. 215 УПК РФ, составлен соответствующий протокол, от подписи в указанном протоколе Е. отказался, на каждом листе протокола следователем указано, что Е. «От подписи отказался в связи с отсутствием защитника по соглашению». При этом обвиняемый Е. собственноручно внес в протокол запись следующего содержания: «Желаю знакомиться с материалами уголовного дела в присутствии защитников – адвокатов по соглашению Ж., Ч., К., в случае отсутствия соглашения с данными адвокатами прошу время предоставить для заключения соглашения об оказании юр. пом.». В графе «Желаю знакомиться с материалами уголовного дела» следователем указано: с помощью защитника отдельно и совместно. Далее под данной графой адвокатом Р. внесена запись: «Ходатайство Е. поддерживать». На каждом листе протокола имеется подпись адвоката Р.

27 марта 2019 г. следователем отдела по расследованию особо важных дел... межрегионального следственного управления на транспорте Следствен-

ного комитета Российской Федерации... Х. было вынесено постановление об отказе в удовлетворении ходатайства обвиняемого Е. об ознакомлении с материалами уголовного дела в присутствии защитников, адвокатов по соглашению Ж., Ч., К., в случае отсутствия соглашения с указанными адвокатами о предоставлении времени для заключения соглашения об оказании юридической помощи, заявленного при уведомлении обвиняемого Е. и его защитника-адвоката Р. об окончании следственных действий по уголовному делу...

В материалах дисциплинарного производства имеется график ознакомления защитника, адвоката Р., с материалами уголовного дела... в который внесены сведения о том, что 28 марта 2019 г. защитник, адвокат Р., ознакомилась с материалами уголовного дела, а также график ознакомления обвиняемого Е. с материалами уголовного дела в период с 28 по 31 марта 2019 г.

29 марта 2019 г. следователем отдела по расследованию особо важных дел... межрегионального следственного управления на транспорте Следственного комитета Российской Федерации... Х. было вынесено постановление об удовлетворении ходатайства обвиняемого Е. об отказе от «услуг» защитника, адвоката Р. по назначению, в связи с наличием защитников, адвокатов по соглашению Ж., Ч., К.

29 марта 2019 г. в судебном заседании М. районного суда города Москвы при рассмотрении ходатайства старшего следователя отдела по расследованию особо важных дел... межрегионального следственного управления на транспорте Следственного комитета Российской Федерации... Х. об установлении обвиняемому, его защитнику срока для ознакомления с материалами уголовного дела защиту Е. по соглашению осу-

ществлял адвокат Ч., представивший удостоверение... судебное заседание было отложено на 1 апреля 2019 г.

Совет соглашается с оценкой Квалификационной комиссией фактических обстоятельств, связанных со вступлением адвоката Р. в уголовное дело в качестве защитника по назначению обвиняемого Е. Как установлено Квалификационной комиссией, старший следователь отдела по расследованию особо важных дел М. межрегионального следственного управления... Следственного комитета Российской Федерации... Х. принял уголовное дело... к своему производству только 25 марта 2019 г. (когда оно вернулось в следственный орган от... межрегионального... прокурора), после чего в этот же день уведомил обвиняемого Е. и адвокатов Ж., Ч. и К., не являвшихся по состоянию на указанную дату защитниками Е., о том, что на 26 марта 2019 г. запланировано предъявление Е. обвинения в совершении преступлений, предусмотренных ч. 4 ст. 159, ч. 3 ст. 159, ч. 3 ст. 159 УК РФ.

В связи с неявкой 26 марта 2019 г. для участия в запланированных процессуальных действиях защитников Е. по соглашению следователь Х. перенес их на 27 марта 2019 г., после чего с участием назначенного им защитника, адвоката Р., предъявил Е. обвинение в новой редакции, допросил его (Е.) в качестве обвиняемого, уведомил обвиняемого и его защитника об окончании следственных действий и 28 марта 2019 г. приступил к ознакомлению обвиняемого Е. и его защитника, адвоката Р., с материалами уголовного дела.

Часть 3 ст. 50 УПК РФ предусматривает, что «в случае неявки приглашенного защитника в течение 5 суток со дня заявления ходатайства о приглашении защитника дознаватель, следователь или суд вправе предложить подозрева-

емому, обвиняемому пригласить другого защитника, а в случае его отказа принять меры по назначению защитника в порядке, определенном советом Федеральной палаты адвокатов. Если участвующий в уголовном деле защитник в течение 5 суток не может принять участие в производстве конкретного процессуального действия, а подозреваемый, обвиняемый не приглашает другого защитника и не ходатайствует о его назначении, то дознаватель, следователь вправе произвести данное процессуальное действие без участия защитника, за исключением случаев, предусмотренных пунктами 2–7 части первой статьи 51 настоящего Кодекса».

Совет отмечает, что обвиняемый Е. был уведомлен о предстоящем процессуальном действии, предъявлении обвинения 25 марта 2019 г. Учитывая приведенные выше правовые положения, Е. имел право пригласить защитника по соглашению вплоть до 31 марта 2019 г. И только в случае отсутствия у обвиняемого Е. защитника по соглашению по состоянию на 31 марта 2019 г. следователь Х. имел бы правовое основание назначить защитника для участия в процессуальных действиях, проводимых не ранее этой даты.

В связи с этим Квалификационная комиссия пришла к правильному выводу о том, что, поскольку по состоянию на 27 марта 2019 г. установленный ч. 3 ст. 50 УПК РФ пятисуточный срок для реализации обвиняемым права на приглашение защитника не истек, а обвиняемый Е. не заявлял ходатайства о назначении ему защитника в порядке, предусмотренном ст. 51 УПК РФ, участие адвоката Р. в запланированных следователем процессуальных действиях в качестве назначенного следователем защитника, в отсутствие согласия на это обвиняемого Е., очевидно, нарушало

право последнего на свободный выбор защитника.

Квалификационной комиссией обоснованно отвергнут довод адвоката Р. о том, что Е. был уведомлен следователем надлежащим образом о проведении 27 марта 2019 г. следственных и иных процессуальных действий, а также о том, что ей не было известно о том, что следователь Х. принял уголовное дело к своему производству только 25 марта 2019 г. Адвокат Р., действуя разумно и добросовестно, была обязана с момента вступления в уголовное дело реализовать полномочия, предоставленные ей п. 6 ч. 1 ст. 53 УПК РФ, и ознакомиться со всеми документами, которые предъявлялись либо должны были предъявляться обвиняемому Е. Совершение защитником указанных действий является обязательным вне зависимости от процессуальной ситуации и длительности производства по уголовному делу.

Совет обращает внимание на то, что подп. «а» п. 5 Стандарта осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве от 20 апреля 2017 г., принятого VIII Всероссийским съездом адвокатов, предусматривает обязанность согласовать с подзащитным позицию по делу, для чего адвокат-защитник «принимает меры к выяснению существа обвинения или подозрения, в том числе посредством ознакомления с процессуальными документами, составленными с участием подзащитного, и иными документами, которые предъявлялись либо должны были ему предъявляться».

Поэтому в случае надлежащего исполнения своих профессиональных обязанностей адвокату Р. как профессиональному участнику уголовного судопроизводства было бы очевидно, что уголовное дело... было принято следователем Х. к своему производству только 25 марта 2019 г. Соответствен-

но, направленное 20 марта 2019 г. старшим следователем... межрегионального следственного управления... СК РФ Д. (в производстве которой уголовное дело не находилось) уведомление... о запланированных на 25–29 марта 2019 г., а также на 1–5 апреля 2019 г. следственных и иных процессуальных действий не имеет какого-либо правового значения.

Квалификационная комиссия дала правильную оценку и установленным фактическим обстоятельствам, связанным с поведением адвоката Р. при заявлении обвиняемым Е. ходатайств об отказе от нее как от защитника по назначению, об отказе от дачи показаний и участия в следственных и иных процессуальных действиях в отсутствие защитников по соглашению, об обеспечении их явки и предоставлении времени, достаточного для заключения соглашения об оказании юридической помощи.

В основу правовой оценки указанных фактических обстоятельств Комиссией обоснованно положены Разъяснения Совета Адвокатской палаты города Москвы от 7 октября 2003 г. «О поведении адвоката-защитника при отказе от него», в соответствии с которыми «в уголовных делах нередки случаи отказа обвиняемых, не признающих себя виновными, от защитника, мотивированные расхождением в позициях. Адвокат, подтверждающий такое расхождение при высказывании своего отношения к заявленному ему отводу, нарушает требования Закона “Об адвокатской деятельности и адвокатуре” и Кодекса профессиональной этики адвоката, которые воспрещают адвокату занимать по делу позицию вопреки воле доверителя и делать публичные заявления о доказанности вины подзащитного, если тот ее отрицает. По сути такое заявление означает отказ от принятой на себя защиты.

В вышеописанной ситуации адвокату следует поддерживать заявленный ему отвод, обращая внимание следователя и суда на то, что полноценная защита возможна лишь тогда, когда обвиняемый доверяет адвокату и отсутствие доверия должно повлечь удовлетворение отказа от защитника» (см.: «Вестник Адвокатской палаты города Москвы». 2003. Выпуск № 1. С. 30–31; 2004. Выпуск № 11–12 (13–14). С. 40–41; 2007. Выпуск № 1(39). С. 103–104; специальный выпуск «Вестника Адвокатской палаты города Москвы»: сборник нормативных и информационных материалов за 2002–2014 годы. М., 2014. С. 108–109).

Указанное требование к должному поведению адвоката является универсальным и распространяется не только на случаи отказа от защитника, мотивированного расхождением в позициях, но и на все другие случаи отказа обвиняемого от защитника (в том числе по мотивам отказа от защитника по назначению, обусловленного неистечением срока для приглашения защитника) либо заявления ему отвода. Адвокат не вправе навязывать свою помощь и принуждать обвиняемого к реализации своего субъективного права на свободный выбор защитника вопреки его воле. Заявление об отказе от защитника (либо отвода) может иметь под собой различные правовые и психологические основания, но общим для них остается то, что между обвиняемым и адвокатом не сформировались доверительные отношения, являющиеся основой и обязательным условием для оказания квалифицированной юридической помощи. Поэтому при заявлении обвиняемым об отказе от защитника (отвода) последний должен поддержать его в полном объеме и просить должностное лицо удовлетворить его. Пассивная позиция

адвоката-защитника, выражающаяся в оставлении разрешения заявления обвиняемого на усмотрение суда, или противоположная позиция адвоката-защитника, выражающаяся в побуждении должностного лица отказать в удовлетворении заявления обвиняемого об отказе от защитника, по сути свидетельствует о занятии адвокатом позиции и действиях вопреки воле доверителя. Такое поведение адвоката не может быть признано разумным, добросовестным и квалифицированным.

Кроме того, в Разъяснении Совета Адвокатской палаты города Москвы от 2 марта 2004 г. «Об участии в делах по назначению» указано, что «Адвокатам, вступающим в уголовное судопроизводство по назначению, нередко приходится сталкиваться с нарушением следователями порядка замены участвовавшего ранее в деле и выбывшего из него по различным причинам защитника по соглашению – следователь не дает подозреваемому или обвиняемому возможности реализовать право в течение отпущенного законом срока (от одних до пяти суток) заключить соглашение с новым адвокатом, а в нарушение закона сразу же привлекает адвоката по назначению.

В случае, если обвиняемый (подозреваемый) заявляет об отказе от защитника по назначению, адвокат обязан потребовать от следователя вынесения постановления, разрешающего заявленное ходатайство в порядке, определенном правилами главы 15 УПК РФ. При отказе следователя вынести соответствующее постановление адвокату следует подать следователю свое письменное ходатайство о рассмотрении ходатайства обвиняемого об отказе от защитника с разъяснением причин, по которым он (адвокат) не вправе до вынесения следователем постановле-

ния о разрешении заявленного обвиняемым ходатайства осуществлять его защиту. В случае отказа следователя рассмотреть ходатайство о вынесении постановления о разрешении ходатайства обвиняемого об отказе от защитника адвокату следует заявить о невозможности продолжать участвовать в процессуальном действии и покинуть место его производства, незамедлительно обжаловав действия (бездействие) следователя в соответствии с главы 16 УПК, и сообщить о случившемся в Адвокатскую палату города Москвы, которая осуществляет представительство и защиту интересов адвокатов в органах государственной власти (п. 4 ст. 29 Федерального закона “Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации”)...» (см. Разъяснение Совета Адвокатской палаты города Москвы от 2 марта 2004 г. «Об участии в делах по назначению» // Специальный выпуск «Вестника Адвокатской палаты города Москвы»: сборник нормативных и информационных материалов за 2002–2014 годы. М., 2014. С. 110–111).

Оценивая действия (бездействие) адвоката Р. после вступления в уголовное дело на предмет их соответствия приведенным разъяснениям Совета Адвокатской палаты города Москвы, а именно выполнение адвокатом Р. установленного в указанных разъяснениях алгоритма поведения защитника по назначению при отказе от него со стороны доверителя, Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, усматривает в действиях (бездействии) адвоката Р. ненадлежащее исполнение своих профессиональных обязанностей перед доверителем, выразившееся в том, что она не поддержала заявленный Е. отказ от нее, а также заявленное Е. ходатайство об отложении процессуальных действий и предоставлении ему (Е.)

времени для самостоятельного приглашения защитника, не потребовала от следователя вынесения постановления, разрешающего заявленные ходатайства в порядке, определенном правилами главы 15 УПК РФ, и не совершила иных последовательных действий, указанных в Разъяснении Совета Адвокатской палаты города Москвы от 2 марта 2004 г. «Об участии в делах по назначению».

Довод адвоката Р. о том, что она в протоколе уведомления об окончании следственных действий от 27 марта 2019 г. внесла запись: «*Ходатайство Е. поддерживаю*», которая якобы относится ко всем заявленным обвиняемым Е. ходатайствам 27 марта 2019 г., Советом отклоняется, поскольку он противоречит последовательности событий и логике вынесения процессуальных решений на стадии предварительного расследования. Совет обращает внимание, что эта запись, относящаяся лишь к одному ходатайству, была сделана адвокатом Р. в протоколе уведомления об окончании следственных действий. В этом протоколе обвиняемый Е. заявил одно ходатайство, относящееся к совершению последующего процессуального действия, ознакомлению с материалами уголовного дела и порядком реализации обвиняемым соответствующего права: «*Желаю знакомиться с материалами уголовного дела в присутствии защитников – адвокатов по соглашению Ж., Ч., К., в случае отсутствия соглашения с данными адвокатами прошу время предоставить для заключения соглашения об оказании юр. пом.*». В этом же протоколе адвокату-защитнику предоставлено право сделать свои записи, выражающие отношение к принятому процессуальному решению и следующим за ним процессуальным действиям, предусмотренным законом. Если же адво-

кат намерен заявить иные ходатайства или сделать записи, не относящиеся к данному процессуальному решению и последующим действиям, то он вправе это сделать, но должен ясно указать содержание ходатайства (заявления) с приведением фактических и правовых обоснований, соответствующих предмету заявляемого ходатайства.

В рассматриваемой ситуации адвокат Р. поддержала единственное указанное в протоколе ходатайство обвиняемого Е. о желании последнего реализовать свое право на ознакомление с материалами уголовного дела в присутствии перечисленных защитников по соглашению, а если соглашение с ними еще не заключено, то предоставить время для этого. Об этом прямо свидетельствует запись адвоката Р. «*Ходатайство Е. поддерживаю*», в которой слово «ходатайство» употреблено в единственном числе. Никаких других записей относительно иных ходатайств обвиняемого Е., не связанных с предметом указанного протокола, адвокатом Р. сделано не было.

Более того, последовательность событий и логика принятия и реализации процессуальных решений на стадии предварительного расследования свидетельствуют о том, что реакция адвоката в виде поддержки ходатайства (заявления) обвиняемого об отказе от защитника по назначению, об отказе от дачи показаний и участия в следственных и иных процессуальных действиях в отсутствие защитников по соглашению, об обеспечении их явки и предоставлении времени, достаточного для заключения соглашения об оказании юридической помощи, должна быть немедленной, именно в момент заявления обвиняемым соответствующих ходатайств. Такая реакция адвоката не имеет смысла после того, как следова-

тель уже провел процессуальное действие, в котором обвиняемый не желал участвовать без своих защитников, и составил об этом протокол. Совет подчеркивает, что в случае заявления обвиняемым ходатайства об отказе от защитника адвокат, как указано выше, обязан поддержать его безоговорочно и в полном объеме. При этом способ поддержки защитником ходатайства подзащитного должен соответствовать процессуальному статусу адвоката как профессионального участника уголовного судопроизводства, быть верифицируемым и исключать возможность двойственного толкования позиции защитника. Адвокатская практика знает различные формы такой поддержки: совершение записи на самом ходатайстве подзащитного с приведением своей позиции и дополнительных аргументов, составление отдельного заявления или ходатайства, в котором адвокат излагает свою позицию по заявленному подзащитным ходатайству и приводит правовое обоснование и/или дополнительные доводы в поддержку, внесение замечаний в протокол процессуального или следственного действия, в котором выражается несогласие с его проведением ввиду незаконного, по мнению защитника, отказа в удовлетворении ходатайства. Совет не исключает, что возможны и иные формы поддержки адвокатом ходатайства своего подзащитного при условии, что эта поддержка является своевременной, ясной, обоснованной и верифицируемой. Однако в рассматриваемой ситуации подобной поддержки заявленным подзащитным Е. ходатайств со стороны адвоката Р. со всей очевидностью выражено не было.

Помимо этого, Совет отмечает, что ходатайство обвиняемого Е. об отказе от адвоката Р., заявленное 27 марта 2019 г., было разрешено следователем

только 29 марта 2019 г., уже после завершения всех следственных и иных процессуальных действий, проведенных с участием адвоката Р., что дополнительно подтверждает неисполнение последней алгоритма действий адвоката, предусмотренного Разъяснением Совета Адвокатской палаты города Москвы от 2 марта 2004 г. «Об участии в делах по назначению».

Оценивая доводы адвоката Р., изложенные в ее письменных возражениях от 16 декабря 2019 г. ...на Заключение Квалификационной комиссии от 13 ноября 2019 г., Совет обращает внимание на их непоследовательность и противоречивость. Не соглашаясь с выводами Квалификационной комиссии о наличии в ее действиях дисциплинарного нарушения, адвокат Р. обращается к Совету с просьбой признать «какие-либо нарушения малозначительными, применив 6-ти месячный срок дисциплинарное производство прекратить». Совет отмечает, что вывод о малозначительности нарушения не может быть сделан при отсутствии в действиях адвоката дисциплинарного проступка, на чем настаивает адвокат Р. В свою очередь п. 5 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката предусматривает, что «меры дисциплинарной ответственности могут быть применены к адвокату не позднее шести месяцев со дня обнаружения проступка, не считая времени болезни адвоката, нахождения его в отпуске». Исчисление указанного шестимесячного срока начинается со дня, когда в соответствующую адвокатскую палату поступило обращение, отвечающее всем требованиям к допустимому поводу для возбуждения дисциплинарного производства, содержащимся в п. 1 и 2 ст. 20 Кодекса профессиональной этики адвоката. Обращения Е. от 27 марта и от 31 мая 2019 г. ...в отношении адво-

ката Р. не соответствовали указанным требованиям, в связи с чем они не признавались допустимыми поводами для возбуждения дисциплинарного производства и, соответственно, по существу не рассматривались. В возбуждении дисциплинарного производства было отказано именно по этому основанию, без какой-либо оценки действий адвоката Р. на предмет их соответствия требованиям законодательства и профессиональной этики. В свою очередь, жалоба Е. от 9 августа 2019 г. ...была признана допустимым поводом для возбуждения дисциплинарного производства, поэтому течение шестимесячного срока, предусмотренного п. 5 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката, следует исчислять с 20 августа 2019 г. – даты поступления этой жалобы в Адвокатскую палату города Москвы. Следовательно, указанный срок был соблюден, а дисциплинарное производство не подлежит прекращению по основаниям, указанным адвокатом Р. в ее письменных возражениях.

При указанных обстоятельствах Совет признает презумпцию добросовестности адвоката Р. опровергнутой, а ее вину в совершении вышеуказанных нарушений установленной.

Избирая в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности адвоката Р. за допущенное нарушение, Совет принимает во внимание, что оно является умышленным и грубым, нарушающим конституционное право обвиняемого на защиту избранным им защитником. Совет полагает, что недопустимое профессиональное поведение адвоката Р. наносит вред авторитету адвокатуры и дискредитирует ее перед лицами, которым оказывается юридическая помощь. Вместе с тем Совет учитывает тот факт, что действиями

(бездействием) адвоката Р., не имеющей не погашенных мер дисциплинарной ответственности, не был причинен существенный вред законным интересам обвиняемого Е. в виде дачи последним показаний, которые впоследствии могли бы использоваться против него, или лишения его возможности ознакомления с материалами уголовного дела. С учетом совокупности указанных обстоятельств Совет приходит к выводу о применении к адвокату Р. меры дисциплинарной ответственности в виде предупреждения как в наибольшей степени отвечающей требованию справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренному п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката.

На основании изложенного... Совет Адвокатской палаты города Москвы решил:

применить к адвокату Р. меру дисциплинарной ответственности в виде предупреждения за ненадлежащее, вопреки предписаниям подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 («Адвокат обязан разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно отстаивать права и законные интересы доверителя»), п. 1 и 2 п. 1 ст. 9 («Адвокат не вправе действовать вопреки законным интересам доверителя, занимать по делу позицию, противоположную позиции доверителя, и действовать вопреки его воле»), ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката («Участвуя в судопроизводстве... адвокат должен... следить за соблюдением закона в отношении доверителя и в случае нарушений прав последнего ходатайствовать об их устранении»), исполнение профессиональных обязанностей перед доверителем Е., выразившееся в том, что 27 марта 2019 г. она не заявила ходатай-

ства об отложении процессуальных действий и о предоставлении обвиняемому Е. времени для реализации права на самостоятельное приглашение защитника, не поддержала письменное ходатайство Е. от 27 марта 2019 г. об отложении процессуальных действий и о предоставлении ему времени для реализации права на самостоятельное приглашение защитника, а также письменный отказ Е. от нее

от 27 марта 2019 г., не потребовала от следователя вынесения постановлений, разрешающих указанные письменные ходатайства Е. в порядке, определенном правилами главы 15 УПК РФ, и не совершила иных последовательных действий, указанных в Разъяснении Совета Адвокатской палаты города Москвы от 2 марта 2004 г. «Об участии в делах по назначению».

1.14. Адвокату объявлено замечание за участие в отсутствие предусмотренных законом оснований, вопреки воле обвиняемого и при наличии у него защитника по соглашению, в качестве защитника по назначению в судебном заседании по рассмотрению ходатайства об установлении обвиняемому и его защитнику по соглашению срока для ознакомления с материалами уголовного дела.

Совет Адвокатской палаты города Москвы... рассмотрел в закрытом заседании 18 декабря 2019 г. с участием адвоката Р., ее представителя – адвоката В., заявителя – адвоката П. дисциплинарное производство в отношении адвоката Р., возбужденное по жалобе адвоката П. от 16 сентября 2019 г.

В соответствии с Заключением Квалификационной комиссии от 6 ноября 2019 г. адвокатом Р. допущено ненадлежащее, вопреки предписаниям подп. 1, 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 и ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнение адвокатом своих профессиональных обязанностей перед доверителем Ж. (честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно отстаивать права и законные интересы доверителя, следить за соблюдением закона в отношении доверителя и в случае нарушений прав доверителя ходатайствовать об их устранении), что выразилось в принятии ею 10 сентября 2019 г. участия без

предусмотренных законом оснований, вопреки воле обвиняемого Ж. и при наличии у него защитника по соглашению, в качестве защитника по назначению в судебном заседании Д. районного суда города Москвы по рассмотрению ходатайства старшего следователя СУ по ... АО ГСУ СК РФ по городу Москве... об установлении обвиняемому Ж. и его защитнику срока ознакомления с материалами уголовного дела...

Заявитель, адвокат П., в заседании Совета с выводами Квалификационной комиссии согласился, просил применить к адвокату Р. меру дисциплинарного взыскания в виде замечания.

Адвокат Р. в заседании Совета с выводами Квалификационной комиссии согласилась частично, поддержала позицию, изложенную в письменных возражениях. Представитель адвоката Р., адвокат В., в заседании Совета поддержала позицию адвоката Р.

Совет, рассмотрев дисциплинарное производство и выслушав явившихся участников, в полном объеме соглашается с Заключением Квалификационной

комиссии и ее выводами, поскольку они основаны на правильно и полно установленных обстоятельствах дела.

Так, установлены следующие фактические обстоятельства.

9 сентября 2019 г. старший следователь СУ по ...АО ГСУ СК РФ по городу Москве... направил адвокату П. уведомление о необходимости явки 10 сентября 2019 г., в 12.00, в Д. районный суд города Москвы для участия в судебном заседании по рассмотрению ходатайства органа следствия об установлении обвиняемому Ж. и его защитнику, адвокату П., срока для ознакомления с материалами уголовного дела... П. направил следователю ходатайство об отложении судебного заседания в связи с его нахождением за границей до 12 сентября 2019 г., содержащее просьбу о переносе судебного заседания на 13 сентября 2019 г. Следователь... направил в Автоматизированную информационную систему Адвокатской палаты города Москвы (АИС АПМ) заявку на обеспечение Ж. защитника в порядке, предусмотренном ст. 51 УПК РФ, которая была распределена адвокату Р. 10 сентября 2019 г. Д. районный суд города Москвы установил обвиняемому Ж. и его защитнику адвокату П. срок для ознакомления с материалами уголовного дела... до 12 сентября 2019 г. Защиту Ж. в Д. районном суде города Москвы 10 сентября 2019 г. осуществляла адвокат Р.

Руководствуясь положениями законодательства (в первую очередь положениями ч. 3 ст. 50 УПК РФ), решениями органов Адвокатской палаты города Москвы и органов Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации, адвокат Р. до начала судебного заседания должна была разъяснить обвиняемому Ж. его право заявить отказ от нее (адвоката Р.) и помочь ему облечь этот

отказ в надлежащую письменную форму (ч. 1 ст. 52 УПК РФ), поддержать отказ от адвоката, заявленный подзащитным, либо заявить свое письменное ходатайство о невозможности участия в судебном заседании в качестве адвоката-дублера. В том случае, если бы в удовлетворении заявления обвиняемого Ж. об отказе от защитника Р. судом было бы отказано, адвокату Р. следовало покинуть судебное заседание, обжаловав действия (бездействие) суда. Вместо этого адвокат Р. приняла участие 10 сентября 2019 г. в судебном заседании Д. районного суда города Москвы по рассмотрению ходатайства старшего следователя СУ по ...АО ГСУ СК РФ по городу Москве... об установлении обвиняемому Ж. и его защитнику, адвокату П., срока для ознакомления с материалами уголовного дела... что привело к нарушению права обвиняемого Ж. на свободный выбор защитника.

При таких обстоятельствах Совет признает, что адвокатом Р. допущено ненадлежащее, вопреки предписаниям подп. 1, 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 и ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнение адвокатом своих профессиональных обязанностей перед доверителем Ж. (честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно отстаивать права и законные интересы доверителя, следить за соблюдением закона в отношении доверителя и в случае нарушений прав доверителя ходатайствовать об их устранении).

Избирая в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности адвоката Р. за допущенное нарушение, Совет принимает во внимание, что она совершила

дисциплинарное нарушение впервые, а также учитывает мнение заявителя, адвоката П., о применении к адвокату Р. меры дисциплинарной ответственности в виде замечания. При таких обстоятельствах Совет полагает необходимым применить к адвокату Р. меру дисциплинарной ответственности в виде замечания как в наибольшей степени отвечающую требованиям соразмерности и справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренным п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката.

На основании изложенного... Совет Адвокатской палаты города Москвы решил:

применить к адвокату Р. меру дисциплинарной ответственности в виде замечания за ненадлежащее, вопреки предписаниям подп. 1, 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 и ч. 1 ст. 12

1.15. За ненадлежащее исполнение адвокатом профессиональных обязанностей, выразившееся во вступлении в уголовное дело по назначению следователя в нарушение установленного порядка оказания юридической помощи адвокатами, в принятии участия в качестве защитника по назначению в условиях неистечения 24-часового срока в проведении допроса, избрании меры пресечения подзащитному, к адвокату применена мера дисциплинарной ответственности в виде предупреждения.

Совет Адвокатской палаты города Москвы... с участием заявительницы Д., ее представителя адвоката К. ... адвоката У., ее представителя, адвоката М., рассмотрел в закрытом заседании дисциплинарное производство, возбужденное по жалобе Д. от 14 августа 2019 г. в отношении адвоката У.

В соответствии с Заключением Квалификационной комиссии от 13 ноября 2019 г. адвокатом У. допущено ненадлежащее, вопреки предписаниям подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об ад-

Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнение адвокатом своих профессиональных обязанностей перед доверителем Ж. (честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно отстаивать права и законные интересы доверителя, следить за соблюдением закона в отношении доверителя и в случае нарушений прав доверителя ходатайствовать об их устранении), что выразилось в принятии ею 10 сентября 2019 г. участия без предусмотренных законом оснований, вопреки воле обвиняемого Ж. и при наличии у него защитника по соглашению, в качестве защитника по назначению в судебном заседании Д. районного суда города Москвы по рассмотрению ходатайства старшего следователя СУ по ...АО ГСУ СК РФ по городу Москве... об установлении обвиняемому Ж. и его защитнику срока ознакомления с материалами уголовного дела...

вокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 и ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнение своих профессиональных обязанностей перед доверителем Д. (честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно отстаивать права и законные интересы доверителя, следить за соблюдением закона в отношении доверителя и в случае нарушений прав доверителя ходатайствовать об их устранении), выразившееся:

1) во вступлении 7 августа 2019 г. в уголовное дело... по назначению следователя СУ УВД по ...АО ГУ МВД по городу Москве в нарушение установленного порядка оказания юридической помощи адвокатами, участвующими в качестве защитников в уголовном судопроизводстве по назначению;

2) в принятии ею участия в качестве защитника Д. по назначению по уголовному делу... в условиях неистечения 24-часового срока, предусмотренного п. 4 ст. 50 УПК РФ для реализации подозреваемым, обвиняемым права на приглашение защитника, при проведении следующих следственных и иных процессуальных действий: в допросе Д. в качестве подозреваемого в период времени с 22.50 по 23.55, в избрании меры пресечения в виде подписки о невыезде и надлежащем поведении.

Одновременно с этим в Заключении Квалификационной комиссии указано на необходимость прекращения дисциплинарного производства в части дисциплинарных обвинений в том, что адвокат У. предоставила Д. ненадлежащую консультацию, вследствие чего Д., вопреки собственным интересам, согласилась на проведение следственных действий (допроса в качестве подозреваемой и обыска в квартире) в ночное время, заняла неправильную позицию при допросе в качестве подозреваемой, расписалась в получении копий протоколов следственных действий, проведенных с ее участием, при том, что фактически они ей не передавались, вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката, поскольку в указанной части дисциплинарных обвинений доказательств, подтверждающих доводы жалобы, заявительницей не предоставлено.

Адвокат У. вместе со своим представителем, адвокатом М., в заседании Совета подтвердили своевременное получение ими Заключения Комиссии, заявили о своем несогласии с выводами Комиссии, изложенными в Заключении. Адвокат У., не отрицая установленных Комиссией фактических обстоятельств, отметила, что считает формальным свое нарушение, обусловленное невозможностью надлежащей проверки сведений следственного органа о размещении заявки в автоматизированной информационной системе Адвокатской палаты города Москвы (далее – АИС АПМ) для вызова адвоката по назначению в порядке ст. 50 и 51 УПК РФ, поскольку у нее разрядился телефон, с которого была возможность войти в Интернет. При этом заявительнице Д. ею была оказана квалифицированная юридическая помощь, которая, по мнению адвоката У., только и явилась основанием к избранию Д. меры пресечения, не связанной с ограничением или лишением свободы.

Заявительница Д. вместе со своим представителем, адвокатом К., в заседании Совета подтвердили своевременное получение ими Заключения Комиссии, также заявили о несогласии с выводами Комиссии, изложенными в Заключении, считая, что юридическая помощь была оказана адвокатом У. некачественно. На вопросы членов Совета относительно причиненного ей вреда действиями адвоката У. заявительница Д. отметила, что факт предъявления ей обвинения, по ее мнению, связан, в том числе, с тем, что адвокат У. не оказала ей квалифицированной юридической помощи. При этом Д. не смогла конкретно объяснить причину подачи ею данной жалобы в настоящее время, а также оставила вопрос о мере дисциплинарной ответственности адвоката на усмотрение Совета.

Рассмотрев Заключение Квалификационной комиссии от 13 ноября 2019 г. и материалы дисциплинарного производства, выслушав его участников, Совет в полном объеме соглашается с выводами Квалификационной комиссии в связи с их законностью, обоснованностью и мотивированностью.

Совет признает, что Квалификационной комиссией на основании достаточной совокупности достоверных доказательств, позволяющей считать презумпцию добросовестности адвоката опровергнутой, а ее вину доказанной, установлены факты ненадлежащего исполнения адвокатом У. своих профессиональных обязанностей перед доверителем Д. (честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно отстаивать права и законные интересы доверителя, следить за соблюдением закона в отношении доверителя и в случае нарушений прав доверителя ходатайствовать об их устранении), выразившиеся в указанных выше действиях.

Квалификационной комиссией в Заключении сделан обоснованный вывод о том, что адвокат У. вступила в уголовное дело в нарушение Правил распределения поручений на участие адвокатов Адвокатской палаты города Москвы в качестве защитников в уголовном судопроизводстве по назначению дознавателя, следователя или суда в порядке ст. 50 и 51 УПК Российской Федерации, утвержденных Решением Совета Адвокатской палаты города Москвы от 27 сентября 2018 г. № 128 (в редакции Решения Совета Адвокатской палаты города Москвы от 20 декабря 2018 г. № 182).

В соответствии с ч. 1 ст. 50 УПК РФ защитник или несколько защитников могут быть приглашены для участия в деле как самим обвиняемым (подо-

зреваемым), так и его законным представителем, а также другими лицами по поручению или с согласия обвиняемого. В соответствии с ч. 4 ст. 50 УПК РФ, если в течение 24 часов с момента задержания подозреваемого или заключения подозреваемого, обвиняемого под стражу явка защитника, приглашенного им, невозможна, то дознаватель или следователь принимает меры по назначению защитника в порядке, определенном советом Федеральной палаты адвокатов.

Согласно Федеральному закону «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»:

– адвокатская палата субъекта Российской Федерации создается, в том числе, в целях обеспечения оказания квалифицированной юридической помощи, ее доступности для населения на всей территории данного субъекта Российской Федерации, организации юридической помощи, оказываемой гражданам Российской Федерации бесплатно, контроля за соблюдением адвокатами Кодекса профессиональной этики адвоката (п. 4 ст. 29). При этом совет адвокатской палаты «организует оказание юридической помощи адвокатами, участвующими в качестве защитников в уголовном судопроизводстве по назначению органов дознания, органов предварительного следствия или суда, в соответствии с порядком, определенным советом Федеральной палаты адвокатов; доводит этот порядок до сведения указанных органов, адвокатов и контролирует его исполнение адвокатами» (подп. 5 п. 3 ст. 31);

– Федеральная палата адвокатов РФ как орган адвокатского самоуправления в Российской Федерации создается в целях координации деятельности адвокатских палат (п. 2 ст. 35). Совет Федеральной палаты адвокатов РФ координирует

деятельность адвокатских палат, в том числе, по вопросам оказания адвокатами юридической помощи гражданам Российской Федерации бесплатно в рамках государственной системы бесплатной юридической помощи и их участия в качестве защитника в уголовном судопроизводстве по назначению органов дознания, органов предварительного следствия или суда либо в качестве представителя в гражданском или административном судопроизводстве по назначению суда (подп. 4 п. 3 ст. 37).

В соответствии с подп. 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката адвокат обязан выполнять решения органов адвокатской палаты субъекта Российской Федерации, Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации, принятые в пределах их компетенции.

В соответствии с подп. 9 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката адвокат не вправе оказывать юридическую помощь по назначению органов дознания, органов предварительного следствия или суда в нарушение порядка ее оказания, установленного решением Совета.

В рамках полномочий, предоставленных ему ч. 3 ст. 50 УПК РФ, подп. 3.1 п. 3 ст. 37 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», Совет Федеральной палаты адвокатов своим решением от 15 марта 2019 г. утвердил Порядок назначения адвокатов в качестве защитников в уголовном судопроизводстве, абз. 2 п. 4.1 которого установлено, что о принятом решении о назначении защитника в порядке, предусмотренном ст. 50 УПК РФ, дознаватель, следователь или суд уведомляют адвокатскую палату (представителей адвокатской палаты) с

целью назначения в качестве защитника по уголовному делу того адвоката, которому адвокатская палата (представители адвокатской палаты) поручит участие в данном уголовном деле. Абзацем 2 п. 2.1 Порядка также установлено, что советы адвокатских палат субъектов Российской Федерации в пределах своих полномочий, предусмотренных подп. 5 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», принимают региональные правила с учетом региональных особенностей.

В городе Москве порядок оказания юридической помощи адвокатами, участвующими в качестве защитников в уголовном судопроизводстве по назначению органов дознания, органов предварительного следствия, прокурора или суда, определен Правилами распределения поручений на участие адвокатов Адвокатской палаты города Москвы в качестве защитников в уголовном судопроизводстве по назначению дознавателя, следователя или суда в порядке статей 50 и 51 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, а также в качестве представителей в гражданском и административном судопроизводстве по назначению суда в порядке статьи 50 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, статьи 54 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации (далее – Правила), утвержденными Решением Совета Адвокатской палаты города Москвы от 27 сентября 2018 г. № 128 (в редакции Решения Совета Адвокатской палаты города Москвы от 20 декабря 2018 г. № 182), доведенными до сведения членов адвокатского сообщества и других лиц путем опубликования в официальном печатном издании «Вестник Адвокатской палаты города Москвы» (2018. Выпуск № 3(142). С. 14–17; № 4(143).

С. 26–32) и на официальном сайте Адвокатской палаты города Москвы <http://www.advokatymoscow.ru> в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», где доступен по ссылке <http://www.advokatymoscow.ru/upload/January/Pravila.pdf>

В соответствии с п. 3 указанных Правил распределение требований инициаторов об участии адвокатов в делах по назначению дознавателя, следователя или суда осуществляется Адвокатской палатой города Москвы исключительно посредством АИС АПМ. Требования инициаторов (далее – требование) об обеспечении участия защитника в уголовном судопроизводстве в порядке, установленном ст. 50 и 51 УПК РФ, а также требования об обеспечении представителя в порядке, установленном ст. 50 ГПК РФ и ст. 54 КАС РФ, направленные в Палату, адвокатское образование, адвокату любым иным способом, кроме размещения требования в АИС АПМ, являются недействительными, не рассматриваются и не распределяются. Принятие и (или) осуществление адвокатом защиты или представительства по назначению, поступившему к нему не через АИС АПМ, является дисциплинарным проступком и влечет за собой применение мер дисциплинарной ответственности.

В соответствии с п. 10 Правил требования об участии адвоката в делах по назначению направляются инициатором в АИС АПМ путем заполнения соответствующей формы на сайте Палаты в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» по адресу 51.advokatymoscow.ru в соответствии с Инструкцией инициатора по работе в сервисе привлечения адвокатов в делах по назначению через Адвокатскую палату города Москвы. Требование может быть также направлено инициатором в

АИС АПМ дистанционно посредством телефонной связи с использованием многоканального телефона, указанного на сайте Палаты в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет».

Согласно п. 11 Правил в целях обеспечения участия адвоката по назначению в плановых следственных и иных процессуальных действиях (в том числе судебных заседаниях) требование должно поступить в АИС АПМ в срок не позднее 24 (двадцати четырех) часов до начала запланированного процессуального действия или судебного заседания. При наличии предусмотренных Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации оснований для производства неотложных следственных или иных процессуальных действий (в том числе судебного заседания) инициатор вправе разместить в АИС АПМ соответствующее требование не позднее двух часов до начала процессуального действия или судебного заседания. В данном случае, если адвокат, назначенный АИС АПМ для исполнения требования, с учетом времени суток, расстояния и иных обстоятельств, влияющих на время его прибытия, не может явиться к месту производства следственных и иных процессуальных действий (в том числе судебного заседания) в указанное инициатором время, он обязан незамедлительно сообщить инициатору по указанным последним контактными телефонами о примерном времени своего фактического прибытия и принять разумные меры для скорейшего прибытия к месту производства следственных и иных процессуальных действий (в том числе судебного заседания) с учетом возможности отнесения соответствующих затрат к процессуальным издержкам.

Согласно п. 18 Правил в случае неработоспособности АИС АПМ более чем

двух часов подряд Президент Палаты вправе своим распоряжением временно ввести в действие ранее действовавший порядок оказания юридической помощи адвокатами, участвующими в качестве защитников в уголовном судопроизводстве по назначению дознавателя, следователя или суда, определенных Решениями Совета Адвокатской палаты города Москвы от 16 декабря 2002 г. № 1 «О порядке участия адвокатов в качестве защитников в уголовном судопроизводстве по назначению и о порядке оказания гражданам Российской Федерации юридической помощи бесплатно», от 25 марта 2004 г. № 8 «Об определении порядка оказания юридической помощи адвокатами, участвующими в качестве защитников в уголовном судопроизводстве по назначению», от 19 апреля 2007 г. № 33 «О соблюдении порядка оказания юридической помощи адвокатами, участвующими в качестве защитников в уголовном судопроизводстве по назначению», а также разъяснениями Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации и Совета Адвокатской палаты города Москвы по данному вопросу.

Квалификационной комиссией достоверно установлено, что адвокат У., будучи зарегистрированной 3 марта 2019 г. в АИС АПМ, об изложенном выше порядке, утвержденном решением органа адвокатского сообщества города Москвы, была осведомлена, ранее принимала и исполняла заявки, размещенные в АИС АПМ. Сбоев в работе АИС АПМ 7 августа 2019 г. не было.

Адвокатом У. не оспаривается, что следователь... заявку на осуществление защиты Д. в АИС АПМ не размещал. Указание адвоката У. в письменных объяснениях на то, что она приняла поручение на защиту Д. 7 августа 2019 г. на основании заявки... размещенной в

АИС АПМ, являлось ошибочным, и эту ошибку адвокат У. признала в последующих устных объяснениях в Квалификационной комиссии. В соответствии с указанной заявкой адвокат У. 13 июля 2019 г. осуществляла защиту иного лица.

Довод адвоката У. о том, что из-за неработающего телефона она не могла проверить наличие и распределение ей заявки следователя на защиту Д. 7 августа 2019 г., Квалификационная комиссия обоснованно признала надуманным, так как адвокат У. могла попросить следователя предъявить доказательства размещения соответствующей заявки либо обратиться для проверки данного факта в Адвокатскую палату города Москвы с любого телефонного аппарата.

Сопоставив приведенные выше правовые положения с установленными Комиссией обстоятельствами, Совет, как и Квалификационная комиссия, признает установленным, что адвокатом У. был нарушен изложенный выше порядок оказания юридической помощи адвокатами, участвующими в качестве защитников в уголовном судопроизводстве по назначению.

Относительно дисциплинарного нарушения, выразившегося в участии адвоката У. в процессуальных действиях в качестве защитника Д. по назначению по уголовному делу... в условиях неистечения 24-часового срока, Совет Адвокатской палаты города Москвы отмечает, что в его Разъяснении от 24 сентября 2015 г. «О соблюдении требований части 3 и части 4 статьи 50 УПК РФ при осуществлении защиты по назначению» указано, что «24-часовой срок явки приглашенного защитника с момента задержания подозреваемого или заключения подозреваемого, обвиняемого под стражу является особым как в силу своей сжатости, так и более жест-

ких правил назначения защитника (без предложения пригласить другого защитника взамен неявившегося). Ситуация, в которой оказывается подозреваемый в первые часы после задержания, полностью исключает злоупотребление правом с его стороны. Уязвимость его положения усиливается крайней сложностью реализовать свое право на защиту адвокатом по своему выбору, для приглашения которого фактически отпущено время менее суток с учетом того, что статья 96 УПК РФ обязывает дознавателя, следователя уведомить кого-либо из родственников задержанного не позднее 12 часов. Сам подозреваемый не знает, кто будет приглашать адвоката – заключать соглашение на защиту в соответствии с частью 1 статьи 50 УПК может любое лицо. В аналогичном положении оказывается и заключенный под стражу подозреваемый, обвиняемый, не имеющие защитника по соглашению. Вот почему привлечение к участию в деле защитника по назначению ранее установленных УПК РФ 24 часов по сути будет означать ликвидацию права подозреваемого, обвиняемого на приглашение адвоката... На основании изложенного Совет разъясняет: адвокат, назначенный защитником задержанного, подозреваемого или заключенного под стражу подозреваемого, обвиняемого, прибыв к дознавателю, следователю, обязан выяснить точное время фактического задержания, заключения под стражу и после свидания с подозреваемым, обвиняемым наедине не принимать участия в каких-либо процессуальных действиях до истечения предусмотренного ч. 4 ст. 50 УПК РФ 24-часового срока для явки приглашенного защитника. Кроме случая, когда будет представлено не вызывающее сомнений в своей достоверности подтверждение невозможности явки адвоката, с которым за-

ключено соглашение, в тот же срок. Неисполнение данного разъяснения будет расцениваться как нарушение подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 и ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката, устанавливающих обязанность адвоката честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно отстаивать права и законные интересы доверителя, следить за соблюдением закона в отношении доверителя и в случае нарушения прав доверителя ходатайствовать об их устранении» (см. «Вестник Адвокатской палаты города Москвы». 2015. Выпуск № 3(129). С. 39–42).

Как следует из материалов дисциплинарного производства, вызов Д. на допрос 7 августа 2019 г., в 18.00, в Следственную часть по расследованию организованной преступной деятельности Следственного управления УМВД РФ по ...АО города Москвы был осуществлен повесткой от 7 августа 2019 г. ...которая была вручена Д. 7 августа 2019 г., в 17.00.

По прибытии 7 августа 2019 г. в помещение следственного органа Д. в период с 19.30 по 21.54 была допрошена следователем... в качестве свидетеля. Таким образом, до 21.54 7 августа 2019 г. Д. по уголовному делу... находилась в статусе свидетеля.

Из постановления о возбуждении уголовного дела... от 28 июня 2019 г. усматривается, что указанное дело возбуждено в отношении неустановленных лиц. В порядке, предусмотренном ст. 91, 92 УПК РФ, Д. не задерживалась.

Как следует из протокола допроса Д. в качестве подозреваемой, допрос был начат в 22.50 и длился до 23.55 7 августа 2019 г. Отсутствуют какие-либо доказательства того, что Д. была

заранее, до начала допроса в качестве подозреваемой в 22.50 7 августа 2019 г., уведомена о том, что она будет привлечена по уголовному делу в качестве подозреваемой и допрошена в этом качестве, что ей как подозреваемой разъяснено предусмотренное п. 3 ч. 4 УПК РФ и подп. 5 ч. 3 ст. 49 УПК РФ право пользоваться помощью защитника, который может быть ею приглашен самостоятельно в порядке, предусмотренном ч. 1 ст. 50 УПК РФ.

В повестке, полученной Д. 7 августа 2019 г., в 17.00, указывается, что она вправе пригласить защитника самостоятельно либо ходатайствовать об обеспечении участия защитника следователем в порядке, предусмотренном ст. 50 УПК РФ. Однако указание на то, в каком процессуальном статусе будет допрошена Д., в повестке отсутствует. Кроме того, как указано выше, явившись для допроса по повестке, Д. была допрошена в качестве свидетеля, и предполагать изменение через один час своего процессуального статуса она не должна была и не могла.

Предусмотренный ч. 4 ст. 50 УПК РФ 24-часовой срок является минимально допускаемым законодательством для обеспечения реализации обвиняемым, подозреваемым права на свободный выбор защитника посредством его самостоятельного приглашения. В случае, если лицо не было уведомлено о возбуждении в отношении него уголовного дела либо не было задержано в порядке ст. 91, 92 УПК РФ, данный срок следует исчислять с момента, когда оно узнало либо должно было узнать о планируемых с ним процессуальных действиях как с подозреваемым.

До истечения предусмотренного ч. 4 ст. 50 УПК РФ 24-часового срока для явки приглашенного защитника адвокат по назначению не должен принимать

участие в каких-либо процессуальных действиях, кроме случая, когда будет представлено не вызывающее сомнений в своей достоверности подтверждение невозможности явки адвоката, с которым заключено соглашение, в тот же срок.

В рассматриваемой ситуации 24-часовой срок для самостоятельного приглашения Д. адвоката-защитника к моменту начала ее допроса в качестве подозреваемой 7 августа 2019 г., в 22.50, безусловно, не истек. Квалификационная комиссия верно приняла во внимание сообщенные Д. и не опровергнутые адвокатом У. обстоятельства, затруднявшие реализацию Д. права на приглашение выбранного ею лично адвоката: фактическое нахождение в помещении следственного органа, куда она была доставлена после проведения обыска в нежилом помещении, и в этот период ее право на свободное передвижение и на телефонные звонки было ограничено, причем без предупреждения о том, что с нею планируются следственные действия как с подозреваемой, отсутствие у нее средств связи в связи с изъятием мобильного телефона при проведении обыска, ночное время суток. В описанных обстоятельствах добросовестным поведением со стороны адвоката У. было бы разъяснение Д. ее права на свободный выбор защитника в течение предусмотренного законом 24-часового срока, который истекал не ранее 17.00 следующего дня (даже если исчислять его от момента вручения Д. повестки о вызове на допрос).

С учетом изложенного Совет соглашается с выводом Квалификационной комиссии о ненадлежащем, вопреки предписаниям подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 и ч. 1 ст. 12 Ко-

декса профессиональной этики адвоката, исполнении адвокатом У. своих профессиональных обязанностей перед доверителем Д., которое выразилось в том, что адвокат У. 7 августа 2019 г. вступила в качестве защитника в уголовное дело... и приняла участие в допросе Д. в качестве подозреваемой по назначению следователя в период с 22.50 по 23.55 и в избрании Д. меры пресечения в виде подписки о невыезде и надлежащем поведении до истечения предусмотренного п. 4 ст. 50 УПК РФ 24-часового срока для реализации подозреваемым, обвиняемым права на приглашение защитника.

Совет также соглашается и с выводом Квалификационной комиссии о необходимости прекращения дисциплинарного производства в части, касающейся оставшихся дисциплинарных обвинений, вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката У. нарушений норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката, так как эти дисциплинарные обвинения не нашли своего подтверждения и в Заключении Комиссии приведены исчерпывающие обоснования этого вывода. В заседании Совета заявительница Д. и ее представитель таких доказательств также не привели.

Определяя в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности адвоката У. за совершенные дисциплинарные проступки, Совет принимает во внимание умышленный характер и тяжесть совершенных адвокатом У. дисциплинарных нарушений, в основе которых лежит грубое игнорирование требований Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», Кодекса профессио-

нальной этики адвоката и решений органов адвокатского самоуправления, принятых в пределах их компетенции. Совет не может согласиться с утверждением адвоката У. о формальном характере допущенных ею нарушений и обращает ее внимание на то, что эти нарушения ограничили реализацию конституционного права ее доверителя Д. на защиту, а именно на свободный выбор защитника.

Вместе с тем, принимая во внимание, что адвокат У. имеет небольшой стаж адвокатской деятельности (1,5 года), лишь несколько месяцев назад перешла из Адвокатской палаты М. области в Адвокатскую палату города Москвы, ранее к дисциплинарной ответственности не привлекалась, а также учитывая отсутствие каких-либо достоверно установленных негативных последствий для заявительницы Д., Совет полагает необходимым применить к адвокату У. меру дисциплинарной ответственности в виде предупреждения, как в наибольшей степени отвечающей требованию справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренному п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката.

На основании изложенного... Совет Адвокатской палаты города Москвы решил:

1) за ненадлежащее, вопреки предписаниям подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 и ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнение адвокатом У. своих профессиональных обязанностей перед доверителем Д. (честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно отстаивать права и законные интересы доверителя, следить за соблюдением закона в отношении доверителя

и в случае нарушений прав доверителя ходатайствовать об их устранении), выразившееся: 1) во вступлении 7 августа 2019 г. в уголовное дело... по назначению следователя СУ УВД по ...АО ГУ МВД по городу Москве в нарушение установленного порядка оказания юридической помощи адвокатами, участвующими в качестве защитников в уголовном судопроизводстве по назначению, 2) в принятии ею участия в качестве защитника Д. по назначению по уголовному делу... в условиях неистечения 24-х часового срока, предусмотренного ч. 4 ст. 50 УПК РФ для реализации подозреваемым, обвиняемым права на приглашение защитника, при проведе-

нии следующих следственных и иных процессуальных действий: в допросе Д. в качестве подозреваемой в период с 22.50 по 23.55, в избрании меры пресечения в виде подписки о невыезде и надлежащем поведении, – применить к адвокату У. меру дисциплинарной ответственности в виде предупреждения;

2) прекратить в оставшейся части дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката У. по жалобе Д. от 14 августа 2019 г., вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

1.16. За ненадлежащее исполнение профессиональных обязанностей, выразившееся в умышленном вступлении в уголовное дело в качестве защитника по назначению следователя в нарушение установленного порядка, в участии в допросе и предъявлении подзащитному обвинения в условиях неистечения 24-часового срока с момента фактического задержания подозреваемого, а также за систематические недобросовестные и умышленные действия, направленные, в том числе, на искусственное формирование доказательств своей якобы невиновности в дисциплинарных нарушениях, к адвокату, имеющему не погашенную меру дисциплинарной ответственности за аналогичные нарушения, применена мера дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса адвоката. Оценив поведение адвоката как его стойкое нежелание осуществлять профессиональную деятельность в соответствии с требованиями законодательства и профессиональной этики и подрыв авторитета адвокатуры, Совет установил максимальный – пятилетний срок, по истечении которого данное лицо может быть допущено к сдаче квалификационного экзамена на приобретение статуса адвоката.

Совет Адвокатской палаты города Москвы... с участием представителя заявителя Б., Б.Л. (личность установлена по паспорту), рассмотрел в закрытом заседании дисциплинарное производство, возбужденное по жалобе Б. от 8 августа 2019 г. в отношении адвоката Ч.

В соответствии с Заключением Квалификационной комиссии от 20 ноября 2019 г. адвокатом Ч. допущено ненадлежащее, вопреки предписаниям подп. 1,

4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 и ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнение своих профессиональных обязанностей перед доверителем Б. (честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно отстаивать права и законные интересы доверителя, следить за соблюдением закона в отношении дове-

рителя и в случае нарушений прав доверителя ходатайствовать об их устранении), выразившееся:

1) во вступлении 21 июня 2019 г. в уголовное дело... в качестве защитника Б. по назначению следователя СО ОМВД России по району... города Москвы в нарушение установленного порядка оказания юридической помощи адвокатами, участвующими в качестве защитников в уголовном судопроизводстве по назначению, а именно Правилами распределения поручений на участие адвокатов Адвокатской палаты города Москвы в качестве защитников в уголовном судопроизводстве по назначению дознавателя, следователя или суда в порядке статей 50 и 51 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, а также в качестве представителей в гражданском и административном судопроизводстве по назначению суда в порядке статьи 50 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, статьи 54 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации, утвержденными Решением Совета Адвокатской палаты города Москвы от 27 сентября 2018 г. № 128 (в редакции Решения Совета Адвокатской палаты города Москвы от 20 декабря 2018 г. № 182);

2) в принятии им 21 июня 2019 г. участия в качестве защитника по назначению по уголовному делу... в условиях истечения 24-часового срока с момента фактического задержания Б. в проведении следующих следственных и иных процессуальных действий: допросе Б. в качестве подозреваемого в период времени с 16.15 до 17.30, предъявлении Б. обвинения в 17.45 и его допросе в качестве обвиняемого в период времени с 18.00 по 19.15.

Одновременно с этим в Заключении Квалификационной комиссии ука-

зано на необходимость прекращения дисциплинарного производства в части дисциплинарных обвинений в том, что адвокат Ч. 21 июня 2019 г. участия в перечисленных выше следственных и иных процессуальных действиях не принимал, прибыл в СО ОМВД России по району... города Москвы уже после 20.00, пробыл там не более трех – пяти минут и склонил Б. к подписанию «необходимых документов», поскольку заявителем не представлено доказательств, опровергающих презумпцию добросовестности адвоката Ч. в указанной части дисциплинарных обвинений.

Адвокат Ч., своевременно и надлежащим образом уведомленный о дне и времени заседания Совета, а равно своевременно получивший Заключение Квалификационной комиссии, в заседание Совета, как и в заседание Квалификационной комиссии 20 ноября 2019 г. не явился без указания причин неявки, участие представителя не обеспечил. Получение адвокатом Ч. Заключения Комиссии и ознакомление с ним подтверждаются направленным им в адрес Президента Адвокатской палаты города Москвы посредством электронной почты письменным отзывом на Заключение Квалификационной комиссии от 20 ноября 2019 г. на 2 (двух) листах... в котором он просит об объективном рассмотрении его отзыва Советом и о возвращении дисциплинарного производства в Квалификационную комиссию для нового рассмотрения в связи с «новыми обстоятельствами». При этом каких-либо новых обстоятельств, относящихся к предмету дисциплинарного разбирательства, в указанном отзыве не приведено. Одновременно с этим адвокат Ч. указал на нарушение, по его мнению, Квалификационной комиссией срока рассмотрения дисциплинарного производства, установленного п. 1

ст. 23 Кодекса профессиональной этики адвоката.

Представитель заявителя Б., Б.Л. (мать заявителя, личность установлена по паспорту), в заседании Совета подтвердила своевременное получение Заключения Комиссии и ознакомление с ним. На вопросы членов Совета отметила, что полностью согласна с выводами Комиссии, изложенными в Заключении, не возражает против рассмотрения дисциплинарного производства в отсутствие адвоката Ч. В том случае, если Совет согласится с выводами Комиссии, изложенными в Заключении, просила применить к адвокату Ч. самую строгую меру дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса адвоката, поскольку считает его поведение крайне недобросовестным.

Совет, принимая во внимание, что адвокатом Ч. ранее неоднократно давались устные и письменные объяснения по предмету дисциплинарного производства, а также с учетом требования п. 5 ст. 24 Кодекса профессиональной этики адвоката, согласно которому неявка кого-либо из участников дисциплинарного производства не препятствует разбирательству и принятию решения, рассмотрел дисциплинарное производство в отношении адвоката Ч. в его отсутствие.

Рассмотрев материалы дисциплинарного производства и Заключение Квалификационной комиссии от 20 ноября 2019 г., выслушав явившуюся участницу, Совет в полном объеме соглашается с выводами Квалификационной комиссии в связи с их законностью, обоснованностью и мотивированностью.

Совет признает, что Квалификационной комиссией на основании достаточной совокупности достоверных доказательств, позволяющих считать презумпцию добросовестности адвока-

та опровергнутой, а его вину доказанной, установлены факты ненадлежащего исполнения адвокатом Ч. своих профессиональных обязанностей перед доверителем Б. (честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно отстаивать права и законные интересы доверителя, следить за соблюдением закона в отношении доверителя и в случае нарушений прав доверителя ходатайствовать об их устранении), выразившиеся: 1) во вступлении 21 июня 2019 г. в уголовное дело... в качестве защитника Б. по назначению следователя СО ОМВД России по району... города Москвы в нарушение установленного порядка оказания юридической помощи адвокатами, участвующими в качестве защитников в уголовном судопроизводстве по назначению, а именно Правилами распределения поручений на участие адвокатов Адвокатской палаты города Москвы в качестве защитников в уголовном судопроизводстве по назначению дознавателя, следователя или суда в порядке статей 50 и 51 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, а также в качестве представителей в гражданском и административном судопроизводстве по назначению суда в порядке статьи 50 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, статьи 54 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации, утвержденными Решением Совета Адвокатской палаты города Москвы от 27 сентября 2018 г. № 128 (в редакции Решения Совета Адвокатской палаты города Москвы от 20 декабря 2018 г. № 82); 2) в принятии им 21 июня 2019 г. участия в качестве защитника по назначению по уголовному делу... в условиях неистечения 24-часового срока с момента фактического задержания Б. в проведении следующих следствен-

ных и иных процессуальных действий: в допросе Б. в качестве подозреваемого в период времени с 16.15 до 17.30, в предъявлении Б. обвинения в 17.45 и его допросе в качестве обвиняемого в период времени с 18.00 по 19.15.

Квалификационной комиссией в Заключении сделан обоснованный вывод о том, что адвокат Ч. вступил в уголовное дело в нарушение Правил распределения поручений на участие адвокатов Адвокатской палаты города Москвы в качестве защитников в уголовном судопроизводстве по назначению дознавателя, следователя или суда в порядке статей 50 и 51 УПК Российской Федерации, утвержденных Решением Совета Адвокатской палаты города Москвы от 27 сентября 2018 г. № 128 (в редакции Решения Совета Адвокатской палаты города Москвы от 20 декабря 2018 г. № 182). При этом Комиссией вне разумных сомнений установлены факты, подтверждающие попытку адвоката Ч. скрыть истинные обстоятельства своего вступления в дело в качестве защитника Б., подменить основание вступления в дело путем ретроспективного внесения в документы не соответствующих действительности сведений о том, что он действовал якобы на основании соглашения, заключенного им с третьим лицом в пользу Б., а не являлся защитником по назначению.

В соответствии с ч. 1 ст. 50 УПК РФ защитник или несколько защитников могут быть приглашены для участия в деле как самим обвиняемым (подозреваемым), так и его законным представителем, а также другими лицами по поручению или с согласия обвиняемого. В соответствии с ч. 4 ст. 50 УПК РФ, если в течение 24 часов с момента задержания подозреваемого или заключения подозреваемого, обвиняемого под стражу явка защитника, приглашенного им,

невозможна, то дознаватель или следователь принимает меры по назначению защитника в порядке, определенном советом Федеральной палаты адвокатов.

Согласно Федеральному закону «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»:

– адвокатская палата субъекта Российской Федерации создается, в том числе, в целях обеспечения оказания квалифицированной юридической помощи, ее доступности для населения на всей территории данного субъекта Российской Федерации, организации юридической помощи, оказываемой гражданам Российской Федерации бесплатно, контроля за соблюдением адвокатами Кодекса профессиональной этики адвоката (п. 4 ст. 29). При этом совет адвокатской палаты «организует оказание юридической помощи адвокатами, участвующими в качестве защитников в уголовном судопроизводстве по назначению органов дознания, органов предварительного следствия или суда, в соответствии с порядком, определенным советом Федеральной палаты адвокатов; доводит этот порядок до сведения указанных органов, адвокатов и контролирует его исполнение адвокатами» (подп. 5 п. 3 ст. 31);

– Федеральная палата адвокатов РФ как орган адвокатского самоуправления в Российской Федерации создается в целях координации деятельности адвокатских палат (п. 2 ст. 35). Совет Федеральной палаты адвокатов РФ координирует деятельность адвокатских палат, в том числе, по вопросам оказания адвокатами юридической помощи гражданам Российской Федерации бесплатно в рамках государственной системы бесплатной юридической помощи и их участия в качестве защитника в уголовном судопроизводстве по назначению органов дознания, органов предварительно-

го следствия или суда либо в качестве представителя в гражданском или административном судопроизводстве по назначению суда (подп. 4 п. 3 ст. 37).

В соответствии с подп. 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката адвокат обязан выполнять решения органов адвокатской палаты субъекта Российской Федерации, Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации, принятые в пределах их компетенции.

В соответствии с подп. 9 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката адвокат не вправе оказывать юридическую помощь по назначению органов дознания, органов предварительного следствия или суда в нарушение порядка ее оказания, установленного решением Совета.

В рамках полномочий, предоставленных ему ч. 3 ст. 50 УПК РФ, подп. 3.1 п. 3 ст. 37 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», Совет Федеральной палаты адвокатов своим Решением от 15 марта 2019 г. утвердил Порядок назначения адвокатов в качестве защитников в уголовном судопроизводстве, абз. 2 п. 4.1 которого установлено, что о принятом решении о назначении защитника в порядке, предусмотренном ст. 50 УПК РФ, дознаватель, следователь или суд уведомляют адвокатскую палату (представителей адвокатской палаты) с целью назначения в качестве защитника по уголовному делу того адвоката, которому адвокатская палата (представители адвокатской палаты) поручит участие в данном уголовном деле. Абзацем 2 п. 2.1 данного Порядка также установлено, что советы адвокатских палат субъектов Российской Федерации в пределах своих полно-

мочий, предусмотренных подп. 5 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», принимают региональные правила с учетом региональных особенностей.

В городе Москве порядок оказания юридической помощи адвокатами, участвующими в качестве защитников в уголовном судопроизводстве по назначению органов дознания, органов предварительного следствия, прокурора или суда, определен Правилами распределения поручений на участие адвокатов Адвокатской палаты города Москвы в качестве защитников в уголовном судопроизводстве по назначению дознавателя, следователя или суда в порядке статей 50 и 51 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, а также в качестве представителей в гражданском и административном судопроизводстве по назначению суда в порядке статьи 50 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, статьи 54 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации (далее – Правила), утвержденными Решением Совета Адвокатской палаты города Москвы от 27 сентября 2018 г. № 128 (в редакции Решения Совета Адвокатской палаты города Москвы от 20 декабря 2018 г. № 182), доведенными до сведения членов адвокатского сообщества и других лиц путем опубликования в официальном печатном издании «Вестник Адвокатской палаты города Москвы» (2018. Выпуск № 3(142). С. 14–17; № 4(143). С. 26–32) и на официальном сайте Адвокатской палаты города Москвы <http://www.advokatymoscow.ru> в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», где доступен по ссылке <http://www.advokatymoscow.ru/upload/January/Pravila.pdf>

В соответствии с п. 3 Правил распределение требований инициаторов об участии адвокатов в делах по назначению дознавателя, следователя или суда осуществляется Адвокатской палатой города Москвы исключительно посредством автоматизированной информационной системы Адвокатской палаты города Москвы (далее – АИС АПМ). Требования инициаторов (далее – требование) об обеспечении участия защитника в уголовном судопроизводстве в порядке, установленном ст. 50 и 51 УПК РФ, а также требования об обеспечении представителя в порядке, установленном ст. 50 ГПК РФ и ст. 54 КАС РФ, направленные в Палату, адвокатское образование, адвокату любым иным способом, кроме размещения требования в АИС АПМ, являются недействительными, не рассматриваются и не распределяются. Принятие и (или) осуществление адвокатом защиты или представительства по назначению, поступившему к нему не через АИС АПМ, является дисциплинарным проступком и влечет за собой применение мер дисциплинарной ответственности.

В соответствии с п. 10 Правил требования об участии адвоката в делах по назначению направляются инициатором в АИС АПМ путем заполнения соответствующей формы на сайте Палаты в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» по адресу 51.advokatymoscow.ru в соответствии с Инструкцией инициатора по работе в сервисе привлечения адвокатов в делах по назначению через Адвокатскую палату города Москвы. Требование может быть также направлено инициатором в АИС АПМ дистанционно посредством телефонной связи с использованием многоканального телефона, указанного на сайте Палаты в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет».

Согласно п. 11 Правил в целях обеспечения участия адвоката по назначению в плановых следственных и иных процессуальных действиях (в том числе судебных заседаниях) требование должно поступить в АИС АПМ в срок не позднее 24 (двадцати четырех) часов до начала запланированного процессуального действия или судебного заседания. При наличии предусмотренных Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации оснований для производства неотложных следственных или иных процессуальных действий (в том числе судебного заседания) инициатор вправе разместить в АИС АПМ соответствующее требование не позднее двух часов до начала процессуального действия или судебного заседания. В данном случае, если адвокат, назначенный АИС АПМ для исполнения требования, с учетом времени суток, расстояния и иных обстоятельств, влияющих на время его прибытия, не может явиться к месту производства следственных и иных процессуальных действий (в том числе судебного заседания) в указанное инициатором время, он обязан незамедлительно сообщить инициатору по указанным последним контактными телефонам о примерном времени своего фактического прибытия и принять разумные меры для скорейшего прибытия к месту производства следственных и иных процессуальных действий (в том числе судебного заседания) с учетом возможности отнесения соответствующих затрат к процессуальным издержкам.

Согласно п. 18 Правил в случае неработоспособности АИС АПМ более чем двух часов подряд Президент Палаты вправе своим распоряжением временно ввести в действие ранее действовавший порядок оказания юридической помощи адвокатами, участвующими в

качестве защитников в уголовном судопроизводстве по назначению дознавателя, следователя или суда, определенный Решениями Совета Адвокатской палаты города Москвы от 16 декабря 2002 г. № 1 «О порядке участия адвокатов в качестве защитников в уголовном судопроизводстве по назначению и о порядке оказания гражданам Российской Федерации юридической помощи бесплатно», от 25 марта 2004 г. № 8 «Об определении порядка оказания юридической помощи адвокатами, участвующими в качестве защитников в уголовном судопроизводстве по назначению», от 19 апреля 2007 г. № 33 «О соблюдении порядка оказания юридической помощи адвокатами, участвующими в качестве защитников в уголовном судопроизводстве по назначению», а также разъяснениями Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации и Совета Адвокатской палаты города Москвы по данному вопросу.

Адвокат Ч., категорически отрицая в письменных и устных объяснениях свое участие в уголовном деле... в качестве защитника Б. по назначению следователя в порядке ст. 51 УПК РФ, утверждал, что с письменного согласия Б. вступил в указанное уголовное дело на основании соглашения, заключенного 21 июня 2019 г. со своей знакомой К., которая, якобы впервые увидев Б. только 21 июня 2019 г., когда тот был уже задержан и находился в ОМВД России по району... города Москвы, пожалела «этого несчастного наркомана» и решила попросить адвоката Ч. защищать ранее незнакомого ей Б. на предварительном следствии всего за... рублей, которые сама же и заплатила.

Выдвинутая адвокатом Ч. защитительная версия в связи с обоснованными сомнениями в ее правдоподобности

была тщательно проверена Квалификационной комиссией и обоснованно отвергнута, так как была опровергнута совокупностью допустимых и достоверных доказательств.

Установленные Квалификационной комиссией вне разумных сомнений обстоятельства, а именно:

1) существенная разница между датой якобы подписания и датой регистрации соглашения без номера между адвокатом Ч. и гражданкой К. в интересах незнакомого ей Б.,

2) тот факт, что гражданка К., якобы заключившая соглашение с адвокатом Ч. на защиту Б., не знакома ни с самим Б., ни с членами его семьи, и все они категорически отрицают какое-либо участие незнакомой им К. в приглашении защитника для Б.;

3) отсутствие подписи К. на соглашении с адвокатом Ч. в интересах Б. и очевидные отличия подписи от имени Б. на этом соглашении от подлинной подписи Б. в его паспорте и на процессуальных документах, копии которых имеются в материалах дисциплинарного производства, а равно тот факт, что сам Б. категорически отрицает свою подпись на данном соглашении;

4) существенные противоречия в позиции самого адвоката Ч. относительно обстоятельств первоначальной выписки ордера... с указанием оснований его выдачи – «51 УПК РФ» и его последующей замены «дубликатом ордера...» с указанием оснований его выдачи – «По соглашению от 21.06.2019»;

5) установленный факт замены в материале... по рассмотрению ходатайства следователя СО ОМВД России по району... города Москвы об избрании в отношении Б. меры пресечения в виде заключения под стражу ордера... на листе материала 23 с указанным основанием выдачи «51 УПК» на ордер...

с основанием выдачи – «Соглашение от 21.06.2019»;

6) неестественное и не имеющее никакого разумного объяснения количество якобы «ошибочных» и вовремя не замеченных указаний следователем и судом в многочисленных процессуальных документах по делу Б. именно о том, что адвокат Ч. является защитником по назначению, при том, что все эти «ошибки» ими были «замечены» лишь после того, как все процессуальные действия с участием адвоката Ч. были проведены;

7) тот факт, что по состоянию на 19 ноября 2019 г. в Г. районном суде города Москвы в материале... о производстве обыска в жилище в случаях, не терпящих отлагательства, поступившем в суд на три дня позже материала об избрании меры пресечения Б., содержится светокопия ордера... от 21 июня 2019 г., выданного адвокату Ч. на защиту Б. по тому же уголовному делу... где в графе «Основания выдачи ордера» указано: «На основании ст. 51 УПК РФ»,

– дают Совету безусловные основания согласиться с выводом Комиссии о ложности защитительной версии адвоката Ч. и признать ее полностью опровергнутой.

Дополнительным косвенным подтверждением правильности и обоснованности указанного вывода Комиссии является и тот факт, что адвокат Ч. не осуществлял защиту Б. 3 июля 2019 г. в апелляционной инстанции М. городского суда, что он обязан был бы сделать, если бы являлся его защитником по соглашению (см. Разъяснения Совета Адвокатской палаты города Москвы от 29 сентября 2014 г. № 7 «Об объеме оказания адвокатом-защитником юридической помощи в стадии предварительного расследования»). Кроме того, после

25 июня 2019 г. адвокат Ч. перестал осуществлять защиту Б., объясняя это вступлением в уголовное дело защитника Б. по соглашению.

С учетом изложенного Совет, соглашаясь с выводом Квалификационной комиссии, признает опровергнутой презумпцию добросовестности адвоката Ч. и признает установленным тот факт, что адвокат Ч. вступил в уголовное дело в качестве защитника заявителя по назначению следователя в нарушение установленного порядка, а именно минуя Автоматизированную информационную систему Адвокатской палаты города Москвы. Тем самым адвокатом Ч. был умышленно нарушен изложенный выше порядок оказания юридической помощи адвокатами, участвующими в качестве защитников в уголовном судопроизводстве по назначению. Осознавая это обстоятельство и пытаясь избежать ответственности за совершенное нарушение, он выдвинул в настоящем дисциплинарном производстве ложную версию о своем участии в уголовном деле в качестве защитника Б. по соглашению.

Эти действия адвоката Ч. правильно квалифицированы Комиссией как ненадлежащее, вопреки предписаниям подп. 1, 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», исполнение адвокатом Ч. своих профессиональных обязанностей перед доверителем Б.

Квалификационной комиссией также справедливо отмечено, что Совет Адвокатской палаты города Москвы в Разъяснениях от 24 сентября 2015 г. «О соблюдении требований части 3 и части 4 статьи 50 УПК РФ при осуществлении защиты по назначению» указал, что «24-часовой срок явки приглашенного защитника с момента задержания

подозреваемого или заключения подозреваемого, обвиняемого под стражу является особым как в силу своей жесткости, так и более жестких правил назначения защитника (без предложения пригласить другого защитника взамен неявившегося). Ситуация, в которой оказывается подозреваемый в первые часы после задержания, полностью исключает злоупотребление правом с его стороны. Узвимость его положения усиливается крайней сложностью реализовать свое право на защиту адвокатом по своему выбору, для приглашения которого фактически отпущено время менее суток с учетом того, что статья 96 УПК РФ обязывает дознавателя, следователя уведомить кого-либо из родственников задержанного не позднее 12 часов. Сам подозреваемый не знает, кто будет приглашать адвоката – заключать соглашение на защиту в соответствии с частью 1 статьи 50 УПК может любое лицо. В аналогичном положении оказывается и заключенный под стражу подозреваемый, обвиняемый, не имеющие защитника по соглашению. Вот почему привлечение к участию в деле защитника по назначению ранее установленных УПК РФ 24 часов по сути будет означать ликвидацию права подозреваемого, обвиняемого на приглашение адвоката... На основании изложенного Совет разъясняет: адвокат, назначенный защитником задержанного, подозреваемого или заключенного под стражу подозреваемого, обвиняемого, прибыв к дознавателю, следователю, обязан выяснить точное время фактического задержания, заключения под стражу и после свидания с подозреваемым, обвиняемым наедине не принимать участия в каких-либо процессуальных действиях до истечения, предусмотренного ч. 4 ст. 50 УПК РФ, 24-часового срока для явки при-

глашенного защитника. Кроме случая, когда будет представлено не вызывающее сомнений в своей достоверности подтверждение невозможности явки адвоката, с которым заключено соглашение, в тот же срок. Невыполнение данного разъяснения будет расцениваться как нарушение подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона “Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации”, п. 1 ст. 8 и ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката, устанавливающих обязанность адвоката честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно отстаивать права и законные интересы доверителя, следить за соблюдением закона в отношении доверителя и в случае нарушения прав доверителя ходатайствовать об их устранении» (см. «Вестник Адвокатской палаты города Москвы». 2015. Выпуск № 3(129). С. 39–42).

В соответствии с ч. 1.1 ст. 92 УПК РФ в случае, если защитник участвует в производстве по уголовному делу с момента фактического задержания подозреваемого, его участие в составлении протокола задержания обязательно.

В соответствии с п. 15 ст. 5 УПК РФ под моментом фактического задержания понимается момент производимого в порядке, установленном настоящим Кодексом, фактического лишения свободы передвижения лица, подозреваемого в совершении преступления.

Из содержания протоколов допросов Б. в качестве подозреваемого и обвиняемого следует, что он был фактически задержан сотрудниками полиции в ночь с 20 на 21 июня 2019 г.

Материалами дисциплинарного производства достоверно установлено, что первым процессуальным действием, в котором принял участие адвокат Ч., было задержание Б. в порядке ст. 91,

92 УПК РФ, имевшее место 21 июня 2019 г., в 15.30.

Затем с участием защитника, адвоката Ч., в период времени с 16.15 до 17.30, Б. был допрошен в качестве подозреваемого, в 17.45 ему было предъявлено обвинение, а в период времени с 18.00 по 19.15 Б. был допрошен в качестве обвиняемого.

Оценивая приведенные выше фактические обстоятельства, Квалификационная комиссия обоснованно признала установленным, что адвокат Ч. до истечения 24-х часов с момента фактического задержания Б. (с момента фактического ограничения свободы его передвижения) приступил к осуществлению его защиты, тогда как в соответствии с ч. 4 ст. 50 УПК РФ следовательно до истечения 24-х часов с момента задержания подозреваемого вправе принимать меры по назначению ему защитника только в том случае, если явка защитника, приглашенного подозреваемым, невозможна. Единственным процессуальным действием, в котором адвокат Ч. был вправе принимать участие (ч. 1.1 ст. 92 УПК РФ), являлось задержание Б. по подозрению в совершении преступления в порядке ст. 91, 92 УПК РФ.

При таких обстоятельствах Совет полностью соглашается с выводом Комиссии о том, что адвокат Ч., вопреки предписаниям подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 и ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката, ненадлежащим образом исполнил профессиональные обязанности перед доверителем Б., приняв 21 июня 2019 г. участие в качестве его защитника по назначению в проведении следующих следственных и иных процессуальных действий по уголовному делу... до исте-

чения 24-х часов с момента фактического задержания Б.: в допросе последнего в качестве подозреваемого в период с 16.15 до 17.30, предъявлении Б. обвинения в 17.45 и его допросе в качестве обвиняемого в период с 18.00 по 19.15. Презумпцию добросовестности адвоката Ч. Совет признает опровергнутой также и в этой части дисциплинарных обвинений.

Соглашается Совет и с выводом Квалификационной комиссии о необходимости прекращения дисциплинарного производства в части, касающейся оставшихся дисциплинарных обвинений, вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката Ч. нарушений норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката, так как эти дисциплинарные обвинения не нашли достаточного подтверждения в ходе рассмотрения дисциплинарного производства, и в Заключение Комиссии изложены исчерпывающие обоснования этого вывода.

Оценивая довод адвоката Ч., содержащийся в его письменном отзыве на Заключение Квалификационной комиссии от 20 ноября 2019 г., о нарушении срока рассмотрения дисциплинарного производства Квалификационной комиссией, Совет отмечает, что срок, установленный п. 1 ст. 23 Кодекса профессиональной этики адвоката, не является пресекательным, а относится к категории организационно-технических сроков. Кроме того, Совет считает необходимым отметить, что, как следует из положений того же п. 1 ст. 23 Кодекса профессиональной этики адвоката, время отложения дисциплинарного дела по причинам, признанным уважительными Квалификационной комиссией, исключается из двухмесячного срока, а само рассмотрение дисципли-

нарного производства в первую очередь направлено на своевременное, объективное, справедливое, полное и всестороннее рассмотрение жалоб на действия (бездействие) адвоката, их разрешение в соответствии с Федеральным законом «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и Кодексом профессиональной этики адвоката, а также исполнение принятого решения (п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката). В этой связи Совет учитывает, что проверка и опровержение ложной защитительной версии, выдвинутой адвокатом Ч., потребовали значительного времени и значительных усилий со стороны Квалификационной комиссии. Кроме того, выраженная адвокатом Ч. в том же отзыве просьба о направлении дисциплинарного производства на новое разбирательство в Квалификационную комиссию в случае ее удовлетворения Советом повлекла бы еще большее затягивание сроков рассмотрения дисциплинарного производства, и сам адвокат Ч. прямо выразил свою заинтересованность в этом. По указанным причинам Совет отклоняет довод адвоката Ч. о нарушении сроков рассмотрения дисциплинарного производства как не влияющий на оценку его профессионального поведения и не препятствующий принятию Советом решения по существу дисциплинарных обвинений.

Не находит Совет и оснований для удовлетворения просьбы адвоката Ч. о направлении дисциплинарного производства в Квалификационную комиссию для нового разбирательства, поскольку, как указано выше, все обстоятельства, имеющие значение для разрешения дисциплинарного производства, установлены с достаточной полнотой, и в отзыве адвоката Ч. обстоятельства, имеющие отношение к пред-

мету дисциплинарного разбирательства и подлежащие дополнительной проверке, также не приведены.

17 декабря 2019 г. в Адвокатскую палату города Москвы от неустановленного лица поступило якобы направленное администрацией ФКУ СИЗО-... УФСИН России по городу Москве письменное заявление, якобы исходящее от Б., в котором содержится просьба об отложении рассмотрения Советом дисциплинарного производства в отношении адвоката Ч. для решения вопроса о примирении с ним. Проведенной проверкой в отношении достоверности данного обращения установлено, что в администрацию ФКУ СИЗО-... УФСИН России по городу Москве оно от содержащегося в указанном учреждении Б. не поступало, и администрацией ФКУ СИЗО-... УФСИН России по городу Москве оно не направлялось (письмо начальника ФКУ СИЗО-... УФСИН России по городу Москве от 18 декабря 2019 г. исх. №...).

В заседании Совета представитель заявителя Б., Б.Л., заявила, что ни ей, ни иным членам семьи ничего неизвестно о каких-либо намерениях Б. по примирению с адвокатом Ч., и она убеждена, что подобная просьба от него исходить не может.

При таких обстоятельствах Совет приходит к выводу об отсутствии оснований для отложения принятия решения по дисциплинарному производству и отмечает, что организация поступления указанного ложного обращения от имени заявителя Б. могла быть выгодна только адвокату Ч. как очередной способ затягивания принятия решения и уклонения от ответственности за совершенные нарушения.

Определяя в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса професси-

ональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности адвоката Ч. за совершенные им дисциплинарные нарушения, Совет принимает во внимание следующие существенные обстоятельства:

– умышленный характер, тяжесть и злостность нарушений, в основе которых лежит не только грубое игнорирование требований Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», Кодекса профессиональной этики адвоката и решений органов адвокатского самоуправления, принятых в пределах их компетенции, но и явное пренебрежение доверием защищаемого лица, права и законные интересы которого были существенно ущемлены в результате совершенных адвокатом Ч. нарушений;

– предшествующее и последующее профессиональное поведение адвоката Ч., а именно: а) дисциплинарные нарушения, являющиеся предметом настоящего дисциплинарного производства, были совершены адвокатом Ч. при наличии у него не погашенной в установленном порядке меры дисциплинарной ответственности в виде предупреждения, примененной к нему Решением Совета Адвокатской палаты города Москвы... за аналогичные нарушения; б) систематические недобросовестные и умышленные действия адвоката Ч., направленные на искусственное формирование доказательств своей якобы невиновности в инкриминируемых ему дисциплинарных нарушениях.

Совершение адвокатом Ч. вышеуказанных дисциплинарных нарушений во взаимосвязи с избранным им вышеуказанным способом защиты в рамках дисциплинарного производства Совет расценивает как крайнюю степень профессиональной недобросовестности и

признает поведение адвоката Ч. порочащим не только его честь и достоинство, но и подрывающим авторитет адвокатуры в целом в глазах представителей как гражданского общества, так и профессионального сообщества, так как «достоинство адвоката есть достоинство всего сословия» (Ф.Э. Молло). Совет оценивает описанное поведение адвоката Ч. как его стойкое нежелание осуществлять профессиональную деятельность в соответствии с требованиями законодательства и профессиональной этики.

При таких обстоятельствах Совет признает профессиональное поведение адвоката Ч. несовместимым с нахождением в составе адвокатского сообщества и приходит к выводу о необходимости применения к нему меры дисциплинарного воздействия в виде прекращения статуса адвоката. Применение более мягкой меры дисциплинарной ответственности не только противоречило бы требованию справедливости дисциплинарного производства, предусмотренному п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката, но и могло бы быть воспринято как признание совместимости подобного поведения с нахождением в составе адвокатского сообщества.

Определяя в соответствии с п. 7 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката срок, по истечении которого Ч. может быть допущен к сдаче квалификационного экзамена, Совет, учитывая все вышеуказанные обстоятельства, считает необходимым применить в отношении данного лица максимальный размер данного срока, установив его в виде 5 (пяти) лет.

На основании изложенного... Совет Адвокатской палаты города Москвы решил:

1) за ненадлежащее, вопреки предписаниям подп. 1, 4 п. 1 ст. 7 Федерального

закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 и ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнение адвокатом Ч. своих профессиональных обязанностей перед доверителем Б. (честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно отстаивать права и законные интересы доверителя, следить за соблюдением закона в отношении доверителя и в случае нарушений прав доверителя ходатайствовать об их устранении), выразившееся:

1) во вступлении 21 июня 2019 г. в уголовное дело... в качестве защитника Б. по назначению следователя СО ОМВД России по району... города Москвы в нарушение установленного порядка оказания юридической помощи адвокатами, участвующими в качестве защитников в уголовном судопроизводстве по назначению, а именно Правилами распределения поручений на участие адвокатов Адвокатской палаты города Москвы в качестве защитников в уголовном судопроизводстве по назначению дознавателя, следователя или суда в порядке статей 50 и 51 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, а также в качестве представителей в гражданском и административном судопроизводстве по назначению суда в порядке статьи 50 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, статьи 54 Кодек-

са административного судопроизводства Российской Федерации, утвержденными Решением Совета Адвокатской палаты города Москвы от 27 сентября 2018 г. № 128 (в редакции Решения Совета Адвокатской палаты города Москвы от 20 декабря 2018 г. № 182);

2) в принятии им 21 июня 2019 г. участия в качестве защитника по назначению по уголовному делу... в условиях истечения 24-часового срока с момента фактического задержания Б. в проведении следующих следственных и иных процессуальных действий: в допросе Б. в качестве подозреваемого в период с 16.15 до 17.30, в предъявлении Б. обвинения в 17.45 и в его допросе в качестве обвиняемого в период с 18.00 по 19.15;

– применить к адвокату Ч. меру дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса адвоката с установлением срока, по истечении которого он может быть допущен к сдаче квалификационного экзамена на приобретение статуса адвоката, в 5 (пять) лет;

2) прекратить в оставшейся части дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката Ч. по жалобе Б. от 8 августа 2019 г., вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

2. Дисциплинарные производства, возбужденные по обращениям судей и Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по городу Москве

2.1. Совет, признав правильно установленными Комиссией факты, не согласился с ее выводом о допущенном адвокатом нарушении и прекратил дисциплинарное производство вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства.

Совет Адвокатской палаты города Москвы... рассмотрел с участием адвоката Б. в закрытом заседании 26 ноября 2019 г. дисциплинарное производство в отношении адвоката Б., возбужденное по обращению судьи М. городского суда Г. от 1 августа 2019 г.

В соответствии с Заключением Квалификационной комиссии от 6 ноября 2019 г. Б. допустил нарушение п. 2 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката («При осуществлении профессиональной деятельности адвокат обязан... придерживаться манеры поведения... соответствующих деловому общению»), которое выразилось в том, что в публикации, размещенной в личном блоге в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет»... 26 июля 2019 г., для характеристики обвинения, предъявленного его подзащитному А., он использовал слово «лажа».

В части дисциплинарных обвинений, выразившихся (1) в использовании слова «пигмей» в отношении потерпевшего К. и в утверждении о вымогательстве им денежных средств у обвиняемых, (2) в использовании слов «гады» и «ничтожества» в отношении следователей Аб. и Т., (3) в утверждении о совершении следователями Аб., Т. и участковым оперуполномоченным С. заведомо неправомερных процессуальных действий вынесено заключение о необходимости прекращения дисциплинарного производства вследствие

обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства. В оставшейся части дисциплинарное производство в отношении адвоката Б. признано подлежащим прекращению вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Адвокат Б. в заседании Совета согласился с Заключением Квалификационной комиссии в полном объеме и дополнительно указал, что предъявленное его подзащитному А. обвинение являлось явно надуманным, а производство по уголовному делу выглядело как «беспредел». Поэтому в своем блоге в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» он хотел привлечь внимание общественности к уголовному делу в целом, для чего и использовал достаточно жесткие словесные обороты, среди которых и было слово «лажа». Его идея заключалась в том, чтобы придумать уникальный текст, который бы «зацепил» читателя и помог бы сформулировать общественное мнение вокруг этого уголовного дела. Он осознает, что использованные им словесные обороты являются «хлесткими» и достаточно спорными для публикации. В дальнейшем он намерен придерживаться корректной терминологии.

Совет, рассмотрев дисциплинарное производство, соглашается с Заключением Квалификационной комиссии в части прекращения дисциплинарного производства ввиду обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства и вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката. В части признания адвоката Б. нарушившим п. 2 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката Совет, признавая правильно установленными Квалификационной комиссией фактические обстоятельства, не соглашается с выводом Квалификационной комиссии о наличии допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства в указанной части.

Квалификационная комиссия правильно установила и описала в Заключении, что в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» в личном блоге адвоката Б. ...последним 26 июля 2019 г. был размещен текст, содержание которого приложено к обращению судьи М. городского суда Г. В качестве одного из элементов предмета дисциплинарного производства Квалификационная комиссия изучила и дала оценку следующей части текста: *«Поздно, следовательно, поздно, никакой ты ни махинатор, надо было выдирать страницы из дела, а так получилась лажа. Правда, пока эта лажа устраивает городскую прокуратуру, которая дважды утверждает обвинительное заключение»* (орфография и пунктуация сохранены. – *Примеч. Совета*). Совет считает, что прежде, чем давать оценку указанному выше фрагменту текста на соответствие требованиям професси-

ональной этики адвоката, необходимо исследовать его на предмет наличия допустимого повода для рассмотрения в рамках дисциплинарного производства.

В дисциплинарной практике Адвокатской палаты города Москвы сформулирована и неукоснительно применяется позиция, согласно которой повод к возбуждению дисциплинарного производства должен отвечать одновременно требованиям к форме и содержанию. Применительно к форме обращения судьи М. городского суда Г. от 1 августа 2019 г. ...Квалификационная комиссия пришла к обоснованному выводу об отсутствии обстоятельств, препятствующих его рассмотрению в рамках дисциплинарного производства. Применительно же к содержанию обращения Квалификационная комиссия по итогам его рассмотрения справедливо указала на то, что обращение судьи в интересах третьих лиц не может являться допустимым поводом для возбуждения дисциплинарного производства. В связи с этим Комиссия пришла к правильному выводу о необходимости прекращения дисциплинарного производства в части дисциплинарных обвинений, которые были сформулированы автором обращения в интересах потерпевшего, следователей и участкового оперуполномоченного, вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства.

Между тем фрагмент текста, в котором адвокатом Б. использовано слово «лажа», также содержит характеристику действий стороны обвинения, следователей и прокуроров, а не суда и, в частности, автора обращения, судьи городского суда Г. Так, в первом предложении фрагмента слово «лажа» адвокат Б. использовал, обращаясь к следователю: *«Поздно, следовательно, поздно, никакой*

ты ни махинатор, надо было выдирать страницы из дела, а так получилась лажа...» (текст выделен Советом). Во втором предложении указанное слово используется автором текста в качестве характеристики факта обвинения, с которым согласился прокурор, для эмоционального выражения своего резко негативного отношения к обвинению как (по его, автора текста, мнению) незаконному и необоснованному: *«...Правда, пока эта лажа устраивает городскую прокуратуру, которая дважды утверждает обвинительное заключение» (текст выделен Советом).*

В связи с этим, а также с учетом того, что суд согласно ч. 3 ст. 15 УПК РФ не является органом уголовного преследования, не выступает на стороне обвинения или стороне защиты, Совет признает, что дисциплинарное обвинение в указанной выше части также не затрагивает и не может затрагивать интересы автора обращения, федерального судьи М. городского суда Г. При этом от соответствующего следователя или прокурора в Адвокатскую палату города Москвы в установленном законом порядке каких-либо обращений в указанной части не поступало.

То обстоятельство, что рассматриваемая публикация обращена к неопределенному кругу лиц, в который, как указывает Квалификационная комиссия, может входить и федеральный судья Г., председательствовавший по делу, в котором рассматривалось данное обвинение, не меняет приведенной выше оценки, поскольку не обуславливает право любого прочитавшего ее лица на обращение в органы адвокатского самоуправления в целях защиты интересов иных лиц.

В связи с этим Совет приходит к выводу о том, что и в указанной выше части в ходе разбирательства обнару-

жилось отсутствие допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства. По этой причине Совет, не соглашаясь с выводом Квалификационной комиссии, приходит к выводу о необходимости прекращения дисциплинарного производства в отношении адвоката Б. в части дисциплинарного обвинения в том, что в публикации, размещенной в личном блоге в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет»... 26 июля 2019 г., для характеристики обвинения, предъявленного его подзащитному А., он использовал слово «лажа», по основанию, предусмотренному подп. 8 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката.

В оставшейся части дисциплинарных обвинений Совет в полном объеме соглашается с выводами Квалификационной комиссии. Так, Квалификационная комиссия обоснованно пришла к выводу о том, что автор обращения не представил доказательств, опровергающих позицию адвоката Б., отрицающего размещение каких-либо материалов на сайте... Поэтому, руководствуясь презумпцией добросовестности адвоката, бремя опровержения которой возложено на лицо, по обращению которого возбуждено дисциплинарное производство, Совет соглашается с выводом Комиссии о необходимости прекращения дисциплинарного производства в указанной части вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката Б. нарушения законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Применительно к дисциплинарному обвинению в том, что адвокат Б. «лично компрометирует во вне процессуальном порядке собранные по уголовному делу доказательства, порочит их... приводит

субъективную оценку действиям следователей и прокурора, освещая процессуальную деятельность по уголовному делу, в том числе вопрос о разрешении ходатайств стороны защиты, раскрывает доказательства по уголовному делу, в том числе протоколы следственных действий, показания допрошенных лиц, экспертные исследования, фотоматериалы осмотра места происшествия, а также посредством данной публикации, а не в судебном заседании, обращается к присяжным заседателям с призывом вынести оправдательный вердикт и не сообщать суду и участникам процесса о формировании позиции вне состязательного процесса, на основании лишь частного мнения, приведенного в общем доступе в сети «Интернет», Совет также разделяет вывод Квалификационной комиссии о необходимости прекращения дисциплинарного производства в указанной части вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката Б. нарушения законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Совет отмечает, что право свободно выражать мнение, а также получать, производить, передавать и распространять информацию любым законным способом является одним из основных неотчуждаемых прав человека, гарантированных Конституцией Российской Федерации, законодательством Российской Федерации и общепризнанными принципами и нормами международного права, и в силу этого в полной мере распространяется на адвокатов (п. 1.1 Правил поведения адвокатов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», утвержденных Советом Федеральной палаты адвокатов 28 сентября 2016 г., Протокол № 7, далее – Правила).

Пункт 1.2 Правил предусматривает, что «принадлежность к адвокатскому сообществу как институту гражданского общества предполагает наличие у членов этого сообщества активной гражданской позиции, выражаемой ими, в том числе, публично как по правовым, так и по иным социально значимым проблемам. Проявление этой позиции должно осуществляться с неукоснительным соблюдением принципов профессионального поведения адвокатов и традиций российской адвокатуры, способствовать укреплению доверия как к конкретным адвокатам, так и к адвокатскому сообществу в целом, росту их авторитета».

«На поведение адвоката в сети «Интернет» распространяются правила осуществления профессиональной деятельности, содержащиеся в законодательстве об адвокатской деятельности и адвокатуре, иных нормативных правовых актах, нормах профессиональной этики адвоката, решениях органов адвокатской палаты» (п. 2.1.1 Правил).

Пункт 2.2.2 Правил запрещает адвокатам публично комментировать обстоятельства уголовного дела, в которых они не участвуют, и правовые позиции адвокатов, участвующих в этих делах. «При комментировании адвокатами конкретных дел необходимо, чтобы такие комментарии не нарушали положений действующего законодательства и прав третьих лиц, а также отвечали требованиям к адвокатам и адвокатской деятельности, установленным действующим законодательством, Кодексом профессиональной этики адвоката и настоящими Правилами» (п. 2.2.3 Правил).

Изложенное выше свидетельствует о том, что Правила не только не запрещают адвокатам комментировать дела, в которых они принимают участие, но и позволяют распространять иные све-

дения, связанные с оказанием ими юридической помощи при условии, что эти комментарии и сведения не нарушают положений действующего законодательства РФ и отвечают требованиям к адвокатам и адвокатской деятельности.

Система норм действующего законодательства РФ устанавливает отдельные ограничения в праве адвоката распространять информацию, полученную в ходе осуществления своей профессиональной деятельности. Так, например, ч. 3 ст. 161 УПК РФ предусматривает право следователя предупредить участников уголовного судопроизводства, в том числе защитника, о недопустимости разглашения без соответствующего разрешения данных предварительного расследования, о чем у них берется подписка с предупреждением об ответственности в соответствии со ст. 310 УК РФ. В свою очередь ст. 310 УК РФ устанавливает уголовную ответственность за разглашение данных предварительного расследования. При этом в ч. 4 и 6 ст. 161 УПК РФ указаны сведения, которые могут быть разглашены без получения разрешения лица, ведущего предварительное расследование по уголовному делу.

Применительно к сведениям, составляющим государственную тайну, система норм УПК РФ (ч. 5 ст. 49, ч. 2 ст. 217, п. 1 ч. 2 ст. 241) и УК РФ (ст. 283, 283.1, 284) также содержит механизм предупреждения и соответствующие материально-правовые гарантии от необоснованного распространения ее адвокатами.

В отношении защиты сведений о частной жизни лица, в особенности несовершеннолетнего, ст. 137 УК РФ и ч. 5 ст. 161 УПК РФ также предусматривают соответствующий механизм и гарантии от незаконного их распространения, в том числе, адвокатами.

Между тем нормы УПК РФ, регламентирующие производство в суде с участием присяжных заседателей, не содержат каких-либо запретов на распространение адвокатом-защитником (как, впрочем, и государственным обвинителем или представителем потерпевшего) сведений в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» как до, так и во время судебного разбирательства. Положения ч. 8 ст. 335 УПК РФ содержат запрет на исследование отдельных обстоятельств в ходе судебного заседания, а п. 4 ч. 2 ст. 333 УПК РФ, на который ссылается автор обращения, имеет своим адресатом исключительно присяжных заседателей и предусматривает запрет на соби́рание ими сведений по уголовному делу вне судебного заседания. Совершенно очевидно, что указанная норма не может быть истолкована расширительно и, в частности, распространена на комментирование адвокатом-защитником сведений, полученных в им в связи с участием в уголовном деле.

Ссылка судьи М. городского суда Г. на Определение Конституционного Суда РФ от 15 января 2009 г. № 106-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Никитенко Алексея Николаевича, Плотникова Игоря Валентиновича и Хырхырьяна Максима Арсеновича на нарушение их конституционных прав частью второй статьи 258 и пунктом 3 части пятой статьи 355 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» не может рассматриваться в качестве правового обоснования выдвинутых в отношении адвоката Б. дисциплинарных обвинений. Так, в указанном определении Конституционный Суд РФ констатировал, что положения ст. 47 и 53 УПК РФ «не означают возможность использования любых средств и способов защиты, в том числе сопря-

женных с нарушением порядка в судебном заседании, неподчинением распоряжениям председательствующего или оказанием незаконного воздействия на коллегия присяжных заседателей с целью влияния на выносимый ими вердикт». Между тем автор обращения не привел каких-либо правовых положений, свидетельствующих о том, что размещение адвокатом-защитником в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» сведений, полученных им в связи с участием в деле, а также выражением им своего мнения по вопросам, имеющим юридическое значение, является способом оказания незаконного воздействия на коллегия присяжных заседателей с целью влияния на их вердикт.

Более того, в указанном определении содержится отсылка к ранее сформулированной правовой позиции Конституционного Суда РФ о том, что ст. 258 УПК РФ «не лишает подсудимого права на защиту своих прав и свобод всеми способами, не запрещенными законом, в том числе с помощью приглашенного им адвоката, исключая лишь возможность злоупотребления последним предоставленными ему правами».

Рассматривая дисциплинарное обвинение с учетом изложенной правовой позиции Конституционного Суда РФ, Совет обращает внимание на то, что автор обращения не сослался на законодательное положение, в соответствии с которым адвокату-защитнику запрещено распространять в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» сведения, которые впоследствии могли бы стать предметом исследования в ходе судебного разбирательства судом с участием присяжных заседателей или являются мнением адвоката по вопросам, подлежащим разрешению в судебном заседании.

В целях принятия объективного решения Советом была проанализирована судебная практика по вопросу об оценке судами, рассматривающими уголовные дела с участием присяжных заседателей, фактов распространения участниками судебного разбирательства сведений в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», которые так или иначе затрагивают вопросы, могущие стать предметом рассмотрения в судебном заседании. По итогам изучения не было обнаружено судебных актов, в которых бы прямо или косвенно признавалось незаконным распространение участниками уголовного судопроизводства подобных сведений в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет».

Напротив, в период разбирательства настоящего дисциплинарного производства Верховный Суд РФ указал на то, что председательствующий судья должен был выяснить у присяжных заседателей, знакомились ли они с подобными публикациями, оказывалось ли на присяжных заседателей давление, не утратили ли они объективность в рассмотрении уголовного дела, и если в результате выполнения этих процедур председательствующий судья пришел к выводу об отсутствии признаков необъективности и предвзятости присяжных заседателей, то нарушений, влекущих отмену приговора, не допущено².

Наконец, Совет обращает внимание на то, что представители адвокатского сообщества неоднократно публично поднимали вопрос об использовании органами прокуратуры РФ спорных механизмов доведения до присяжных заседателей сведений, которые запре-

² См., например, апелляционное Определение Верховного Суда Российской Федерации от 31 октября 2019 г. № 71-АПУ19-2сп // СПС «КонсультантПлюс».

щается исследовать в присутствии присяжных заседателей в ходе судебного заседания, посредством публикаций в СМИ или телевизионных репортажах, транслирующихся в наиболее популярное для просмотра телезрителями время³. Несмотря на это, суды не принимали во внимание соответствующие доводы адвокатов-защитников и не усматривали в фактах подобных публикаций нарушений УПК РФ или иных федеральных законов. Учитывая принцип состязательности сторон уголовного судопроизводства, одним из проявлений которого является равноправие стороны обвинения и защиты перед судом (ч. 4 ст. 15 УПК РФ), Совет приходит к выводу о том, что подобное поведение позволительно представителям не только для стороны обвинения, но и стороны защиты.

Совет полностью соглашается с выводом Квалификационной комиссии о том, что публичное выражение адвокатом, в том числе, посредством публикации в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», своего мнения в отношении допущенных, по его мнению, органами предварительного следствия, прокуратурой и судом нарушений уголовно-процессуального законодательства, в том числе обоснованное ссылками на материалы уголовного дела, по которому адвокат осуществляет защиту доверителя, представляет собой реализацию принадлежащего адвокату статусного права, а потому нарушением уголовно-процессуального законодательства являться не может. Изложенное в полной мере относится к случаям осуществления адвокатом защиты по уголовным делам, судебное разбирательство по которым

осуществляется с участием присяжных заседателей.

Применительно к оценке формы изложения адвокатом Б. своего мнения в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» в личном блоге... Совет полностью соглашается с оценкой и выводами Квалификационной комиссии. Так, при оценке использованных в указанной публикации адвоката Б. слов и выражений Квалификационная комиссия правильно основывалась на ранее сформулированных позициях, согласно которым адвокат, давая оценку имеющим место, по его мнению, нарушениям уголовно-процессуального законодательства, допущенным в отношении его подзащитного, имеет право на известную степень эмоциональности, использование афоризмов, гротескных выражений, не выходящих за пределы требований законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре. В частности, используемая адвокатом лексика не может содержать жаргонные слова и выражения, не должна являться пониженной. При этом степень гротескности суждений может находиться в известной связи со степенью нарушений уголовно-процессуального законодательства, которые, по мнению адвоката, допущены в отношении его подзащитного.

Квалификационная комиссия обоснованно не обнаружила пониженной лексики, жаргонных слов и выражений в предложении: *«Два с половиной года следственно-судебный спрут Москвы незаконно держит в матросско-бутырских застенках нашего соотечественника, рабочего человека, мужа, отца, подвергает его пыткам и унижениям, равнодушно дерет страницы из его жизни, топчет надежды, уверенно-делово пожирает здоровье, профессионально-бездушно покрывает безза-*

³ См., например: Рубинштейн Е. Прайм-тайм для обвинения // Новая адвокатская газета. 2010. № 2 (январь).

коние “обоснованностью подозрений в причастности к совершенному преступлению”» (орфография и пунктуация сохранены. – *Примеч. Совета*), приведя в Заключении убедительную аргументацию своих выводов, с которой Совет соглашается.

Описание обстоятельств допроса подзащитного адвоката Б., обвиняемого (подозреваемого) А., следователем изложено в следующем виде: «*Следователь – татарин сразу по матери, я мол, тебя не боюсь. Идиот, думает, Организатор и говорит, я тебе, дураку, ничего не скажу, да и говорить мне особо нечего. Татарин покричал и в каталажку*» (орфография и пунктуация сохранены. – *Примеч. Совета*). Совет соглашается с тем, что процитированная фраза содержит описание допроса, сделанное адвокатом Б. от лица А., который воспринимал следователя как «татарина» и низко оценивал его личные интеллектуальные качества («дурак», «идиот»). Указание на национальную принадлежность лица, использование слов «дурак» и «идиот», характеризующих интеллектуальные качества человека, в отношении которого они употребляются, а также использование жаргонизмов («по матери», «каталажка») в данном случае, учитывая контекст изложения, упречным не является, поскольку эти слова употреблены адвокатом Б. не от собственного имени, а для описания восприятия подзащитным А. личности следователя и способа производства им процессуального действия, при том, что А. считал указанного следователя одним из лиц, незаконно осуществлявших его уголовное преследование.

В оставшейся части публикация адвоката Б. в личном блоге... содержит разбор доказательств обвинения и защиты по уголовному делу в отношении А. и Ак., который Совет в силу ранее

приведенной аргументации также не находит нарушающей требования законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

При таких обстоятельствах Совет признает презумпцию добросовестности адвоката Б. в части проанализированных выше дисциплинарных обвинений не опровергнутой, а дисциплинарное производство подлежащим прекращению по основаниям, предусмотренным подп. 2 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката.

На основании изложенного... Совет Адвокатской палаты города Москвы решил:

прекратить дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката Б. по обращению судьи М. городского суда Г. от 1 августа 2019 г.:

– в части, касающейся дисциплинарных обвинений в использовании слова «пигмей» в отношении потерпевшего К. и утверждении о вымогательстве им денежных средств у обвиняемых, использования слов «гады» и «ничтожества» в отношении следователей Аб. и Т., утверждения о совершении указанными следователями и участковым уполномоченным С. заведомо неправомερных процессуальных действий, использования слова «лажа» для характеристики обвинения, предъявленного его подзащитному А., вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства;

– в оставшейся части вследствие отсутствия в иных действиях адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

2.2. Совет, согласившись с фактическими обстоятельствами, установленными Комиссией, не согласился с ее выводом в части правовой оценки действий адвоката и прекратил дисциплинарное производство.

Совет Адвокатской палаты города Москвы... рассмотрел в закрытом заседании 26 ноября 2019 г. дисциплинарное производство в отношении адвоката В., возбужденное по обращению судьи П. районного суда города Москвы Ч. от 23 июля 2019 г.

В соответствии с Заключением Квалификационной комиссии от 23 октября 2019 г. адвокатом В. допущено нарушение ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката, что выразилось в участии им 11 июля 2019 г. в судебном заседании П. районного суда города Москвы по ордеру... в качестве представителя потерпевшего С. при рассмотрении ходатайства следователя о продлении срока содержания под домашним арестом в отношении обвиняемого Р. в отсутствие действующего соглашения с потерпевшим С., который 28 июня 2019 г. в письменной форме путем подачи заявления следователю отказался от дальнейшего представительства его интересов адвокатом В.

В то же время Квалификационной комиссией вынесено заключение о необходимости прекращения дисциплинарного производства в части доводов о том, что адвокат В. в ходе рассмотрения в судебном заседании ходатайства следователя о продлении срока содержания под домашним арестом в отношении обвиняемого Р. действовал явно не в интересах потерпевшего С., а в интересах обвиняемого Р., вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для возбуждении дисциплинарного производства.

Адвокат В. в заседании Совета заявил о своей несогласии с Заключением Квалификационной комиссии в части установления нарушения ч. 1 ст. 12 Ко-

декса профессиональной этики адвоката и пояснил Совету, что 18 мая 2019 г. он представлял интересы С. при допросе в качестве потерпевшего. По просьбе С. он узнавал судьбу уголовного дела на сайте П. районного суда города Москвы, где ему стало известно о дате рассмотрения ходатайства следователя о продлении срока содержания под домашним арестом обвиняемого Р., о чем он известил С., который попросил его принять участие в деле, сообщив, что сам он в заседание суда не явится. 11 июля 2019 г. он явился в П. районный суд города Москвы, был допущен к участию в судебном заседании в качестве представителя потерпевшего С. и заявил ходатайство о приобщении к материалам дела протокола допроса потерпевшего, после чего судом был объявлен перерыв, а после перерыва суд сообщил, что С. отказался от адвоката В., подав соответствующее заявление следователю Л. при допросе 28 июня 2019 г., в котором он (адвокат В.) участия не принимал. Ни потерпевший С., ни следователь не уведомили ни адвоката В., ни адвокатское образование, в котором он состоит, об отказе от его помощи. Об отказе С. от помощи адвоката В. он впервые узнал только в заседании П. районного суда города Москвы 11 июля 2019 г. Поэтому он не считает нарушением требований ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката свое участие 11 июля 2019 г. в указанном судебном заседании.

Совет, рассмотрев Заключение Квалификационной комиссии и материалы дисциплинарного производства, выслушав адвоката В., признает, что фактические обстоятельства Комиссией установлены правильно, однако не соглашается с выводом Квалификацион-

ной комиссии в части правовой оценки его действий, признавая ее ошибочной.

Так, установлены следующие фактические обстоятельства.

По уголовному делу в отношении Р. адвокат В. являлся представителем потерпевшего С. 11 июля 2019 г. адвокат В. явился в П. районный суд города Москвы, представив ордер... для участия в судебном заседании в качестве представителя потерпевшего С. при рассмотрении ходатайства следователя СО ОМВД России по району... города Москвы о продлении срока содержания под домашним арестом обвиняемого Р., который обвинялся в совершении преступления, предусмотренного п. «б» ч. 3 ст. 163 УК РФ. Когда 11 июля 2019 г. адвокат В. явился в суд, там уже находился следователь, которому, соответственно, стало известно об участии адвоката В. в рассмотрении судом ходатайства следователя. Судом адвокат В. был допущен к участию в деле, в начале слушания дела следователь не сообщал суду об отказе потерпевшего С. от его помощи. При рассмотрении материалов дела адвокат В. заявил ходатайство о приобщении протокола допроса потерпевшего. После рассмотрения судом ходатайства адвоката В. в судебном заседании был объявлен перерыв, в ходе которого судья Ч. связалась по телефону с потерпевшим С. для приглашения его в судебное заседание, а также для уточнения подлинности его заявления от 28 июня 2019 г. об отказе от адвоката В., находящегося в материалах уголовного дела. Потерпевший С. сообщил, что нового соглашения с адвокатом В. не заключал и желает лично представлять свои интересы. Указанная информация была доведена судьей Ч. до участников процесса, после чего адвокат В. был освобожден от дальнейшего участия в судебном заседании по рассмотрению ходатайства

следователя о продлении меры пресечения в отношении обвиняемого Р.

В материалах дисциплинарного производства имеются письменные объяснения адвоката В. от 2 сентября 2019 г., в соответствии с которыми об отказе С. от помощи адвоката В. он узнал только в заседании П. районного суда города Москвы 11 июля 2019 г. В материалах дисциплинарного производства отсутствуют доказательства того, что следователь Л. или потерпевший С. после 28 июня 2019 г. информировали адвоката В. или адвокатское образование, в котором он состоит, о подаче С. следователю заявления от 28 июня 2019 г. об отказе от помощи адвоката В.

При таких обстоятельствах Совет, вопреки Заклучению Комиссии, признает презумпцию добросовестности адвоката В. в отношении дисциплинарного обвинения в участии 11 июля 2019 г. в судебном заседании П. районного суда города Москвы в качестве представителя потерпевшего С. в отсутствие действующего соглашения с потерпевшим неопровергнутой, а вину адвоката в нарушении ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката («Участвуя в судопроизводстве... адвокат должен соблюдать нормы соответствующего процессуального законодательства...») недоказанной. В связи с этим Совет приходит к выводу о прекращении дисциплинарного производства в отношении адвоката В. в указанной части дисциплинарного обвинения вследствие отсутствия в его действиях (бездействии) нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и Кодекса профессиональной этики.

Одновременно с этим Совет соглашается с Заключением Квалификационной комиссии о необходимости прекращения настоящего дисциплинарного производства в части доводов о том, что

адвокат В. в ходе рассмотрения в судебном заседании ходатайства следователя о продлении срока содержания под домашним арестом в отношении обвиняемого Р. действовал явно не в интересах потерпевшего С., а в интересах обвиняемого Р., вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства.

Обращение суда (судьи), рассматривающего дело, представителем (защитником) по которому выступает адвокат, в адрес адвокатской палаты является одним из поводов для возбуждения дисциплинарного производства в отношении адвоката (подп. 4 п. 1 ст. 20 Кодекса профессиональной этики адвоката).

При этом в дисциплинарной практике органов адвокатского самоуправления сложился подход, согласно которому адвокат свободен в выборе тактики защиты (представления) и обязан согласовывать ее только со своим подзащитным (представляемым лицом). При конкуренции позиций доверителя, лица, заключившего с адвокатом соглашение об оказании юридической помощи, и доверителя, лица, которому адвокатом оказывается юридическая помощь на основании соглашения об оказании юридической помощи, заключенного иным лицом, приоритет отдается последнему. Отсюда следует, что при отсутствии претензий к качеству оказываемой правовой помощи со стороны подзащитного (представляемого лица)

2.3. Адвокату объявлено замечание за то, что в ходе свидания с доверителем, содержавшимся в следственном изоляторе, он пытался вынести за его пределы два листа бумаги, содержащие рукописные записи.

Совет Адвокатской палаты города Москвы... с участием представителя Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по городу Москве Е., адвоката З. рассмотрел в закрытом за-

дисциплинарное производство не должно возбуждаться, а уже возбужденное подлежит прекращению вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства. Такое же решение Совет принимает и в рассматриваемом случае, поскольку в адрес Адвокатской палаты города Москвы жалобы от потерпевшего С., доверителя адвоката В., не поступало.

На основании изложенного... Совет Адвокатской палаты города Москвы решил:

прекратить дисциплинарное производство в отношении адвоката В., возбужденное по обращению судьи П. районного суда города Москвы Ч. от 23 июля 2019 г.:

– в части дисциплинарного обвинения в том, что адвокат В. в ходе рассмотрения в судебном заседании ходатайства следователя о продлении срока содержания под домашним арестом в отношении обвиняемого Р. действовал явно не в интересах потерпевшего С., а в интересах обвиняемого Р., вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства;

– в оставшейся части – вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

седании дисциплинарное производство, возбужденное по представлению Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по городу Москве от 30 июля 2019 г. ...основанному

на обращении начальника ФКУ СИЗО-... ФСИН России... от 24 июня 2019 г. ... в отношении адвоката З.

В соответствии с Заключением Квалификационной комиссии от 23 октября 2019 г. в действиях адвоката З. установлено нарушение п. 1 ст. 10 Кодекса профессиональной этики адвоката («Никакие пожелания, просьбы или требования доверителя, направленные к несоблюдению закона... не могут быть исполнены адвокатом»), выразившиеся в получении им 20 июня 2019 г. в ходе свидания от своего доверителя Т., содержащегося под стражей в ФКУ СИЗО-... ФСИН России, рукописных записей и попытке их выноса за пределы следственного изолятора.

Адвокат З. в заседании Совета подтвердил своевременное получение Заключения Квалификационной комиссии, ознакомление с ним, с выводами Квалификационной комиссии согласился, свои действия объяснил необдуманностью.

Представитель Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по городу Москве Е. в заседании Совета также подтвердила своевременное получение Заключения Квалификационной комиссии и ознакомление с ним. Полностью согласившись с выводами, изложенными в Заключении Квалификационной комиссии, на вопрос членов Совета о наличии у нее как представителя заявителя сведений о том, причинили ли действия адвоката З. какой-либо реальный вред, отметила, что такими сведениями Главное управление Министерства юстиции Российской Федерации по городу Москве не располагает.

Рассмотрев и обсудив Заключение Квалификационной комиссии от 23 октября 2019 г. и материалы дисциплинарного производства, выслушав явившихся участников, Совет в полном объеме

соглашается с выводами Комиссии в связи с их законностью, обоснованностью и мотивированностью.

Совет признает, что Квалификационной комиссией на основании достаточной совокупности достоверных доказательств, позволяющей считать презумпцию добросовестности адвоката опровергнутой, а вину доказанной, установлен факт нарушения адвокатом З. п. 1 ст. 10 Кодекса профессиональной этики адвоката, выразившийся в получении им 20 июня 2019 г. в ходе свидания от своего доверителя Т., содержащегося под стражей в ФКУ СИЗО-... ФСИН России, рукописных записей и попытке выноса их за пределы следственного изолятора.

Так, установлено, что 20 июня 2019 г. адвокат З., прибыв в ФКУ СИЗО-... ФСИН России для свидания с содержащимся под стражей обвиняемым Т. и будучи под роспись предупрежденным младшим инспектором 1-й категории дневной смены отдела режима и охраны старшим прапорщиком внутренней службы... о правилах проведения свиданий в следственных кабинетах с лицами, содержащимися в ФКУ СИЗО-... ФСИН России, примерно в 17.10, в следственном кабинете... взял у обвиняемого Т. два листа бумаги формата А4 с рукописным текстом и, сложив их, убрал к себе в карман.

Данные обстоятельства были зафиксированы сотрудником СИЗО... с помощью видеонаблюдения, о чем им было доложено по команде ответственному офицеру...

20 июня 2019 г. старшим инструктором боевой и специальной подготовки отдела режима и охраны ФКУ СИЗО-... ФСИН России майором внутренней службы... с участием двух понятых мужского пола в период с 17.20 по 17.32 в кабинете № ... был произведен лич-

ный досмотр, досмотр вещей, записей, находящихся при адвокате З., о чем был составлен соответствующий протокол. В ходе досмотра адвокатом З. были добровольно выданы два листа бумаги формата А4 с рукописным текстом, написанным его подзащитным Т.

Изложенные выше фактические обстоятельства не оспариваются всеми участниками дисциплинарного производства, включая адвоката З.

Давая правовую оценку изложенным выше фактическим обстоятельствам, Квалификационная комиссия справедливо отметила, что в соответствии с п. 1 ст. 10 Кодекса профессиональной этики адвоката закон и нравственность в профессии адвоката выше воли доверителя. Никакие пожелания, просьбы или требования доверителя, направленные к несоблюдению закона или нарушению правил, предусмотренных настоящим Кодексом, не могут быть исполнены адвокатом.

Федеральный закон от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» регулирует порядок и определяет условия содержания под стражей, гарантии прав и законных интересов лиц, которые в соответствии с УПК РФ задержаны по подозрению в совершении преступления, а также лиц, подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, в отношении которых в соответствии с УПК РФ избрана мера пресечения в виде заключения под стражу (ст. 1).

В соответствии с ч. 1 и 2 ст. 20 указанного федерального закона подозреваемым и обвиняемым в совершении преступлений, в отношении которых избрана мера пресечения в виде заключения под стражу, разрешается вести переписку с родственниками и иными лицами без ограничения числа получаемых и отправляемых телеграмм и писем, пере-

писка подозреваемых и обвиняемых осуществляется только через администрацию места содержания под стражей и подвергается цензуре, цензура осуществляется администрацией места содержания под стражей, а в случае необходимости лицом или органом, в производстве которых находится уголовное дело.

Частью 4 ст. 32 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» установлено, что переговоры, передача каких-либо предметов и переписка подозреваемых и обвиняемых с лицами, находящимися на свободе, осуществляются в соответствии с требованиями настоящего федерального закона.

С учетом изложенного Комиссия пришла к обоснованному выводу о том, что адвокат З. был не вправе принимать от своего доверителя Т. в ходе состоявшегося свидания два листа бумаги формата А4, содержащие рукописные записи, с целью выноса их за пределы следственного изолятора, поскольку содержащиеся в ст. 20 и 32 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» правовые положения не дают основания для вывода о возможности осуществления лицами, содержащимися под стражей, переписки с родственниками и иными лицами (включая и своих адвокатов-защитников), минуя администрацию места содержания под стражей.

Доводы адвоката З. о том, что полученные им от доверителя Т. два листа формата А4 содержат конспект их беседы и не предназначены для передачи третьим лицам, обоснованно не были приняты Квалификационной комиссией, поскольку они не соответствуют содержанию записей на этих листах.

Совет также соглашается с Квалификационной комиссией и отклоняет как

необоснованные утверждения заявителя о том, что на изъятых у адвоката З. листах формата А4 имеются какие-либо зашифрованные и двусмысленные фразы, а также указания для совершения каких-либо неправомерных действий.

Более того, на вопросы членов Совета о том, что имеется в виду под «зашифрованными и двусмысленными фразами, указаниями для совершения каких-либо действий», представитель Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по городу Москве Е. пояснила, что позиция Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по городу Москве подразумевает, что любые письменные сведения, незаконно получаемые адвокатом от своего находящегося под стражей подзащитного, могут рассматриваться как зашифрованные указания для совершения каких-либо действий только по признаку незаконности их получения.

Данная позиция представителя Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по городу Москве также не может быть принята Советом как не соответствующая закону и основанная на предположениях.

Определяя в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности адвоката З. за совершенный дисциплинарный проступок, Совет учитывает умышленный характер данного нарушения, свидетельствующий о

ненадлежащем исполнении адвокатом З. обязательных требований Кодекса профессиональной этики адвоката.

В то же время Совет учитывает, что адвокат З. ранее к дисциплинарной ответственности не привлекался, полностью признал свою вину в установленном Квалификационной комиссией дисциплинарном нарушении, каких-либо негативных последствий от его действий не наступило. При таких обстоятельствах Совет полагает необходимым применить к адвокату З. меру дисциплинарной ответственности в виде замечания как в наибольшей степени отвечающую требованию справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренного п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката.

На основании изложенного... Совет Адвокатской палаты города Москвы решил:

за нарушение п. 1 ст. 10 Кодекса профессиональной этики адвоката («Никакие пожелания, просьбы или требования доверителя, направленные к несоблюдению закона... не могут быть исполнены адвокатом»), выразившееся в получении 20 июня 2019 г. в ходе свидания от своего доверителя Т., содержащегося под стражей в ФКУ СИЗО-... ФСИН России, рукописных записей и попытке выноса их за пределы следственного изолятора, применить к адвокату З. меру дисциплинарной ответственности в виде замечания.

2.4. Дисциплинарное обвинение адвоката в том, что он отказался осуществлять защиту обвиняемого в судебном заседании, не нашло своего подтверждения, в связи с чем дисциплинарное производство прекращено.

Совет Адвокатской палаты города Москвы... рассмотрел в закрытом заседании 18 декабря 2019 г. дисциплинарное производство, возбужденное по обращению (постановлению) судьи М.

городского суда Г. от 12 сентября 2019 г. в отношении адвоката З.

В соответствии с Заключением Квалификационной комиссии от 20 ноября 2019 г. в действиях (бездействии) адво-

ката З. не обнаружено нарушений норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката, вследствие чего Квалификационная комиссия пришла к выводу о необходимости прекращения дисциплинарного производства.

Адвокат З., извещенный надлежащим образом, в заседание Совета не явился. Совет считает возможным рассмотреть дисциплинарное производство в его отсутствие, так как ранее им давались объяснения, а в соответствии с п. 5 ст. 24 Кодекса профессиональной этики адвоката неявка кого-либо из участников дисциплинарного производства не препятствует разбирательству и принятию решения.

Совет, изучив материалы дисциплинарного производства, обсудив Заключение Квалификационной комиссии, полностью соглашается с ее выводами, основанными на верно и полно установленных фактических обстоятельствах.

Дисциплинарное обвинение в адрес адвоката З. в том, что он отказался обеспечивать реализацию права обвиняемого Га. на защиту в судебном заседании, не нашло своего подтверждения.

Оценивая позицию адвоката З. о невозможности защиты Га. в судебном заседании, Совет, как и Квалификационная комиссия, основывается на требованиях законодательства и органов управления адвокатского сообщества, из которых, в частности, следует, что непринятие судом отказа от защитника по назначению при наличии защитника по соглашению может являться законным и обоснованным лишь в том случае, когда действия или бездействие подозреваемого, обвиняемого при реализации права на свободный выбор защитника и/или действие или бездействие защитника по соглашению про-

тиворечат требованиям закона либо представляют собой злоупотребление правом на защиту, и такое нарушение или злоупотребление дезорганизует ход дознания, предварительного следствия либо судебного заседания, то есть направлено на срыв судебного процесса либо досудебного производства по делу.

Материалами дисциплинарного производства установлено, что адвокат З. согласно заявке... размещенной в автоматизированной информационной системе Адвокатской палаты города Москвы (АИС АПМ), был назначен для осуществления защиты обвиняемого Га. при рассмотрении 10 сентября 2019 г. М. городским судом ходатайства следователя о продлении Г. срока содержания под стражей. К осуществлению защиты Га. адвокат З. приступил и принял участие в судебном заседании 10 сентября 2019 г.

Из материалов, с которыми ознакомился адвокат З., следовало наличие у Га. защитника по соглашению, адвоката Б. Адвокат З. связался с адвокатом Б., и тот категорически возражал против осуществления им защиты Га.

Наличие достаточных оснований для замены имеющегося у обвиняемого защитника по соглашению на защитника, назначаемого судом, должно оцениваться назначенным адвокатом применительно к каждому судебному заседанию, в котором он участвует. В отношении судебного заседания 10 сентября 2019 г. адвокатом Б. в собственноручно написанном им ходатайстве были подтверждены факт его осведомленности о дате и времени судебного заседания и невозможности явки в указанное судебное заседание. Вследствие изложенных обстоятельств и с учетом сокращенных сроков рассмотрения судом ходатайства о продлении срока содержания под стражей

(ч. 8 ст. 109 УПК РФ) позиция суда, отклонившего ходатайство адвоката Б. и обвиняемого Га. об отложении судебного заседания, основания не осуществлять защиту Га. в судебном заседании 10 сентября 2019 г. у адвоката З. отсутствовали, и он ее осуществлял.

Вместе с тем при отсутствии достаточных доказательств извещения адвоката Б. о судебном заседании 11 сентября 2019 г. основания для вывода о злоупотреблении обвиняемым Г. и его защитником, адвокатом по соглашению Б., правом на защиту у адвоката З. отсутствовали, вследствие чего сделанное им заявление о невозможности осуществления защиты Га. 11 сентября 2019 г. при наличии у того защитника по соглашению было обоснованным.

В подтверждение того обстоятельства, что адвокат Б. был извещен о судебном заседании 11 сентября 2019 г. по рассмотрению ходатайства следователя о продлении срока содержания под стражей обвиняемого Га. в материалы дисциплинарного производства представлен только рапорт следователя... в котором тот указал следующее: «10.09.2019, в 17.57, мною осуществлен телефонный звонок защитнику обвиняемого Га., адвокату Б., на телефонный номер +7909... В ходе телефонной беседы защитник Б. был уведомлен мною о том, что при рассмотрении ходатайства о продлении срока содержания под стражей обвиняемого Га. судьей объявлен перерыв до 11.09.2019. В связи с этим адвокату Б. разъяснена необходимость явки 11.09.2019 г. к 16.00 часам в зал №... М. городского суда для участия в рассмотрении указанного ходатайства. 10.09.2019». Информация о заявлении следователя, сообщившего о сделанном им адвокату Б. телефонном звонке, также отражена в протоколе судебного заседания.

Однако не подтвержденное объективными доказательствами сообщение следователя в устной или письменной форме об уведомлении защитника о дате и времени судебного заседания достаточным доказательством такого уведомления являться не может. Никакие объективные доказательства в подтверждение уведомления адвоката Б. о судебном заседании, назначенном на 11 сентября 2019 г., представлены не были. Принадлежность адвокату Б. указанного в рапорте следователя... телефонного номера также ничем не подтверждена. На представленных в материалы дисциплинарного производства светокопиях ордера адвоката Б. на защиту Га. и требования о выдаче Б. для свидания в следственном изоляторе от руки указан номер телефона 8-499... отличный от указанного в рапорте следователя. Телефонный номер, указанный на сайте Адвокатского бюро «...» (город Р.), где осуществляет профессиональную деятельность адвокат Б., также иной – 8-928...

Кроме того, Квалификационная комиссия указала, что рапорт следователя... не указан в протоколе судебного заседания в числе документов, представленных следователем либо приобщенных к материалам при рассмотрении ходатайства следователя судом. Вследствие изложенного факт предъявления в ходе судебного заседания 11 сентября 2019 г. рапорта следователя... о телефонном звонке адвокату Б. вызывает обоснованные сомнения.

В силу презумпции добросовестности адвоката бремя доказывания дисциплинарного обвинения возложено на лицо, по обращению которого возбуждено дисциплинарное производство, в данном случае на судью М. городского суда Г.

При таких обстоятельствах Совет приходит к выводу о том, что презумп-

ция добросовестности адвоката З. не опровергнута, и им при обстоятельствах, описанных в обращении заявителя, не допущено нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и (или) Кодекса профессиональной этики адвоката.

На основании изложенного... Совет Адвокатской палаты города Москвы решил:

2.5. Дисциплинарное производство прекращено, поскольку дисциплинарное обвинение адвоката в отказе от участия в судебном заседании в качестве назначенного защитника признано необоснованным.

Совет Адвокатской палаты города Москвы... рассмотрел в закрытом заседании 18 декабря 2019 г. дисциплинарное производство, возбужденное по обращению (частному постановлению) федерального судьи М. городского суда О. от 1 августа 2019 г. в отношении адвоката М.

В соответствии с Заключением Квалификационной комиссии от 13 ноября 2019 г. в действиях (бездействии) адвоката М. не обнаружено нарушений норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката, вследствие чего Квалификационная комиссия пришла к выводу о необходимости прекращения дисциплинарного производства.

Адвокат М., извещенный надлежащим образом и своевременно получивший Заключение Комиссии, в заседание Совета не явился. Совет считает возможным рассмотреть дисциплинарное производство в его отсутствие, так как ранее им давались объяснения, а в соответствии с п. 5 ст. 24 Кодекса профессиональной этики адвоката неявка кого-либо из участников дисциплинарного производства не препятствует разбирательству и принятию решения.

прекратить дисциплинарное производство в отношении адвоката З. по обращению (частному постановлению) судьи М. городского суда Г. от 12 сентября 2019 г. вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Совет, изучив материалы дисциплинарного производства, обсудив Заключение Квалификационной комиссии, полностью соглашается с ее выводами, основанными на верно и полно установленных фактических обстоятельствах.

Дисциплинарное обвинение в адрес адвоката в отказе 1 августа 2019 г. от участия в судебном заседании апелляционной инстанции, мотивированном тем, что у обвиняемого имеются два защитника по соглашению, не может быть признано обоснованным.

Судом не было представлено адвокату М. доказательств того обстоятельства, что обвиняемый Е. не пожелал воспользоваться предоставленным ему уголовно-процессуальным законом (ч. 3 ст. 50 УПК РФ) правом пригласить другого защитника взамен неявившегося, как не было представлено и доказательств надлежащего извещения защитников обвиняемого Е. по соглашению, К. и Е.И., о дате, месте и времени заседания суда апелляционной инстанции.

Выяснить же этот вопрос у доверителя самостоятельно адвокат М. не имел возможности, поскольку заявка была распределена ему только 31 июля 2019 г., а в судебном заседании 1 августа 2019 г. обвиняемый Е. участия

не принимал. При этом в расписке обвиняемого Е. о получении им копии постановления Т. районного суда города Москвы от 12 июля 2019 г. об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, с которой адвокат М., действуя добросовестно, ознакомился 31 июля 2019 г., доверитель указывал, что желает принимать личное участие в заседании суда апелляционной инстанции.

При таких обстоятельствах у адвоката М. имелись разумные основания полагать, что его участие 1 августа 2019 г. в судебном заседании М. городского суда по рассмотрению апелляционной жалобы адвоката К. в качестве защитника обвиняемого Е. по назначению нарушает право доверителя на свободный выбор защитника.

Совет Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации 27 сентября 2013 г. утвердил Решение (Протокол № 1), в п. 1 которого указал на недопустимость участия в уголовном судопроизводстве адвокатов, назначенных следственными органами и судами защитниками в качестве дублеров, то есть при наличии в деле адвокатов, осуществляющих защиту тех же лиц на основании заключенных ими соглашений. Этим же Решением (п. 2) Совет Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации рекомендовал «предусмотреть в решениях советов (адвокатских палат) положение о том, что адвокат не вправе по назначению органов дознания, органов предварительного следствия или суда принимать поручение на защиту лиц против их воли, если интересы этих лиц в уголовном судопроизводстве осуществляют адвокаты на основании заключенных соглашений» (см.: «Вестник Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации». 2013. Выпуск № 4(42); «Вестник Адвокат-

ской палаты города Москвы». 2013. Выпуск № 11–12 (121–122)).

В Разъяснении Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката (утверждено Советом Адвокатской палаты города Москвы 2 марта 2004 г.) указано, что в случае, если обвиняемый (подозреваемый) заявляет об отказе от защитника по назначению, адвокат обязан потребовать от суда вынесения постановления, разрешающего заявленное ходатайство в порядке, определенном правилами главы 15 УПК РФ. При отказе суда вынести соответствующее постановление адвокату следует подать суду свое письменное ходатайство о рассмотрении ходатайства обвиняемого об отказе от защитника с разъяснением причин, по которым он (адвокат) не вправе до вынесения судом постановления о разрешении заявленного обвиняемым ходатайства осуществлять его защиту. В случае отказа суда рассмотреть ходатайство о вынесении постановления о разрешении ходатайства обвиняемого об отказе от защитника адвокату следует заявить о невозможности продолжать участвовать в процессуальном действии и покинуть место его производства, незамедлительно обжаловав действия (бездействие) суда в соответствии с главой 16 УПК, и сообщить о случившемся в Адвокатскую палату города Москвы, которая осуществляет представительство и защиту интересов адвокатов в органах государственной власти (п. 4 ст. 29 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»). Бездействие адвоката в подобных ситуациях означает нарушение подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 и ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката,

устанавливающих обязанность адвоката честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно отстаивать права и законные интересы доверителя, следить за соблюдением закона в отношении доверителя и в случае нарушений прав доверителя ходатайствовать об их устранении (см.: «Вестник Адвокатской палаты города Москвы». 2004. Выпуск № 6(8). С. 4–6; 2004. Выпуск № 11–12 (13–14). С. 41–43; 2007. Выпуск № 1(39). С. 104–106; специальный выпуск «Вестника Адвокатской палаты города Москвы»: сборник нормативных и информационных материалов за 2002–2014 годы. М., 2014. С. 110–111).

В Разъяснении Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката (утверждено Советом Адвокатской палаты города Москвы 18 января 2016 г.) отмечается, что навязывание адвокатом подозреваемому, обвиняемому своей юридической помощи в качестве защитника недопустимо ни при каких обстоятельствах, в том числе и при осуществлении защиты по назначению. В равной мере недопустимым является такое навязывание и со стороны органов и лиц, осуществляющих производство по уголовному делу, в отсутствие законных оснований для назначения защитника. Совет Адвокатской палаты города Москвы неоднократно разъяснял порядок и условия вступления адвоката в дело и осуществления им защиты по назначению, в том числе в части, касающейся неукоснительного соблюдения права подозреваемого, обвиняемого на свободный выбор защитника, включая отказ от него, и о недопустимости какого бы то ни было прямого или косвенного содействия в ущемлении этого права со стороны адвокатов, назначенных защитниками (см. Разъяснения Совета

от 2 марта 2004 г. «Об участии в делах по назначению», от 20 ноября 2007 г. «Об основаниях прекращения участия в уголовном деле адвокатов – защитников по соглашению», от 24 сентября 2015 г. «О соблюдении требований части 3 и части 4 статьи 50 УПК РФ при осуществлении защиты по назначению»). Эти разъяснения продолжают действовать в полном объеме и подлежат безусловно исполнению адвокатами в соответствии с требованиями п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката.

Сопоставляя действия адвоката М. с приведенными выше требованиями, Совет приходит к выводу о том, что адвокат действовал в соответствии с законом и решениями органов адвокатского самоуправления, принятыми в пределах их компетенции.

Совет признает необоснованными дисциплинарные обвинения в том, что при рассмотрении уголовного дела в отношении Е. адвокат М. не реагировал на неоднократные разъяснения и предупреждения председательствующего судьи о том, что адвокат не имеет права отказаться от принятой на себя защиты обвиняемого, что впоследствии привело к срыву судебного разбирательства.

Совет подчеркивает, что продолжение участия в деле защитника по назначению при наличии у того же лица защитника по соглашению не может рассматриваться как недопустимое дублирование функций защиты, нарушающее конституционное право подозреваемого, обвиняемого на свободный выбор защитника, только при условии, что процессуальное решение дознавателя, следователя или суда, которым отклонен заявленный отказ от защитника по назначению, не только вынесено в соответствии с требованиями закона, но и содержит указание на такое недобросовестное поведение подозреваемого,

обвиняемого и/или защитника (защитников) по соглашению, которое свидетельствует о нарушении ими закона либо направлено к дезорганизации судопроизводства, с приведением конкретных фактических обстоятельств, подтверждающих обоснованность этого вывода.

Процессуального решения, соответствующего этим требованиям, в рассматриваемом случае не имеется, как не имелось и законных оснований для его принятия.

При таких обстоятельствах Совет приходит к выводу о том, что презумпция добросовестности адвоката М. не опровергнута, и им при обстоятельствах, описанных в обращении судьи,

2.6. Совет, не согласившись с Заключением Квалификационной комиссии, пришел к выводу о том, что адвокат, назначенная защитником и покинувшая судебное заседание ввиду отсутствия доказательств надлежащего уведомления защитника обвиняемого по соглашению, действовала в соответствии с требованиями закона и профессиональной этики. Дисциплинарное производство прекращено.

Совет Адвокатской палаты города Москвы... рассмотрел с участием адвоката О. в закрытом заседании 18 декабря 2019 г. дисциплинарное производство в отношении адвоката О., возбужденное по обращению (частному постановлению) судьи М. городского суда П. от 16 сентября 2019 г.

В соответствии с Заключением Квалификационной комиссии от 20 ноября 2019 г. адвокат О. допустила нарушение ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката («Участвуя в судопроизводстве... адвокат должен соблюдать нормы соответствующего процессуального законодательства, проявлять уважение к суду...»), что выразилось в отказе адвоката О. от участия 16 сентября 2019 г. в судебном заседании М. городского суда по рассмотрению хода-

не допущено нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и (или) Кодекса профессиональной этики адвоката.

На основании изложенного... Совет Адвокатской палаты города Москвы решил:

прекратить дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката М. по обращению (частному постановлению) федерального судьи М. городского суда О. от 1 августа 2019 г., вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

тайства органа следствия о продлении обвиняемому К. срока содержания под стражей и в самовольном покидании судебного заседания.

Адвокат О. в заседании Совета не согласилась с Заключением Квалификационной комиссии, подтвердила доводы своих письменных возражений от 7 декабря 2019 г. После вынесения Квалификационной комиссией Заключения она обратилась к защитнику К. по соглашению и получила от него документ, который был представлен в М. городской суд. Этот документ передавался в суд по факсу. Верифицировать документ от следователя не представилось возможным. Исходящий номер документа не читаем.

В ходе заседания Совета адвокат О. заявила устное ходатайство о приоб-

щении к материалам дисциплинарного производства светокопий описи документов, имеющихся в материалах дела №... в отношении К. и И. (на 1 листе), заявления К. о согласии на представление его интересов защитником Г. (на 1 листе), уведомления следователя Б. в КА города Москвы «...» (на 1-м листе, плохо читаемое в части реквизитов и текста), уведомления следователя Б. в КА города Москвы «...» (на 1 листе), уведомления следователя Б. в КА города Москвы «...» (на 1 листе, плохо читаемое), всего на пяти листах. Совет удовлетворил ходатайство адвоката О. в полном объеме, приобщил указанные документы к материалам дисциплинарного производства.

Совет, рассмотрев дисциплинарное производство, выслушав адвоката О., не соглашается с Заключением Квалификационной комиссии, которая, правильно установив фактические обстоятельства, имеющие значение для разрешения дисциплинарного производства, дала им неверную правовую оценку.

Квалификационная комиссия в Заключении правильно указала, что 16 сентября 2019 г. адвокат О., назначенная в качестве защитника обвиняемого К. в установленном порядке, действуя на основании ордера... ознакомилась с подлежащим рассмотрению в судебном заседании материалом №... и прибыла в 13.30 в М. городской суд для участия в нем.

В судебном заседании М. городского суда 16 сентября 2019 г. следователь Б. заявила ходатайство о приобщении к материалам *«Телефонограммы адвокату К-ву, заявки в Адвокатскую палату города Москвы, уведомления КА "...» для адвоката К-ва, скриншота сообщения адвоката К-ва»*.

Суд удовлетворил ходатайство следователя Б. в полном объеме, приобщил

указанные документы к материалам, после чего адвокат О. сообщила суду, что *«учитывая позицию Конституционного Суда Российской Федерации и Федеральной палаты адвокатов от 15 марта 2019 г., я заявляю самоотвод, поскольку я считаю, что достоверных данных об извещении адвоката по соглашению не представлено. Прошу рассмотреть вопрос об освобождении защитника»*. Обвиняемый К., согласно протоколу судебного заседания, не возражал, чтобы его интересы представляла адвокат О.

Рассмотрев указанное ходатайство, председательствующий судья постановил: *«Ходатайство защитника О. об освобождении ее от участия в судебном заседании оставить без удовлетворения, поскольку предоставленные следователем сведения надлежащим образом подтверждены, оснований не доверять приобщенным документам не имеется»*.

После этого адвокат О. сообщила суду: *«Я не могу присутствовать в зале суда. У нас есть разъяснения Адвокатской палаты, где всё черным по белому написано»*, – и покинула зал судебного заседания.

Квалификационная комиссия дала правильную оценку объяснениям адвоката О. в части доводов о том, что протокол судебного заседания от 16 сентября 2019 г. не отражает достоверно события, имевшие место в указанном заседании, а именно то, что фактически никакие документы следователем Б. в материалы дела 16 сентября 2019 г. не представлялись, а был представлен лишь ее рапорт об извещении адвоката К-ва. При этом обвиняемый К. изначально был против участия в качестве его защитника адвоката О. и лишь после оказанного на него председательствующим судьей психологического дав-

ления согласился на это, а также то, что заявленное адвокатом О. ходатайство председательствующий судья вообще не рассмотрел, сообщив лишь, что «подобных норм УПК РФ не содержит», и перешел к рассмотрению дела по существу. В своей оценке Квалификационная комиссия обоснованно руководствовалась положениями п. 5 ч. 3 ст. 259 УПК РФ, в соответствии с которым в протоколе указываются действия суда в том порядке, в котором они имели место в ходе судебного заседания, заявления, возражения и ходатайства участвующих в уголовном деле лиц, а также ст. 260 УПК РФ о праве участвующих в рассмотрении дела лиц, не согласных с протоколом судебного заседания, подать на него замечания. Квалификационная комиссия верно указала, что доказательств обращения адвоката О. с замечаниями на протокол судебного заседания М. городского суда от 16 сентября 2019 г. не представлено, в связи с чем при оценке действий (бездействия) адвоката О. Комиссия основывается на фактических обстоятельствах, изложенных в протоколе судебного заседания.

Правильно установив приведенные выше фактические обстоятельства, Квалификационная комиссия пришла к ошибочному выводу о том, что, покинув зал судебного заседания, адвокат О. нарушила требования уголовно-процессуального законодательства и решения органов адвокатского самоуправления.

Совет прежде всего обращает внимание на содержание документов, представленных следователем Б. в суд в целях подтверждения якобы надлежащего извещения защитника К. по соглашению, адвоката К-ва, о дате и времени судебного заседания, а именно собственноручно написанной следователем Б. «телефонограммы», датированной 16 сентября 2019 г., без указания времени и

каких-либо отметок о ее передаче и получении, нечитаемым уведомлением следователя Б. в адрес Коллегии адвокатов города Москвы «...» и скриншота из неидентифицированного сервиса обмена сообщениями, якобы содержащего ответ от имени адвоката К-ва на полученное им извещение.

Анализ указанных документов свидетельствует о том, что они как по отдельности, так и в совокупности не являются достаточными и достоверными доказательствами надлежащего извещения защитника обвиняемого К. по соглашению, адвоката К-ва. Так, приобщенное к материалам уведомления в адрес Коллегии адвокатов города Москвы «...» явно нечитаемо и в силу этого вообще не может служить каким-либо доказательством. Из его содержания невозможно установить дату составления уведомления и различить его текст. Из реквизитов уведомления не представляется возможным установить факт его отправки и доставки в Коллегию адвокатов «...». Как следует из протокола судебного заседания, следователь Б., заявляя ходатайство о приобщении документов к материалам, не сообщила дополнительных сведений, подтверждающих факт надлежащего извещения адвоката К-ва. В связи с этим остался невыясненным вопрос о том, когда и каким образом приобщенное к материалам уведомление следователя Б. с нечитаемыми датой составления и текстом поступило в Коллегию адвокатов «...». На указанном уведомлении отсутствует подпись лица, принявшего его в Коллегии адвокатов «...». Следователем не представлены доказательства отправки его каким-либо способом связи: по почте, факсу или иным образом, позволяющим идентифицировать его отправку и получение адресатом. При таких обстоятельствах оценка рассматриваемого

уведомления ограничивается лишь фактом его составления следователем Б. и представления в суд.

Скриншот сообщения якобы от имени адвоката К-ва также не имеет какого-либо доказательственного значения для подтверждения факта его надлежащего извещения о дате и времени судебного заседания. Детальный анализ этого документа не позволяет признать его доказательством указанного факта в связи с тем, что невозможно идентифицировать сервис обмена сообщениями, номер абонента мобильного устройства, с которого оно было отправлено, номер абонента мобильного устройства, на который оно было отправлено, дату и время отправления и получения сообщения. При таких обстоятельствах невозможно установить, имел ли в действительности место обмен этими сообщениями, а если имел, то когда и между кем. То обстоятельство, что оно якобы подписано «адвокатом К-вым», не может с достаточной степенью достоверности свидетельствовать о том, что именно он является автором указанного сообщения. Совет отмечает тот общеизвестный факт, что современные информационные технологии позволяют любому лицу, имеющему минимальные навыки общения с сервисами обмена сообщениями, скрыв при фотографировании или копировании номера абонентов мобильных устройств, написать любой текст и выдать за его автора любое лицо.

«Телефонограмма», собственноручно написанная следователем Б. и датированная 16 сентября 2019 г. (день судебного заседания), без указания времени, также не может являться доказательством надлежащего извещения адвоката о дате и времени судебного заседания. Совет последовательно отстаивает позицию о том, что не под-

твержденное объективными сведениями сообщение следователя в устной или письменной форме в различных документах (рапорте, телефонограмме, заявлении и т.п.) об извещении защитника о дне, времени и месте судебного заседания не может являться достаточным доказательством этого обстоятельства.

Совет обращает внимание на то обстоятельство, что уголовно-процессуальное законодательство РФ не предусматривает такую форму уведомления участников уголовного судопроизводства, как телефонограмма. Анализ законодательства РФ на предмет уяснения правового основания для признания телефонограммы как формы коммуникации между субъектами свидетельствует о том, что она имеет крайне ограниченные и специально оговоренные пределы, которые позволяют идентифицировать передающих и принимающих лиц, дату и время передачи, а также дословное содержание. Так, например, телефонограмма как способ коммуникации прямо закреплена и имеет соответствующую нормативную регламентацию в Вооруженных силах Российской Федерации (см. Инструкцию по делопроизводству в Вооруженных силах Российской Федерации (ИД-2017), утвержденную приказом министра обороны Российской Федерации от 4 апреля 2017 г. № 170). Также телефонограмма используется как официальный способ коммуникации сотрудников органов внутренних дел с сотрудниками органов Федеральной службы безопасности в рамках осуществления контроля за иностранными гражданами (см. приказ МВД РФ № 612 и ФСБ РФ № 460 от 8 августа 2017 г. «О формах журнала телефонограмм и актах приема-передачи»). Каждый из субъектов коммуникации с использованием телефонограмм обязан иметь соответствующие журналы приема и получе-

ния телефонограмм с обязательными реквизитами, включая регистрационные номера и дословный учет текста телефонограммы. Сами журналы должны иметь двухстороннее расположение и предусматривать способы распознавания утери (порчи) листов.

Очевидно, что ввиду отсутствия нормативной регламентации телефонограмма не может применяться как надлежащий способ коммуникации между следователем (дознавателем) и адвокатом. Судебная практика также не считает телефонограмму достаточным для верификации способом коммуникации. Так, Московский городской суд в Определении от 7 октября 2010 г. ...признал неправомерным уведомление работницы о необходимости получить трудовую книжку телефонограммами, поскольку способ их оформления не позволяет проверить достоверность содержащихся сведений. Федеральный арбитражный суд Восточно-Сибирского округа в Постановлении от 1 ноября 2012 г. ...также признал телефонограмму способом, не подтверждающим надлежащее извещение налогоплательщика о времени и месте рассмотрения материалов проверки.

Совет исходит из того, что если судебная практика не признает телефонограммы надлежащим способом извещения в трудовых и налоговых правоотношениях, то в уголовно-процессуальных отношениях, где наиболее существенно затрагиваются фундаментальные права человека и ценности, применение рассматриваемого способа коммуникации при обеспечении реализации конституционного права на получение квалифицированной юридической помощи тем более недопустимо в силу отсутствия минимальных гарантий верификации.

Наконец, применительно к «телефонограмме» следователя Б. от 16 сентя-

бря 2019 г. Совет отмечает, что она не содержит необходимых минимальных сведений, позволяющих признать ее достоверной и в совокупности с другими объективными сведениями положить в основу вывода о надлежащем извещении защитника по соглашению. Как отмечено выше, в «телефонограмме» отсутствуют сведения о времени якобы осуществления телефонного звонка следователя по указанному в ней номеру 13 сентября 2019 г. и обратного звонка адвоката К-ва 16 сентября 2019 г. с сообщением о невозможности явки в суд. Помимо этого, в «телефонограмме» не указан номер абонента мобильного устройства, звонком с которого она якобы была передана 13 сентября 2019 г. и на который якобы был осуществлен обратный звонок адвоката К-ва 16 сентября 2019 г. Помимо этого, в «телефонограмме» указано, что следователь Б. якобы направила уведомление по электронной почте по электронному адресу... Между тем к самой телефонограмме каких-либо сведений, подтверждающих отправку и получение электронного письма, равно как и принадлежность электронного адреса соответствующему адвокатскому образованию, не приложено.

Кроме того, вызывает обоснованные сомнения сам факт составления «телефонограммы» 16 сентября 2019 г. об обстоятельствах передачи информации следователем Б. адвокату К-ву, якобы имевшей место 13 сентября 2019 г. По смыслу этого способа передачи информации телефонограмма сначала составляется, потом передается (зачитывается под запись) адресату, проставляются дата, время передачи/получения и указывается лицо, принявшее телефонограмму. Более того, телефонограмма не предназначается для фиксации ответных сведений от адресата, которому ра-

нее была передана содержащаяся в ней информация. Содержание рассматриваемой «телефонограммы» следователя больше соответствует содержанию рапорта следователя своему руководителю, однако такой рапорт вовсе не имеет юридического значения для третьих лиц.

Сопоставление анализируемых документов как по отдельности, так и в их совокупности приводит Совет к выводу о том, что на их основании нельзя признать извещение защитника по соглашению, адвоката К-ва, надлежащим, поскольку ни один из них не содержит сведений, минимально необходимых для верификации, и не может прямо или косвенно подтвердить факт надлежащего извещения.

Совет отмечает и явное противоречие между документами, представленными в суд следователем Б. Так, наряду с ранее проанализированными документами следователь Б. представила в суд «Заявку в Адвокатскую палату города Москвы». Из указанной заявки следует, что адвокат О. была назначена 13 сентября 2019 г. в 15.34 для участия в качестве защитника по уголовному делу в отношении обвиняемого К. Отсутствие в проанализированных выше телефонограмме и уведомлении сведений о времени их передачи/отправления адресатам не позволяет сопоставить их со временем размещения заявки в АИС АПМ, что само по себе является обстоятельством, снижающим степень достоверности представленной следователем информации. Между тем другие известные из указанных документов сведения со всей очевидностью позволяют утверждать о ее явной недостоверности. Так, в соответствии с телефонограммой от 16 сентября 2019 г. следователь Б. 13 сентября 2019 г. (!) сообщила адвокату К-ву о необходимо-

сти явки в М. городской суд 16 сентября 2019 г. к 13.30. В свою очередь адвокат К-в «*посредством телефонного звонка, а также телефонного мессенджера*» 16 сентября 2019 г. (!) «*уведомил о невозможности присутствовать при рассмотрении вышеуказанного ходатайства в связи с занятостью при проведении следственного действия и судебного заседания по другому уголовному делу*». Таким образом, до 16 сентября 2019 г. у следователя Б., согласно ее же информации, представленной суду, отсутствовали сведения о невозможности участия защитника обвиняемого К., адвоката К-ва, в судебном заседании М. городского суда 16 сентября 2019 г. Соответственно, на 13 сентября 2019 г. у следователя Б. отсутствовали правовые основания для размещения заявки в АИС АПМ в целях выделения защитника по назначению для участия в судебном заседании 16 сентября 2019 г. Указанные обстоятельства дополнительно подтверждают обоснованность сомнений в том, что уведомление защитника по соглашению, адвоката К-ва, имело место 13 сентября 2019 г.

При таких обстоятельствах Совет разделяет позицию адвоката О. о том, что «*Достоверных данных об извещении адвоката по соглашению не представлено*». Совет считает, что в материалах, имевшихся в распоряжении суда и, соответственно, доступных адвокату О., даже после приобщения документов по ходатайству следователя Б. отсутствовали достаточные доказательства надлежащего извещения защитника по соглашению обвиняемого К., адвоката К-ва. Следовательно, у адвоката О. в сложившейся ситуации не имелось оснований для участия в судебном заседании в качестве назначенного защитника.

Совет Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации 27 сентя-

бря 2013 г. (Протокол № 1) утвердил Решение, в п. 1 которого указал на недопустимость участия в уголовном судопроизводстве адвокатов, назначенных следственными органами и судами защитниками, в качестве дублеров, то есть при наличии в деле адвокатов, осуществляющих защиту тех же лиц на основании заключенных ими соглашений. Этим же Решением (п. 2) Совет Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации рекомендовал «предусмотреть в решениях советов (адвокатских палат) положение о том, что адвокат не вправе по назначению органов дознания, органов предварительного следствия или суда принимать поручение на защиту лиц против их воли, если интересы этих лиц в уголовном судопроизводстве осуществляют адвокаты на основании заключенных соглашений» (см.: «Вестник Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации». 2013. Выпуск № 4(42); «Вестник Адвокатской палаты города Москвы». 2013. Выпуск № 11–12 (121–122)).

В Разъяснении Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката (принятом на заседании Совета Адвокатской палаты города Москвы 18 января 2016 г.) отмечается, что навязывание адвокатом подозреваемому, обвиняемому своей юридической помощи в качестве защитника недопустимо ни при каких обстоятельствах, в том числе и при осуществлении защиты по назначению. В равной мере недопустимым является такое навязывание и со стороны органов и лиц, осуществляющих производство по уголовному делу, в отсутствие законных оснований для назначения защитника. Совет Адвокатской палаты города Москвы неоднократно разъяснял порядок и условия вступления адвоката в дело и осуществления им защиты по

назначению, в том числе в части, касающейся неукоснительного соблюдения права подозреваемого, обвиняемого на свободный выбор защитника, включая отказ от него, и о недопустимости какого бы то ни было прямого или косвенного содействия в ущемлении этого права со стороны адвокатов, назначенных защитниками (см. Разъяснения Совета от 2 марта 2004 г. «Об участии в делах по назначению», от 20 ноября 2007 г. «Об основаниях прекращения участия в уголовном деле адвокатов – защитников по соглашению», от 24 сентября 2015 г. «О соблюдении требований части 3 и части 4 статьи 50 УПК РФ при осуществлении защиты по назначению»). Эти разъяснения продолжают действовать в полном объеме и подлежат безусловному исполнению адвокатами в соответствии с требованиями п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката.

Исходя из указанных разъяснений, основанных, в том числе, на тех же требованиях Конституции РФ и законодательства РФ, правовых позициях Конституционного Суда РФ, которые приведены в Решении Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 27 сентября 2013 г., Совет Адвокатской палаты города Москвы считает недопустимым осуществление адвокатами защиты по назначению наряду с адвокатами, осуществляющими защиту тех же лиц на основании соглашения, за исключением случаев непризнания дознавателем, следователем или судом отказа от защитника по назначению, при условии, что процессуальное поведение защитника по соглашению, либо поведение подозреваемого, обвиняемого при реализации права на свободный выбор защитника, будучи явно недобросовестным, ущемляет конституционные права других участников судопроизводства. Во всех прочих

случаях защитник по назначению не вправе принимать участие (в том числе продолжать ранее начатое им участие) в дознании, предварительном следствии либо в рассмотрении дела судом при наличии у подозреваемого, обвиняемого защитника по соглашению, от которого он не отказался и который не отведен от участия в деле в порядке и на основаниях, предусмотренных законом. Адвокат, назначенный защитником и установивший факт наличия у того же лица защитника по соглашению, обязан незамедлительно предпринять все предусмотренные законом и вышеуказанными разъяснениями Совета Адвокатской палаты города Москвы действия, направленные на прекращение своего участия в деле, включая (но не ограничиваясь этим) поддержку заявления подозреваемого, обвиняемого об отказе от него, собственное аналогичное заявление и проявление настойчивости с целью надлежащего рассмотрения и разрешения этих заявлений дознавателем, следователем или судом, а при их отказе или уклонении от принятия такого решения адвокат должен покинуть место процессуальных действий, сделав соответствующие заявления. Совет Адвокатской палаты города Москвы отметил, что такие действия защитника по назначению не могут расцениваться как отказ от защиты и являются не только правомерными, но и обязательными. Это требование распространяется и на случаи, когда в дело, в котором уже участвует защитник по назначению, впоследствии вступает защитник того же лица по соглашению.

Непринятие отказа от защитника по назначению при наличии защитника по соглашению может являться законным и обоснованным лишь в том случае, когда действия или бездействие подозреваемого, обвиняемого при реализации

права на свободный выбор защитника и/или действие или бездействие защитника по соглашению противоречат требованиям закона либо представляют собой злоупотребление правом на защиту, и такое нарушение или злоупотребление дезорганизует ход дознания, предварительного следствия либо судебного заседания, то есть направлено на срыв судебного процесса либо досудебного производства по делу.

Продолжение участия в деле защитника по назначению при наличии у того же лица защитника по соглашению не может рассматриваться как недопустимое дублирование функций защиты, нарушающее конституционное право подозреваемого, обвиняемого на свободный выбор защитника, только при условии, что процессуальное решение дознавателя, следователя или суда, которым отклонен заявленный отказ от защитника по назначению, не только вынесено в соответствии с требованиями закона, но и содержит указание именно на такое поведение подозреваемого, обвиняемого и/или защитника (защитников) по соглашению, с приведением конкретных фактических обстоятельств, подтверждающих обоснованность этого вывода. Процессуальное решение органа или лица, осуществляющего производство по уголовному делу, которым отклонен заявленный отказ от защитника по назначению, не содержащее такого обоснования, а принятое лишь со ссылкой на наличие дискреционного полномочия, предусмотренного ч. 2 ст. 52 УПК РФ, не может как явно не соответствующее требованиям ч. 4 ст. 7 УПК РФ являться законным и достаточным основанием продолжения участия в деле защитника по назначению, дублирующего защитника по соглашению, и вынуждает защитника по назначению устраниться

от участия в деле в соответствии с п. 2 настоящих разъяснений.

Изложенное разъяснение подлежит безусловному исполнению адвокатами в соответствии с требованиями п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката. Их несоблюдение или ненадлежащее соблюдение влечет применение к адвокату мер дисциплинарной ответственности вплоть до прекращения статуса адвоката за нарушение требований подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8, подп. 1 и 2 п. 1 ст. 9 и ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката (см. «Вестник Адвокатской палаты города Москвы». 2015. Выпуск № 4 (130). С. 17–21; 2016. Выпуск № 3 (133). С. 85–90).

Сопоставление поведения адвоката О. с указанными выше разъяснениями свидетельствует о том, что адвокат О. действовала в полном соответствии с ними, в связи с чем она не может быть привлечена к дисциплинарной ответственности за покидание зала судебного заседания.

Так, ознакомившись с материалами и установив, что у обвиняемого К. имеется защитник по соглашению, адвокат К-в, адвокат О. в судебном заседании предприняла необходимые и достаточные действия, направленные на прекращение своего участия в деле, сделав устное заявление о самоотводе и невозможности осуществлять защиту по назначению. Основанием для такого заявления послужило то обстоятельство, что в материалах отсутствовали достоверные данные о надлежащем извещении защитника обвиняемого К. по соглашению, адвоката К-ва, о дате, времени и месте судебного разбирательства.

Разрешая заявленное адвокатом О. ходатайство, суд протокольным постановлением констатировал лишь свою

оценку представленных следователем Б. сведений о якобы надлежащем извещении защитника обвиняемого К. по соглашению, адвоката К-ва. Каких-либо доводов о том, что поведение адвоката К-ва либо обвиняемого К. противоречит требованиям закона либо представляет собой злоупотребление правом на защиту, и что такое поведение дезорганизует ход судебного заседания и направлено на его срыв, в указанном протокольном постановлении не приведено. Более того, в рассматриваемом протокольном постановлении отсутствуют какие-либо ссылки на правовое обоснование принятого решения, в связи с чем не представляется возможным признать его достаточным для продолжения участия в деле защитника по назначению, адвоката О., с учетом указанных выше решений органов адвокатского самоуправления, принятых в пределах их полномочий и в силу этого обязательных для адвоката. Совет констатирует, что по существу мотивированное ходатайство адвоката О. об освобождении ее от участия в деле в качестве назначенного защитника осталось без надлежащего рассмотрения.

Совет также обращает внимание на общеобязательную правовую позицию Конституционного Суда РФ, который в п. 5 Постановления от 17 июля 2019 г. № 28-П «По делу о проверке конституционности статей 50 и 52 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Ю.Ю. Кавалерова» признал, что назначение защитника при наличии у обвиняемого защитника по соглашению согласуется с интересами правосудия и направлено на реализацию предписаний ст. 17 (ч. 3) и 48 Конституции РФ в ситуации, когда подозреваемый, обвиняемый, его защитник по соглашению злоупотребляют правом на защиту и

такое злоупотребление дезорганизует ход досудебного или судебного процесса, направлено на срыв производства по делу. Вместе с тем решение об отклонении отказа от защитника по назначению при участии в уголовном деле защитника по соглашению по мотивам злоупотребления правом на защиту должно быть обоснованным и мотивированным и само по себе не должно исключать возможность приглашенного защитника выполнить взятое на себя поручение.

Применяя эту конституционно-правовую позицию к установленным Конституционной комиссией и изложенным выше фактическим обстоятельствам настоящего дисциплинарного производства, Совет также приходит к выводу о том, что адвокат О. в сложившейся ситуации и с учетом известных ей обстоятельств не имела правовых оснований для продолжения своего участия в судебном заседании М. городского суда.

В связи с этим Совет признает, что адвокат О., покинув зал судебного заседания после соответствующего заявления с обоснованием своих действий, действовала в полном соответствии с требованиями закона и профессиональной этики. Такое поведение защитника по назначению, адвоката О., не может расцениваться как отказ от защиты и является не только правомерным, но и обязательным, поскольку оно было направлено именно на надлежащее обеспечение реализации права обвиняемого К. на защиту свободно избранным им защитником.

То обстоятельство, что суд в протокольном постановлении, не приведя надлежащего обоснования и мотивировки, признал, что *«предоставленные следователем сведения надлежащим образом подтверждены, оснований не доверять приобщенным документам не имеется»*, не лишает адвоката как независимого профессионального советни-

ка по правовым вопросам права выбора способа профессионального поведения в соответствии с приведенными выше обязательными требованиями.

В соответствии с ч. 3 ст. 50 УПК РФ порядок назначения адвокатов в качестве защитников в уголовном судопроизводстве определяет Совет Федеральной палаты адвокатов РФ. Такой порядок утвержден Решением Совета Федеральной палаты адвокатов 15 марта 2019 г. Абзац 2 подп. «б» пункта 6 раздела 5 Порядка назначения адвокатов в качестве защитников в уголовном судопроизводстве предусматривает, что, приняв поручение на защиту по назначению и явившись к месту производства процессуального действия, адвокат обязан выявить наличие/отсутствие обстоятельств, исключающих или препятствующих его участию в производстве по данному уголовному делу в качестве защитника, по результатам которого принять меры, руководствуясь решениями Совета ФПА РФ, принятыми в пределах их компетенции (в том числе Решением от 27 сентября 2013 г. (Протокол № 1) «О двойной защите»), решениями советов адвокатских палат субъектов Российской Федерации, включая разъяснения по поводу возможных действий адвокатов в сложной ситуации, касающейся соблюдения этических норм. Поэтому в вопросе о возможности продолжения участия в деле защитника по назначению при наличии защитника по соглашению адвокату следует руководствоваться нормативными актами соответствующих адвокатских палат.

Наконец, Совет обращает внимание на то, что сама по себе дача обвиняемым согласия на участие защитника по назначению при наличии у него защитника по соглашению в отсутствие законных оснований для назначения защитника и его участия в уголовном деле

не может легитимировать такое участие. Вместе с тем эта позиция обвиняемого лишь подтверждает факт отсутствия в его поведении каких-либо признаков злоупотребления правом на защиту.

При таких обстоятельствах Совет, вопреки Заклучению Квалификационной комиссии, признает презумпцию добросовестности адвоката О. неопровергнутой и приходит к выводу о прекращении дисциплинарного производства по основанию, предусмотренному подп. 2 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката.

2.7. Адвокату объявлено замечание за использование им в судебном заседании выражений, не соответствующих стилю делового общения, и проявленное неуважение к суду. При этом Совет исключил часть дисциплинарных обвинений.

Совет Адвокатской палаты города Москвы... рассмотрел в закрытом заседании 18 декабря 2019 г. с участием адвоката Р. дисциплинарное производство... возбужденное по обращению (частному постановлению) федерального судьи О. городского суда Московской области Ф. от 20 августа 2019 г. в отношении адвоката Р.

В соответствии с Заключением Квалификационной комиссии от 13 ноября 2019 г. адвокатом Р. допущено нарушение п. 2 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката («При осуществлении профессиональной деятельности адвокат обязан... уважать права, честь и достоинство... других лиц, придерживаться манеры поведения... соответствующих деловому общению»), ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката («Участвуя или присутствуя на судопроизводстве... адвокат должен... проявлять уважение к суду...»), что выразилось в произнесении им в ходе судебного заседания О. городского суда Московской области 20 августа 2019 г. следующей фразы *«...и не видеть, не замечать данного очевидного факта,*

На основании изложенного... Совет Адвокатской палаты города Москвы решил:

прекратить дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката О. по обращению (частному постановлению) судьи М. городского суда П. от 16 сентября 2019 г., вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

как это сделала 21.05.2019 г. предыдущая судья (Ж.) явно противозаконно, это лишний раз подтверждает коррупционные связи, что суд не следует ни букве, ни духу закона...».

Кроме того, Квалификационная комиссия пришла к выводу о необходимости прекращения в оставшейся части дисциплинарного производства вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Адвокат Р. в заседании Совета с Заключением Комиссии согласился частично: не оспаривая фактических обстоятельств, установленных Комиссией, в том числе произнесения им в судебном заседании указанных выше фраз, поддержал свои письменные возражения... в которых просил прекратить дисциплинарное производство либо направить его в Квалификационную комиссию для нового разбирательства, считая установленный в его действиях дисциплинарный проступок с учетом

всех обстоятельств его совершения малозначительным, связанным, в том числе, с его сильными эмоциональными переживаниями, не порочащим честь и достоинство адвоката, не умаляющим авторитет адвокатуры и не причинившим какого-либо существенного вреда ни его подзащитному, ни Адвокатской палате города Москвы. Подчеркнул, что не заявлял о свершении какого-либо конкретного преступления судьей, и такого дисциплинарного обвинения автор обращения в Адвокатскую палату города Москвы не выдвигает. О том, что суд поступил явно незаконно, это была его собственная оценка. О наличии коррупционных связей он действительно говорил, что признает своей ошибкой. Обязался высказываться впредь в более корректной форме, не давая волю своим эмоциональным переживаниям.

Совет, рассмотрев дисциплинарное производство, выслушав адвоката Р., в полном объеме соглашается с фактическими обстоятельствами, установленными Квалификационной комиссией и изложенными в ее Заключении.

Так, установлены следующие фактические обстоятельства.

В ходе судебного заседания О. городского суда Московской области 20 августа 2019 г. адвокат Р. при рассмотрении ходатайства органа следствия о продлении М. срока содержания под стражей заявил, что *«не видеть и не замечать данного очевидного факта, как это сделала 21.05.2019 г. предыдущая судья (Ж.), явно противозаконно, это лишний раз подтверждает коррупционные связи, что суд не следует ни букве, ни духу закона, очень хочу надеяться, что такого не произойдет при настоящем судебном разбирательстве»*.

В тексте письменного ходатайства адвоката Р. от 20 августа 2019 г. на имя федерального судьи Ф. об отмене и

(или) изменении меры пресечения указано следующее: *«и не видеть, не замечать данного очевидного факта, как это сделала 21.05.2019 г. предыдущая судья (Ж.), явно противозаконно, это лишний раз подтверждает коррупционные связи, что суд не следует ни букве, ни духу закона, и очень хочу надеяться, что такого не произойдет при настоящим судебном разбирательстве»*.

Из протокола судебного заседания О. городского суда Московской области от 20 августа 2019 г. также усматривается, что доводы, изложенные в указанном ходатайстве, были изложены практически дословно адвокатом Р. в судебном заседании 20 августа 2019 г. в его устном выступлении с возражениями против ходатайства следователя, а письменное ходатайство приобщено к материалу в соответствии с просьбой адвоката Р.

Из протокола судебного заседания О. городского суда Московской области также усматривается, что, приводя подробные доводы о непричастности обвиняемого М. к совершению преступления, предусмотренного п. «б» ч. 2 ст. 132 УК РФ (насильственные действия сексуального характера), настаивая на квалификации его действий по ч. 1 ст. 119 УК РФ (угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью) и по ст. 6.1.1 КоАП РФ (побои), как совершение иных насильственных действий, причинивших физическую боль, а также приводя доводы об отсутствии предусмотренных уголовно-процессуальным законом оснований для применения к М. меры пресечения в виде заключения под стражу, адвокат Р. заявил: *«...и не видеть, не замечать данного очевидного факта, как это сделала 21.05.2019 г. предыдущая судья (Ж.), явно противозаконно, это лишний раз подтверждает коррупционные связи, что суд не следует ни букве, ни*

духу закона, и очень хочу надеяться, что такого не произойдет при настоящем судебном разбирательстве».

При таких обстоятельствах факт произнесения адвокатом Р. 20 августа 2019 г. в судебном заседании О. городского суда Московской области указанных выше фраз Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, признает установленным, что не соответствовало деловому общению и являлось проявлением неуважения к суду, продолжившему ранее (21 мая 2019 г.) срок содержания под стражей его доверителя М.

При этом указанные выше фразы первоначально были облечены адвокатом Р. в письменную форму и лишь потом произнесены в судебном заседании, и относились они к событиям, имевшим место три месяца назад, 21 мая 2019 г., что объективно свидетельствует об отсутствии у адвоката Р. в момент произнесения анализируемых фраз 20 августа 2019 г. острых эмоциональных переживаний в связи с действиями (бездействием) и решением судьи Ж., имевшими место 21 мая 2019 г.

Рассматривая дисциплинарное обвинение в отношении адвоката Р. в том, что последний в ходе выступления в суде указал, что *«исходя из полученных им сведений, в том числе от Б. и М., готовы подтвердить свои показания как на очной ставке, так и на полиграфе»*, Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, признает, что в данной части дисциплинарное производство подлежит прекращению в связи с отсутствием в действиях (бездействии) адвоката Р. нарушений норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре.

Из протокола судебного заседания О. городского суда Московской области от 20 августа 2019 г. усматривается, что, сообщая позицию защиты по заявленному органом следствия ходатайству, адвокат Р. заявил следующее:

«Исходя из имеющихся в настоящее время в моем распоряжении материалов уголовного дела, а также полученных мною сведений, в том числе от Б. и М., которые готовы подтвердить свои показания как в ходе очной ставки с Же. (К.) и ее “любовником Ба.”, так и на полиграфе, противоправные действия М. никак не могут и не должны быть квалифицированы по п. “б” ч. 2 ст. 132 УК РФ, так как объективная сторона данного преступления характеризуется насильственными действиями сексуального характера, сопряженными с физическим и психическим действием, которые возбуждают и (или) реализуют у отдельных лиц половую страсть, чего в данном случае не имело место быть».

Вопреки доводам обращения судьи Ф., эти высказывания ни по форме, ни по содержанию не свидетельствуют о ненадлежащем профессиональном поведении адвоката Р. в судебном заседании, не содержат в себе «нарушение адвокатской этики и крайне неуважительного отношения к председательствующему судье и суду», а также не свидетельствуют о незнании адвокатом норм УПК РФ. Адвокат Р. не нарушал порядок в судебном заседании, более того, он даже не заявлял суду ходатайств о проведении в ходе судебного заседания каких-либо исследований с использованием полиграфа, а лишь указал на непричастность своего доверителя к совершению инкриминируемого ему деяния, что может быть проверено также и с использованием полиграфа. Данное высказывание адвоката Р. никоим образом не могло повлиять на нормальный ход судебного заседания.

При указанных обстоятельствах Совет признает опровергнутой презумпцию добросовестности адвоката Р. в части дисциплинарных обвинений в том, что он в ходе судебного заседания О. городского суда Московской области 20 ав-

густа 2019 г. допустил некорректное высказывание, приведенное в Заключении Квалификационной комиссии.

В то же время Совет полагает необходимым исключить из дисциплинарного обвинения адвоката Р. произнесение им следующих фрагментов: *«явно противозаконно»* и *«что суд не следует ни букве, ни духу закона...»*. Совет признает, что в данной части адвокат высказал оценочное суждение, основанное на известных ему как защитнику доводах и фактах, на которые он сослался в судебном заседании, эти высказывания были сделаны в интересах доверителя, и в них не содержится неуважения к суду.

В соответствии с п. 2 ст. 18 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» адвокат не может быть привлечен к какой-либо ответственности за выраженное им при осуществлении адвокатской деятельности мнение, если только вступившим в законную силу приговором суда не будет установлена виновность адвоката в преступном действии (бездействии).

Совет, кроме того, соглашается с адвокатом Р. в том, что, вопреки содержащемуся в мотивировочной части Заключения Квалификационной комиссии выводу, ни в каких его высказываниях не содержалось утверждения о совершении судьей преступных действий, и такого дисциплинарного обвинения в отношении него не выдвигалось.

Избирая в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности адвокату Р. за допущенное нарушение, Совет принимает во внимание, что они совершенны умышленно, однако вреда доверителю не повлекли. Ранее адвокат Р. к дисциплинарной ответственности не привлекался. Свою вину он признал и

обещал Совету впредь подобного не допускать. При таких обстоятельствах Совет полагает необходимым применить к адвокату Р. меру дисциплинарной ответственности в виде замечания как в наибольшей степени отвечающую требованиям соразмерности и справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренному п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката.

На основании изложенного... Совет Адвокатской палаты города Москвы решил:

1) применить к адвокату Р. меру дисциплинарной ответственности в виде замечания за нарушение взаимосвязанных положений п. 2 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката («При осуществлении профессиональной деятельности адвокат обязан... уважать права, честь и достоинство... других лиц, придерживаться манеры поведения... соответствующих деловому общению»), ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката («Участвуя или присутствуя на судопроизводстве... адвокат должен... проявлять уважение к суду...»), что выразилось в произнесении им в ходе судебного заседания О. городского суда Московской области 20 августа 2019 г. следующей фразы: *«...и не видеть, не замечать данного очевидного факта, как это сделала 21.05.2019 г. предыдущая судья (Ж.)... это лишний раз подтверждает коррупционные связи...»;*

2) прекратить в оставшейся части дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката Р. по обращению (частному постановлению) федерального судьи О. городского суда Московской области Ф. от 20 августа 2019 г. ...вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

3. Дисциплинарные производства иных категорий

3.1. За неисполнение решений органов управления адвокатского сообщества, принятых в пределах их компетенции, выразившееся в систематической, без уважительных причин, неуплате адвокатом обязательных отчислений на общие нужды Адвокатской палаты, к нему применена мера дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса адвоката.

Совет Адвокатской палаты города Москвы... рассмотрел в закрытом заседании дисциплинарное производство в отношении адвоката К., возбужденное по представлению вице-президента Адвокатской палаты города Москвы... б/н от 18 октября 2019 г.

В соответствии с Заключением Квалификационной комиссии от 6 ноября 2019 г. адвокатом К. допущено неисполнение решений органов Адвокатской палаты города Москвы, принятых в пределах их компетенции.

Адвокат К., извещенный надлежащим образом о времени и месте рассмотрения дисциплинарного производства, в заседание Совета не явился, участие представителя не обеспечил, направил письменные возражения на Заключение Квалификационной комиссии с просьбой о рассмотрении дисциплинарного производства в его отсутствие. Совет, принимая во внимание указанные обстоятельства, а также то, что адвокат К. своевременно получил Заключение Квалификационной комиссии, с учетом требований п. 5 ст. 24 Кодекса профессиональной этики адвоката, устанавливающего, что неявка кого-либо из участников дисциплинарного производства не препятствует разбирательству и принятию решения, рассмотрел дисциплинарное производство в отношении адвоката К. в его отсутствие.

Рассмотрев и обсудив Заключение Квалификационной комиссии и материалы дисциплинарного производства, а также письменные возражения адвока-

та К., Совет соглашается с Заключением Квалификационной комиссии, поскольку ее выводы основаны на правильно и полно установленных обстоятельствах дела.

Так, установлено, что 25 апреля 2019 г. адвокат К. обратился в Совет Адвокатской палаты города Москвы с заявлением о принятии в члены Адвокатской палаты города Москвы.

30 апреля 2019 г. решением Совета Адвокатской палаты города Москвы... адвокат К. был принят в Адвокатскую палату города Москвы в связи с переводом из Палаты адвокатов Н. области.

Сведения об адвокате К. внесены Главным управлением Министерства юстиции Российской Федерации по Москве в реестр адвокатов города Москвы, где ему присвоен регистрационный номер...

10 мая 2019 г. адвокат К. был принят в состав адвокатов МКА «...».

29 августа 2019 г. председатель Московской коллегии адвокатов «...»... уведомила Совет Адвокатской палаты города Москвы о том, что адвокат коллегии К. ...был принят в коллегия адвокатов 10 мая 2019 г. после перевода в Адвокатскую палату города Москвы из Палаты адвокатов Н. области, на 21 августа 2019 г. имеет задолженность по уплате ежемесячных обязательных отчислений (профессиональных расходов) на общие нужды Адвокатской палаты города Москвы за четыре месяца (май – август 2019 года) в размере (суммы № 1) рублей.

Квалификационной комиссией также установлено, что с 4 по 20 сентября 2019 г. адвокат К. осуществлял адвокатскую деятельность в качестве адвоката, избравшего форму личного участия в делах по назначению посредством автоматизированной информационной системы Адвокатской палаты города Москвы.

Согласно подп. 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» адвокат обязан исполнять решения органов адвокатской палаты субъекта Российской Федерации, Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации, принятые в пределах их компетенции.

На основании подп. 5 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» «Адвокат обязан... ежемесячно отчислять средства на общие нужды адвокатской палаты в размерах и порядке, которые определяются собранием (конференцией) адвокатов адвокатской палаты соответствующего субъекта Российской Федерации».

В соответствии с Решением Совета Адвокатской палаты города Москвы от 29 октября 2018 г. № 135 «Об уплате обязательных отчислений адвокатами, состоящими в реестре адвокатов города Москвы» (с изменениями и дополнениями, внесенными Решением Совета Адвокатской палаты города Москвы от 28 мая 2019 г. № 79):

– «Конференциями адвокатов города Москвы на основании подпункта 4 пункта 2 статьи 30 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» ежегодно устанавливаются следующие виды обязательных отчислений (профессиональных расходов) на общие нужды Адвокатской палаты города Москвы:

а) обязательное ежемесячное отчисление для членов Адвокатской палаты

города Москвы (с учетом отчислений в Федеральную палату адвокатов Российской Федерации), участвующих лично в оказании юридической помощи бесплатно в случаях, предусмотренных законодательством, или по назначению дознавателя, следователя или суда;

б) обязательное ежемесячное отчисление для членов Адвокатской палаты города Москвы (с учетом отчислений в Федеральную палату адвокатов Российской Федерации), участвующих материально в оказании юридической помощи бесплатно в случаях, предусмотренных законодательством, или по назначению дознавателя, следователя или суда;

в) обязательное отчисление за первый месяц членства в Адвокатской палате города Москвы на общие нужды Адвокатской палаты города Москвы (с учетом отчислений в Федеральную палату адвокатов Российской Федерации) и на профессиональную подготовку в течение первого года работы для членов Адвокатской палаты города Москвы, которым статус адвоката был присвоен по результатам сдачи квалификационного экзамена в Адвокатской палате города Москвы;

г) обязательное отчисление за первый месяц членства в Адвокатской палате города Москвы на общие нужды Адвокатской палаты города Москвы (с учетом отчислений в Федеральную палату адвокатов Российской Федерации) и на профессиональную подготовку в течение первого года работы для членов Адвокатской палаты города Москвы, перешедших в Адвокатскую палату города Москвы из адвокатских палат других субъектов Российской Федерации» (п. 2);

– «Уплата обязательных отчислений (профессиональных расходов) на общие нужды Адвокатской палаты города Москвы, с учетом отчислений в Феде-

ральную палату адвокатов РФ, установленных соответствующей конференцией адвокатов города Москвы для членов Адвокатской палаты города Москвы (далее – обязательные отчисления), осуществляется через адвокатские образования или адвокатом лично» (с изменением, внесенным Решением Совета Адвокатской палаты города Москвы от 28 мая 2019 г. № 79)» (п. 3);

– «Уплата обязательных отчислений осуществляется не позднее десятого числа месяца, следующего за месяцем, за который производится платеж. Единичный исполнительный орган (руководитель) адвокатского образования обязан обеспечивать перечисление на расчетный счет Адвокатской палаты города Москвы обязательных отчислений адвокатов, состоящих членами соответствующего адвокатского образования, не позднее десятого числа следующего месяца (с изменениями, внесенными Решением Совета Адвокатской палаты города Москвы от 28 мая 2019 г. № 79)» (п. 5);

– «В случае уплаты обязательных отчислений адвокатом лично, он обязан в платежном документе указать свои фамилию, имя, отчество, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы, адвокатское образование и период, за который он уплачивает обязательные отчисления» (п. 6);

– «Неуплата адвокатом как полностью, так и в части обязательного отчисления, предусмотренного подпунктом “в” или “г” пункта 2 настоящего Решения, и/или неуплата адвокатом как полностью, так и в части за три месяца в любой последовательности обязательных отчислений, предусмотренных подпунктами “а” и “б” пункта 2 настоящего Решения, а также несоблюдение адвокатом, являющимся единоличным исполнительным органом (руководи-

телем) адвокатского образования или осуществляющим свою деятельность в адвокатском кабинете, требований, указанных в пунктах 4 и 5 настоящего Решения, образуют состав дисциплинарного проступка и влекут возбуждение дисциплинарного производства. Статус адвоката может быть прекращен по решению совета адвокатской палаты субъекта Российской Федерации, в региональный реестр которого внесены сведения об адвокате, на основании Заключения Квалификационной комиссии при неисполнении или ненадлежащем исполнении адвокатом решений органов адвокатской палаты, принятых в пределах их компетенции (подпункт 3 пункта 2 статьи 17 Федерального закона “Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации”)» (п. 10).

Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, признает доказанным, что адвокатом К. с 30 апреля 2019 г. по настоящее время без уважительных причин, в нарушение установленной в подп. 5 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» обязанности, не произведена уплата обязательных отчислений на общие нужды Адвокатской палаты города Москвы в размере и порядке, которые определены Решениями Совета Адвокатской палаты города Москвы от 29 октября 2018 г. № 135 «Об уплате обязательных отчислений адвокатами, состоящими в реестре адвокатов города Москвы», от 29 октября 2018 г. № 135 «Об уплате обязательных отчислений адвокатами, состоящими в реестре адвокатов города Москвы» (с изменениями и дополнениями, внесенными Решением Совета Адвокатской палаты города Москвы от 28 мая 2019 г. № 79), Семнадцатой ежегодной конференции адвокатов города Москвы от 8 февраля 2019 г., а именно:

им не уплачены ежемесячные обязательные отчисления на общие нужды Адвокатской палаты города Москвы с учетом отчислений в Федеральную палату адвокатов Российской Федерации в период с 1 июня по 30 сентября 2019 г., а также обязательные отчисления за первый месяц членства в Адвокатской палате города Москвы (30 апреля – 31 мая 2019 г.) на общие нужды Палаты с учетом отчислений в Федеральную палату адвокатов Российской Федерации, в пятикратном размере действующей на момент внесения обязательных отчислений величины прожиточного минимума в городе Москве, установленного Правительством города Москвы для трудоспособного населения.

Неуплата адвокатом К. ежемесячных обязательных отчислений на общие нужды Адвокатской палаты города Москвы с 1 июня по 30 сентября 2019 г., а также неуплата адвокатом К. обязательных отчислений за первый месяц членства в Адвокатской палате города Москвы (30 апреля – 31 мая 2019 г.) на общие нужды Палаты, с учетом отчислений в Федеральную палату адвокатов Российской Федерации в пятикратном размере, действующем на момент внесения обязательных отчислений величины прожиточного минимума в городе Москве, установленного Правительством города Москвы для трудоспособного населения, подтверждается имеющимися в материалах дисциплинарного производства письменными доказательствами и не отрицается самим адвокатом К., объясняющим свое бездействие тем, что он не имеет дохода, чтобы погасить образовавшуюся задолженность. При этом Совет отмечает, что такое объяснение не может служить основанием для освобождения адвоката от исполнения обязанности, возложенной на него законом и решениями органов адвокатского

самоуправления, принятыми в пределах их компетенции.

Задолженность адвоката К. по обязательным отчислениям на общие нужды Адвокатской палаты города Москвы с учетом отчислений в Федеральную палату адвокатов Российской Федерации составляет (сумму № 2) рублей, и она до настоящего времени не погашена.

Совет полностью разделяет вывод Квалификационной комиссии о том, что адвокат К. умышленно не исполнил обязанность по уплате обязательных отчислений на общие нужды Адвокатской палаты города Москвы в период с 30 апреля по 30 сентября 2019 г., поскольку из имеющихся в материалах дисциплинарного производства доказательств усматривается, что адвокат К. осведомлен о наличии у него обязанности по уплате обязательных отчислений и о размере этих отчислений, осознает противоправность своего поведения. Кроме того, соответствующие решения органов адвокатского самоуправления города Москвы доведены до всеобщего сведения путем опубликования на официальном интернет-сайте Адвокатской палаты города Москвы и в «Вестнике Адвокатской палаты города Москвы».

Доводы письменных объяснений и возражений адвоката К. не имеют значения для оценки его бездействия, поскольку они не опровергают факта неисполнения им предусмотренной п. 2 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» обязанности своевременно и надлежащим образом исполнять решения органов адвокатской палаты субъекта Российской Федерации, Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации, принятые в пределах их компетенции.

При таких обстоятельствах Совет признает презумпцию добросовестно-

сти адвоката К. опровергнутой, а его умышленную вину в совершении дисциплинарного нарушения доказанной.

Согласно п. 1 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката нарушение адвокатом требований законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и Кодекса профессиональной этики адвоката, совершенное умышленно или по грубой неосторожности, влечет применение мер дисциплинарной ответственности, предусмотренных Федеральным законом «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и Кодексом профессиональной этики адвоката.

Определяя в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности адвоката К. за совершенное им дисциплинарное нарушение, Совет принимает во внимание его умышленный, грубый и длящийся характер, свидетельствующий об утрате адвокатом К. связи с профессиональным сообществом. Учитывая совокупность указанных обстоятельств, Совет приходит к выводу о несовместимости подобного отношения адвоката К. к своим профессиональным обязанностям с принадлежностью к адвокатскому сообществу и, следовательно, о необходимости применения к нему меры дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса адвоката. Совет считает, что более мягкая

мера дисциплинарной ответственности не только не отвечала бы требованию справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренному п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката, но и давала бы основание полагать, что адвокатское сообщество считает допустимым подобное недобросовестное профессиональное поведение адвоката.

В соответствии с требованиями п. 1.1 ст. 25, п. 7 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката Совет считает необходимым установить в отношении К. срок, по истечении которого указанное лицо допускается к сдаче квалификационного экзамена на повторное приобретение статуса адвоката, продолжительностью в 1 (один) год как в наибольшей степени соответствующий характеру и тяжести дисциплинарного проступка и иным обстоятельствам дела.

На основании изложенного... Совет Адвокатской палаты города Москвы решил:

за неисполнение адвокатом решений органов Адвокатской палаты города Москвы, принятых в пределах их компетенции, применить к адвокату К. меру дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса адвоката. Установить в отношении К. срок, по истечении которого он допускается к сдаче квалификационного экзамена на повторное приобретение статуса адвоката, продолжительностью в 1 (один) год.

РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ
ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ЗАКОН

**«О внесении изменений в Федеральный закон
“Об адвокатской деятельности
и адвокатуре в Российской Федерации”»***

Принят Государственной Думой

20 ноября 2019 года

Одобен Советом Федерации

25 ноября 2019 года

Статья 1

Внести в Федеральный закон от 31 мая 2002 года № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (Собрание законодательства Российской Федерации, 2002, № 23, ст. 2102; 2003, № 44, ст. 4262; 2004, № 35, ст. 3607; № 52, ст. 5267; 2007, № 31, ст. 4011; 2011, № 29, ст. 4291; № 48, ст. 6727; 2015, № 29, ст. 4394; 2016, № 23, ст. 3284; 2017, № 31, ст. 4818) следующие изменения:

1) пункт 2 статьи 11 дополнить абзацами следующего содержания:

«Тестирование проводится с использованием единой автоматизированной информационной системы, обеспечивающей автоматизированную анонимную проверку результатов тестирования.

Требования к единой автоматизированной информационной системе тестирования устанавливаются советом Федеральной палаты адвокатов.»;

2) абзац второй пункта 3 статьи 15 изложить в следующей редакции:

«Лицо, статус адвоката которого прекращен, и адвокат, статус которого приостановлен, после принятия соответствующего решения советом адвокатской палаты обязаны сдать свои удостоверения в территориальный орган юстиции, который выдал данные удостоверения.»;

* Источник публикации: Российская газета – Федеральный выпуск № 273(8031) <https://rg.ru/gazeta/rg/2019/12/04.html>

3) в статье 16:

а) в пункте 1:

подпункт 1 изложить в следующей редакции:

«1) избрание (назначение) адвоката на должность в орган государственной власти или орган местного самоуправления;»;

дополнить подпунктом 5 следующего содержания:

«5) подача адвокатом заявления о приостановлении статуса адвоката по личным обстоятельствам в совет адвокатской палаты.»;

б) пункт 3 дополнить абзацем следующего содержания:

«На адвоката, статус которого приостановлен, распространяется действие кодекса профессиональной этики адвоката.»;

в) пункт 5 дополнить абзацем следующего содержания:

«Статус адвоката, приостановленный по основанию, предусмотренному подпунктом 5 пункта 1 настоящей статьи, возобновляется по решению совета на основании личного заявления адвоката не ранее чем через один год и не позднее чем через десять лет после принятия указанным советом решения о приостановлении статуса адвоката.»;

4) в статье 17:

а) абзац первый пункта 2 после слов «сведения об адвокате,» дополнить словами «за исключением случаев, предусмотренных пунктом 7¹ статьи 37 настоящего Федерального закона,»;

б) пункт 3 дополнить абзацем следующего содержания:

«Лицо, статус адвоката которого прекращен по основаниям, предусмотренным подпунктом 4 пункта 1 и подпунктами 1, 2 и 2¹ пункта 2 настоящей статьи, не вправе быть представителем в суде, за исключением случаев участия его в процессе в качестве законного представителя.»;

в) пункт 5 дополнить словами «или в Федеральную палату адвокатов в порядке, установленном статьей 37² настоящего Федерального закона»;

г) дополнить пунктом 8 следующего содержания:

«8. В случае отмены советом адвокатской палаты субъекта Российской Федерации или советом Федеральной палаты адвокатов ранее принятого решения о прекращении статуса адвоката территориальный орган юстиции вносит сведения о восстановлении статуса адвоката в региональный реестр.»;

5) в пункте 1 статьи 21 слово «пяти» заменить словом «трех»;

6) в статье 22:

а) в пункте 1 слово «пяти» заменить словом «трех»;

б) в пункте 2 слова «, и заключаемого ими учредительного договора» исключить;

в) пункт 4 изложить в следующей редакции:

«4. Учредители коллегии адвокатов заключают между собой договор об учреждении коллегии адвокатов, определяющий порядок совместной деятельности по ее учреждению и условия передачи ими коллегии адвокатов своего имущества.»;

г) в пункте 5:

дополнить подпунктом 3¹ следующего содержания:

«3¹) порядок и условия приема в коллегию адвокатов новых членов и выхода учредителей (членов) из ее состава;»;

подпункт 7 дополнить словами «, а также порядок распределения имущества, оставшегося после ее ликвидации»;

д) в пункте 6 слова «учредительного договора и» исключить;

е) в пункте 7 третье предложение исключить;

ж) в пункте 18 слова «для некоммерческих партнерств Федеральным законом “О некоммерческих организациях”» заменить словами «для ассоциаций (союзов)»;

7) в статье 23:

а) дополнить пунктом 2¹ следующего содержания:

«2¹. Уставом адвокатского бюро может быть предусмотрено образование постоянно действующего коллегиального органа бюро, контролирующего деятельность исполнительных органов бюро и выполняющего иные функции, возложенные на него уставом.»;

б) пункты 3 и 4 изложить в следующей редакции:

«3. Адвокаты до учреждения адвокатского бюро заключают между собой партнерский договор, определяющий порядок и условия соединения усилий для оказания юридической помощи от имени всех партнеров. Все адвокаты, заключившие партнерский договор и присоединившиеся к нему впоследствии, являются участниками адвокатского бюро (партнерами).

Партнерский договор не представляется для государственной регистрации адвокатского бюро.

4. В партнерском договоре указываются:

1) срок действия партнерского договора;

2) порядок принятия партнерами решений;

3) компетенция и порядок принятия решений общего собрания партнеров как высшего органа адвокатского бюро. При этом партнерским договором может быть определено равное либо различное количество голосов, принадлежащих каждому из партнеров при принятии решений общим собранием партнеров;

4) порядок формирования, состав, компетенция и порядок принятия решений иных органов адвокатского бюро;

5) порядок избрания управляющего партнера и его компетенция;

б) порядок приема в состав партнеров, приостановления участия в адвокатском бюро и исключения из числа партнеров;

7) порядок распределения вознаграждения, полученного партнерами в связи с оказанием ими юридической помощи, размер которого может быть установлен в твердой сумме либо определен в соответствии с условиями, предусмотренными партнерским договором;

8) иные условия.»;

в) в пункте 5 третье предложение изложить в следующей редакции: «В доверенностях указываются все ограничения компетенции партнера в отношении заключения соглашений с доверителями и иных сделок с третьими лицами.»;

г) пункт 6 дополнить подпунктами 4–7 следующего содержания:

«4) отказ одного из партнеров от дальнейшего участия в партнерском договоре, если партнерским договором не предусмотрено сохранение договора в отношениях между остальными партнерами;

5) смерть одного из партнеров, если партнерским договором не предусмотрено сохранение договора в отношениях между остальными партнерами;

6) объявление одного из партнеров недееспособным, ограниченно дееспособным или безвестно отсутствующим, если партнерским договором не предусмотрено сохранение договора в отношениях между остальными партнерами;

7) признание одного из партнеров несостоятельным (банкротом), если партнерским договором не предусмотрено сохранение договора в отношениях между остальными партнерами.»;

8) статью 25 дополнить пунктом 4¹ следующего содержания:

«4¹. В соответствии с правилами, установленными советом Федеральной палаты адвокатов, в соглашение об оказании юридической помощи может включаться условие, согласно которому размер выплаты доверителем вознаграждения ставится в зависимость от результата оказания адвокатом юридической помощи, за исключением юридической помощи по уголовному делу и по делу об административном правонарушении.»;

9) пункт 4 статьи 28 изложить в следующей редакции:

«4. Стажер адвоката для прохождения стажировки заключает срочный трудовой договор с адвокатским образованием, а в случае, если адвокат осуществляет свою деятельность в адвокатском кабинете, – с адвокатом.»;

10) статью 29 дополнить пунктом 11 следующего содержания:

«11. Адвокатская палата для обеспечения доступа адвокатов к информации о своей деятельности обязана в порядке, определяемом советом Федеральной палаты адвокатов, вести сайт в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» и размещать на нем информацию:

1) о годовой финансовой отчетности адвокатской палаты;

2) о решениях, принятых советом адвокатской палаты;

3) о сделках адвокатской палаты, в совершении которых имеется заинтересованность членов совета адвокатской палаты.»;

11) в статье 31:

а) в пункте 2:

абзац первый дополнить предложением следующего содержания: «Одно и то же лицо не может одновременно быть членом совета и членом квалификационной комиссии.»;

дополнить абзацем следующего содержания:

«Адвокаты, участвующие в собрании (делегаты конференции), вправе вносить дополнительно из своего числа кандидатуры для замещения вакантных должностей членов совета адвокатской палаты. В этом случае собрание (конференция) в порядке, определенном советом, проводит рейтинговое голосование по всем представленным в соответствии с настоящим пунктом кандидатурам адвокатов для замещения вакантных должностей членов совета адвокатской палаты.»;

б) в пункте 3:

подпункт 1 изложить в следующей редакции:

«1) избирает из своего состава президента адвокатской палаты, за исключением случая, предусмотренного пунктом 6¹ настоящей статьи, сроком на четыре года и по его представлению одного или нескольких вице-президентов сроком на два года, определяет полномочия президента и вице-президентов, а также по представлению президента прекращает полномочия вице-президентов досрочно.

Лицо, занимавшее должность президента адвокатской палаты в течение двух сроков, вновь может занять указанную должность исключительно путем избрания его на должность президента адвокатской палаты на собрании (конференции) адвокатов в порядке, установленном пунктом 6¹ настоящей статьи.»;

в подпункте 8 слова «с порядком и единой методикой, утвержденными» заменить словами «с порядком, утвержденным»;

в) в пункте 4¹ слова «вопроса о досрочном прекращении полномочий совета адвокатской палаты» заменить словами «вопросов о досрочном прекращении полномочий совета адвокатской палаты и об избрании нового состава совета адвокатской палаты»;

г) в пункте 4² слова «вопроса о досрочном прекращении полномочий совета адвокатской палаты» заменить словами «вопросов о досрочном прекращении полномочий совета адвокатской палаты и об избрании нового состава совета адвокатской палаты»;

д) дополнить пунктом 6¹ следующего содержания:

«6¹. Избрание президента адвокатской палаты осуществляется собранием (конференцией) адвокатов, если на указанную должность советом адвокатской палаты выдвигается член совета адвокатской палаты, занимавший должность президента адвокатской палаты в течение не менее двух сроков. Указанное собрание (конференция) адвокатов созывается советом ад-

вокатской палаты не позднее чем через три месяца со дня истечения срока полномочий президента адвокатской палаты, который исполняет свои обязанности до избрания президента адвокатской палаты.

Адвокаты, участвующие в собрании (делегаты конференции), вправе выдвигать на должность президента адвокатской палаты иных членов совета.

Президент адвокатской палаты избирается из числа членов совета, выдвинутых на указанную должность в соответствии с настоящим пунктом, тайным голосованием сроком на четыре года. Избранным президентом адвокатской палаты является член совета, за кандидатуру которого проголосовали простое большинство адвокатов, участвующих в собрании (делегатов конференции).

В случае, если указанное большинство адвокатов (делегатов конференции), участвующих в собрании (конференции), не проголосовали ни за одну из кандидатур членов совета, выдвигавшихся на должность президента адвокатской палаты, избрание президента адвокатской палаты осуществляется в тот же день в порядке, установленном подпунктом 1 пункта 3 настоящей статьи, из числа членов совета, не выдвигавшихся на должность президента адвокатской палаты на собрании (конференции) адвокатов.»;

12) в статье 33:

а) подпункт 1 пункта 2 изложить в следующей редакции:

«1) от адвокатской палаты – семь адвокатов. При этом адвокат – член комиссии должен иметь стаж адвокатской деятельности не менее пяти лет и не может быть одновременно членом совета адвокатской палаты;»;

б) пункт 3 изложить в следующей редакции:

«3. Председатель квалификационной комиссии избирается простым большинством голосов членов квалификационной комиссии, участвующих в ее заседании, из числа лиц, указанных в подпункте 1 пункта 2 настоящей статьи.»;

13) статью 35 дополнить пунктом 8 следующего содержания:

«8. Федеральная палата адвокатов для обеспечения доступа адвокатских палат и адвокатов к информации о своей деятельности обязана в порядке, определяемом Всероссийским съездом адвокатов, вести сайт в информационно-телекоммуникационной сети “Интернет” и размещать на нем информацию:

1) о годовой финансовой отчетности Федеральной палаты адвокатов;

2) о решениях, принятых советом Федеральной палаты адвокатов;

3) о сделках Федеральной палаты адвокатов, в совершении которых имеется заинтересованность членов совета Федеральной палаты адвокатов.»;

14) в подпункте 2¹ пункта 2 статьи 36 слово «деятельности» заменить словом «профессии»;

15) в статье 37:

а) в пункте 2:

в абзаце первом цифры «30» заменить цифрами «33»;

дополнить абзацем следующего содержания:

«Представители адвокатских палат субъектов Российской Федерации, участвующие в работе Съезда, вправе вносить дополнительно кандидатуры из своего числа для замещения вакантных должностей членов совета Федеральной палаты адвокатов. В этом случае Съезд в порядке, определенном советом Федеральной палаты адвокатов, проводит рейтинговое голосование по всем представленным в соответствии с настоящим пунктом кандидатурам для замещения вакантных должностей членов совета Федеральной палаты адвокатов.»;

б) в пункте 3:

подпункт 1 изложить в следующей редакции:

«1) избирает из своего состава президента Федеральной палаты адвокатов, за исключением случая, предусмотренного пунктом 6¹ настоящей статьи, сроком на четыре года и по его представлению одного или нескольких вице-президентов Федеральной палаты адвокатов сроком на два года, определяет полномочия президента и вице-президентов, а также по представлению президента прекращает полномочия вице-президентов досрочно. Лицо, занимавшее должность президента Федеральной палаты адвокатов в течение двух сроков, вновь может занять указанную должность исключительно путем избрания его президентом на Всероссийском съезде адвокатов в порядке, установленном пунктом 6¹ настоящей статьи;»;

подпункт 3¹ изложить в следующей редакции:

«3¹) определяет порядок оказания юридической помощи адвокатами, участвующими в качестве защитников в уголовном судопроизводстве по назначению органов дознания, органов предварительного следствия или суда, который должен обеспечивать доступ адвокатов к участию в оказании такой помощи независимо от избранной ими формы адвокатского образования и принадлежности к конкретному адвокатскому образованию и предусматривать использование автоматизированной информационной системы, исключающей влияние любых заинтересованных лиц на распределение поручений между адвокатами, а также поручает советам адвокатских палат организацию исполнения указанного порядка;»;

подпункт 4 дополнить словами «, а также обеспечивает соблюдение адвокатскими палатами настоящего Федерального закона, кодекса профессиональной этики адвоката и исполнение адвокатскими палатами решений Федеральной палаты адвокатов и ее органов»;

подпункт 5 изложить в следующей редакции:

«5) разрабатывает и утверждает единые методики соблюдения стандартов оказания квалифицированной юридической помощи и других стандартов адвокатской профессии;»;

дополнить подпунктами 5¹ и 5² следующего содержания: «5¹) утверждает порядок работы помощника адвоката;

5²) утверждает порядок прохождения стажировки;»;

в) дополнить пунктом 6¹ следующего содержания:

«6¹. Избрание президента Федеральной палаты адвокатов осуществляется Всероссийским съездом адвокатов, если на указанную должность советом Федеральной палаты адво-

катов выдвигается член совета Федеральной палаты адвокатов, занимавший должность президента Федеральной палаты адвокатов в течение не менее двух сроков. Съезд созывается советом Федеральной палаты адвокатов не позднее чем через шесть месяцев со дня истечения срока полномочий президента Федеральной палаты адвокатов, который исполняет свои обязанности до избрания президента Федеральной палаты адвокатов.

Представители адвокатских палат, участвующие в работе Съезда, вправе выдвигать на должность президента Федеральной палаты адвокатов иных членов совета Федеральной палаты адвокатов.

Президент Федеральной палаты адвокатов избирается из числа членов совета Федеральной палаты адвокатов, выдвинутых на указанную должность в соответствии с настоящим пунктом, тайным голосованием сроком на четыре года. Избранным президентом Федеральной палаты адвокатов является член совета Федеральной палаты адвокатов, за кандидатуру которого проголосовали простое большинство представителей адвокатских палат, участвующих в работе Съезда.

В случае, если большинство представителей адвокатских палат, участвующих в работе Съезда, не проголосовали ни за одну из кандидатур членов совета Федеральной палаты адвокатов, выдвигавшихся на должность президента Федеральной палаты адвокатов, избрание президента Федеральной палаты адвокатов осуществляется в тот же день в порядке, установленном подпунктом 1 пункта 3 настоящей статьи, из числа членов совета Федеральной палаты адвокатов, не выдвигавшихся на должность президента Федеральной палаты адвокатов на Съезде.»;

г) пункт 7 дополнить словами «, реализует права и обязанности представителя Федеральной палаты адвокатов на Всероссийском съезде адвокатов по должности»;

д) пункт 7¹ дополнить словами «, а если дисциплинарное дело возбуждено в отношении адвоката, занимающего выборную должность в органах адвокатской палаты субъекта Российской Федерации, то передает указанное дело на рассмотрение комиссии по этике и стандартам и совета Федеральной палаты адвокатов в качестве квалификационной комиссии и совета соответственно»;

16) в статье 37¹:

а) в пункте 1 слово «деятельности» заменить словом «профессии»;

б) в подпункте 1 пункта 5 слово «деятельности» заменить словом «профессии»;

17) дополнить статьей 37² следующего содержания:

«Статья 37². Рассмотрение дисциплинарного дела в Федеральной палате адвокатов

1. Решение совета адвокатской палаты о прекращении статуса адвоката может быть обжаловано в Федеральную палату адвокатов лицом, статус адвоката которого был прекращен, в течение месяца со дня, когда это лицо узнало или должно было узнать о принятом решении.

2. Комиссия по этике и стандартам в течение месяца со дня поступления жалобы в Федеральную палату адвокатов принимает жалобу к рассмотрению или мотивированно отказывает в принятии ее к рассмотрению. Комиссия по этике и стандартам вправе истребовать дисциплинарное дело из адвокатской палаты субъекта Российской Федерации, совет кото-

рой обязан обеспечить получение комиссией по этике и стандартам дисциплинарного дела в течение семи календарных дней со дня истребования.

3. Комиссия по этике и стандартам обязана в течение месяца со дня принятия жалобы к рассмотрению или поступления обращения президента Федеральной палаты адвокатов о пересмотре решения совета адвокатской палаты о прекращении статуса адвоката либо об отказе в прекращении статуса адвоката рассмотреть дисциплинарное дело и направить заключение и дисциплинарное дело в совет Федеральной палаты адвокатов, который обязан рассмотреть их в течение месяца.

4. По результатам рассмотрения дисциплинарного дела совет Федеральной палаты адвокатов вправе:

- 1) оставить решение по дисциплинарному делу без изменения;
- 2) изменить решение по дисциплинарному делу;
- 3) отменить решение по дисциплинарному делу и принять новое решение.

5. При рассмотрении дисциплинарного дела в Федеральной палате адвокатов течение сроков применения к адвокату мер дисциплинарной ответственности начинается заново со дня поступления в Федеральную палату адвокатов дисциплинарного дела.».

Статья 2

1. Настоящий Федеральный закон вступает в силу с 1 марта 2020 года, за исключением положений, для которых настоящей статьёй установлены иные сроки вступления их в силу.

2. Пункт 1 статьи 1 настоящего Федерального закона вступает в силу с 1 марта 2022 года.

3. Подпункт «б» пункта 4 и абзацы четвертый и пятый подпункта «б» пункта 15 статьи 1 настоящего Федерального закона вступают в силу с 1 марта 2021 года.

4. Со дня вступления в силу настоящего Федерального закона учредительные договоры коллегий адвокатов и адвокатских бюро, созданных до дня вступления в силу настоящего Федерального закона, признаются неотъемлемой частью их уставов.

Президент Российской Федерации

В. Путин

Москва, Кремль
2 декабря 2019 года
№ 400-ФЗ

РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ЗАКОН

«О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации»*

Принят Государственной Думой

13 декабря 2019 года

Одобен Советом Федерации

23 декабря 2019 года

Внести в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (Собрание законодательства Российской Федерации, 2001, № 52, ст. 4921; 2002, № 22, ст. 2027; 2010, № 27, ст. 3427; 2011, № 1, ст. 16; № 50, ст. 7349; 2013, № 9, ст. 875; 2014, № 30, ст. 4219; № 43, ст. 5792; 2017, № 17, ст. 2455; 2018, № 45, ст. 6831; № 53, ст. 8456, 8459) следующие изменения:

1) часть вторую статьи 75 дополнить пунктами 22 и 23 следующего содержания:

«2²) полученные в ходе оперативно-розыскных мероприятий или следственных действий сведения о факте представления подозреваемым, обвиняемым специальной декларации в соответствии с Федеральным законом “О добровольном декларировании физическими лицами активов и счетов (вкладов) в банках и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации” и (или) указанная декларация и сведения, содержащиеся в указанной декларации и документах и (или) сведениях, прилагаемых к указанной декларации, за исключением случаев представления декларантом копий указанных декларации и документов и (или) сведений для приобщения к уголовному делу;

2³) полученные в ходе оперативно-розыскных мероприятий или следственных действий сведения о факте указания подозреваемого, обвиняемого в специальной декларации, представленной иным лицом в соответствии с Федеральным законом “О добровольном декларировании физическими лицами активов и счетов (вкладов) в банках и о внесении изменений

* Источник публикации: Российская газета - Федеральный выпуск № 296(8054) <https://rg.ru/gazeta/rg/2019/12/04.html>

в отдельные законодательные акты Российской Федерации”, и (или) сведения о подозреваемом, обвиняемом, содержащиеся в указанной декларации и документах и (или) сведениях, прилагаемых к указанной декларации, за исключением случаев представления декларантом копий указанных декларации и документов и (или) сведений для приобщения к уголовному делу;»;

2) статью 140 дополнить частью третьей следующего содержания:

«3. Не могут служить поводом для возбуждения уголовного дела факт представления специальной декларации в соответствии с Федеральным законом “О добровольном декларировании физическими лицами активов и счетов (вкладов) в банках и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации”, а также сведения, содержащиеся в указанной декларации и документах и (или) сведениях, прилагаемых к указанной декларации.»;

3) часть четвертую¹ статьи 164 дополнить предложением следующего содержания: «При производстве следственных действий также не допускается изъятие специальной декларации, поданной в соответствии с Федеральным законом “О добровольном декларировании физическими лицами активов и счетов (вкладов) в банках и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации”, и (или) документов и сведений, прилагаемых к указанной декларации.».

Президент Российской Федерации

В. Путин

Москва, Кремль
27 декабря 2019 года
№ 498-ФЗ

Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации

1. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.12.2019 № 59 «О внесении изменений в постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2013 года № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» и от 16 октября 2009 года № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий»»

Источник публикации: Российская газета. № 296, 31.12.2019.

2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.12.2019 № 58 «О судебной практике по делам о похищении человека, незаконном лишении свободы и торговле людьми»

Источник публикации: Российская газета. № 296, 31.12.2019.

3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.12.2019 № 53 «О выполнении судами Российской Федерации функций содействия и контроля в отношении третейского разбирательства, международного коммерческого арбитража»

Источник публикации: Российская газета. № 291, 25.12.2019.

4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.11.2019 № 48 «О практике применения судами законодательства об ответственности за налоговые преступления»

Источник публикации: Российская газета. № 276, 06.12.2019; Бюллетень Верховного Суда РФ. № 1. 2020.

5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.11.2019 № 50 «О некоторых вопросах, возникающих в связи с рассмотрением судами административных дел о госпитализации гражданина в медицинскую противотуберкулезную организацию в недобровольном порядке»

Источник публикации: Российская газета. № 276. 06.12.2019; Бюллетень Верховного Суда РФ. № 1. 2020.

6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31.10.2019 № 41 «Об утверждении Регламента проведения судебного примирения»

Источник публикации: Российская газета. № 254. 12.11.2019; Бюллетень Верховного Суда РФ. № 1. 2020.

Настоящий Регламент разработан в соответствии с положениями ГПК РФ, АПК РФ и КАС РФ и определяет порядок проведения судебного примирения. Судебное примирение является примирительной процедурой с участием судебного примирителя. Использование судебного примирения осуществляется для реализации таких задач судопроизводства, как мирное урегулирование споров, содействие становлению и развитию партнерских деловых отношений, формированию обычаев и этики делового оборота (статья 2 ГПК РФ, пункт 6 статьи 2 АПК РФ, пункт 5 статьи 3 КАС РФ). Судебное примирение может проводиться на любой стадии судебного процесса и при исполнении судебного акта, если иное не предусмотрено положениями ГПК РФ, АПК РФ, КАС РФ и иных федеральных законов. Судебное примирение сторонами не оплачивается. Порядок судебного примирения определяется сторонами по согласованию с судебным примирителем с учетом положений процессуального законодательства и настоящего Регламента.

Международное право

Дело «Норберт Вингертер (Norbert Wingerter) против Германии»

(Жалоба № 43718/98)

РЕШЕНИЕ О ПРИЕМЛЕМОСТИ ЖАЛОБЫ¹

По делу «Норберт Вингертер против Германии» Европейский Суд по правам человека (далее – Европейский Суд) (Третья Секция), заседая 21 марта 2002 г. Палатой в составе:

Иренеу Кабрала Баррето, *Председателя Палаты Суда*,

Георга Ресса,

Люциуса Кафлиша,

Эгидиуса Куриса,

Рызы Тюрмена,

Боштьяна Цупанчича,

Ханне Софи Грeve, *судей*,

а также при участии Винсента Берже, *Секретаря Секции Суда*,

принимая во внимание вышеуказанную жалобу, поданную в Европейскую комиссию по правам человека 14 сентября 1998 г.,

с учетом пункта 2 статьи 5 Протокола № 11 к Конвенции, в соответствии с которым компетенция рассматривать такую жалобу была передана Европейскому Суду,

принимая во внимание меморандум, представленный в Европейский Суд властями Германии, и ответные замечания, представленные заявителем,

проведя заседание, вынес следующее Решение:

ФАКТЫ

Заявитель Норберт Вингертер является гражданином Федеративной Республики Германия, родившимся в 1938 году и проживающим в г. Хайльбронне (*Heilbronn*). Власти государства-ответчика были представлены Уполномоченным Федеративной Республики Германия при Европейском Суде Клаусом Столтенбергом (*Klaus Stoltenberg*), министериальдиригентом (*Ministerialdirigent*).

А. Обстоятельства дела

Факты дела, как они были представлены сторонами, могут быть изложены следующим образом.

27 сентября 1996 г. Штутгартский окружной дисциплинарный суд по делам адвокатов (*Anwaltsgericht*) (далее – дисциплинарный суд) вынес выговор (*Warnung*) заявителю за нарушение профессиональных обязанностей адвоката (*anwaltliche Pflichtverletzung*).

В своей мотивировке решения дисциплинарный суд отметил, что в 1994 году заявитель оказывал юридическую помощь К., иностранцу, который в г. Мангейм (*Mannheim*) был обвинен по уголовному делу в соучастии в подделке документов, и что в результате судебного разбирательства этого дела был вынесен оправдательный приговор ввиду неподсудности дела судам Германии. В октябре 1994 года заявитель обжаловал размер адвокатских издержек (*Kostenfestsetzungsbeschluss*) в том, что касается определения его гонораров, которые должны возмещаться казначейством. В своей жалобе заявитель, возражая против отказа возместить его транспортные расходы из г. Хайльбронн в г. Мангейм, утверждал, что участие адвоката в деле за пределами г. Мангейм было необходимым. По его словам,

¹ Документ предоставлен ООО «Развитие правовых систем» // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2019. № 5. Перевод с английского языка В.А. Власихина.

«судебная власть г. Мангейм не смогла справиться с трудностями этого дела. С самого начала было очевидно, что обвиняемый должен был быть оправдан. Тем не менее прокурор обратился в суд с ходатайством о вынесении постановления о наказании, и суд вынес его. Квалификация адвокатов г. Мангейм не превосходит квалификации судей и прокуроров... Для того, чтобы правосудие свершилось, было необходимо назначить адвоката не из г. Мангейм. Если обвиняемому помогал бы адвокат из г. Мангейм, постановление о наказании, несомненно, было подтверждено на суде».

В марте 1995 года, в ходе расследования, возбужденного против него, заявитель утверждал, что эти доводы были необходимы для обоснования его жалобы. Он добавил, что его мнение о профессиональном качестве судей, прокуроров и адвокатов г. Мангейм является правильным, поскольку любой студент-первокурсник юридического вуза знал бы, что обвинение против его клиента было необоснованным. Более того, он вспомнил о прошлом судьи и двух адвокатов из г. Мангейм при нацистском режиме. В частности, в отношении судьи W. он сослался на решения, вынесенные в 1944 году, в которых осуждались лица за критику обращения с евреями или за то, что в своей благотворительной деятельности они не проводили различия между своим собственным народом и евреями. Что касается адвоката В., то он упомянул заявление, содержащееся в докторской диссертации В., согласно которому врач, поддерживающий дружбу с евреем, нарушает честь профессии. По его словам, их заслуги при нацистском режиме способствовали их профессиональному успеху после 1945 года.

Дисциплинарный суд счел, что тем самым заявитель нарушил свои профессиональные обязанности по смыслу подпункта 3 пункта «а» статьи 43 Федеральных правил адвокатской деятельности (*Bundesrechtsanwaltsordnung*).

Дисциплинарный суд рассмотрел вышеупомянутые высказывания заявителя в свете этих принципов и пришел к выводу, что ход разбирательства уголовного дела в отношении К. не был правильным и мог бы оправдать даже резкую критику соответствующих должностных лиц. Однако общее обвинение заявителя в полной некомпетентности судебной власти г. Мангейм является необоснованным и представляет собой преднамеренное оскорбление всех членов судебной системы г. Мангейм по уголовным делам. Эти соображения в еще большей степени относились к его последующим высказываниям о том, что в г. Мангейм антисемитские и нацистские судьи сделали карьеру вследствие своей работы или своего отношения к нацистскому режиму. Подобные высказывания были тем более непропорциональными, поскольку требование о возмещении вреда составляло всего лишь 203 немецких марки.

15 марта 1997 г. Дисциплинарный апелляционный суд г. Баден-Вюртемберга (*Anwaltsgerichtshof*) после слушания отклонил жалобу заявителя и постановил, что дело не подлежит обжалованию по вопросам права.

В своем решении Дисциплинарный апелляционный суд отметил, что заявитель имел право утверждать, что его помощь в уголовном деле была необходима и что его квалификация была выше квалификации адвокатов г. Мангейм.

Кроме того, утверждение о том, что «качество адвокатов г. Мангейм не превосходит качества судей и прокуроров», могло быть понято как относящееся только к тем судьям и прокурорам, которые непосредственно участвовали в уголовном деле в отношении К. Однако контекст, в котором заявитель допустил свои высказывания, показывает, что это утверждение было направлено на то, чтобы охарактеризовать всех судей, прокуроров и адвокатов г. Мангейм как неспособных признать или исправить очевидные юридические ошибки. Эта оценка была подтверждена в дальнейших доводах заявителя от марта 1995 года.

Согласно мнению Дисциплинарного апелляционного суда огульное утверждение о том, что судьи, прокуроры и адвокаты г. Мангейм были некомпетентны в юридических вопросах, является уничижительным и необоснованным. У заявителя не было ни мотивов, ни оснований для того, чтобы порочить юридические знания всех судей, прокуроров и адвокатов г. Мангейм. Даже очевидные юридические ошибки, допущенные в уголовном деле в отношении К., не могли оправдать уничижения целых профессиональных групп. Оскорбительные замечания, допущенные заявителем, не были необходимы для обоснования необходимости обращения к адвокату, не являющемуся местным адвокатом.

Доводы заявителя от марта 1995 года, по мнению Дисциплинарного апелляционного суда, не являлись дальнейшим нарушением профессиональных обязанностей. Скорее, заявитель действовал в целях защиты своих интересов в ходе дисциплинарного разбирательства против него. Кроме того, в той мере, в какой он ссылаясь на нацистское прошлое некоторых адвокатов г. Мангейм и судьи, он, по мнению Апелляционного суда, не допустил общего заявления.

26 января 1998 г. сенат по делам адвокатов (*Senat für Anwaltssachen*) Верховного федерального суда Германии отклонил ходатайство заявителя о разрешении на обжалование по вопросам права.

11 марта 1998 г. Федеральный конституционный суд Германии отказался рассматривать конституционную жалобу заявителя.

В. Соответствующее законодательство Германии

Согласно статье 43 Федеральных правил адвокатской деятельности адвокат должен добросовестно заниматься своей профессией и независимо от того, занимается ли он своей профессией или нет, должен доказать, что он достоин уважения и доверия, которых требует его статус.

В качестве одной из основных обязанностей подпункт 3 пункта «а» статьи 43 Федеральных правил адвокатской деятельности предусматривает, что в своей профессиональной деятельности адвокат должен соблюдать обязанность объективности (*Sachlichkeit*). Такая деятельность лишена объективности, если она связана с преднамеренным распространением ложных или иным образом унижительных заявлений, которые не находят оснований в поведении других лиц, участвующих в деле или в ходе разбирательства дела.

Пункт 1 статьи 113 Федеральных правил адвокатской деятельности предусматривает принятие дисциплинарных мер в отношении адвоката, который несет ответственность за нарушение обязанностей, определенных Федеральными правилами адвокатской деятельности или правилами профессионального поведения адвоката (*Berufsordnung*).

Согласно пункту 1 статьи 114 Федеральных правил адвокатской деятельности к возможным дисциплинарным мерам относятся (1) предупреждение, (2) выговор, (3) штраф, не превышающий 50 000 немецких марок, (4) временный запрет на практику в качестве адвоката в некоторых сферах права или (5) постоянное исключение из адвокатуры. Дисциплинарные взыскания в виде выговора и штрафа могут быть наложены одновременно (пункт 2 статьи 114).

ЖАЛОБА

Ссылаясь на статью 10 Конвенции, заявитель жаловался на то, что его дисциплинарное наказание было равносильно нарушению его права на свободу выражения мнения.

ПРАВО

Заявитель жаловался на то, что дисциплинарная мера в виде «выговора» являлась нарушением его права на свободу выражения мнения в соответствии со статьей 10 Конвенции. Это положение Конвенции гласит следующее:

«1. Каждый имеет право свободно выражать свое мнение. Это право включает свободу придерживаться своего мнения и свободу получать и распространять информацию и идеи без какого-либо вмешательства со стороны публичных властей и независимо от государственных границ. Настоящая статья не препятствует государствам осуществлять лицензирование радиовещательных, телевизионных или кинематографических предприятий.

2. Осуществление этих свобод, налагающее обязанности и ответственность, может быть сопряжено с определенными формальностями, условиями, ограничениями или санкциями, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности, территориальной целостности или общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья и нравственности, репутации или прав других лиц, предотвращения разглашения информации, полученной конфиденциально, или обеспечения авторитета и беспристрастности правосудия».

Европейский Суд полагает, и это не оспаривалось властями государства-ответчика, что рассматриваемая мера представляла собой акт «вмешательства со стороны публичных властей» в осуществление права заявителя на свободу выражения мнения, гарантированного пунктом 1 статьи 10 Конвенции. Следовательно, необходимо проанализировать вопрос о том, является ли это вмешательство оправданным согласно второму пункту данного положения Конвенции.

Это вмешательство было «предусмотрено законом», а именно подпунктом 3 пункта «а» статьи 43 и статьями 113 и 114 Федеральных правил адвокатской деятельности, и преследовало правомерную цель защиты «репутации или прав других лиц» и «авторитета правосудия».

Спор в настоящем деле затрагивал вопрос о том, было ли это вмешательство «необходимо в демократическом обществе». Власти Германии указывали, что наказание соответствовало настоятельной общественной необходимости защитить добрую репутацию судебных органов и судей. По мнению властей Германии, настоящее дело не касалось подавления публичной критики судебной власти. Скорее, дисциплинарные суды Германии наказали заявителя за преднамеренное унижение работников судебных органов в г. Мангейм, которое входило за рамки законной критики. Хотя производство по уголовному делу в отношении клиента заявителя не было проведено надлежащим образом прокурором и судьей, и даже если ими, как утверждал заявитель, были допущены непостижимые юридические ошибки, у заявителя не было повода, чтобы высказываться, как он это сделал в пренебрежительных выражениях в отношении судей г. Мангейм, прокуроров и адвокатов в целом. Кроме того, в настоящем деле не было даже напряженной процессуальной ситуации, поскольку клиент заявителя уже был оправдан на тот момент, когда заявитель допустил свои высказывания.

По утверждению властей Германии, пренебрежительное высказывание заявителя было несовместимо с функцией адвоката как участника системы отправления правосудия. Кроме того, заявителю было вынесено самое мягкое дисциплинарное наказание. Это наказание не имело дальнейших последствий, но представлялось уместным, чтобы побудить заявителя выполнять свои юридические обязательства.

Заявитель отмечал, что оспариваемые решения содержались в апелляционных материалах в контексте производства по уголовному делу, в ходе которого судьи и прокуроры г. Мангейм действовали достойным сожаления образом. Это было необходимо для того, чтобы жалоба имела перспективу успеха. Заявитель далее утверждал, что дисциплинарные суды не должны были прибегать к его последующим аргументам в ходе дисциплинарного разбирательства в качестве средства толкования.

Согласно устоявшейся прецедентной практике Европейского Суда критерий «необходимости в демократическом обществе» требует, чтобы Европейский Суд определил, является ли она соразмерной преследуемой законной цели, и являются ли причины, приводимые властями государства-ответчика для ее обоснования, важными и достаточными (см. Постановление Европейского Суда по делу «Газета “Санди таймс” против Соединенного Королевства (№ 1)» (*Sunday Times v. United Kingdom*) (№ 1) от 26 апреля 1979 г., Series A, № 30, p. 38, § 62).

Само собой разумеется, что свобода выражения мнения обеспечивается и адвокатам, которые, безусловно, имеют право высказывать замечания по вопросам отправления правосудия, однако их критика не должна выходить за определенные пределы. В этой связи следует учитывать необходимость установления надлежащего баланса между различными заинтересованными сторонами, включая право общественности на получение информации по вопросам, вытекающим из судебных решений, и требованиями надлежащего отправления правосудия и достоинства юридической профессии. В силу своих прямых и постоянных контактов со своими членами руководители адвокатуры и суды той или иной страны находятся в лучшем положении, чем международный суд, для определения того, каким образом в данный момент может быть достигнуто правильное равновесие. В связи с этим они обладают определенной свободой усмотрения при оценке необходимости вмешательства в данной области, но такая свобода подлежит надзору со стороны Европейского Суда

как в отношении соответствующих правил, так и в отношении применяющих их решений (см. Постановление Европейского Суда по делу «Шёпфер против Швейцарии» (Schöpfer v. Switzerland) от 20 мая 1998 г., *Reports of Judgments and Decisions* 1998-III, p. 1053–1054², § 33, с дальнейшими ссылками).

Задача Европейского Суда при осуществлении своей надзорной функции заключается не в замене органов власти государства-ответчика, а в проверке в соответствии со статьей 10 Конвенции в свете дела в целом решений, принятых этими органами в соответствии с их дискреционными полномочиями (см. среди многих прочих примеров Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Фрессоз и Руар против Франции» (Fressoz and Roire v. France), жалоба № 29183/95, § 45, *ECHR* 1999-I).

В настоящем деле дисциплинарные суды по делам адвокатов Германии пришли к выводу, что одно высказывание, допущенное заявителем в письменных апелляционных представлениях в отношении размера адвокатских издержек, если читать в его контексте, и его пренебрежительного характера, следовательно, являлось нарушением профессиональной обязанности соблюдать объективность. Высказывание заявителя было сочтено означаемым, что он считал всех судей, прокуроров и адвокатов г. Мангейм некомпетентными в правовых вопросах.

Европейский Суд считает, что причины, приведенные судами Германии, имели отношение к преследуемой правомерной цели, а именно защите репутации других лиц.

Что касается достаточности этих причин для целей статьи 10 Конвенции, то Европейский Суд напоминает, что указанная статья применима не только к информации или идеям, которые положительно воспринимаются или считаются безобидными или воспринимаются с безразличием, но и к тем, которые оскорбляют, шокируют или тревожат государство или любые части населения (см. Постановление Европейского Суда по делу «Хэндисайд против Соединенного Королевства» (Handyside v. United Kingdom) от 7 декабря 1976 г., Series A, № 24, p. 23, § 49).

Принимая во внимание контекст дела, Европейский Суд отмечает, что отсутствует необходимость учитывать какой-либо аспект общественных интересов (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Газета “Санди таймс” против Соединенного Королевства (№ 1)», § 65). Заявитель помогал иностранцу в качестве защитника в уголовном деле, в результате рассмотрения которого обвиняемый был оправдан. После составления счета адвокатских расходов, который не включал возмещение транспортных расходов адвоката заявителя, заявитель подал жалобу, в которой утверждалось, что вступление в дело адвоката, не являющегося местным адвокатом, было необходимым. Дисциплинарные суды согласились с доводом заявителя о том, что упоминаемое уголовное дело было далеко не образцовым и что имели место явные юридические ошибки. Они также признали законную заинтересованность заявителя в оправдании своего вступления в дело в качестве адвоката, не являющегося местным адвокатом. Дисциплинарное взыскание было вызвано общим отсутствием квалификации у всех судей, прокуроров и адвокатов г. Мангейм.

В этой связи Европейский Суд повторяет, что особый статус адвокатов обеспечивает им центральное место в системе отправления правосудия в качестве посредников между гражданами и судами. Эта позиция объясняет обычные ограничения на поведение членов адвокатуры (см. Постановление Европейского Суда по делу «Касадо Кока против Испании» (Casado Coca v. Spain) от 24 февраля 1994 г., Series A, № 285-A, p. 21, § 54, а также упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Шёпфер против Швейцарии», § 29).

Европейский Суд далее придает значение тому факту, что допущенное заявителем высказывание являлось посягательством на репутацию трех местных профессиональных групп в целом (см., *a contrario*, Постановление Европейского Суда по делу «Торгеир Торгеирсон против Исландии» (Thorgeir Thorgeirson v. Iceland) от 25 июня 1992 г., Series A, № 239, p. 28, § 66, и Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Компания “Бла-

² См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. 2016. № 4 (примеч. переводчика).

дет Тромсё” и Стенсаас против Норвегии» (Bladet Tromsø and Stensaas v. Norway), жалоба № 21980/93, § 58, *ECHR* 1999-III, § 67, *in fine*).

Европейский Суд отмечает, что дисциплинарные суды Германии признали, что законные интересы заявителя в объяснении необходимости его участия в деле в качестве защитника и в требовании возмещения его транспортных расходов должны были быть сопоставлены с репутацией и правами других лиц. Он не может сделать вывод о том, что эти суды не смогли надлежащим образом сбалансировать различные интересы, связанные с данным делом.

В этом отношении Европейский Суд отмечает, что настоящее дело имеет сходство с делом «Майстер против Германии» (Meister v. Germany), в котором адвокат допустил оскорбительные высказывания в отношении судей и других лиц, которых он считал неправильно принявшими решение или неправильно действовавшими в контексте судебного разбирательства или в связи с ним (см. Решения Комиссии по правам человека от 18 октября 1995 г. и 10 апреля 1997 г., жалобы №№ 25197/95 и 30549/96 соответственно, не опубликованы), и дело «W.R. против Австрии» (W.R. v. Austria), в котором адвокат назвал мнение судьи «смехотворным» (Решение Комиссии по правам человека от 30 июня 1997 г., жалоба № 26602/95, не опубликовано), и дело «Малер против Германии» (Mahler v. Germany), в котором адвокат заявил на суде, что прокурор составил обвинительное заключение «в состоянии полного опьянения» (Решение Комиссии по правам человека от 14 января 1998 г., жалоба № 29045/95, не опубликовано).

С учетом того, что при таких обстоятельствах за Договаривающимися Государствами сохраняются пределы усмотрения, дисциплинарные суды имели право вмешиваться в осуществление права заявителя, гарантируемого в соответствии со статьей 10 Конвенции.

При оценке соразмерности вмешательства следует также учитывать характер и тяжесть назначенных наказаний (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Джейлан против Турции» (Ceylan v. Turkey), жалоба № 23556/94, § 49, *ECHR* 1999-IV). В этой связи Европейский Суд отмечает, что заявителю был вынесен просто выговор.

Принимая во внимание вышеизложенное, Европейский Суд полагает, что выговор, вынесенный заявителю, не был несоразмерен преследуемой правомерной цели и что причины, выдвинутые судами государства-ответчика, были достаточными и важными для оправдания данного вмешательства. Следовательно, последнее обстоятельство можно обоснованно считать необходимым в демократическом обществе для защиты репутации или прав других лиц по смыслу пункта 2 статьи 10 Конвенции. Таким образом, в настоящем деле не усматривается каких-либо признаков нарушения статьи 10 Конвенции.

Из этого следует, что настоящая жалоба является явно необоснованной и должна быть отклонена в соответствии с пунктами 3 и 4 статьи 35 Конвенции.

На основании изложенного Суд единогласно:

объявил жалобу неприемлемой для рассмотрения по существу.

Винсент БЕРЖЕ
Секретарь
Секции Суда

Иренеу КАБРАЛ БАРРЕТО
Председатель
Палаты Суда

Дело «Дамьен Месло (Damien Meslot) против Франции»³

(Жалоба № 50538/12)

РЕШЕНИЕ О ПРИЕМЛЕМОСТИ ЖАЛОБЫ

По делу «Дамьен Месло против Франции» Европейский Суд по правам человека (далее – Европейский Суд) (Пятая Секция), заседая 9 января 2018 г. Палатой в составе: Ангелики Нуссбергер, *Председателя Палаты Суда*, Эрика Мёсе, Андре Потоцкого, Йонко Грозева, Шиофры О’Лири, Габриэль Кучко-Штадлмейер, Латифа Гусейнова, *судей*, а также при участии Милана Блашко, *заместителя Секретаря Секции Суда*, принимая во внимание вышеуказанную жалобу, поданную 25 июля 2012 г., принимая во внимание меморандум, представленный Европейскому Суду властями Франции, и замечания, представленные в ответ заявителем, проведя заседание, вынес следующее Решение:

ФАКТЫ

1. Заявитель Дамьен Месло, являющийся гражданином Франции, родился в 1964 году и проживает в г. Бельфоре (*Belfort*), Франция. До 2017 года он являлся депутатом департамента⁴ Территории Бельфор (*Territoire de Belfort*). Интересы заявителя в Европейском Суде представлял Ф. Бланшеттье (*P. Blanchetier*), адвокат, практикующий в г. Париже.

2. Власти Франции были представлены своим представителем в Европейском Суде Ф. Алабрюном (*F. Alabrune*), главой Правового департамента Министерства Европы и иностранных дел Франции.

А. Обстоятельства дела

3. Обстоятельства дела, как они были представлены сторонами по делу, могут быть кратко изложены следующим образом.

4. 7 февраля 2006 г. F.G., являвшаяся кандидатом от социалистической партии на проходивших 21 марта 2004 г. выборах в кантоне Бельфор-Центр, подала жалобу с предъявлением гражданского иска старшему следственному судье суда большой инстанции г. Бельфора, ссылаясь на нарушения при проведении голосования.

5. В мае 2006 года было возбуждено уголовное дело в отношении неизвестного лица по факту обжалуемой фальсификации результатов выборов.

6. 15 сентября 2006 г. заявителю, который являлся депутатом Территории Бельфор и членом Генерального совета, судьей D. было предъявлено обвинение по факту посягательства на искренность волеизъявления путем мошеннических действий, совершенного в ходе проходивших в 2004 году выборов в кантоне. Заявителю вменялось в вину, что он в качестве политической тактики выдвинул для участия в выборах две кандидатуры, в том числе кандидатуру С., пообещав ему последующее трудоустройство. Заявитель оспорил совершение нарушения и устно пожаловался на нарушение тайны следствия, поскольку целые разделы соответствующего дела оказались в прессе.

7. 18 декабря 2006 г. следователями регионального отделения судебной полиции г. Дижона (*Dijon*) по судебному поручению были проведены обыски по месту жительства заявителя, а также по месту нахождения его политической приемной. При проведении этих действий

³ Документ предоставлен ООО «Развитие правовых систем» // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2019. № 5. Перевод с французского языка Е.В. Приходько.

⁴ Здесь – административно-территориальная единица. Франция разделена на 95 департаментов (*примеч. переводчика*).

присутствовал судья D. Также следователями одновременно был проведен обыск по месту жительства другого лица, подозреваемого в соучастии в совершении правонарушения. Эти обыски были упомянуты в издании региональной ежедневной газеты «Ле Пей» (*Le Pays*) от 21 декабря 2006 г., а именно в статье «Дело Месло: обыск у лидеров Союза за народное движение»⁵ в г. Бельфоре».

8. 4 апреля 2007 г. палата по уголовным делам Кассационного суда Франции по ходатайству генерального прокурора при Апелляционном суде г. Безансона (*Besançon*) приняла решение о передаче дела для производства предварительного расследования и в интересах надлежащего отправления правосудия назначила для дальнейшего расследования следственного судью суда большой инстанции г. Дижона.

9. Одновременно с этим заявитель выдвинул свою кандидатуру для обеспечения своего общественного преемства на парламентских выборах в июне 2007 года.

10. 6 июня 2007 г. в рамках этой избирательной кампании и в ходе открытой встречи в банкетном зале г. Бельфора заявитель, среди прочего, следующим образом затронул тему правосудия:

«Если правосудие хочет, чтобы его уважали, нужно, чтобы оно было достойно уважения, а я не уважаю ни прокурора L., ни судью D., которые превратились в политических комиссаров, превысили свои права и опозорили судебную систему. Они предпочитают нападать на депутатов правых партий вместо того, чтобы бороться с хулиганами. Что ж, эти люди, я буду просить, чтобы их перевели, чтобы они покинули Территорию Бельфор, поскольку им нельзя доверять. Слышали последнюю новость? Были задержаны два грабителя в Гласи (*Glacis*), [в районе г. Бельфора]. Знаете, что в первую очередь сделали судья D. и прокурор Республики? Освободили обоих грабителей, освободили их из-под стражи, оставив под судебным надзором. Надоело видеть сотрудников полиции, которые рискуют своей жизнью, чтобы задержать хулиганов, и видеть красных судей, которые идут против воли народа и мешают работе полицейских».

11. Это заявление, сделанное в присутствии около 200 человек, было передано по радио «Франс Блэ Бельфор» (*France Bleu Belfort*) и частично воспроизведено в выпуске газеты «Ле Пей» (*Le Pays*) от 8 июня 2007 г.

12. 12 июня 2007 г. D. подал жалобу с предъявлением гражданского иска к старшему следственному судье суда большой инстанции г. Бельфора по факту неуважения к суду.

13. 16 октября 2007 г. Кассационный суд Франции при рассмотрении ходатайства генерального прокурора при Апелляционном суде г. Безансона о передаче дела для производства предварительного расследования назначил судебную инстанцию г. Дижона для проведения нового предварительного расследования.

14. 3 декабря 2007 г. в суде большой инстанции г. Дижона было возбуждено уголовное дело.

15. 26 июня 2008 г. заявителю было предъявлено обвинение в неуважении к суду, правонарушении, предусмотренном статьей 434–24 Уголовного кодекса Франции (см. ниже § 22). Заявитель признал, что он сделал спорное заявление, но объяснил свои слова политическим контекстом в условиях давнего конфликта между двумя мужчинами, пояснив, что судья D. предъявил ему обвинение в 2006 году в совершении фальсификации результатов выборов и провел в его доме обыск спустя три года после происшествия, и считая, что использованные средства были несоразмерными. Заявитель также упомянул торжественное заседание по поводу возобновления работы суда большой инстанции г. Бельфора, в ходе которого его поведение было раскритиковано в выступлениях как заместителя председателя, исполняющего обязанности председателя суда, так и прокурора Республики.

16. Будучи заслушанным в качестве гражданского истца, судья D. пояснил, что он никогда не занимал профессиональную или личную позицию, которая демонстрировала бы или выражала бы какие-либо политические убеждения. Судья D. указал, что с сентября 2006 года он подвергался нескольким попыткам со стороны заявителя дестабилизировать его деятельность, в частности, путем распространения в октябре 2006 года около 20 000 экземпляров

⁵ Союз за народное движение (фр. *Union pour un mouvement populaire*, UMP) – политическая партия во Франции. В 2015 году преобразована в партию «Республиканцы» (фр. *Les Républicains*) (примеч. переводчика).

листовок, в которых заявитель подвергал сомнению его деятельность в качестве следственного судьи. Что касается освобождения из-под стражи под судебный надзор двух лиц, подозреваемых в совершении наказуемых деяний и называемых заявителем грабителями в Гласи, судья D. уточнил, что прокурор Республики и он сам не принимали участия в принятии этих решений, поскольку оба отсутствовали во время освобождения указанных лиц.

17. Постановлением от 28 августа 2009 г. следственный судья направила в уголовный суд дело в отношении заявителя по обвинению в оскорблении судьи при исполнении им своих служебных обязанностей.

18. В тот же день другой следственный судья вынес постановление о прекращении дела о фальсификации результатов выборов (см. выше §§ 5–8).

19. Приговором от 25 февраля 2010 г. уголовный суд г. Дижона признал заявителя виновным в оскорблении судьи, так как «факты были подтверждены и в любом случае официально признаны подсудимым», и назначил ему наказание в виде 700 евро штрафа, а также возложил на него выплату в размере 1 евро в пользу гражданского истца в качестве возмещения вреда в дополнение к выплате 3 588 евро в качестве компенсации понесенных издержек. Заявитель подал апелляционную жалобу на этот приговор. Прокуратура и гражданский истец подали встречную апелляционную жалобу.

20. Постановлением от 10 ноября 2010 г. Апелляционный суд г. Дижона оставил обжалуемый приговор без изменения в отношении виновности и гражданско-правовых положений, увеличив при этом размер штрафа до 1 000 евро, а размер присужденной в качестве возмещения понесенных издержек суммы до 5 023,20 евро. Судьи указали следующее:

«Суд установил, что ни действительность высказывания, ни его публичный характер не оспариваются: оспаривается лишь умысел на основании того, что высказывание касалось нарушения функционирования местной судебной системы, действующие лица которой, в частности, следственный судья, вели себя как политики, выступающие против политической деятельности господина Дамьена Месло; что данный довод защиты не может быть принят, поскольку выступление господина Дамьена Месло направлено именно против “судьи [D.]” и прокурора, которые квалифицированы как “политические комиссары” и обвинены в том, что они “опозорили судебную систему” и что эта квалификация не является выражением простого мнения о функционировании местной судебной системы, как утверждает господин Дамьен Месло, чтобы высказать в резких выражениях свое мнение относительно методов судьи [D.], а соответствует в действительности попытке поставить под сомнение независимость судебных органов и означает личные нападки на следственного судью в связи с его методами; что выражение “опозорить судебную систему” является особенно оскорбительным, так как позволяет предположить, что следственный судья совершил незаконные или, по крайней мере, противоречащие судейской этике деяния, относящиеся как таковые к дисциплинарным полномочиям Высшего совета магистратуры Франции, тогда как в действительности дело обстоит иначе; что ссылка на постановления Европейского Суда не имеет отношения к делу; что, если в соответствии с положениями пункта 1 статьи 10 Европейской конвенции по правам человека каждый имеет право свободно выражать свое мнение, по пункт 2 этой же статьи Конвенции уточняет, что “осуществление этих свобод, налагающее обязанности и ответственность, может быть сопряжено с определенными формальностями, условиями, ограничениями или санкциями, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности [...] для [...] защиты репутации [...] других лиц [...] обеспечения авторитета и беспристрастности правосудия”; что с учетом этих последних положений господин Дамьен Месло выступил с чрезмерными высказываниями, подвергающими сомнению беспристрастность следственного судьи и его авторитет, поскольку употреблением образного выражения “опозорить” его автор подразумевал, что этот судья не соблюдал закон; что эти факторы характеризуют правонарушение, за которое [заявитель] привлекается к ответственности.

Суд установил, что этот анализ также подкрепляется примером из высказываний господина Дамьена Месло относительно актуального события; что обвинение судьи [D.], названного “красным судьей”, в освобождении из-под стражи двух грабителей для лучшего сопоставления деятельности этого судьи с деятельностью сотрудников полиции и с волей народа усиливает оскорбление в том смысле, что его автор придает политическую окраску судье без каких-либо доказательств, таких как вступление в политическую партию, хотя данная мера, даже если она и могла стать объектом критики, не была к тому же принята этим судьей; что, в конечном счете, совокупность

этих публичных высказываний свидетельствует о стремлении задеть судью лично, либо его взгляды и профессиональную деятельность и отражает намерение выразить презрение, которое может снизить уважение граждан к моральному авторитету судьи...».

21. Постановлением от 3 января 2012 г., которое было доведено до сведения заявителя 8 марта 2012 г., Кассационный суд Франции отказал в удовлетворении его жалобы, сочтя, в частности, что, если каждый имеет право свободно выражать свое мнение, а у общественности имеется законный интерес в получении информации, касающейся разбирательств по уголовным делам и функционирования судебной системы, осуществление этих свобод налагает обязанности и ответственность. Кассационный суд Франции добавил, что такое осуществление может быть, как в настоящем деле, в котором допустимые пределы свободы выражения мнения при критике деятельности судей были превышены, сопряжено с ограничениями или санкциями, предусмотренными законом и необходимыми в демократическом обществе для защиты достоинства судьи или для обеспечения уважения, обусловленного выполняемой им функцией.

В. Соответствующее законодательство Франции и правоприменительная практика

22. Статья 434–24 Уголовного кодекса Франции предусматривает следующее:

«Оскорбление словами, жестами или угрозами, документами или изображениями любого рода, не преданными огласке, либо путем отправления каких-либо предметов, адресованное судье, присяжному заседателю или любому лицу, заседающему в судебном органе, при исполнении ими своих обязанностей или в связи с их исполнением, и направленное на унижение их достоинства или нанесение вреда уважению, обусловленному выполняемой ими функцией, наказывается лишением свободы сроком на один год и штрафом в размере 15 000 евро.

Если оскорбление совершено в ходе заседания суда, трибунала или судебного органа, наказание увеличивается до двух лет лишения свободы и 30 000 евро штрафа».

23. В соответствии с правоприменительной практикой любое оскорбительное или клеветническое выражение, адресованное судье административной или судебной инстанции при исполнении им своих обязанностей или в связи с их исполнением, квалифицируется как оскорбление по смыслу статьи 434–24 Уголовного кодекса Франции и, даже когда оно было произнесено публично, охватывается предусмотренными этой статьей случаями (см. Постановление Палаты по уголовным делам Кассационного суда Франции от 19 апреля 2000 г.⁶, Постановление Палаты по уголовным делам Кассационного суда Франции от 29 марта 2011 г. по жалобе № 10–87.254).

ЖАЛОБА

24. Заявитель утверждал, что признание его виновным противоречило статье 10 Конвенции.

ПРАВО

25. Заявитель полагал, что его осуждение по уголовному делу повлекло за собой нарушение его права свободно выражать свое мнение, предусмотренного статьей 10 Конвенции, которая гласит:

«1. Каждый имеет право свободно выражать свое мнение. Это право включает свободу придерживаться своего мнения и свободу получать и распространять информацию и идеи без какого-либо вмешательства со стороны публичных властей и независимо от государственных границ...»

2. Осуществление этих свобод, налагающее обязанности и ответственность, может быть сопряжено с определенными формальностями, условиями, ограничениями или санкциями, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе... для защиты репутации или прав других лиц, предотвращения разглашения информации, полученной конфиденциально, или обеспечения авторитета и беспристрастности правосудия».

⁶ Так в тексте. По-видимому, имеется в виду Постановление Палаты по уголовным делам Кассационного суда Франции от 19 апреля 2000 г. по жалобе № 99–84.886 (примеч. переводчика).

А. Доводы сторон

1. *Власти Франции*

26. Власти Франции признали, что осуждение заявителя представляло собой вмешательство в осуществление им права свободно выражать свое мнение. Власти Франции полагали, что это вмешательство было предусмотрено законом и преследовало правомерные цели «защиты репутации или прав других лиц», в настоящем деле судьи, честность, беспристрастность и авторитет которого отрицались в особо чрезмерных выражениях, а также обеспечения «авторитета и беспристрастности правосудия».

27. По мнению властей Франции, осуждение заявителя судебными органами Франции представляло собой адекватную реакцию на высказывания, которые не являлись выражением просто его личного мнения о функционировании судебной системы, а свидетельствовали о стремлении задеть лично судью, проводившего предварительное расследование по делу, по которому заявителю было предъявлено обвинение.

28. Власти Франции утверждали, что высказывания заявителя не относились к дискуссии по вопросам, представляющим всеобщий интерес, которая могла бы оправдать то, что деятельность судьи была подвергнута сомнению. Во-первых, что касается юридической трактовки актуального события, в данном случае освобождения из-под стражи двух грабителей, представляется, что решение об освобождении их из-под стражи принималось не судьей D. Во-вторых, что касается его собственной судебной действительности, высказывания заявителя не содержали какого-либо конкретного элемента, который мог бы вызвать представляющую всеобщий интерес дискуссию по поводу рассмотрения судьей D. его дела. Если заявитель ссылается в своей жалобе на произведенный следственным судьей обыск, то власти Франции не понимают, почему подобная мера являлась «спорным процессуальным решением», учитывая, что данное действие является совершенно целесообразным в рамках дела, возбужденного по факту фальсификации результатов выборов.

29. По мнению властей Франции, заявитель ограничился нападками на двух названных поименно представителей судебной системы, выдвинув против них очень серьезные и выраженные в общих словах обвинения. Эти обвинения не могли быть привязаны к какому-либо конкретному факту, за исключением факта освобождения из-под стражи двух грабителей, в котором оба представителя судебной системы не принимали участия. Власти Франции полагали, что эти высказывания относились к оценочному суждению, не имевшему под собой фактической основы.

30. Власти Франции настаивали на оскорбительном характере высказываний заявителя. Обвинения, выдвинутые против судьи D., были безосновательными и угрожающими, поскольку заявитель требовал его перевода на другое место работы и его ухода из области юриспруденции. Эти обвинения были произнесены с единственной целью: «переместить судебную дискуссию исключительно в медийное поле или свести счеты с судьями, рассматривающими дело» (см. Постановление Европейского Суда по делу «Бонно против Франции» (*Bono v. France*) от 15 декабря 2015 г., жалоба № 29024/11, § 45). В связи с этим из материалов дела следует, что судья уже был мишенью первой политической кампании заявителя в листовках, распространенных в количестве 20 000 экземпляров. В отсутствие конструктивной критики относительно ее функционирования высказывания также негативно сказывались на судебной системе и были направлены на подрыв доверия к ней со стороны граждан. Кроме того, по утверждению властей Франции, посягательства на судью и на судебную систему усугублялись тем фактом, что высказывания были произнесены в ходе открытой встречи, в самый разгар избирательной кампании, когда заявитель знал, что они будут опубликованы в прессе.

31. Наконец, власти Франции сочли, что с учетом тяжести выдвинутых обвинений как характер наказания, так и его размер не могут рассматриваться как чрезмерные или способные оказать сдерживающее воздействие на осуществление заявителем права свободно выражать свое мнение.

2. Заявитель

32. Заявитель утверждал, что его слова не затрагивали частную жизнь или честь и не являлись обосновательными личными нападками на судью. Заявитель отмечал, что собиравшись изложить лицам, присутствовавшим на открытой встрече, свое мнение о функционировании французской судебной системы. По мнению заявителя, речь шла только о реализации принципа свободы выражения мнения, которая должна оцениваться с еще большей перспективой, принимая во внимание, что он являлся кандидатом на общенациональных выборах. Чтобы проиллюстрировать свое заявление о правосудии, заявитель указал, что он высказался, с одной стороны, о касающемся его судопроизводстве, а с другой – об актуальном событии.

33. Что касается личного примера, заявитель указал, что его заявление, начинавшееся со слов «Если правосудие хочет, чтобы его уважали» и заканчивавшееся словами «...чтобы бороться с хулиганами» (см. выше § 10), отражало простое мнение о начатых в отношении него разбирательствах, в частности, о принятых процессуальных решениях, в том числе, обысках, о которых в настоящее время известно, что они привели к вынесению судебных решений в его пользу. В связи с этим заявитель полагал, что его высказывания, несомненно резкие, являлись частью предвыборной дискуссии и не вышли за пределы, допускаемые Европейским Судом, приведа для сравнения высказывания, которые заявитель в деле «Ролан Дюма против Франции» (см. Постановление Европейского Суда по делу «Ролан Дюма против Франции» (*Roland Dumas v. France*) от 15 июля 2010 г., жалоба № 34875/07) допустил в адрес прокурора.

34. По мнению заявителя, вторая часть его выступления, начинавшаяся словами «Слышали последнюю новость?..» и заканчивавшаяся словами «мешают работе полицейских» (см. выше § 10), представляла собой критику судебного решения об освобождении из-под стражи грабителей, которая относилась к дискуссии по вопросу, представляющему всеобщий интерес, а не к оскорблению. Заявитель полагал, что его политическая деятельность позволяла ему обсуждать целесообразность проводимой уголовной политики, в том числе с определенной долей преувеличения. Его высказывания, таким образом, относились к выражению политических или «активистских» взглядов (см. Постановление Европейского Суда по делу «Стил и Моррис против Соединенного Королевства» (*Steel and Morris v. United Kingdom*), жалоба № 68416/01⁷, §§ 88–89, *ECHR* 2005-II) и являлись частью имевшей крайне важное значение публичной дискуссии по вопросу попустительства со стороны судебных органов и недостатков системы уголовного правосудия Франции.

35. Заявитель полагал, что его высказывания были сделаны в условиях, когда статья 10 Конвенции требует более высокого уровня защиты права свободно выражать свое мнение. Заявитель добавил, что эти высказывания были произнесены в рамках спонтанной и краткой публичной дискуссии, что не оставило ему возможности их переформулировать, дополнить или взять свои слова обратно (см. Постановление Европейского Суда по делу «Агнуэр против Франции» (*Haguenaue v. France*) от 22 апреля 2010 г., жалоба № 34050/05, § 51).

В. Мнение Европейского Суда

36. Европейский Суд полагает, и стороны по делу с этим согласны, что осуждение заявителя по уголовному делу за неуважение к суду представляло собой вмешательство в осуществление им права свободно выражать свое мнение. Стороны по делу также не оспаривали, что вмешательство действительно было «предусмотрено законом», а именно статьей 434–24 Уголовного кодекса Франции, и преследовало правомерную цель «защиты репутации или прав других лиц», в данном случае судьи D. Принимая во внимание конкретные обстоятельства настоящего дела, Европейский Суд, как и власти Франции, считает, что вмешательство, помимо этого, было направлено на обеспечение «авторитета и беспристрастности правосудия», в отправлении которого данный судья принимал участие (см. Постановление Европейского Суда по делу «Ди Джованни против Италии» (*Di Giovanni v. Italy*) от 9 июля 2013 г.,

⁷ См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. 2017. № 7 (примеч. редактора).

жалоба № 51160/06, § 74, и Постановление Европейского Суда по делу «Перуцци против Италии» (*Peruzzi v. Italy*) от 30 июня 2015 г., жалоба № 39294/09⁸, § 43).

37. Европейскому Суду предстоит установить, являлось ли это вмешательство «необходимым» в демократическом обществе. Европейский Суд ссылается на общие принципы, неоднократно повторенные с момента вынесения им Постановления по делу «Хэндсайд против Соединенного Королевства» (*Handyside v. United Kingdom*) от 7 декабря 1976 г. (серия А, № 24) и недавно воспроизведенные в деле «Морис против Франции» (*Morice v. France*) (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда, жалоба № 29369/10⁹, §§ 124–127, *ECHR* 2015).

38. При изучении обстоятельств настоящего дела Европейский Суд примет во внимание следующие факторы: статус заявителя, статус лица, в отношении которого сделаны спорные высказывания, обстановку, в которой было сделано высказывание, характер и фактическую основу высказывания, а также характер назначенного заявителю наказания.

39. Вместе с тем следует напомнить, что задачей Европейского Суда при осуществлении контроля не является подмена собой компетентных внутригосударственных судебных органов, а, скорее, пересмотр в свете статьи 10 Конвенции решений, вынесенных ими в рамках предоставленной им свободы усмотрения (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Фрессоз и Руар против Франции» (*Fressoz and Roire v. France*), жалоба № 29183/95, § 45, *ECHR* 1999-I, и упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Морис против Франции», § 124).

40. Европейский Суд отмечает, что заявитель являлся депутатом Территории Бельфор и кандидатом для обеспечения своего собственного преемства на парламентских выборах, когда выступил со спорными высказываниями. Таким образом, заявитель, бесспорно, являлся политической фигурой, выражающей свое мнение в качестве депутата и в рамках своей политической и «активистской» деятельности (см. Постановление Европейского Суда по делу «Мамер против Франции» (*Mamère v. France*), жалоба № 12697/03, § 20, *ECHR* 2006-XIII). Однако, являясь ценной для каждого лица, свобода выражения мнения является особенно важной для народного избранника, который представляет своих избирателей, обращает внимание на их заботы и защищает их интересы. Европейский Суд напоминает в связи с этим, что пункт 2 статьи 10 Конвенции почти не оставляет места для ограничения свободы выражения мнения в области политической дискуссии (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Сюрек против Турции (№ 1)» (*Sürek v. Turkey*) (№ 1), жалоба № 26682/95, § 61, *ECHR* 1999-IV, и Постановление Европейского Суда по делу «Бразилье против Франции» (*Brasilier v. France*) от 11 апреля 2006 г., жалоба № 71343/01, § 41). Следовательно, вмешательство в осуществление депутатом, каковым являлся заявитель, свободы выражения своего мнения требует от Европейского Суда осуществления самого строгого контроля (см. Постановление Европейского Суда по делу «Лакруа против Франции» (*Lacroix v. France*) от 7 сентября 2017 г., жалоба № 41519/12, § 40).

41. Европейский Суд, кроме того, отмечает, что лицом, в отношении которого были сделаны спорные высказывания, являлся судья, предъявивший заявителю обвинение в фальсификации результатов выборов за несколько месяцев до проведения политической встречи, в ходе которой выступал заявитель. В связи с этим Европейский Суд напоминает об особой роли судебной власти в обществе. Будучи гарантом справедливости, основополагающей ценности в правовом государстве, судебная власть должна пользоваться доверием граждан для успешного выполнения своих функций. В связи с этим может оказаться необходимым защитить судебную систему от наносящих серьезный ущерб и по сути необоснованных нападков, особенно с учетом того, что обязанность судей проявлять осмотрительность запрещает им реагировать на критику. При этом, тем не менее, за исключением случаев подобных нападков, судьи могут подвергаться персональной критике в допустимых пределах и не только теоретически и в целом. Пределы допустимой критики в отношении судей, когда они действуют при исполнении своих служебных обязанностей, являются более широкими, чем

⁸ См.: там же. 2016. № 12 (примеч. редактора).

⁹ См.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2015. № 10 (примеч. редактора).

в отношении обычных граждан (см. упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Морис против Франции», §§ 128 и 131).

42. Что касается ситуации, в которой были сделаны спорные высказывания, Европейский Суд отмечает, что они были произнесены в ходе политической встречи в самый разгар избирательной кампании и перед 200 человек. Эти высказывания, таким образом, не были прямо адресованы судье D. Европейский Суд также отмечает, что высказывания заявителя имели некоторое отношение к теме безопасности, поскольку заявитель, ссылаясь на конкретное дело, изобличал попустительское поведение судей в отношении подозреваемых. Утверждения заявителя также касались судебного разбирательства, в котором заявителю лично было предъявлено обвинение и которое детально освещалось в прессе.

43. В отношении сведений о функционировании судебной системы Европейский Суд неоднократно указывал, что они относятся, как правило, к дискуссии по вопросам, представляющим всеобщий интерес (см. упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Морис против Франции», § 128). Это же *a fortiori* относится и к политической дискуссии, так как важно позволить всякого рода мнениям и информации свободно циркулировать в период избирательной кампании, а свобода выражения мнения является одним из условий, обеспечивающих свободное выражение мнения народа по вопросу выборов законодательной власти (см. Постановление Европейского Суда по делу «Чельцова против Российской Федерации» (*Cheltsova v. Russia*) от 13 июня 2017 г., жалоба № 44294/06¹⁰, § 96, с дальнейшими ссылками).

44. Европейский Суд отмечает, что апелляционные и кассационные суды отклонили довод заявителя, согласно которому его высказывания относились к дискуссии по вопросам, представляющим всеобщий интерес, поскольку предположительно касались функционирования судебной системы. Проанализировав преступный умысел заявителя, Апелляционный суд г. Дижона исключил, что его высказывания были направлены на простое выражение мнения о функционировании местной судебной системы. Напротив, Апелляционный суд г. Дижона установил, что судья был назван по имени, мишенью являлись его служебные функции, а высказывания заявителя представляли собой личные нападки и попытку «поставить под сомнение независимость судебных органов». Апелляционный суд г. Дижона счел, что выражение «опозорить судебную систему» являлось особенно оскорбительным, поскольку подразумевало, что судья D. совершил незаконные или противоречащие судейской этике деяния, тогда как в действительности дело обстояло иначе. Апелляционный суд г. Дижона также подчеркнул, что обвинение в освобождении из-под стражи двух грабителей «красным судьей» являлось ложным, в отсутствие каких-либо доказательств политической окраски судьи, таких как вступление в политическую партию, и при том, что данный судья не принимал являвшегося объектом критики решения об освобождении из-под стражи.

45. Европейский Суд не находит каких-либо серьезных оснований подвергнуть сомнению надлежащим образом мотивированное решение Апелляционного суда г. Дижона, оставленное без изменения Кассационным судом Франции. Европейский Суд отмечает, что высказывания относились скорее к личным нападкам на судью D., чем к критике, и были направлены на достоинство судьи и уважение, обусловленное его должностью, а не на то, как он выполнял свои обязанности следственного судьи в деле, касающемся фальсификации результатов выборов. Об этом свидетельствуют различные использованные термины, такие как «я не уважаю судью D.», «который превратился в политического комиссара», «превысил свои права», «опозорил судебную систему» и которому «нельзя доверять». Кроме того, Европейский Суд не усматривает каких-либо серьезных оснований для подмены своим собственным мнением мнения Апелляционного суда г. Дижона, когда этот суд счел, что высказывания заявителя об освобождении грабителей из-под стражи «красными судьями», которые «предпочитают нападать на депутатов правых партий вместо того, чтобы бороться с хулиганами», нанесли ущерб авторитету судьи D. и представили этого судью и судебную власть подчиняющимися чисто политическим и идеологическим соображениям, которые выходят за рамки простой дискуссии или критики по вопросу функционирования судебной системы.

¹⁰ См.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2018. № 7 (примеч. редактора).

46. Европейский Суд, таким образом, отмечает, что заявитель свел все свои высказывания к своим разногласиям со следственным судьей, которого он уже пытался задеть, опубликовав несколькими месяцами ранее листовки. Дебаты велись только вокруг судьи и его образа действий, который, по мнению заявителя, был достоин порицания и противоречил обязанностям судьи. В связи с этим так же, как и Апелляционный суд г. Дижона, Европейский Суд полагает, что высказывания заявителя свидетельствовали о стремлении задеть судью лично. Вследствие этого в отсутствие более широкой дискуссии, которая объективно могла оказаться полезной для информирования общественности, способной счесть, что подобные заявления, сделанные депутатом, были достоверными и серьезными, Европейский Суд полагает, что судебные органы Франции могли правомерно исходить из того, что в настоящем деле следовало защищать одновременно репутацию судьи, затронутого лично, и репутацию судебной системы в целом.

47. Помимо этого, даже если высказывания были сделаны в ходе политической встречи, где оскорбления зачастую переходят в личную сферу, Европейский Суд вместе с Апелляционным судом г. Дижона и властями Франции приходит к выводу о том, что они были лишены достаточной фактической основы. Действительно, фактическая информация, а именно освобождение грабителей из-под стражи, сопровождавшая выдвинутое против судьи обвинение в попустительстве, была ошибочной, поскольку это не им было принято подвергнутое критике решение. С другой стороны, что касается других высказываний, которые могут быть квалифицированы скорее как оценочные суждения, чем как утверждения о фактах, с учетом их общего характера и контекста, в котором они были сделаны, Европейский Суд считает, что они основывались исключительно на обстоятельстве предъявления заявителем судьей D. обвинения, а также на враждебности с этому судье, не связанной с предполагаемыми намерениями заявителя выразить свое мнение о функционировании судебной системы. Так, Апелляционный суд г. Дижона подчеркнул, что высказывания, в соответствии с которыми судья D. «опозорил судебную систему», подразумевали, что он не соблюдал закон и был предвзят в нарушение требований, характеризующих осуществление судебной деятельности. Однако заявитель ни разу не попытался уточнить действительность поведения, вменяемого судье, и не представил общественности доказательств, способных продемонстрировать, что судья выносил противоречащие его этическим обязательствам решения (см., *mutatis mutandis*, упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Перуцци против Италии», § 60).

48. В этом контексте Европейский Суд считает, что суды Франции могли обоснованно заключить, что высказывания заявителя представляли собой беспричинные личные нападки и могли рассматриваться как вводящие в заблуждение, поскольку заявитель не дал им какого-либо объективного объяснения. Помимо этих личных нападков, Европейский Суд согласен с властями Франции в том, что оспариваемые высказывания наносили также ущерб независимости и авторитету судебной системы, частью которой являлся следственный судья. В связи с этим Европейский Суд так же, как и Апелляционный суд г. Дижона, отмечает, что заявитель приписывал судье поведение «политического комиссара», выступающего против его собственной политической деятельности, и требовал его перевода на другое место работы, несмотря на независимость судейского корпуса. Европейский Суд, кроме того, полагает, что такими высказываниями заявитель также подрывал веру граждан в неподкупность судебной власти.

49. Принимая во внимание вышеизложенное, и несмотря на самый строгий контроль, который Европейский Суд призван осуществлять в области политической дискуссии (см. выше § 40), это не позволяет Европейскому Суду усмотреть в высказываниях заявителя выражение доли преувеличения или провокации, которые допустимо использовать в рамках свободы выражения политических мнений.

50. Что касается вышеупомянутого дела «Ролан Дюма против Франции», которое, по мнению заявителя, аналогично его делу, Европейский Суд напоминает, что в указанном деле заявителю было предъявлено обвинение не в неуважении к суду, а в клевете в связи с отрывками из книги, содержавшей возмутительные высказывания в отношении прокурора, а сам Европейский Суд не подменял своим мнением оценку, данную судами государства-ответ-

чика, относительно характера посягательства на честь и авторитет соответствующего судьи (см. *ibid.*, § 45). Европейский Суд, в частности, счел, что литературный контекст, в котором были написаны его высказывания, не был в достаточной степени принят во внимание внутригосударственными судами (см. *ibid.*, §§ 48–50). В настоящем же деле, напротив, Европейский Суд объяснил (см. выше §§ 45–48), почему, несмотря на политический контекст, в котором были сделаны чрезмерные высказывания, он считает, что отсутствуют какие-либо основания отступить от анализа дела, который провели суды Франции, и, как следствие, почему осуждение заявителя является оправданным. Действительно из материалов дела следует, что у этих судов имелись относящиеся к делу и достаточные основания полагать, что в настоящем деле необходимо было защищать репутацию судьи, затронутого лично, и репутацию судебной системы в целом.

51. Наконец, что касается наказания, Европейский Суд напоминает, что даже если наказание является самым мягким из возможных, подобно обвинительному приговору без назначения наказания, оно, тем не менее, является уголовным наказанием, способным оказать сдерживающее влияние на осуществление права свободно выражать свое мнение, которое должно быть принято во внимание при оценке соразмерности вмешательства (см. упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Морис против Франции», § 176, и упоминавшееся Постановление Европейского Суда по делу «Лакруа против Франции», § 50). Само вынесение обвинительного приговора является одной из самых серьезных форм вмешательства в осуществление права свободно выражать свое мнение, учитывая наличие других способов вмешательства и опровержения, в частности, путем использования гражданско-правовых средств защиты. По этой причине Европейский Суд неоднократно предлагал органам власти государств-ответчиков проявлять сдержанность при обращении к уголовному производству (см. упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Морис против Франции», §§ 127 и 176). В настоящем деле, однако, и по причинам, изложенным выше, Европейский Суд не считает чрезмерным или оказывающим на осуществление свободы выражения мнения сдерживающее воздействие штраф в размере 1 000 евро. В дополнение к своему умеренному характеру это наказание не повлекло за собой каких-либо последствий для политической карьеры заявителя, переизбранного депутатом в 2007 и 2012 годах (см. выше § 1).

52. В заключение и особенно в связи с характером высказываний, не заслуживавших усиленной защиты, которая предоставляется политическим взглядам, Европейский Суд считает, что осуждение заявителя за неуважение к суду и назначенное ему наказание не были несоразмерны преследуемым правомерным целям. Вмешательство в осуществление заявителем права свободно выражать свое мнение являлось, таким образом, необходимым в демократическом обществе для защиты репутации других лиц и обеспечения авторитета и беспристрастности правосудия.

53. Следовательно, настоящая жалоба должна быть отклонена как явно необоснованная в соответствии с подпунктом «а» пункта 3 и пунктом 4 статьи 35 Конвенции.

На основании вышеизложенного Суд единогласно

объявил жалобу неприемлемой для рассмотрения по существу.

Совершено на французском языке, уведомление о Решении направлено в письменном виде 1 февраля 2018 г.

Милан БЛАШКО
Заместитель Секретаря
Секции Суда

Ангелика НУССБЕРГЕР
Председатель
Палаты Суда

Дело «Фефилов (Fefilov) против Российской Федерации»¹¹

(Жалоба № 6587/07)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ¹²

г. Страсбург, 17 июля 2018 г.

По делу «Фефилов против Российской Федерации» Европейский Суд по правам человека (Третья Секция), заседая Палатой в составе:

Хелены Ядерблом, *Председателя Палаты Суда,*

Бранко Лубарды,

Дмитрия Дедова,

Пере Пастора Вилановы,

Алёны Полачковой,

Жольен Шуккинг,

Марии Элосеги, *судей,*

а также при участии Стивена Филлипса, *Секретаря Секции Суда,*

рассмотрев дело в закрытом заседании 26 июня 2018 г.,

вынес в указанный день следующее Постановление:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было инициировано жалобой № 6587/07, поданной против Российской Федерации в Европейский Суд по правам человека (далее – Европейский Суд) в соответствии со статьей 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – Конвенция) гражданином Российской Федерации Сергеем Игоревичем Фефиловым (далее – заявитель) 12 декабря 2006 г.

2. Интересы заявителя, которому была оказана бесплатная юридическая помощь, представлял адвокат В. Шухардин, практикующий в г. Москве. Власти Российской Федерации первоначально были представлены Уполномоченным Российской Федерации при Европейском Суде Г.О. Матюшкиным, а затем его преемником в этой должности М.Л. Гальпериним.

3. Заявитель утверждал, в частности, что он подвергался риску заражения ВИЧ-инфекцией во время отбывания наказания в Исправительном учреждении № ЛИУ-19 Республики Мордовия¹³ и что вынесенный ему обвинительный приговор был основан на его признании от 22 марта 2005 г., которое он сделал в отсутствие доступа к помощи адвоката.

4. 6 декабря 2010 г. Европейский Суд коммуницировал жалобу властям Российской Федерации.

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

5. Заявитель родился в 1979 году и до вынесения ему обвинительного приговора проживал в г. Ижевске.

6. По утверждениям заявителя, 18 февраля 2005 г. сотрудники милиции провели обыск в его квартире в связи с убийством сотрудника правоохранительных органов, которое произошло в ночь с 7 на 8 февраля 2005 г.

¹¹ Документ предоставлен ООО «Развитие правовых систем» // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2019. № 9. Перевод с английского языка Ю.Ю. Берестнева при участии О. Боднарчук.

¹² Настоящее Постановление вступило в силу 3 декабря 2018 г. в соответствии с положениями пункта 2 статьи 44 Конвенции (*примеч. редактора*).

¹³ Так в тексте. По-видимому, имеется в виду Федеральное казенное учреждение «Лечебное исправительное учреждение № 19 Управления Федеральной службы исполнения наказания России по Республике Мордовия» (*примеч. переводчика*).

7. Сотрудники милиции 3 и 10 марта 2005 г. допросили заявителя об обстоятельствах расследуемого дела об убийстве в присутствии его адвоката. Заявитель не вызвал у сотрудников милиции каких-либо подозрений.

8. 22 марта 2005 г., в 18.00, заявитель был задержан на улице в г. Ижевске и доставлен в отдел внутренних дел Устиновского района г. Ижевска (далее – Устиновский РОВД г. Ижевска)¹⁴. По словам заявителя, там его избили, заставили признаться в совершении убийства и подписать заявление о явке с повинной.

9. Согласно соответствующему протоколу 22 марта 2005 г., в 21.50, в кабинете № 312 Устиновского РОВД г. Ижевска сотрудник милиции М. получил от заявителя признание в совершении преступления в соответствии со статьей 142 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. В частности, в протоколе указывалось, что в начале февраля 2005 года заявитель в компании С. после работы употреблял алкогольные напитки. В неустановленное время после полуночи он ушел из квартиры С. По дороге домой он зашел в соседний дом, чтобы справить нужду. Там он увидел человека, который в грубой форме сделал ему замечание за его поведение. Мужчина тоже был пьян. Между ними началась драка, в ходе которой заявитель несколько раз стукнул мужчину по голове рукояткой ножа, а также ударил его кулаком и ногой. Мужчина упал с лестницы. Когда заявитель ушел, мужчина все еще лежал на первом этаже. В протоколе также отмечалось, что признание было написано от руки самим заявителем без какого-либо принуждения со стороны сотрудников милиции, и что заявителю разъяснили содержание статьи 51 Конституции Российской Федерации (право не свидетельствовать против самого себя), которое ему было понятно.

10. Заявитель подал заявление на имя прокурора Удмуртской Республики.

11. 23 марта 2005 г., в 00.05, был составлен протокол задержания заявителя. Ему был официально присвоен статус подозреваемого в совершении преступления, и ему сообщили обо всех его правах, включая право хранить молчание, право на адвоката и право не свидетельствовать против самого себя. В протоколе содержалась рукописная отметка заявителя о том, что он согласен со своим задержанием, поскольку совершил убийство 8 февраля 2005 г. В протоколе также содержалось ходатайство заявителя о возможности встретиться со своим адвокатом.

12. Позже в тот же день, 23 марта 2005 г., заявителю была предоставлена помощь адвоката, а также он был допрошен в качестве подозреваемого. Во время допроса заявитель отказался от своего признания, утверждая, что оно было получено в результате принуждения и в отсутствие адвоката. Он последовательно отказывался от своего признания в ходе всего последующего производства по делу.

13. 23 марта 2005 г. заявитель был направлен на медицинское освидетельствование, по результатам которого на теле заявителя не было выявлено каких-либо повреждений, кроме шрама на краю его волосяного покрова на голове, давность которого составляла два-три месяца (протокол медицинского освидетельствования № 2672).

14. 27 марта 2005 г. заявитель был заключен под стражу и переведен в Следственный изолятор № 1 г. Ижевска¹⁵.

15. 29 марта 2005 г. заявителю было предъявлено обвинение в убийстве.

16. 22 апреля 2005 г. заявитель подал жалобу в прокуратуру Устиновского района г. Ижевска, утверждая, что он подвергся жестокому обращению.

17. 27 мая 2005 г. следователь прокуратуры Устиновского района отказал в возбуждении уголовного дела против сотрудников милиции, которые предположительно подвергли заявителя жестокому обращению.

¹⁴ Так в тексте. По-видимому, имеется в виду действующий в настоящее время отдел полиции № 4 УМВД России по г. Ижевску (Устиновский район) (*примеч. переводчика*).

¹⁵ Так в тексте. По-видимому, имеется в виду Федеральное казенное учреждение «Следственный изолятор № 1 Управления Федеральной службы исполнения наказаний России по Удмуртской Республике» (*примеч. переводчика*).

18. 25 июля 2005 г. уголовное дело в отношении заявителя было передано для рассмотрения в Верховный суд Удмуртской Республики.

19. 22 августа 2005 г. началось производство по делу заявителя.

20. В судебном заседании заявитель отрицал факт совершения убийства и подтвердил, что его признание было получено в результате оказания на него давления сотрудников милиции и в отсутствие помощи адвоката.

21. 19 декабря 2005 г. Верховный суд Удмуртской Республики признал заявителя виновным в совершении убийства и приговорил его к 12 годам лишения свободы. В основу приговора легли следующие доказательства:

– показания сотрудника милиции М., который принимал участие в расследовании и утверждал следующее: (i) в ходе расследования было установлено, что убийство было совершено заявителем, (ii) последний был задержан и доставлен в Устиновский РОВД г. Ижевска, где он добровольно признался в совершении убийства Г. и написал заявление о явке с повинной, описывающее детали совершенного преступления, и что физическое насилие к заявителю не применялось;

– показания сотрудника милиции Н., принимавшего участие в расследовании убийства, который сообщил, что (i) в ходе расследования было установлено, что преступление было совершено заявителем, (ii) в марте 2005 года заявитель был доставлен в отдел внутренних дел, где он признался в убийстве, и что (iii) было составлено заявление о явке с повинной, в котором заявитель подробно описал обстоятельства совершения убийства;

– показания сотрудника милиции О., который утверждал, что (i) 8 февраля 2005 г. он участвовал в осмотре места убийства Г., (ii) было установлено, что заявитель был причастен к совершению преступления, (iii) в марте 2005 года заявитель был доставлен в Устиновский РОВД г. Ижевска, где он признался в убийстве (его признание было задокументировано в заявлении о явке с повинной), и что (iv) к заявителю не применялось физическое насилие;

– заявление сотрудника милиции С., который участвовал в осмотре места преступления 8 февраля 2005 г. и пояснил, что (i) в ходе проверки было установлено, что человек по прозвищу «Гуня» [заявитель] мог совершить преступление, что (ii) заявитель был задержан сотрудниками милиции, (iii) сам С., а также М., О., П. допросили заявителя 22 марта 2005 г., около 21.00, и что (iv) в ходе допроса заявитель признался в совершении убийства, а также что (v) к нему не применялось физическое насилие;

– показания сотрудника милиции Нам., который сообщил, что он узнал от сотрудника милиции М., что заявитель признался в совершении убийства Г.

Вышеуказанные показания были признаны подтвержденными заявлением заявителя о явке с повинной от 22 марта 2005 г., а также показаниями независимых свидетелей по делу, а именно:

– анонимного свидетеля «Акулова», которому заявитель предположительно рассказал об убийстве 8 февраля 2005 г. Во время судебного разбирательства «Акулова» поместили в отдельное помещение, и стороны задавали ему вопросы через судебного пристава, при этом стороны слышали ответы свидетеля с помощью устройства радиосвязи с акустической защитой;

– свидетеля М., который содержался под стражей вместе с заявителем в Устиновском РОВД г. Ижевска в ночь с 22 на 23 марта 2005 г. и которому заявитель предположительно рассказал о совершении убийства сотрудника милиции;

– свидетеля С., который сообщил следующее: (i) он работал с заявителем в качестве художника-декоратора с 2003 года; (ii) 7 февраля 2005 г., до 22.00, они употребляли алкогольные напитки после работы, после чего каждый из них ушел домой; (iii) на следующее утро, в 8.00, он заехал за заявителем и поехал с ним на работу; (iv) он узнал об убийстве Г. вечером 8 февраля 2005 г. от М., а затем от сотрудников милиции; (v) у заявителя правая рука была в гипсе с января 2005 года, что не мешало ему работать; (vi) у заявителя был складной нож, который он потерял в январе 2005 года, и что (vii) заявителя называли «Гуней»;

– показаниями свидетеля Ц., коллеги и соседа заявителя, который пояснил, что (i) он употреблял спиртные напитки с заявителем и С. 7 февраля 2005 г., до 22.00, после чего он

уехал, а заявитель и С. с ним не поехали; (ii) он узнал об убийстве 8 февраля 2005 г. от сотрудников милиции; (iii) он знал, что заявитель подозревался в этом убийстве;

- заявлениями других свидетелей, не заинтересованных в исходе дела;
- письменным заявлением заявителя от 22 марта 2005 г. в прокуратуру Устиновского района г. Ижевска с описанием обстоятельств убийства;
- протоколом задержания заявителя, в котором заявитель отметил, что он согласен со своим задержанием, поскольку он совершил убийство;
- протоколами медицинских освидетельствований, которые не исключали возможность того, что кровь, следы которой были обнаружены на пальто заявителя, могла принадлежать жертве. Выводы этих медицинских освидетельствований были подтверждены протоколом осмотра места происшествия и заключением судебно-медицинской экспертизы трупа жертвы;
- заключениями судебно-химических экспертиз, согласно которым волокна, обнаруженные на месте преступления, могли быть с одежды, которая была на заявителе во время убийства;
- заключением судебно-медицинской экспертизы, согласно которому наличие у заявителя гипса на правой руке не исключало возможности совершения им активных целенаправленных действий этой рукой;
- заключением судебно-психиатрической экспертизы заявителя.

22. Суд отклонил утверждение заявителя о том, что его признание было получено в результате жестокого обращения с ним, ссылаясь на показания сотрудников милиции и протокол медицинского освидетельствования № 2672, в котором не было отмечено каких-либо повреждений на теле заявителя.

23. Заявитель обжаловал приговор. В своей апелляционной жалобе он, в частности, утверждал, что его признание являлось недопустимым доказательством, поскольку оно было получено под принуждением и в отсутствие адвоката.

24. 14 июня 2006 г. Верховный Суд Российской Федерации отклонил жалобу заявителя. Он полностью согласился с выводами суда первой инстанции в отношении приемлемости заявления заявителя о явке с повинной. Верховный Суд Российской Федерации, в частности, постановил, что закон не требует присутствия адвоката в момент дачи признательных показаний.

25. 4 июля 2006 г. заявитель был переведен в Исправительную колонию № ИК-8 Удмуртской Республики¹⁶ для отбывания наказания.

26. 19 августа 2006 г. заявитель был переведен в Следственный изолятор № ИЗ-16/2 г. Казани¹⁷ с отеком голеностопного сустава, эрозией кожи и повышением температуры.

27. 30 августа 2006 г. заявитель был переведен в хирургическое отделение данного учреждения для лечения.

28. 25 октября 2006 г. заявитель был переведен в Лечебное исправительное учреждение № ЛИУ-19 Республики Мордовия (лечебное исправительное учреждение, предназначенное для лечения и содержания под стражей наркоманов, алкоголиков и заключенных, больных ВИЧ-инфекцией и туберкулезом), где он проходил принудительное лечение от наркомании до 21 ноября 2008 г.

29. По словам заявителя, в данном учреждении был высокий процент ВИЧ-инфицированных заключенных, и некоторые из них работали с заявителем в швейной мастерской. В связи с этим заявитель считал, что он подвергался серьезному риску заражения через рабочие инструменты (например, ножницы и швейные иглы).

¹⁶ Так в тексте. По-видимому, имеется в виду Федеральное казенное учреждение «Исправительная колония № 8 Управления Федеральной службы исполнения наказаний России по Удмуртской Республике» (примеч. переводчика).

¹⁷ Так в тексте. По-видимому, имеется в виду Федеральное казенное учреждение «Следственный изолятор № 2 Управления Федеральной службы исполнения наказаний России по Республике Татарстан» (примеч. переводчика).

II. СООТВЕТСТВУЮЩИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА, МЕЖДУНАРОДНЫЕ ДОКУМЕНТЫ

A. Содержание под стражей лиц, больных ВИЧ-инфекцией

30. Соответствующие положения законодательства Российской Федерации и международных документов приведены в Постановлении Европейского Суда по делу «Артёмов против Российской Федерации» (Artyomov v. Russia) от 27 мая 2010 г., жалоба № 14146/02¹⁸, §§ 89–91 и 96–100.

B. Права подозреваемых, содержащихся под стражей, а также явка с повинной в уголовном судопроизводстве

1. Соответствующие законодательство Российской Федерации и правоприменительная практика

31. Соответствующие положения законодательства Российской Федерации и правоприменительная практика изложены в Постановлении Европейского Суда по делу «Турбылев против Российской Федерации» (Turbylev v. Russia) от 6 октября 2015 г., жалоба № 4722/09¹⁹, §§ 46–56.

2. Правоприменительная практика судов Российской Федерации

32. 29 ноября 2016 г. Пленум Верховного Суда Российской Федерации вынес Постановление № 55²⁰ (далее – Постановление № 55), в котором содержались нижеследующие указания.

33. В пункте 10 Постановления № 55 Верховный Суд Российской Федерации постановил, что до принятия в качестве доказательства заявления о явке с повинной, на которое ссылается сторона обвинения, суду первой инстанции надлежит проверить, в частности, разъяснялись ли до этого признания подсудимому его права, включая право не свидетельствовать против самого себя и право пользоваться услугами адвоката, а также была ли обеспечена возможность эффективного осуществления этих прав.

34. Если подсудимый объясняет изменение или отказ от полученных в присутствии защитника показаний тем, что они были даны под принуждением, то судом должны быть приняты достаточные и эффективные меры по проверке такого заявления подсудимого. При этом суду следует иметь в виду, что бремя опровержения доводов стороны защиты о том, что показания подсудимого были получены под принуждением, лежит на прокуроре (пункт 12 Постановления № 55).

35. При наличии оснований для проверки заявления подсудимого о жестоком обращении, выдвинутого в ходе судебного разбирательства, суд направляет его руководителю соответствующего органа предварительного расследования. Проведение такой проверки не освобождает суд от обязанности дать оценку материалам, представленным по ее результатам, и отразить свои выводы в приговоре (пункт 13 Постановления № 55).

36. Если в ходе судебного разбирательства доводы подсудимого о даче им показаний в результате жестокого обращения не опровергнуты, то такие показания не могут быть использованы в доказывании (пункт 14 Постановления № 55).

C. Порядок возобновления уголовного дела

37. Соответствующие положения законодательства Российской Федерации о порядке возобновления уголовных дел содержатся в упоминавшемся выше Постановлении Европейского Суда по делу «Турбылев против Российской Федерации», § 57.

¹⁸ См.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2012. № 1 (примеч. редактора).

¹⁹ См.: Российская хроника Европейского Суда. 2016. № 2 (примеч. редактора).

²⁰ Так в тексте. По-видимому, имеется в виду Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 ноября 2016 г. № 55 «О судебном приговоре» (примеч. переводчика).

ПРАВО

I. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 3 КОНВЕНЦИИ

38. Заявитель жаловался на то, что он подвергался риску заражения ВИЧ-инфекцией в Лечебном исправительном учреждении № ЛИУ-19 Республики Мордовия, где он отбывал часть своего наказания в период с 25 октября 2006 г. по 21 ноября 2008 г. Он ссылаясь на статью 3 Конвенции, которая гласит:

«Никто не должен подвергаться ни пыткам, ни бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию».

39. Власти Российской Федерации утверждали, что заявитель никогда не обращался в какие-либо государственные органы власти (будь то администрация учреждения, исполняющего наказание, прокурор, уполномоченный по правам человека или суды) с жалобами относительно условий его содержания под стражей в Лечебном исправительном учреждении № ЛИУ-19 Республики Мордовия и поэтому не предоставил им возможность рассмотреть его жалобы и в случае необходимости их удовлетворить. В связи с этим власти Российской Федерации считали, что заявитель не исчерпал внутригосударственные средства правовой защиты и что его жалоба должна быть отклонена в соответствии с пунктами 1 и 4 статьи 35 Конвенции. Власти Российской Федерации также утверждали, что ВИЧ-инфицированные заключенные отбывали наказание в Лечебном исправительном учреждении № ЛИУ-19 в тех же условиях, что и другие заключенные. Каждому заключенному, работающему в швейной мастерской Лечебного исправительного учреждения № ЛИУ-19, в том числе ВИЧ-инфицированным заключенным, была предоставлена индивидуальная швейная машина. Чтобы предотвратить риск распространения ВИЧ-инфекции, все помещения Лечебного исправительного учреждения № ЛИУ-19 ежедневно обрабатывались дезинфицирующими средствами, а также кварцевыми лампами два раза в сутки в течение одного часа. Администрация учреждения проводила регулярные консультации заключенных в отношении поведения, сопряженного с риском способов передачи ВИЧ, и личной гигиены. Все ВИЧ-инфицированные заключенные (включая заявителя во время его пребывания в лечебном исправительном учреждении) проходили лабораторные анализы на ВИЧ-инфекцию два раза в год. В Лечебном исправительном учреждении № ЛИУ-19 отсутствовали случаи заражения ВИЧ-инфекцией. Сам заявитель также не заразился ВИЧ-инфекцией во время содержания под стражей в Лечебном исправительном учреждении № ЛИУ-19. Власти Российской Федерации пришли к выводу, что жалоба заявителя является явно необоснованной.

40. Заявитель оспаривал доводы властей Российской Федерации. Он утверждал, что его работа в швейной мастерской в лечебном исправительном учреждении влекла очень серьезный риск заражения ВИЧ-инфекцией. Швейные машины были старыми, заключенные не всегда соблюдали правила техники безопасности и иногда получали травмы, при этом первая помощь оказывалась самими заключенными. Заявитель также указывал, что администрация учреждения, исполняющего наказание, не принимала профилактических мер против распространения ВИЧ-инфекции, и что санитарная обработка помещений проводилась очень редко и была неэффективной. Консультирование заключенных имело формальный характер.

Приемлемость жалобы для рассмотрения по существу

41. Европейский Суд отмечает, что в ряде ранее рассмотренных дел, связанных с условиями содержания в Российской Федерации в местах лишения свободы по приговору суда, он рассмотрел и отклонил предварительные возражения властей Российской Федерации, касающиеся предполагаемого неисчерпания внутригосударственных средств правовой защиты заявителями. В данных делах Европейский Суд констатировал, что власти Российской Федерации не смогли продемонстрировать практическую эффективность обращения заявителей к органам государственной власти с их жалобами (см. Постановление Европей-

ского Суда по делу «Сергей Бабушкин против Российской Федерации» (Sergey Babushkin v. Russia) от 28 ноября 2013 г., жалоба № 5993/08²¹, §§ 41–45, и Постановление Европейского Суда по делу «Мела против Российской Федерации» (Mela v. Russia) от 23 октября 2014 г., жалоба № 34044/08²², §§ 37–42). В настоящем деле власти Российской Федерации не привели какие-либо факты или доводы, способные убедить Европейский Суд прийти к иному выводу. Соответственно, Европейский Суд отклоняет довод властей Российской Федерации о неисчерпании внутригосударственных средств правовой защиты в отношении жалобы заявителя на условия его содержания под стражей в Лечебном исправительном учреждении № ЛИУ-19 Республики Мордовия.

42. Европейский Суд неоднократно заявлял, что для того, чтобы жалоба относилась к сфере действия статьи 3 Конвенции, жестокое обращение должно достигать минимального уровня. Оценка этого минимального уровня является относительной и зависит от всех обстоятельств дела, таких как продолжительность обращения, его физические или психические последствия, а в некоторых случаях пол, возраст и состояние здоровья жертвы (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Таракхель против Швейцарии» (Tarakhel v. Switzerland), жалоба № 29217/12, § 94, ECHR 2014 (извлечения)).

43. Кроме того, Европейский Суд повторяет, что в соответствии с существующими международными стандартами раздельное содержание, изоляция и ограничения в сфере профессиональной деятельности и досуга ВИЧ-инфицированных лиц считаются ненужными как в обществе, так и в местах лишения свободы (см. Постановление Европейского Суда по делу «Энхорн против Швеции» (Enhorn v. Sweden), жалоба № 56529/00, § 55, ECHR 2005-I). В местах лишения свободы их не следует отделять от остальных заключенных, если только это не обусловлено необходимыми медицинскими или другими соответствующими основаниями. Заключенным, инфицированным ВИЧ, должна предоставляться адекватная медицинская помощь с надлежащим соблюдением конфиденциальности. Органы власти государства-ответчика должны предоставлять всем заключенным консультации по вопросам поведения, сопряженного с риском, и способов передачи ВИЧ-инфекции (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Артёмов против Российской Федерации», § 188, и Постановление Европейского Суда по делу «Салманов против Российской Федерации» (Salmanov v. Russia) от 31 июля 2008 г., жалоба № 3522/04²³, § 49).

44. Обращаясь к обстоятельствам настоящего дела, Европейский Суд отмечает, что ВИЧ-инфицированные заключенные содержатся в Лечебном исправительном учреждении № ЛИУ-19 в тех же условиях, что и другие заключенные. Они повседневно пользуются теми же удобствами, что и все другие заключенные, а некоторые работают в швейной мастерской учреждения. Опасения заявителя за свою безопасность были основаны главным образом на том факте, что он работал в швейной мастерской, где, по его мнению, риск заражения через рабочие инструменты, такие как ножницы и швейные иглы, был особенно высок.

45. Европейский Суд указывает, и это не оспаривается заявителем, что каждому заключенному, работавшему в швейной мастерской Лечебного исправительного учреждения № ЛИУ-19, была предоставлена индивидуальная швейная машина для личного пользования, и, следовательно, риск заражения ВИЧ в результате характера выполненных заявителем работ был практически исключен. Кроме того, Европейский Суд отмечает, что, помимо ежедневной дезинфекции помещений, администрация пенитенциарного учреждения предоставляла регулярные консультации в отношении поведения, сопряженного с риском, способов передачи ВИЧ-инфекции и личной гигиены заключенных, также два раза в год проводилось лабораторное тестирование ВИЧ-отрицательных заключенных. Хотя заявитель выразил сожаление по поводу качества консультаций, предоставляемых администрацией Лечебного исправительного учреждения № ЛИУ-19 заключенным, и предполагаемой нерегулярности санитарной обработки помещений, материалы дела свидетельствуют

²¹ См.: Российская хроника Европейского Суда. 2014. № 4 (примеч. редактора).

²² См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. 2015. № 2 (примеч. редактора).

²³ См.: Российская хроника Европейского Суда. 2009. № 2 (примеч. редактора).

о том, что в Лечебном исправительном учреждении № ЛИУ-19 не было случаев заражения ВИЧ-инфекцией и что сам заявитель также не заразился ВИЧ-инфекцией во время содержания там под стражей. Таким образом, представляется, что меры, принятые администрацией Лечебного исправительного учреждения № ЛИУ-19, были достаточными для защиты заключенных от риска заражения ВИЧ-инфекцией. При данных обстоятельствах Европейский Суд не считает, что власти Российской Федерации не смогли обеспечить безопасность здоровья заявителя (см. упоминавшиеся выше Постановления Европейского Суда по делам «Артёмов против Российской Федерации», § 190, «Салманов против Российской Федерации», § 53, и Решение Европейского Суда по делу «Коробов и другие против Российской Федерации» (*Korobov and Others v. Russia*) от 2 марта 2006 г., жалоба № 67086/01²⁴).

46. Исходя из изложенного, Европейский Суд считает, что жалоба заявителя не свидетельствует о каких-либо признаках нарушения статьи 3 Конвенции. Следовательно, она является явно необоснованной и должна быть отклонена в соответствии с пунктами 3 и 4 статьи 35 Конвенции.

II. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 6 КОНВЕНЦИИ

47. Заявитель жаловался в соответствии со статьей 6 Конвенции на то, что уголовное производство по его делу было несправедливым, поскольку его приговор был основан на признании от 22 марта 2005 г., полученном от него под принуждением, и в отсутствие юридической помощи. Европейский Суд рассмотрит его жалобу в соответствии с пунктом 1 и подпунктом «с» пункта 3 статьи 6 Конвенции, которые в соответствующих частях предусматривают:

«1. Каждый... при предъявлении ему любого уголовного обвинения имеет право на справедливое... разбирательство дела... судом...

3. Каждый обвиняемый в совершении уголовного преступления имеет как минимум следующие права:

...(с) защищать себя лично или через посредство выбранного им самим защитника...».

48. Власти Российской Федерации утверждали, что 22 марта 2005 г. заявитель добровольно признался в совершении убийства. Заявителю не была предоставлена юридическая помощь в тот момент, когда он подписал свое признание в отсутствие такого требования в соответствии с законодательством Российской Федерации. Признание заявителя привело к его задержанию в качестве подозреваемого (с составлением соответствующего протокола), после чего заявителю сообщили о его правах, и он получил доступ к адвокату в порядке оказания юридической помощи. Все последующие следственные действия в отношении заявителя в качестве подозреваемого и обвиняемого первоначально проводились с участием адвоката в порядке оказания юридической помощи, а затем с участием адвоката по приглашению. Власти Российской Федерации отмечали отсутствие каких-либо доказательств принуждения со стороны сотрудников милиции для получения признания. В этом отношении они ссылались на выводы медицинского освидетельствования, проведенного 23 марта 2005 г. (которое не выявило каких-либо травм на теле заявителя), а также на то, что заявитель не обжаловал решение от 27 мая 2005 г. об отказе возбудить уголовное дело по его утверждениям о жестоком обращении. Кроме того, они отмечали, что заявитель оспаривал приемлемость своего признания во время производства по его делу, но суд Российской Федерации счел это возражение необоснованным и отклонил его. С учетом вышеизложенного власти Российской Федерации полагали, что не имели места нарушения права заявителя на защиту или общей справедливости судебного разбирательства в соответствии с пунктом 1 и подпунктом «с» пункта 3 статьи 6 Конвенции.

49. Заявитель утверждал, что 22 марта 2005 г., в 18.00, он был задержан сотрудниками милиции на улице по подозрению в совершении убийства и был доставлен в отдел внутренних дел против его воли. Власти Российской Федерации не привели каких-либо иных возможных объяснений, почему он был доставлен в отдел внутренних дел в тот день. Та-

²⁴ См.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2009. № 10 (примеч. редактора).

ким образом, заявитель имел право на доступ к юридической помощи с 18 часов 22 марта 2005 г. Однако сотрудники милиции подвергли его принудительным мерам и вынудили его признаться в совершении преступления, не предоставив ему юридической помощи. Следовательно, его признание явилось скрытым протоколом его допроса в качестве подозреваемого. Как только заявителю был назначен адвокат для оказания юридической помощи, он отказался от своего признания и сообщил, что подвергся давлению со стороны сотрудников милиции. Однако властями Российской Федерации не было проведено каких-либо значимых расследований его утверждений. При таких обстоятельствах признание заявителя, которое использовалось в качестве основания для приговора суда, сделало производство по его делу в целом несправедливым, особенно с учетом отсутствия других заслуживающих доверия доказательств его причастности к убийству.

А. Приемлемость жалобы для рассмотрения по существу

50. Европейский Суд считает, что данная жалоба не является явно необоснованной по смыслу подпункта «а» пункта 3 статьи 35 Конвенции. Он также отмечает, что эта жалоба не является неприемлемой по каким-либо иным основаниям. Следовательно, она должна быть объявлена приемлемой для рассмотрения по существу.

В. Существо жалобы

1. Был ли доступ заявителя к адвокату неоправданно ограничен

51. Общие принципы, касающиеся отправной точки «уголовного обвинения», права на юридическую помощь, права на получение информации об этом праве и преимущества права не свидетельствовать против самого себя, отказа от права на юридическую помощь, временного ограничения доступа к адвокату по «веским причинам» и влияния процессуальных нарушений на стадии досудебного производства по делу на общую справедливость судебного разбирательства, изложены в Постановлении Большой Палаты Европейского Суда по делу «Симеоновы против Болгарии» (*Simeonovi v. Bulgaria*), жалоба № 21980/04²⁵, §§ 110–119, *ECHR* 2017 (извлечения).

52. Обращаясь к обстоятельствам настоящего дела, Европейский Суд отмечает, что 22 марта 2005 г., в 18.00, заявитель был задержан и доставлен в отдел внутренних дел. Из фактов дела, которые не оспариваются властями Российской Федерации, явно следует, что в момент, когда он сделал свое признание, 22 марта 2005 г., в 21.50, заявитель был задержан по той лишь причине, что он подозревался в совершении убийства. Заявителю был официально присвоен статус подозреваемого в совершении преступления 23 марта 2005 г., в 00.05, когда был составлен протокол его задержания.

53. Европейский Суд повторяет, что в соответствии с Конвенцией лицо приобретает статус подозреваемого, требующий применения гарантий статьи 6 Конвенции, в том числе права на юридическую помощь, не тогда, когда этот статус ему официально присвоен, а когда у властей появляются веские основания подозревать это лицо в причастности к совершению уголовного преступления (см. упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Симеоновы против Болгарии», §§ 110–111). Следовательно, сотрудники органов внутренних дел были обязаны обеспечить заявителю права подозреваемого, включая доступ к адвокату, с момента его фактического задержания.

54. Вместе с тем Европейский Суд отмечает, что заявителю не была предоставлена возможность воспользоваться юридической помощью до тех пор, пока он не подписал заявление о явке с повинной и пока ему официально не был присвоен статус подозреваемого в уголовном деле. Судом Российской Федерации не были приведены какие-либо основания, за исключением соответствия законодательству государства-ответчика, которое не требовало присутствия адвоката в момент получения признания заявителя, для обоснования от-

²⁵ См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. Специальный выпуск. 2018. № 3 (примеч. редактора).

сутствия у заявителя доступа к адвокату во время его содержания под стражей в течение нескольких часов между фактическим периодом его задержания и временем составления протокола его задержания (см. выше § 24).

55. При таких обстоятельствах, даже если заявителю действительно сообщили о его конституционном праве не свидетельствовать против самого себя до получения его признания (см. выше § 9), и учитывая тот факт, что заявителю не сообщили о его праве на юридическую помощь с момента его фактического задержания, нельзя считать, что заявитель действительно отказался от своего права на юридическую помощь.

56. С учетом вышеизложенного Европейский Суд приходит к выводу, что доступ заявителя к адвокату с момента его фактического задержания был ограничен без какой-либо «веской причины». В связи с этим он продолжит изучение влияния этого процессуального нарушения на справедливость судебного разбирательства в целом.

2. Была ли обеспечена общая справедливость судебного разбирательства

57. В тех случаях, когда отсутствуют веские причины для ограничения доступа к юридической помощи, Европейский Суд должен применять очень строгий контроль при оценке общей справедливости судебного разбирательства. Неспособность властей государства-ответчика указать веские причины имеет большое значение для оценки справедливости судебного разбирательства в целом и может привести к установлению нарушения пункта 1 и подпункта «с» пункта 3 статьи 6 Конвенции. Власти государства-ответчика должны убедительно продемонстрировать, почему в виде исключения и при конкретных обстоятельствах дела общая справедливость судебного разбирательства не является безвозвратно подорванной ограничением доступа к юридической помощи (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Ибрагим и другие против Соединенного Королевства» (*Ibrahim and Others v. United Kingdom*), жалобы №№ 50541/08, 50571/08, 50573/08 и 40351/09²⁶, § 265, *ECHR* 2016).

58. Соответствующие факторы для оценки влияния процессуальных нарушений на стадии досудебного производства по делу на общую справедливость судебного разбирательства изложены в упоминавшемся выше Постановлении Большой Палаты Европейского Суда по делу «Ибрагим и другие против Соединенного Королевства» и подтверждены в упоминавшемся выше Постановлении Большой Палаты Европейского Суда по делу «Симеоновы против Болгарии», § 120.

59. Европейский Суд отмечает, что, хотя право заявителя на юридическую помощь с момента его фактического задержания было необоснованно ограничено, заявитель признался в совершении убийства и подписал соответствующее заявление о явке с повинной.

60. Кроме того, Европейский Суд констатирует, что, как только протокол задержания заявителя был составлен и заявителю сообщили о его правах в качестве подозреваемого в уголовном деле, включая право на юридическую помощь, он обратился с просьбой обеспечить ему доступ к адвокату. Как только просьба заявителя была удовлетворена и ему был назначен адвокат в порядке оказания юридической помощи, он отказался от своего признания. Впоследствии он оспаривал приемлемость своего признания в ходе судебного и апелляционного разбирательств, утверждая, что оно было получено в результате давления со стороны сотрудников органов внутренних дел и в отсутствие помощи адвоката (см. выше § 11, 12, 20 и 23).

61. Однако Европейский Суд отмечает, что жалоба заявителя была отклонена судом Российской Федерации главным образом на основании того, что законодательство страны не требовало обязательного присутствия адвоката в момент совершения заявителем признания (см. выше § 24). Это техническое соответствие с законодательством Российской Федерации подорвало, а возможно, и исключило возможность заявителя на практике оспаривать использование признания, полученного от него в отсутствие помощи адвоката (см. упомин-

²⁶ См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. Специальный выпуск. 2017. № 12 (примеч. редактора).

навшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Турбылев против Российской Федерации», § 95, и Постановление Европейского Суда по делу «Ситневский и Чайковский против Украины» (Sitnevskiy and Chaykovskiy v. Ukraine) от 10 ноября 2016 г., жалобы №№ 48016/06 и 7817/07, § 81).

62. Кроме того, Европейский Суд подчеркивает, что утверждения заявителя о том, что он сделал свое признание недобровольно, и это явилось результатом жестокого обращения со стороны сотрудников органов внутренних дел, были отклонены как необоснованные из-за отсутствия доказательств каких-либо телесных повреждений, причиненных заявителю в соответствующий период (см. выше §§ 12, 17 и 22). Однако даже в отсутствие какого-либо принуждения в отношении заявителя во время его признания содержание его под стражей в течение нескольких часов в отделе внутренних дел без юридической помощи и без составления протокола задержания не может не оказывать принудительное воздействие.

63. Наконец, Европейский Суд отмечает, что заявитель утверждал, что суд Российской Федерации использовал его признание в качестве основания для его осуждения, что ввиду отсутствия других прямых доказательств его причастности к убийству сделало производство по его делу в целом несправедливым (см. выше § 21). Европейский Суд обращает внимание на то, что признание заявителя действительно предоставило следственным органам государства-ответчика основу, на которой они впоследствии построили свою доказательную базу и дали им направление для поиска других подтверждающих доказательств. Таким образом, Европейский Суд приходит к выводу, что, принимая во внимание центральное место признания заявителя в версии обвинения, можно считать, что оно составило неотъемлемую и значительную часть доказательной базы, на которой основывался вынесенный ему приговор (см. для сравнения упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Ибрагим и другие против Соединенного Королевства», § 309, и в качестве противоположного примера Постановление Европейского Суда по делу «Артур Пархоменко против Украины» (Artur Parkhomenko v. Ukraine) от 16 февраля 2017 г., жалоба № 40464/05, § 87).

64. Европейский Суд не упускает из виду наличие других соответствующих факторов при оценке общей справедливости производства по делу заявителя. В частности, он отмечает, что заявитель не был особенно уязвимым лицом, что доказательства по делу были оценены профессиональными судьями и что общественный интерес к уголовному преследованию за вменяемое в вину заявителю преступление был очень сильным. Однако на фоне других факторов, рассмотренных Европейским Судом (см. выше §§ 59–63), данные факты не способны склонить чашу весов в пользу признания судебного разбирательства справедливым.

65. Учитывая вышеизложенное и неспособность властей Российской Федерации убедительно продемонстрировать, почему общая справедливость судебного разбирательства не была безвозвратно подорвана отсутствием у заявителя доступа к адвокату с момента его фактического задержания, Европейский Суд считает, что в настоящем деле имело место нарушение пункта 1 и подпункта «с» пункта 3 статьи 6 Конвенции.

III. ИНЫЕ ПРЕДПОЛАГАЕМЫЕ НАРУШЕНИЯ КОНВЕНЦИИ

66. Кроме того, заявитель жаловался, ссылаясь на статью 3 Конвенции, на предполагаемое жестокое обращение с ним после его задержания, в ходе предварительного следствия и после его поступления в Лечебное исправительное учреждение № ЛИУ-19, на предполагаемое непредоставление ему медицинской помощи, на предполагаемое ненужное принудительное лечение заявителя от наркомании, на условия его содержания в отделе внутренних дел, а также на его содержание в Лечебном исправительном учреждении № ЛИУ-19 вместе с заключенными, страдающими туберкулезом. Наконец, заявитель оспаривал в соответствии со статьей 6 Конвенции приемлемость доказательств, на которые ссылался суд Российской Федерации при вынесении ему приговора, и жаловался на нарушение статьи 13 Конвенции в связи с отсутствием эффективных внутригосударственных средств правовой защиты от предполагаемых нарушений.

67. Рассмотрев эти жалобы с учетом всех имеющихся в его распоряжении материалов, Европейский Суд считает, что, насколько они относятся к его компетенции, данные жалобы

не свидетельствуют о каких-либо признаках нарушений прав и свобод, предусмотренных Конвенцией.

68. Таким образом, в этой части жалобы должны быть объявлены неприемлемыми для рассмотрения по существу как явно необоснованные в соответствии с подпунктом «а» пункта 3 и пунктом 4 статьи 35 Конвенции.

IV. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

69. Статья 41 Конвенции гласит:

«Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

А. Ущерб

70. Заявитель требовал выплатить ему 75 000 евро в качестве компенсации морального вреда.

71. Власти Российской Федерации полагали, что в случае установления Европейским Судом факта нарушения Конвенции это будет являться достаточной справедливой компенсацией любого морального вреда, причиненного заявителем.

72. Европейский Суд считает целесообразным присудить заявителю 4 000 евро, а также любой налог, подлежащий начислению на указанную выше сумму, в качестве компенсации морального вреда.

В. Судебные расходы и издержки

73. Заявитель также требовал выплатить ему 1 360 евро в качестве компенсации судебных расходов и издержек, понесенных при разбирательстве дела в Европейском Суде.

74. Власти Российской Федерации полагали, что требуемые суммы являются чрезмерными, и предложили Европейскому Суду отклонить данные требования.

75. В соответствии с прецедентной практикой Европейского Суда заявитель имеет право на компенсацию судебных расходов и издержек только в той части, в которой они были действительно понесены, являлись необходимыми и разумными по размеру. В настоящем деле, принимая во внимание представленные ему документы и вышеуказанные критерии, а также тот факт, что заявитель получил юридическую помощь, которая уже была выплачена его представителю в размере 850 евро, Европейский Суд считает разумным присудить заявителю 510 евро в качестве компенсации судебных расходов, понесенных в Европейском Суде, а также любой налог, обязанность уплаты которого может быть возложена на заявителя в связи с указанной суммой.

С. Процентная ставка при просрочке платежей

76. Европейский Суд полагает, что процентная ставка при просрочке платежей должна определяться исходя из предельной кредитной ставки Европейского центрального банка плюс три процента.

На основании изложенного Европейский Суд единогласно:

1) *объявил* жалобу на нарушение пункта 1 и подпункта «с» пункта 3 статьи 6 Конвенции в отношении использования в качестве доказательства признания заявителя, полученного в отсутствие доступа к помощи адвоката, приемлемой для рассмотрения по существу, а в остальной части – неприемлемой;

2) *постановил*, что имело место нарушение пункта 1 и подпункта «с» пункта 3 статьи 6 Конвенции;

3) *постановил*, что:

(а) власти государства-ответчика обязаны в течение трех месяцев со дня вступления настоящего Постановления в силу в соответствии с пунктом 2 статьи 44 Конвенции выплатить

заявителю следующие суммы, подлежащие переводу в валюту государства-ответчика по курсу, действующему на день выплаты:

(i) 4 000 (четыре тысячи) евро в качестве компенсации морального вреда, а также любой налог, подлежащий начислению на указанную сумму;

(ii) 510 (пятьсот десять) евро в качестве компенсации судебных расходов и издержек, а также любой налог, обязанность уплаты которого может быть возложена на заявителя в связи с указанной суммой, подлежащих перечислению на банковский счет представителя заявителя;

(b) с даты истечения указанного трехмесячного срока и до момента выплаты на эти суммы должны начисляться простые проценты, размер которых определяется предельной кредитной ставкой Европейского центрального банка, действующей в период неуплаты, плюс три процента;

4) *отклонил* оставшуюся часть требований заявителя о справедливой компенсации.

Совершено на английском языке, уведомление о Постановлении направлено в письменном виде 17 июля 2018 г. в соответствии с пунктами 2 и 3 правила 77 Регламента Европейского Суда.

Стивен ФИЛЛИПС
Секретарь Секции
Суда

Хелена ЯДЕРБЛОМ
Председатель
Палаты Суда

Дело «К.Ф. (К.Ф.) против Российской Федерации»²⁷

(Жалоба № 39552/16)

РЕШЕНИЕ О ПРИЕМЛЕМОСТИ ЖАЛОБЫ²⁸

По делу «К.Ф. против Российской Федерации» Европейский Суд по правам человека (Третья Секция), заседая 24 сентября 2019 г. Комитетом в составе:

Алёны Полачковой, *Председателя Комитета Суда,*

Дмитрия Дедова,

Джилберто Феличи, *судей,*

а также при участии Стивена Филлипса, *Секретаря Секции Суда,*

рассмотрев вышеуказанную жалобу, поданную 12 июля 2016 г.,

принял следующее Решение:

ПРОЦЕДУРА

1. Настоящая жалоба против Российской Федерации подана от имени К.Ф., гражданина Таджикистана, адвокатом Розой Магомедовой, практикующей в г. Москве.

2. Власти Российской Федерации были представлены Уполномоченным Российской Федерации при Европейском Суде М.Л. Гальпериным.

3. 13 июля 2016 г. в Европейский Суд в соответствии с правилом 39 его Регламента было представлено ходатайство о принятии обеспечительной меры, препятствующей высылке К.Ф. в страну его происхождения. Делу заявителя были предоставлены приоритет и конфиденциальность (правила 41 и 33 Регламента Европейского Суда соответственно), а заявителю было разрешено сохранить анонимность (пункт 4 правила 47 Регламента Европейского Суда).

4. 10 ноября 2016 г. уведомление о жалобах в соответствии со статьями 3, 5, 13 и 34 Конвенции было направлено властям Российской Федерации.

5. 13 марта 2017 г. Международной комиссии юристов (*International Commission of Jurists*) было предоставлено разрешение на вступление в производство по делу в качестве третьей стороны согласно пункту 2 статьи 36 Конвенции и пункту 3 правила 44 Регламента Европейского Суда.

6. Имеющие отношение к делу факты можно обобщить следующим образом.

7. В апреле-мае 2015 года К.Ф. в Таджикистане было предъявлено обвинение в вербовке 20 граждан Таджикистана для участия в боевых действиях в Сирии на стороне Фронта Аль-Нусра²⁹ (салафистская джихадистская организация). Власти Таджикистана выдали ордер на обыск на его имя.

8. 15 июля 2015 г. К.Ф. был задержан в Российской Федерации и впоследствии содержался под стражей в ожидании экстрадиции.

9. 5 февраля 2016 г. заместитель Генерального прокурора Российской Федерации санкционировал его экстрадицию в Таджикистан.

10. 1 июня 2016 г. Московский городской суд оставил в силе вышеуказанное постановление. Интересы заявителя, присутствовавшего на слушании, представляли Роза Магомедова и Ольга Голуб.

11. 11 июля 2016 г. Р. Магомедова подала от имени К.Ф. в соответствии с правилом 39 Регламента Европейского Суда ходатайство о приостановлении его высылки в Таджикистан.

²⁷ Документ предоставлен ООО «Развитие правовых систем» // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2020. № 2. Перевод с английского языка В.А. Власихина.

²⁸ Настоящее Решение вступило в силу 24 сентября 2019 г. в соответствии с пунктом 2 статьи 28 Конвенции (*примеч. редактора*).

²⁹ Так в тексте. По-видимому, речь идет об организации Джебхат ан-Нусра (Фронт победы), которая Решением Верховного Суда Российской Федерации от 29 декабря 2014 г. № АКПИ14-1424С признана террористической, и ее деятельность запрещена на территории Российской Федерации (*примеч. редактора*).

Ходатайство было отправлено по факсу с приложением формуляра доверенности от 1 июня 2016 г. В формуляре доверенности (который обычно содержит две страницы) отсутствовала первая страница с указанием имени заявителя и другой личной информации о нем. На второй странице Р. Магомедова была упомянута как адвокат. На этой странице о ней содержалась следующая информация:

- 1) гражданство – «Россия»;
- 2) ее адрес в общей сложности на трех строках, упоминание сначала общественной организации, с которой она была связана;
- 3) один номер телефона;
- 4) один полный номер факса и один неполный;
- 5) один электронный адрес.

Подпись в графе, предназначенной для заявителя, была сделана ближе к центру этой графы.

12. 12 июля 2016 г. Р. Магомедовой было предложено представить полные копии некоторых документов, прилагаемых к вышеупомянутому ходатайству, включая первую страницу формуляра доверенности.

13. 13 июля 2016 г. Р. Магомедова вновь подала ходатайство о принятии обеспечительной меры, однако снова без первой страницы формуляра доверенности.

14. В тот же день Европейский Суд постановил «в интересах сторон и надлежащего проведения разбирательства по находящемуся на его рассмотрении делу указать властям Российской Федерации в соответствии с правилом 39 Регламента Европейского Суда, что заявитель не должен быть выдан, выслан или иным образом принудительно выдворен из Российской Федерации в Таджикистан или иную страну до дальнейшего уведомления». Р. Магомедовой было предложено представить надлежащим образом заполненный формуляр жалобы до 10 августа 2016 г.

15. 14 июля 2016 г. Верховный Суд Российской Федерации в окончательном постановлении оставил в силе решение об экстрадиции К.Ф. в Таджикистан. Интересы заявителя, присутствовавшего на слушании, представляли Р. Магомедова и О. Голуб.

16. В тот же день он был передан конвою правоохранителей из Таджикистана и экстрадирован в эту страну.

17. 15 июля 2016 г. Р. Магомедова по факсу сообщила Европейскому Суду о том, что К.Ф., скорее всего, был выслан в Таджикистан в нарушение обеспечительной меры.

18. 20 июля 2016 г. Европейский Суд в соответствии с подпунктом «а» пункта 2 правила 54 Регламента Европейского Суда просил Р. Магомедову предоставить ему до 27 июля 2016 г. информацию о местонахождении К.Ф. и движении по делу. Кроме того, ей было предложено представить заполненный формуляр доверенности.

19. 25 июля 2016 г. Р. Магомедова сообщила о выдворении К.Ф. К ее информации была приложена копия второй страницы формуляра доверенности, которая была представлена ранее, 11 июля 2016 г. (см. выше § 11).

20. 9 августа 2016 г. Р. Магомедова представила формуляр жалобы от имени К.Ф. Формуляр жалобы не имел оригинала доверенности, но в нем содержался другой экземпляр копии второй страницы формуляра доверенности, который представлялся ею ранее, 11 июля 2016 г. Она не предоставила какого-либо объяснения факту отсутствия оригинала второй страницы формуляра доверенности.

21. 27 июля 2018 г. Р. Магомедовой было предложено сообщить Европейскому Суду до 7 сентября 2018 г., остается ли она в контакте с К.Ф. или его ближайшими родственниками, и хочет ли он продолжать производство по жалобе. Ее попросили подтвердить свою позицию с помощью любых документальных доказательств. Кроме того, ей напомнили, что она до сих пор не представила оригинала доверенности от 1 июня 2016 г., и посоветовали ей сделать это без промедления.

22. В отсутствие какого-либо ответа от Р. Магомедовой 24 сентября 2018 г. Европейский Суд напомнил ей о письме от 27 июля 2018 г. и установил новый срок, до 5 октября 2018 г., для подачи ею представлений в Европейский Суд. Она была уведомлена о том, что в случае

неполучения Европейским Судом ответа от нее жалоба может быть исключена из списка подлежащих рассмотрению дел.

23. 1 октября 2018 г. Р. Магомедова направила письмо в Европейский Суд. В части, относящейся к вышеуказанной просьбе о предоставлении информации, в нем говорилось следующее:

«В настоящее время заявитель осужден на 10 лет и отбывает наказание в исправительном учреждении пенитенциарной системы Таджикистана. Заявитель через адвоката, представляющего его интересы в Таджикистане, передал через своих родственников, а те в свою очередь представителю заявителя в Европейском Суде, что он по-прежнему преследует свои цели производства по жалобе».

24. К данному письму прилагался формуляр доверенности, который предположительно являлся оригиналом формуляра от 1 июня 2016 г. (копия которого ранее неоднократно представлялась). В этом предполагаемом оригинале также отсутствовала первая страница с именем заявителя и другой личной информацией о нем. На второй странице Р. Магомедова была указана как адвокат. На этой странице содержалась следующая информация о ней:

- 1) гражданство – «Российская Федерация»;
- 2) ее адрес в общей сложности на пяти строках, упоминание общественной организации, с которой она была связана, после почтового адреса;
- 3) два телефонных номера;
- 4) один номер факса;
- 5) два адреса электронной почты.

Подпись в графе, предназначенной для заявителя, была сделана ближе к левой стороне этой графы.

25. Наконец, в вышеупомянутой графе Р. Магомедова указала, что 15 августа 2018 г. она уже подавала повторную жалобу с формуляром доверенности от 1 июня 2016 г. Повторный формуляр жалобы, зарегистрированный под № 40744/18, было отклонено в соответствии с правилом 47 Регламента Европейского Суда из-за отсутствия оригинала подписи заявителя в формуляре доверенности. Р. Магомедова была проинформирована об этом письмом от 4 сентября 2018 г.

ПРАВО

26. В прочно устоявшейся прецедентной практике Европейского Суда установлено, что в тех случаях, когда заявители хотят иметь представителя в соответствии с пунктом 1 правила 36 Регламента Европейского Суда, а не подавать жалобу самостоятельно, пункт 3 правила 45 Регламента Европейского Суда требует от их представителей предоставить документы, в письменном виде удостоверяющие их полномочия действовать от имени заявителя, подписанные надлежащим образом. Важно, чтобы представители доказали, что они получают конкретные и четкие инструкции от предполагаемой жертвы по смыслу статьи 34 Конвенции, от имени которой они будут действовать в Европейском Суде (см., например, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Общественная организация “Центр правовых ресурсов” от имени Валентина Кэмпану против Румынии» (*Centre for Legal Resources on behalf of Valentin Câmpeanu v. Romania*), жалоба № 47848/08³⁰, § 102, *ECtHR* 2014).

27. Не менее важно, чтобы представитель заявителя не только предъявил доверенность или письменный документ, уполномочивающий его действовать от имени заявителя (пункт 3 правила 45 Регламента Европейского Суда), но и чтобы контакт между заявителем и его представителем поддерживался на протяжении всего разбирательства. Данный контакт необходим как для того, чтобы узнать больше о конкретной ситуации заявителя, так и для подтверждения сохраняющегося интереса заявителя в продолжении рассмотрения его жалобы (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «V.M. и дру-

³⁰ См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. 2017. № 12 (*примеч. редактора*).

гие против Бельгии» (V.M. and Others v. Belgium) (прекращение производства) от 17 ноября 2016 г., жалоба № 60125/11³¹, § 35).

28. Наконец, в отношении вопросов, касающихся злоупотребления правом на подачу жалобы, Европейский Суд отмечал, что в его задачу не входит рассмотрение явно ненадлежащего поведения заявителей или их уполномоченных представителей, которое создает ненужную работу для Европейского Суда, что несовместимо с выполнением надлежащим образом его функции в соответствии с Конвенцией (см. Решение Европейского Суда по делу «Мартинс Алвеш против Португалии» (Martins Alves v. Portugal) от 21 января 2014 г., жалоба № 56297/11, § 11, с дальнейшими ссылками). Аналогичные рассуждения могут быть применимы и в делах, подобных настоящему.

29. Возвращаясь к настоящему делу, Европейский Суд отмечает, что в нем затрагиваются вопросы как о том, была ли Р. Магомедова уполномочена представлять интересы К.Ф., так и о том, поддерживала ли она контакт с ним на протяжении всего процесса.

30. Из содержания материалов дела ясно, что она представляла интересы К.Ф. в ходе внутригосударственного производства (см. выше §§ 10 и 15). Однако данный факт не имеет отношения к вопросу о том, получала ли она конкретные и четкие инструкции от предполагаемой жертвы действовать от его имени в Европейском Суде (см. упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Общественная организация “Центр правовых ресурсов” от имени Валентина Кэмпану против Румынии»).

31. 11 июля 2016 г. Р. Магомедова подала ходатайство от имени К.Ф. в соответствии с правилом 39 Регламента Европейского Суда о приостановлении его высылки в Таджикистан. Формуляр доверенности, датированный 1 июня 2016 г., был отправлен по факсу и не содержал первой страницы с именем заявителя и иной личной информацией о нем. С этой даты Европейский Суд несколько раз просил Р. Магомедову предоставить полный оригинал этого формуляра.

32. Только 1 октября 2018 г., то есть через два года и три месяца после подачи жалобы, она, наконец, предоставила предполагаемый оригинал формуляра доверенности от 1 июня 2016 г. Однако эти два документа, которые должны быть идентичны как оригинал и его копия, явно отличаются по формулировке гражданства Р. Магомедовой, написанию ее адреса, телефонных и факсимильных номеров, а также адресов электронной почты. Кроме того, они отличаются друг от друга расположением подписи предполагаемого заявителя на бланке (см. выше §§ 11 и 24). Совершенно очевидно, что эти изменения не могут быть вызваны в результате передачи по факсу или ксерокопирования документа.

33. Следует сделать вывод, что документ, представленный 1 июня 2018 г., не является оригиналом предполагаемого формуляра доверенности от 1 июня 2016 г. Этот вывод далее подтверждается противоречивыми сообщениями Р. Магомедовой, которая утверждала, что она предоставила предполагаемый оригинал уже в августе 2018 года (см. выше § 25), и, таким образом, подразумевала наличие двух оригиналов одного фотокопированного документа.

34. Кроме того, вызывает удивление тот факт, что Р. Магомедова, несмотря на недвусмысленные просьбы Европейского Суда предоставить оригинал формуляра доверенности, предпочла сначала представить его копии, по крайней мере, в четырех случаях, а затем явно другой документ. Она не сочла необходимым или уместным каким-либо образом прокомментировать этот вопрос.

35. Вышеуказанные обстоятельства в высшей степени свидетельствуют о явно ненадлежащем профессиональном поведении и фальсификации со стороны Р. Магомедовой. По мнению Европейского Суда, такая ситуация вызывает серьезную озабоченность, учитывая количество ранее рассмотренных дел и жалоб, в настоящее время находящихся в Европейском Суде, в которых Р. Магомедова, профессиональный юрист, упоминается в качестве представительницы.

36. Приведенные выше доводы делают излишним подробное рассмотрение вопроса о том, поддерживала ли Р. Магомедова постоянный контакт с К.Ф. В то же время Европей-

³¹ См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. Специальный выпуск. 2017. № 12 (примеч. редактора).

ский Суд считает важным отметить, что в ответ на просьбу проинформировать Европейский Суд по данному вопросу и предоставить документальные доказательства в подтверждение своей позиции (см. выше § 21) она предпочла проигнорировать эту просьбу. Только после того, как ее предупредили о возможном исключении жалобы из списка подлежащих рассмотрению дел, она представила расплывчатое, лишённое всех деталей и не подтвержденное доказательствами утверждение о существовании контакта (см. выше § 23).

37. Соответственно, нельзя достоверно установить, была ли Р. Магомедова в любой момент времени уполномочена представлять интересы К.Ф. в Европейском Суде, получала ли она от него конкретные и четкие инструкции или был ли он вообще осведомлен о подаче жалобы либо о производстве по жалобе.

38. С учетом вышеизложенного и в отсутствие каких-либо особых обстоятельств, касающихся уважения прав, гарантированных Конвенцией или Протоколами к ней, Европейский Суд в соответствии с подпунктом «а» пункта 1 статьи 37 Конвенции считает, что более нет оснований продолжать рассмотрение жалобы.

39. Таким образом, представляется целесообразным исключить жалобу из списка подлежащих рассмотрению дел.

40. В соответствии с пунктом 2 статьи 28 Конвенции настоящее Решение является окончательным. В связи с этим Европейский Суд считает, что действие меры, предписанной властям Российской Федерации в соответствии с правилом 39 Регламента Европейского Суда, должно быть прекращено.

На основании изложенного Европейский Суд единогласно:

решил исключить жалобу из списка подлежащих рассмотрению дел.

Совершено на английском языке, уведомление о Решении направлено в письменном виде 17 октября 2019 г.

Стивен ФИЛЛИПС
Секретарь Секции Суда

Алёна ПОЛАЧКОВА
Председатель Комитета Суда

Дело «Хёйнесс (Høiness) против Норвегии»³²

(Жалоба № 43624/14)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ³³

г. Страсбург, 19 марта 2019 г.

По делу «Хёйнесс против Норвегии» Европейский Суд по правам человека (Вторая Секция), заседая Палатой в составе:

Роберта Спано, *Председателя Палаты Суда*,

Пауля Лемменса,

Юлии Лаффранк,

Валерия Грицко,

Стефани Муру-Викстрём,

Арнфинн Бордсен,

Дариана Павли, *судей*,

а также при участии Стэнли Найсмита, *Секретаря Секции Суда*,

рассмотрев дело в закрытом заседании 19 февраля 2019 г.,

вынес в указанный день следующее Постановление:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было инициировано жалобой № 43624/14, поданной против Королевства Норвегия в Европейский Суд по правам человека (далее – Европейский Суд) в соответствии со статьей 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – Конвенция) подданной Норвегии Моной Хёйнесс (Mona Høiness) (далее – заявительница) 3 июня 2014 г.

2. Заявительница была представлена адвокатом Х. Хелле (*H. Helle*), практикующим в г. Осло. Власти Норвегии были представлены Представителем Королевства Норвегии при Европейском Суде М. Эмберландом (*M. Emberland*), сотрудником аппарата генерального адвоката по гражданско-правовым вопросам, а также адвокатом Р. Нордейде (*R. Nordeide*).

3. Заявительница утверждала, что было допущено нарушение ее права на уважение личной жизни, гарантированного статьей 8 Конвенции, поскольку суды страны не привлекли медийную компанию и ее издателя к ответственности по жалобе заявительницы и не обязали их выплатить компенсацию за то, что они не смогли в достаточной степени предотвратить размещение на онлайн-форуме комментариев о ней или быстро удалить их.

4. 20 июня 2017 г. жалоба была коммуницирована властям Норвегии.

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

A. Вступление

5. Заявительница родилась в 1958 году и проживает в г. Осло. Она известный адвокат и занимается в основном уголовными делами и делами об опеке над детьми. Она замужем за бизнесменом и ранее была ведущей ток-шоу и активно участвовала в общественной дискуссии.

6. В августе и сентябре 2010 года заявительница подала две жалобы в Комиссию по делам прессы (*Pressens Faglige Utvalg*) (далее также – Комиссия) в отношении двух публикаций в еженедельной и ежедневной деловых газетах *Kapital* и *Finansavisen*, владельцем и осуществлявшим контроль лицом в отношении которых был Тругве Хегнар (*Trygve Hegnar*). Хегнар

³² Документ предоставлен ООО «Развитие правовых систем» // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2020. № 2. Перевод с английского языка А.С. Новиковой.

³³ Настоящее Постановление вступило в силу 19 июня 2019 г. в соответствии с положениями пункта 2 статьи 44 Конвенции (*примеч. редактора*).

также являлся владельцем и осуществлял руководство интернет-сайтом *Hegnar Online*, который был посвящен в основном деловым и финансовым новостям.

7. С конца лета 2010 года все три издания публиковали статьи о роли и взаимоотношениях заявительницы с богатой пожилой вдовой, наследницей которой заявительница должна была стать. Публикации содержали прямые и косвенные предположения о том, что заявительница эксплуатировала ее в эмоциональном и финансовом плане. Когда в 2011 году вдова умерла, ее родственники обратились в суд с иском к заявительнице, оспаривая действительность завещания. Дело о наследстве, которое заявительница выиграла в первой и второй инстанциях (в 2012 и 2014 годах соответственно), широко освещалось данными изданиями.

8. На интернет-сайте *Hegnar Online* был форум с отдельным интернет-адресом, но ссылка на него размещалась в онлайн-газете. На форуме читатели могли вести обсуждение и оставлять комментарии. На форуме не было контента издательства, весь контент генерировался пользователями. Пользователи могли делать комментарии анонимно, у них не было обязанности регистрироваться. Каждый месяц публиковалось более 20 000 комментариев, и форум был одним из самых посещаемых в Норвегии. Форум подразделялся на много подфорумов под названиями «Доставка», «IT», «Финансы», «Собственность», «Средства массовой информации» и «Тема дня» (*Dagens tema*).

9. 5 ноября 2010 г. в рамках подфорума «Тема дня» началась дискуссия под заголовком «Мона Хейнесс – дело растет, по информации *Kapital*» (*Mona Høiness – saken vokser, sier Kapital*), в которой ее инициатор написал лишь «Каков статус?» (*Hva er status?*). Следующий комментарий, опубликованный в тот же день, был таким: «Сексуальная дама. А о чем дело???» (*Sexy dame. Hva gjelder saken???*), – на что другой пользователь ответил: «Деньги». На следующий день, в 12.32, был сделан другой комментарий, в котором пользователь утверждал, что «знал кого-то, кто знал кого-то», кому «повезло перепихнуться³⁴ с заявительницей (*Sexy hun da! Kjenner en som kjenner en som knulla henne. Heldiggris*, далее – комментарий № 1).

Дискуссия продолжилась в тот же день следующими комментариями: *status quo* и *ab absurdo*. На следующий день был сделан другой комментарий: «Я немного читал об этом деле несколько недель назад. Я знаю, что *Kapital* рассказывает о нем на первой странице. Конфликт касается квартиры в районе Фрогнер (*Frogner*) + богатой пожилой дамы, с которой у Хейнесс за многие годы сложились материнско-дочерние отношения» (*Leste om denne saken såvidt, for flere uker siden. Ser nå at Kapital gir den forsiden. Striden gjelder en leilighet på Frogner + velstående eldre dame som Høiness har utviklet et mor/datter-forhold til over mange år.*).

Следующий комментарий: «Это дело *Kapital* [“(Saken til Kapital)”) растет?», – на что другой пользователь ответил игрой слов: «Это штука Хегнара растет [“(saken til Hegnar)”)»]. За этим следовал комментарий «Если вы ищете хороших женщин, пройдите по ссылке “Тордость нации”», к которому другой пользователь добавил: «И сайт об откровениях Мэрилин».

На следующий день, 8 ноября 2010 г., появился новый комментарий: «Когда речь идет о 100 миллионах, ясно, что этические правила немного отходят на второй план» (*Med 100 mill i potten er det klart du tøyer de etiske reglene litt*). Затем другой пользователь задал вопрос: «Она беременна или просто набирает вес?», – а другой снова использовал упомянутую выше игру слов: «Ставка Хегнара [“(staken til Hegnar)”) по-прежнему растет?». В 17.55 другой пользователь написал: «Если бы мне пришлось т... ее, мне пришлось бы сделать это с закрытыми глазами. Женщина ужасно уродлива, выглядит, как ш...» (*Skulle jeg k– henne måtte det bli med bind for øya. Synes dama er dritstygg – ser ut som en h–*”), далее – комментарий № 2). После этого другой пользователь спросил: «Сколько ей сейчас лет?», – на что другой ответил: «Ей сейчас 83 [“(etter hvert)”). Время летит!».

Все комментарии были анонимными, и, таким образом, количество разных пользователей, которые являлись их авторами, было неизвестно. Согласно распечатке, сделанной 8 нояб-

³⁴ Инвективная лексика, содержащаяся в комментариях участников интернет-форума, в тексте настоящего Постановления сохранена в целях пояснения причины жалобы заявительницы на нарушение ее права на личную жизнь (*примеч. редактора*).

ря 2010 г., в 19.26, комментарий № 1 был к тому времени прочитан 176 раз, а комментарий № 2 – 12.

10. В тот же день, 8 ноября 2010 г., адвокат заявительницы отправил письмо в Комиссию по делам прессы в рамках производства, которое касалось упомянутых выше жалоб в отношении освещения дела о наследстве (см. выше § 7). Адвокат указал, среди прочего, что в издании *Kapital* была опубликована новая статья и что дело было выбрано в качестве «Темы дня» в *Hegnar Online*. В частности, Хегнар «позволил пользователям выражать серьезное и унижающее достоинство сексуальное домогательство» в отношении заявительницы. В письме было ясно сказано, что оно не являлось частью уже существующей жалобы в отношении *Kapital*, чтобы не вызывать дальнейших задержек рассмотрения той жалобы. В приложении к письму содержалась распечатка упомянутого выше обсуждения на форуме (см. выше § 9).

11. Хегнар получил копию письма и в своем электронном письме в адрес Комиссии по делам прессы от 9 ноября 2010 г. указал, помимо прочего, что *Hegnar Online* являлся отдельным интернет-сайтом со своим собственным редактором и не был связан с *Kapital*. Он утверждал, что это письмо не могло приниматься во внимание при рассмотрении жалобы против *Kapital*. На следующий день Комиссия по делам прессы направила электронные письма обеим сторонам, в которых указала, что после беседы с адвокатом заявительницы комиссия пришла к заключению о том, что письмо от 8 ноября 2010 г. не являлось новой жалобой, но представляло собой приложение к документам по рассматриваемому делу против *Kapital* и не имело отношения к *Hegnar Online*.

12. Комментарии №№ 1 и 2 не были удалены. 17 ноября 2010 г., в 12.32, адвокат заявительницы отправил электронные письма В. и Н., редактору *Hegnar Online*, с требованием письменного подтверждения того, что данные комментарии будут немедленно удалены, указав, что сам Хегнар снял с себя любую ответственность в этом отношении» (*fraskrev seg alt ansvar for saken*).

13. В. из *Hegnar Online* ответил в тот же день, в 12.45, выразив сожаление по поводу того, что комментарии, не отвечавшие требованиям портала, не были удалены, и указав, что он удалил все найденные им комментарии.

14. 19 ноября 2010 г. Хегнар написал редакционную статью в *Kapital* с комментариями по поводу замечаний заявительницы относительно комментариев на форуме в контексте жалобы против *Kapital* (см. выше § 10). В своей статье он утверждал, что *Hegnar Online* не был связан с *Kapital* и, кроме того, *Kapital* не должен отвечать за то, что интересующиеся лица писали на *Hegnar Online*, который он описал как «открытый форум». В статье говорилось, помимо прочего, следующее:

«...Много странных, раздражающих и просто неверных утверждений публикуется на открытых интернет-сайтах, на которых осуществляется последующий контроль и отсутствует предварительная редакторская проверка до публикации».

Несмотря на то, что мы сами вынуждены иногда терпеть жесткие комментарии (*tåle røff omtale*) на таких интернет-сайтах, мы не можем из-за этого бегать в Комиссию по делам прессы».

15. 23 ноября 2010 г. Комиссия по делам прессы рассмотрела жалобы заявительницы в отношении *Kapital* и *Finansavisen* (см. выше § 6) и пришла к выводу, что оба издания нарушили Кодекс поведения журналистов (*Vær varsom-plakaten*): *Kapital* в связи с использованием вводящего в заблуждение заголовка (дело № 187/10), а *Finansavisen* вследствие того, что заявительнице не было предоставлено возможности своевременно ответить (дело № 192/10).

16. 28 ноября 2010 г. началось обсуждение под заголовком «Мона Хейнесс против Тругве Хегнара» в рамках подфорума «Средства массовой информации». Первый комментарий касался дела о наследстве и утверждений заявительницы о том, что в отношении нее имело место сексуальное домогательство (см. выше §§ 7 и 10). В следующем комментарии, опубликованном в тот же день, говорилось только: «Спросите, знает ли Мона *trønderbjørn*?:))» («*Spør om Mona kjenner trønderbjørn?::))*»).

30 ноября 2010 г. один из пользователей написал: «У некоторых страсть к поп-звездам и футболистам, в то время как другим нравится болтаться около домов престарелых и центров

для пожилых людей». Другой добавил: «Вы стары, больны и растеряны? Юридическая фирма МН займется вашим делом. Только предоплата». В 11.02 в тот же день был опубликован комментарий, в котором был затронут вопрос о том, по-прежнему ли заявительница «страхалась» с кем-то, кого называли «*trønderbjørn*» (см. выше § 27) («*Driver hun fortsatt å knuller på denne trønderbjørn?*»), далее – комментарий № 3).

1 декабря 2010 г. пользователь написал: «Видел женщину, выходящую из [крематория в г. Осло] с двумя сумками, полными золотых украшений и кошельков. Она многозначительно улыбалась... [“*smilte lurt*”]».

Все комментарии в обсуждении были анонимными.

17. 3 декабря 2010 г. редактор радиостанции *Radio Norge* привлек внимание адвоката заявительницы к дискуссии, начавшейся на форуме *Hegnar Online* 28 ноября 2010 г. (см. выше § 16), и приложил копию соответствующего обсуждения в электронном письме. Из нее следовало, что комментарий № 3 был прочитан 115 раз.

18. 6 декабря 2010 г. адвокат заявительницы написал Н., приложив электронное письмо, полученное от редактора радиостанции, и требуя подтверждения того, что комментарии, размещенные на подфоруме «Средства массовой информации», будут немедленно удалены. В тот же день Н. ответил в электронном письме, что редактор радиостанции также звонил ему 3 декабря 2010 г. и что после проверки он установил, что комментарии уже были удалены.

19. 7 января 2011 г. в Комиссию по делам прессы была подана жалоба, которая касалась обоих обсуждений на форуме в целом (см. выше §§ 9 и 16). 22 февраля 2011 г. Комиссия по делам прессы пришла к единому выводу о том, что ни комментарии с сексуальным подтекстом, ни комментарии, в которых заявительницу обвиняли в незаконном или безнравственном поведении в деле о наследстве, не соответствовали Кодексу поведения журналистов, поэтому редакции надлежало немедленно их удалить в соответствии с положениями данного кодекса (дело № 002/11).

20. 7 апреля 2011 г. адвокат заявительницы отправил письмо в *Hegnar Online*, указав, что заявительница планирует обратиться в суд с гражданским иском к *Hegnar Online* и редактору Н., поскольку комментарии №№ 1–3 носили диффамационный характер и нарушали статью 246 Уголовного кодекса Норвегии (см. ниже § 43). В связи с диффамацией заявительница собиралась требовать выплаты компенсации на основании статей 3–6 Закона о компенсации (см. ниже § 44) в размере 250 000 норвежских крон (около 25 000 евро) со стороны компании и 25 000 норвежских крон (около 2 500 евро) от Н. лично.

Адвокат заявительницы утверждал, что комментарии №№ 1–3 представляли собой сексуальное домогательство, которое выходило за те пределы, с которыми публичный человек должен мириться, и что такие оскорбительные комментарии, дискриминационные по отношению к женщинам, не пользовались защитой статьи 10 Конвенции при подобных обстоятельствах. Адвокат ссылался на Постановление Европейского Суда по делу «Таммер против Эстонии» (*Tammer v. Estonia*) от 6 февраля 2001 г., жалоба № 41205/98.

21. 28 апреля 2011 г. адвокат *Hegnar Online* и Н. направили свои ответы. Адвокат утверждал, что компания *Hegnar Online AS*, в которую к тому времени входила *Hegnar Online*, предусматривала процедуру, в рамках которой было несложно пожаловаться на комментарий на форуме, которые кто-либо считал неуместными. Рядом с каждым постом находилась ссылка, по которой можно было пройти, чтобы известить компанию («кнопка предупреждения»). Когда компания получала такие жалобы, это обычно приводило к удалению комментария. В месяц удалось удалить около 1 800–2 000 комментариев на основании таких жалоб. Кроме того, в компании были модераторы, которые по собственной инициативе удаляли комментарии, нарушавшие требования форума. Комментарии №№ 1 и 2 были удалены незамедлительно, в течение восьми минут после получения жалобы заявительницы, а комментарий № 3 был удален по инициативе модератора.

В письме далее указывалось, что *Hegnar Media AS* приносит свои извинения за то, что три пользователя оставили комментарии сексуального содержания в отношении заявительницы, но не считала себя обязанной выплачивать компенсацию. Эти три комментария не

имели ничего общего с журналистской работой компании или ответственностью редакции, они не исходили от самой компании, и она также не давала согласия на их публикацию. Кроме того, спорные комментарии не являлись диффамационными и были удалены, как только компания узнала о них. Несмотря на то, что компания не считала себя ответственной с юридической точки зрения, она предложила выплатить заявительнице 10 000 норвежских крон (около 1 000 евро) за вред, причиненный ей данными комментариями.

В. Производство в городском суде

22. 4 мая 2011 г. заявительница обратилась с гражданским иском о диффамации к *Hegnar Media AS* и редактору Н. в городской суд (*tingrett*) г. Осло (далее – городской суд). Как было ранее указано в письме, адресованном *Hegnar Online* (см. выше § 20), она утверждала, что комментарии №№ 1–3 посягали на ее достоинство и поэтому у нее было право на получение компенсации. Заявительница утверждала, среди прочего, что выводы Комиссии по делам прессы (см. выше § 19) подтверждали ее довод о том, что ответчики несли такую же редакционную ответственность за комментарии, как в случае, если бы они были изложены в письмах читателей, опубликованных в газете.

23. Городской суд рассматривал дело 19 и 20 декабря 2011 г. В ходе заседаний присутствовали стороны и их адвокаты и был заслушан один свидетель. В процессе разбирательства заявительница ссылалась на статьи 246 и 247 Уголовного кодекса Норвегии (см. ниже § 43) во взаимосвязи со статьями 3–6 Закона о компенсации (см. ниже § 44). Ответчики утверждали главным образом, что оспариваемая ситуация регулировалась статьей 18 Закона об электронной коммерции (см. ниже § 45). Они также считали, что статьи 246 и 247 Уголовного кодекса Норвегии не были применимы, поскольку они требовали наличия умысла (*forsett*) причинителя вреда. В настоящем деле ответчики не знали о существовании спорных комментариев, и принципы в области редакционной ответственности не имели отношения к делу. В любом случае не могло идти речи о редакционной ответственности, пока редактор не знал о комментариях, и в настоящем деле они были удалены, как только Н. узнал о них.

24. 4 января 2012 г. городской суд вынес решение в пользу ответчиков. Он решил, что три комментария не имели диффамационного характера, поскольку они не могли причинить ущерба ни достоинству, ни репутации заявительницы.

25. Что касается комментария № 1, городской суд отметил, что комментарий был бестактным и вульгарным, но сам по себе не являлся обвинением (*beskyldning*) в распущенности или каком-либо аморальном поведении. По мнению городского суда, он не мог нанести ущерба репутации заявительницы (*omdømme*) в соответствии со статьей 247 Уголовного кодекса (см. ниже § 43). Более того, он не выражал презрения или неодобрения и, следовательно, не мог посягать на достоинство заявительницы (*æresfølelse*) в соответствии со статьей 246 Уголовного кодекса (см. там же).

26. В отношении комментария № 2 городской суд также считал, что он был бестактным и «несерьезным». Тем не менее анонимный комментарий подобного характера не мог причинить ущерба чести и репутации заявительницы. Он мог считаться смешным, но не переходил границу, за которой его можно было признать незаконным. Городской суд также принял во внимание тот факт, что «Тема дня» был маргинальным подфорумом, который посещали в основном анонимные пользователи. Он обычно был несерьезным, и, по мнению городского суда, большинство читателей полагали, что комментарии говорили больше о личности тех, кто их публиковал, а не о тех, кто был упомянут в комментариях. Городской суд отметил, что он хорошо понимает, что для заявительницы было неприятно то обстоятельство, что неизвестные лица публиковали «скользкие» комментарии на ее счет в Интернете. Однако основываясь на общей оценке, городской суд пришел к выводу, что комментарий № 2 как сам по себе, так и во взаимосвязи с комментарием № 1 не мог причинить ущерба достоинству заявительницы.

27. Обращаясь к комментарию № 3, городской суд указал, что в данном случае речь снова шла о комментарии, который большинство людей сочтут неуместным, бестактным и вульгарным. Его следовало рассматривать как предположение о том, что у заявительницы

были сексуальные отношения с лицом по прозвищу *trønderbjørn*. Не было предоставлено какой-либо другой информации относительно того, кто это был, ни на форуме, ни в ходе разбирательства по гражданскому делу. Городской суд счел, что анонимный комментарий, указывавший на то, что у заявительницы были сексуальные отношения с неустановленным лицом, не мог навредить чести или репутации заявительницы. В комментарии не было ничего явно негативного. Кроме того, поскольку автор комментария был анонимным, отсутствовали основания принимать его или ее утверждения всерьез.

28. Городской суд также провел общую оценку трех комментариев в целом, но снова пришел к выводу, что они не являлись диффамационными. Он отметил, что несколько других комментариев в спорных обсуждениях на форуме, на которые заявительница не жаловалась, могли быть диффамационными, о чем ответчики также кратко упоминали в ходе судебного заседания, но, поскольку заявительница не жаловалась на какие-либо другие комментарии, суд не мог оценивать их соответствие закону.

29. Городской суд обязал заявительницу оплатить судебные расходы ответчиков в размере 225 480 норвежских крон (около 24 650 евро). Городской суд указал, что он не сомневался в исходе дела, и отметил, что заявительница отказалась от предложения ответчиков о заключении мирового соглашения (см. выше § 21). Ответчики изначально требовали присудить им 290 880 крон (около 30 165 евро), сумму, которая, по мнению городского суда, превышала разумную и необходимую сумму согласно соответствующим положениям Закона о судебных спорах (см. ниже § 47).

С. Производство в Апелляционном суде

30. 31 января 2012 г. заявительница подала жалобу на решение городского суда в Апелляционный суд (*lagmannsrett*) г. Боргартинга (*Borgarting*) (далее – Апелляционный суд). Помимо утверждения о том, что три комментария представляли собой незаконную диффамацию, она указала, что были нарушены ее право на личную жизнь (*privatlivets fred*), предусмотренное статьей 390а Уголовного кодекса Норвегии, и ее права, гарантированные в рамках общих принципов о защите личности (*det ulovfestede alminnelige rettsvern for personligheten*). Кроме того, она утверждала, что эти комментарии нарушали статью 8(а) Закона о гендерном равенстве и что в соответствии со статьей 17 данного закона ей должна была быть выплачена компенсация (см. ниже § 46). Наконец, она считала, что сумма, присужденная ответчикам в качестве возмещения судебных расходов, превышала необходимую.

31. Апелляционный суд рассматривал дело 10 и 11 сентября 2013 г. В заседании присутствовали и были заслушаны стороны, а также один свидетель. 24 октября 2013 г. было вынесено постановление по делу.

32. В начале постановления Апелляционный суд указал, что дело о наследстве широко освещалось как группой Хегнара, так и другими средствами массовой информации. Это, без сомнения, создавало для заявительницы напряженную обстановку, однако не являлось предметом рассматриваемого дела. Оно являлось фоном, на котором разворачивались события рассматриваемого дела, и объясняло, почему заявительница привлекла к себе внимание и впоследствии стала субъектом анонимных утверждений на форуме, связанном с *Hegnar Online*.

33. Апелляционный суд далее отметил, что, по его мнению, у заявительницы были веские причины реагировать на утверждения, опубликованные на форуме *Hegnar Online*. Доводы были несерьезными и имели сексуальный подтекст. Она подала жалобу в Комиссию по делам прессы и добилась признания того, что *Hegnar Online* нарушила Кодекс поведения журналистов, поскольку содержание обсуждений на форуме превысило тот порог, с которым она должна была мириться, и что *Hegnar Online* надлежало по собственной инициативе обнаружить и удалить комментарии быстрее, чем это произошло в действительности.

34. Обращаясь к обязанности выплаты компенсации, Апелляционный суд указал, что этот вопрос не относился к тем, которые рассматривались Комиссией по делам прессы. По данному пункту Апелляционный суд пришел к тому же выводу, что и городской суд, но по другим основаниям. Городской суд детально рассмотрел каждый из трех комментариев и

решил, что, хотя они были неуместными, несерьезными и бестактными (*usaklige, useriøse og smakløse*), они не попадали в сферу действия статей 246 и 247 Уголовного кодекса Норвегии (см. выше §§ 24–28 и ниже § 43). Апелляционный суд указал, что он разделяет мнение городского суда в отношении отсутствия серьезности нарушения, но не считает необходимым оценивать три комментария на предмет их диффамационного характера в соответствии с действующими положениями закона.

35. Вместо этого апелляционный суд исходил из того, что требование заявительницы о компенсации в любом случае не могло быть удовлетворено при отсутствии достаточной степени вины ответчиков. Решающим являлся вопрос о том, была ли доказана вина *Hegnar Online* и Н. в связи с тем, что они не обнаружили и потому не удалили спорные комментарии.

36. Апелляционный суд далее указал, что одной из характеристик постов, опубликованных в рамках соответствующего форума, а также комментариев относительно опубликованных онлайн редакционных материалов было то, что они размещались в режиме реального времени, и предварительная цензура была невозможна. Это означало, что контроль необходимо было осуществлять постфактум, независимо от того, касался ли он контента, за который несла ответственность редакция, или интернет-сайта, на котором размещались исключительно комментарии пользователей.

37. Что касается общей системы мониторинга контента, Апелляционный суд отметил, что на сайте были «кнопки предупреждения», на которые читатели могли нажать, чтобы отреагировать на комментарии. Кроме того, в задачу сотрудников редакции входило мониторинг контента и удаление комментариев по своей собственной инициативе. Однако на форуме в целом было очень много постов, и Апелляционный суд предположил, что в соответствующее время была обнаружена только малая часть контента, подлежавшего удалению.

38. Обращаясь к трем конкретным оспариваемым комментариям, Апелляционный суд отметил, что комментарии №№ 1 и 2 были опубликованы 6 и 8 ноября 2010 г. соответственно. Заявительнице сообщили о комментариях другие лица, она сама не читала их на сайте. Редакции сообщили об этих двух комментариях по электронной почте 17 ноября 2010 г. Тринадцать минут спустя сотрудники редакции ответили, что комментарии были удалены. Это являлось адекватной реакцией. Тем не менее Апелляционный суд рассмотрел вопрос о том, предполагалось ли в письме адвоката заявительницы в Комиссию по делам прессы от 8 ноября 2010 г. (см. выше § 10), что Хегнар должен был инициировать процесс удаления в то время. Принимая во внимание то обстоятельство, что письмо формально было отправлено в рамках другого контекста, а именно находившегося на рассмотрении дела в отношении *Kapital* (см. выше § 6), и не содержало требований об удалении комментариев, Апелляционный суд счел, что Хегнар рассматривал данное письмо лишь как часть документов по делу *Kapital*.

39. Что касается комментария № 3, он был опубликован 30 ноября 2010 г., а 3 декабря 2010 г. сотрудники *Radio Norge* известили о нем адвоката заявительницы, который связался с *Hegnar Online* 6 декабря 2010 года. *Hegnar Online* к тому времени уже изучал данный вопрос, поскольку получил аналогичное извещение от *Radio Norge* 3 декабря 2010 г. и в тот же день отметил, что комментарий уже был удален предположительно модератором *Hegnar Online*. Поскольку данный комментарий был, таким образом, быстро удален по инициативе самих сотрудников, отсутствовали какие-либо основания для привлечения *Hegnar Online* к ответственности.

40. Апелляционный суд оставил в силе решение городского суда по вопросу о судебных расходах в ходе рассмотрения дела в городском суде и присудил выплатить ответчикам 183 380 крон (около 20 050 евро) в качестве компенсации расходов, понесенных ими при рассмотрении дела в Апелляционном суде. Апелляционный суд отметил, что дело было ясным и что ни соображения относительно благосостояния сторон, ни их соответствующие возможности (см. ниже § 47) не могли оправдывать отказ от присуждения компенсации судебных расходов выигравшей стороне. Ответчики требовали выплаты 231 980 крон (около 24 416 евро), но Апелляционный суд решил, что, поскольку почасовой тариф оплаты услуг адвоката был высоким и соответствующим для специализированного адвоката, это должно было быть отражено меньшим количеством часов.

D. Производство в Верховном суде Норвегии

41. 22 ноября 2013 г. заявительница подала жалобу на постановление Апелляционного суда в Верховный суд Норвегии (*Høyesterett*). Она оспаривала вывод Апелляционного суда о том, что ответчики действовали с достаточной осторожностью, и утверждала, что Апелляционный суд допустил нарушение норм права, поскольку его рассуждения относительно стандартов осторожности не были ясными, в частности, было непонятно, достаточно ли было установления неосторожности для привлечения к ответственности, либо необходимо было наличие грубой неосторожности. Она также оспаривала оценку Апелляционным судом доказательств, касавшихся реакции Хегнара на письмо от 8 ноября 2010 г., адресованное Комиссии по делам прессы. Заявительница утверждала, что 19 ноября 2010 г. Хегнар написал редакционную статью для *Kapital*, в которой сделал замечания о том, как заявительница пожаловалась на комментарии, опубликованные на форуме (см. выше § 14). Более того, заявительница полагала, что Апелляционный суд неверно исходил из того, что стандарты модерации интернет-сайтов с контентом, исходившим от пользователей, были более мягкими в 2010 году, чем в момент вынесения постановления Апелляционного суда. Наконец, она оспаривала решение Апелляционного суда в части, касавшейся судебных расходов. Адвокату ответчиков необходимо было платить до 3 900 крон (около 410 евро) за час работы, и это был настолько высокий тариф, что он мог оказывать отпугивающее действие на лиц, желающих оспаривать нарушения статьи 8 Конвенции.

42. 7 февраля 2014 г. Специальный проверочный апелляционный комитет Верховного суда Норвегии по принятию жалоб к рассмотрению (*Høyesteretts ankeutvalg*) отказал в принятии к рассмотрению по существу жалобы заявительницы на постановление Апелляционного суда как в целом, так и в части, касавшейся судебных расходов.

II. СООТВЕТСТВУЮЩЕЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО НОРВЕГИИ

43. Соответствующие положения Уголовного кодекса Норвегии (*straffeloven*) от 22 мая 1902 г. в редакции, действовавшей в момент событий настоящего дела, гласили:

«Статья 246

Любое лицо, которое словами или действиями нарушает чувство достоинства другого лица или способствует этому, подлежит наказанию в виде штрафа или лишения свободы на срок до шести месяцев.

Статья 247

Любое лицо, которое словами или действиями ведет себя таким образом, который может нанести ущерб доброму имени и репутации другого лица или подвергнуть другое лицо ненависти, неуважению или привести к потере доверия, необходимого для его положения или бизнеса, или лицо, которое помогает или способствует этому, подлежит наказанию в виде штрафа или лишения свободы на срок до одного года. Если посягательство на честь и достоинство совершено в печатной прессе или на радио или телевидении, или при иных особо отягчающих обстоятельствах, может назначаться наказание в виде лишения свободы на срок до двух лет».

Сфера действия статьи 247 Уголовного кодекса Норвегии была ограничена, поскольку требовалось, чтобы выражение было неправомерным (*rettsstridig*). Такое требование было специально закреплено в статье 246 Уголовного кодекса Норвегии, а статья 247 данного кодекса толковалась Верховным судом Норвегии как предполагающая такое требование.

«Статья 390(a)

Любое лицо, которое в результате пугающего или раздражающего поведения или других бесцеремонных действий нарушает право другого лица на личную жизнь, а также лицо, которое помогает или способствует этому, подлежит наказанию в виде штрафа или лишения свободы на срок до двух лет».

44. Статьи 3–6 Закона о компенсации (*skadeserstatningsloven*) от 13 июня 1969 г. гласят:

«Любой, кто осуществляет деяние в виде клеветы или нарушает право на уважение личной жизни другого лица, должен, если он допустил это по неосторожности или если соблюдены условия для назначения наказания, выплатить компенсацию причиненного ущерба и такую компенсацию утраченных доходов, которые могли быть получены в будущем, какую суд сочтет разумной с

учетом степени вины и других обстоятельств. Данное лицо также может быть обязано выплатить такую компенсацию (возмещение) морального вреда, какую суд сочтет разумной.

Если клевета выражена в письменной форме и если какое-либо лицо, которое работало на владельца или издателя печатного издания, признано виновным на основании предыдущего параграфа, владелец и издатель также обязаны выплатить компенсацию. Аналогичное правило применяется к любому возмещению, присужденному на основании предыдущего параграфа, если суд по особым причинам не примет решения об освобождении от обязанности выплатить данное возмещение. Суд также может обязать владельца или издателя выплатить такое дополнительное возмещение, которое суд сочтет разумным в отношении них. Корпорация по телерадиовещанию Норвегии несет аналогичные обязанности, если какое-либо работающее на нее лицо несет ответственность за выпуск. То же положение применяется к любой организации телерадиовещания.

При принятии по делу решения о назначении наказания или признании утверждения недействительным суд может обязать ответчика выплатить потерпевшему сумму, покрывающую расходы по публикации судебного решения. То же правило применяется в случае любого осуждения на основании статьи 130 Общегражданского уголовного кодекса...».

45. Статья 18 Закона об электронной коммерции (*ehandelsloven*) от 23 мая 2003 г. гласит:

«Статья 18. Освобождение от ответственности за некоторые услуги хранения

Услугодатель, который хранит информацию по просьбе услугополучателя, может только:

- (а) наказываться за хранение незаконной информации или вклад в незаконную деятельность путем хранения незаконной информации, если он действовал умышленно, или
- (б) быть обязан выплатить компенсацию за хранение незаконной информации или вклад в незаконную деятельность путем хранения незаконной информации, если он действовал умышленно или в результате грубой неосторожности.

Услугодатель в любом случае освобождается от уголовной или гражданской ответственности, если он без неоправданных задержек принимает необходимые меры для того, чтобы прекратить или блокировать доступ к информации при проявлении умысла или грубой неосторожности, упомянутых в первом параграфе.

Услугодатель не освобождается от ответственности на основании настоящей статьи, если услугополучатель действует от имени услугодателя или под его контролем».

46. Первые два параграфа статьи 8(a) Закона о гендерном равенстве (*likestillingsloven*) от 9 июня 1978 г. в редакции, действовавшей в период, относившийся к обстоятельствам дела, гласили:

«Статья 8(a) (домогательство по признаку пола или сексуальное домогательство)

Домогательство по признаку пола или сексуальное домогательство не допускается.

Домогательство по признаку пола означает нежелательное поведение, связанное с полом лица, целью или последствием которого является нанесение вреда достоинству другого лица. Сексуальное домогательство означает нежелательное внимание сексуального характера, которое причиняет беспокойство лицу, на которое направлено такое внимание».

В соответствии со вторым параграфом статьи 17 к умышленным или неосторожным нарушениям Закона о гендерном равенстве применяются общие правила о гражданской ответственности.

47. Соответствующие положения Закона о судебных спорах (*tvisteloven*) от 17 июня 2005 г. гласили:

«Статья 20-2. Присуждение судебных расходов выигравшей стороне

(1) Сторона, в пользу которой вынесено решение, имеет право на полное возмещение судебных расходов противоположной стороной...»

(3) Суд может освободить противоположную сторону от обязанности возмещения судебных расходов полностью или в части, если суд установит наличие веских оснований для этого. Суд, в частности, должен учитывать следующие факты:

- (а) существовали ли обоснованные причины для рассмотрения дела, поскольку дело было неясным или поскольку доказательства прояснились только после предъявления иска;
- (б) можно ли упрекнуть выигравшую сторону в подаче иска или отклонила ли выигравшая сторона разумное предложение о мирном урегулировании спора, или
- (с) было ли дело важным для благосостояния данной стороны и оправдывало ли соответствующие возможности сторон освобождение от возмещения расходов...»

Статья 20-5. Оценка размера возмещения судебных расходов

(1) Полная компенсация судебных расходов покрывает все необходимые расходы, понесенные стороной в связи с иском, за исключением случаев, когда существуют причины для исключения расходов на основании специальных положений закона. При оценке того, были ли расходы необходимыми, суд принимает во внимание то, были ли они разумными ввиду важности дела. Сторона по делу может требовать разумного вознаграждения за свою собственную работу по делу, если работа была особенно масштабной или в противном случае должна была быть выполнена адвокатом или иным квалифицированным ассистентом...

(3) В делах, которые разрешаются после проведения устного слушания, сторона, которая просит возместить ей судебные расходы, должна представить расчет этих расходов. Данный расчет должен быть представлен в конце устного слушания. Если размер некоторых расходов неизвестен, расчет должен быть дополнен в срок, установленный судом. Статьи расходов должны быть обозначены таким образом, чтобы предоставить суду соответствующие основания для проведения оценки. В части, касающейся расходов на оплату услуг адвоката, должны быть указаны стоимость и количество часов работы в отношении следующих стадий производства по делу:

(a) период до направления судебной повестки или ответа, или судебной повестки о вызове в суд апелляционной инстанции или ответа на такую повестку;

(b) период до начала основного заседания или финального устного слушания, или до заседания суда апелляционной инстанции;

(c) период до завершения рассмотрения дела в текущей инстанции...».

ПРАВО

I. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 8 КОНВЕНЦИИ

48. Заявительница жаловалась на то, что власти Норвегии, не защитив в достаточной степени ее право на уважение личной жизни и обьязав ее возместить судебные расходы в том размере, в каком они были определены в настоящем деле, действовали с нарушением статьи 8 Конвенции, которая гласит:

«1. Каждый имеет право на уважение его личной и семейной жизни, жилища и корреспонденции.

2. Не допускается вмешательство со стороны публичных властей в осуществление этого права, за исключением случаев, когда такое вмешательство предусмотрено законом и необходимо в демократическом обществе в интересах национальной безопасности и общественного порядка, экономического благосостояния страны, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья или нравственности или защиты прав и свобод других лиц».

49. Власти Норвегии оспаривали данный довод.

A. Приемлемость жалобы для рассмотрения по существу

50. Европейский Суд отмечает, что жалоба не является явно необоснованной по смыслу подпункта «а» пункта 3 статьи 35 Конвенции. Он далее отмечает, что она не является неприемлемой по каким-либо иным основаниям. Следовательно, она должна быть объявлена приемлемой для рассмотрения по существу.

B. Существо жалобы

1. Доводы сторон

(a) Заявительница

51. Заявительница настаивала на том, что спорные комментарии были явно незаконными и что суды Норвегии не сопоставили права, пользующиеся защитой статей 8 и 10 Конвенции соответственно.

52. Заявительница признала, что дело о наследстве относилось к общественным интересам, но утверждала, что статьи, опубликованные *Hegnar Online* и двумя другими изданиями, не были взвешенными. Была сделана ссылка на заявления Комиссии по делам прессы о том, что *Capital* и *Finansavisen* нарушили Кодекс поведения журналистов.

53. Несмотря на то, что *Hegnar Online* была установлена система «кнопок предупреждения» и некоторым сотрудникам была поставлена задача следить за контентом форума, этого было явно недостаточно. Подобная система была неспособна справиться с большим количеством публикуемых комментариев.

54. У заявителяницы не было какой-либо возможности установить личности анонимных авторов комментариев, для этого ей пришлось бы обратиться в полицию и сообщить о происшествиях, но даже в таком случае установление их личностей не было бы гарантировано.

55. Признавая, что привлечение к ответственности за комментарии третьих сторон могло иметь некоторые негативные последствия для свободы выражения мнения в Интернете, заявительница утверждала, что интернет-сайт, о котором шла речь в настоящем деле, был одной из самых больших платформ для обсуждений в Норвегии и что его привлечение к ответственности не привело к значительным негативным последствиям.

56. Обязанность заявительницы оплатить судебные расходы ответчиков в размере около 49 964 евро (с процентами) в производстве в судах Норвегии являлась отдельной причиной, по которой статья 8 Конвенции была нарушена.

(b) Власти Норвегии

57. Власти Норвегии утверждали, что спорные комментарии не достигали того уровня серьезности или не были сделаны таким образом, что был причинен ущерб осуществлению лицом права на уважение личной жизни.

58. То, каким образом дело о наследстве освещалось в средствах массовой информации, было фоном для настоящего дела, и, кроме того, заявительница была известным адвокатом, в прошлом ведущей ток-шоу и активной участницей общественной дискуссии. Оценка городского суда в отношении контекста комментариев соответствовала прецедентной практике Европейского Суда, касающейся статьи 8 Конвенции.

59. Апелляционный суд рассмотрел меры, принятые ответчиками по делу, рассматриваемому судами страны, с целью предупредить или удалить комментарии диффамационного характера и оценил данные меры таким образом, который соответствовал критериям, разработанным Европейским Судом.

60. Власти Норвегии не оспаривали тот факт, что оспариваемые комментарии были сделаны анонимными лицами и что в то время отсутствовала система регистрации пользователей. Заявительница не предпринимала мер для того, чтобы установить личности авторов постов.

61. Выводы Европейского Суда, сделанные им в Решении по делу «Пил против Швеции» (*Pihl v. Sweden*) от 7 февраля 2017 г., жалоба № 74742/14³⁵, и сходство данного дела с настоящим ясно указывали на то, что по настоящему делу не было допущено нарушения.

62. Что касается судебных расходов, власти Норвегии утверждали, что пункт 1 статьи 6 Конвенции был *lex specialis* и поэтому статья 8 Конвенции не могла быть применима. Постановление Европейского Суда по делу «Компания MGN Ltd против Соединенного Королевства» (*MGN Ltd v. United Kingdom*) от 18 января 2011 г., жалоба № 39401/04, касалось других фактов и статьи 10 Конвенции, и его мотивировка не могла применяться к статье 8 Конвенции. Суды Норвегии соизмерили затронутые в деле интересы в соответствии с Законом о судебных спорах и тем самым выполнили обязанность по обеспечению доступа к суду, при этом не было выявлено какого-либо неразумного отсутствия соразмерности между использованными средствами и преследуемой целью.

2. Мнение Европейского Суда

63. Европейский Суд напоминает, что понятие «личная жизнь» по смыслу статьи 8 Конвенции является широким и охватывает ряд аспектов, связанных с личной идентичностью, таких как имя и изображение лица, а также распространяется на физическую и психическую неприкосновенность лица (см., например, Постановление Европейского Суда по делу

³⁵ См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. 2018. № 1 (примеч. редактора).

«Фон Ганновер против Германии» (Von Hannover v. Germany) от 24 июня 2004 г., жалоба № 59320/00, § 50, и Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Парадизо и Кампанелли против Италии» (Paradiso and Campanelli v. Italy) от 24 января 2017 г., жалоба № 25358/12³⁶, § 159). Европейский Суд также признавал, что право лица на защиту репутации охватывается статьей 8 Конвенции как часть права на уважение личной жизни (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Беда против Швейцарии» (Bédat v. Switzerland) от 29 марта 2016 г., жалоба № 56925/08³⁷, § 72, с дальнейшими ссылками).

64. Для того, чтобы статья 8 Конвенции могла быть применена, посягательство на личное достоинство и репутацию должно достигать определенную степень серьезности и должно осуществляться таким образом, который наносит ущерб осуществлению лицом права на уважение личной жизни (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Компания “Аксель Шпрингер АГ” против Германии» (Axel Springer AG v. Germany) от 7 февраля 2012 г., жалоба № 39954/08, § 83, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Компания “Делфи АС” против Эстонии» (Delfi AS v. Estonia) от 16 июня 2015 г., жалоба № 64569/09³⁸, § 137, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Денисов против Украины» (Denisov v. Ukraine) от 25 сентября 2018 г., жалоба № 76639/11³⁹, § 112).

65. Европейский Суд отмечает, что в настоящем деле речь шла не о действиях государства, а о предполагаемом несоответствии защиты, предоставленной судами страны, праву заявительницы на уважение личной жизни. Хотя основной целью статьи 8 Конвенции является защита индивида от произвольного вмешательства в его права со стороны властей, данная статья предписывает государству не только воздерживаться от таких вмешательств: в дополнение к подобному негативному обязательству могут существовать позитивные обязательства, неотъемлемые от эффективного уважения личной и семейной жизни. Эти обязательства могут также предполагать принятие мер для обеспечения уважения личной жизни даже в сфере отношений индивидов между собой. Граница между позитивными и негативными обязательствами государства в соответствии со статьей 8 Конвенции не поддается четкому определению, тем не менее применимые принципы являются аналогичными. В обоих случаях необходимо принимать во внимание необходимость соблюдения справедливого равновесия между соответствующими конкурирующими интересами (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Фон Ганновер против Германии (№ 2)» (Von Hannover v. Germany) (№ 2) от 7 февраля 2012 г., жалобы №№ 40660/08 и 60641/08⁴⁰, §§ 98–99).

66. В этой связи, что касается конкурирующих интересов, предусмотренных статьями 8 и 10 Конвенции, Европейский Суд установил следующие общие принципы, изложенные в упоминавшемся выше Постановлении Большой Палаты Европейского Суда по делу «Компания “Делфи АС” против Эстонии», § 139:

«139. Европейский Суд ранее уже заключал, что права, предусмотренные статьями 8 и 10 Конвенции, в принципе заслуживают уважения в равной степени и результат рассмотрения жалобы не должен зависеть от того, была она подана в Европейский Суд лицом, опубликовавшим оскорбительную статью, со ссылкой на статью 10 Конвенции или лицом, о котором упоминается в данной статье, со ссылкой на статью 8 Конвенции. Соответственно, в обоих случаях пределы усмотрения государства-ответчика должны быть одинаковы (см. упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу “Компания Axel Springer AG против Германии», § 87, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу “Фон Ганновер против Германии (№ 2)” (Von Hannover v. Germany) (№ 2), жалобы №№ 40660/08 и 60641/08, § 106, ECHR 2012, с

³⁶ См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. 2017. № 11 (примеч. редактора).

³⁷ См.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2018. № 10 (примеч. редактора).

³⁸ См.: там же. 2015. № 11 (примеч. редактора).

³⁹ См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. Специальный выпуск. 2018. № 11 (примеч. редактора).

⁴⁰ См.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2019. № 10 (примеч. редактора).

дополнительными ссылками на упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу “Компания Nacheffe Filiraschi Associés против Франции”, § 41, Решение Европейского Суда по делу “Тимчук против Румынии” (Timciuc v. Romania) от 12 октября 2010 г., жалоба № 28999/03, § 144, и Постановление Европейского Суда по делу “Моузли против Соединенного Королевства” (Mosley v. United Kingdom) от 10 мая 2011 г., жалоба № 48009/08, § 111). Когда внутригосударственные власти находят равновесие между этими двумя правами в соответствии с критериями, установленными в прецедентной практике Европейского Суда, ему будут нужны веские основания, чтобы подменить позицию внутригосударственных судов своей собственной точкой зрения (см. упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу “Компания Axel Springer AG против Германии”, § 88, упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу “Фон Ганновер против Германии (№ 2)”, § 107, с дополнительными ссылками на упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу “Компания MGN Ltd против Соединенного Королевства”, §§ 150 и 155, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу “Паломо Санчес и другие против Испании” (Palomo Sánchez and Others v. Spain) от 12 сентября 2011 г., жалобы №№ 28955/06, 28957/06, 28959/06 и 28964/06, § 57). Иными словами, обычно, если от государства требуется соблюсти равновесие между разнонаправленными интересами частных лиц или противоречащими друг другу конвенционными правами, Европейский Суд признает, что оно пользуется широкой свободой усмотрения (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу “Эванс против Соединенного Королевства” (Evans v. United Kingdom), жалоба № 6339/05, § 77, ECHR 2007-I, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу “Шассану и другие против Франции” (Chassagnou and Others v. France), жалобы №№ 25088/94, 28331/95 и 28443/95, § 113, ECHR 1999-III, и Постановление Европейского Суда по делу “Ашби Дональд и другие против Франции” (Ashby Donald and Others v. France) от 10 января 2013 г., жалоба № 36769/08⁴¹, § 40)).

67. При проведении анализа соразмерности Европейский Суд также определил следующие отдельные аспекты свободы выражения мнения, являющиеся уместными для конкретной оценки рассматриваемого вмешательства: контекст комментариев, меры, принятые компанией с целью предотвратить появление или для удаления комментариев диффамационного характера, возможность привлечения к ответственности авторов комментариев как альтернативы привлечения к ответственности посредника, и последствия производства в судах страны для компании (см. упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Компания “Делфи АС” против Эстонии», §§ 142–143, и Постановление Европейского Суда по делу «Венгерская ассоциация провайдеров интернет-контента и компания Index.hu Zrt против Венгрии» (Magyar Tartalomszolgáltatók Egyesülete and Index.hu Zrt v. Hungary) от 2 февраля 2016 г., жалоба № 22947/13⁴², § 69).

68. Таким образом, вопрос заключается в том, обеспечили ли власти Норвегии в настоящем деле соблюдение справедливого равновесия между правом заявительницы на уважение личной жизни, предусмотренным статьей 8 Конвенции, и правом новостного агентства и владельца форума на свободу выражения мнения, закрепленным в статье 10 Конвенции.

69. В этой связи Европейский Суд прежде всего отмечает, что комментарии о заявительнице были признаны городским судом не имеющими диффамационного характера по смыслу статей 246 и 247 Уголовного кодекса Норвегии (см. выше § 43), тогда как Апелляционный суд не счел необходимым высказаться по поводу того, были ли они диффамационными. Европейский Суд также полагает, что отсутствует необходимость тщательно рассматривать характер спорных комментариев, поскольку они в любом случае не являлись языком ненависти или призывами к насилию (см. для сравнения упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Компания “Делфи АС” против Эстонии», §§ 18, 114 и 162, и упоминавшееся выше Решение Европейского Суда по делу «Пил против Швеции», §§ 23–25).

70. Что касается имевшихся у заявительницы возможностей обратиться с требованиями к анонимному пользователю (или анонимным пользователям), которые опубликовали комментарии, Европейский Суд не усматривает причин оспаривать утверждение заявительницы о том, что она столкнулась бы с серьезными препятствиями, если бы попыталась это сделать.

⁴¹ См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. 2018. № 1 (примеч. редактора).

⁴² См.: там же. 2016. № 6 (примеч. редактора).

71. В отношении контекста, в котором были сделаны комментарии, Европейский Суд принимает во внимание тот факт, что *Hegnar Online* был большим коммерческим новостным порталом и что его форумы пользовались популярностью. Однако из постановлений судов Норвегии не следует, что форумы были особенно интегрированы в презентацию новостей и, таким образом, могли рассматриваться как продолжение редакционных статей.

72. Что касается мер, принятых *Hegnar Online*, представляется, что существовала устоявшаяся система действий модераторов, которые отслеживали контент, хотя в постановлении Апелляционного суда сказано, что они не могли обнаружить большое количество незаконных комментариев, чтобы удалить их по собственной инициативе. Кроме того, читатели могли нажать на «кнопки предупреждения» для того, чтобы выразить свою реакцию на комментарии (см. выше § 37). Наконец, из материалов настоящего дела следует, что на предупреждения реагировали и иными способами, в том числе по электронной почте.

73. В настоящем деле комментарии №№ 1 и 2 не были замечены модераторами, но 17 ноября 2017 г. в течение 13 минут после отправления уведомления адвокат заявительницы получил электронное письмо, в котором говорилось, что комментарии были удалены (см. для сравнения упоминавшееся выше Решение Европейского Суда по делу «Пил против Швеции», § 32, в котором незаконный комментарий был удален через день после направления уведомления). Комментарии находились в онлайн-доступе с 6 по 8 ноября 2010 г. соответственно. Комментарий № 3, опубликованный 30 ноября 2010 г., был удален по собственной инициативе модератора до получения уведомления 3 декабря 2010 г. Основываясь на общей оценке, Апелляционный суд счел не имеющим отношения к делу то обстоятельство, что оспариваемые комментарии были упомянуты в письме в Комиссию по делам прессы и что таким образом глава *Hegnar Online* узнал, что заявительница среагировала на комментарии, которые она рассматривала как сексуальное домогательство. После общего изучения и оценки мер, принятых для того, чтобы следить за комментариями на форуме, и принимая во внимание, что контроль осуществлялся после публикации и что авторы комментариев не были обязаны регистрироваться, а также конкретные ответы, полученные заявительницей на ее уведомления, Апелляционный суд счел, что компания, которой принадлежал новостной портал, и его редактор действовали надлежащим образом (см. выше §§ 36–39).

74. Европейский Суд отмечает, что дело заявительницы было рассмотрено по существу двумя судебными инстанциями на внутригосударственном уровне, прежде чем Верховный суд Норвегии отказался рассматривать его по существу (см. для сравнения упоминавшееся выше Решение Европейского Суда по делу «Пил против Швеции», § 36). Суды Норвегии рассмотрели все аспекты дела (см. выше § 67). В соответствии с принципами, установленными в упомянутом выше Постановлении Большой Палаты Европейского Суда по делу «Компания “Делфи АС” против Эстонии», § 139 (см. выше § 66), отсутствуют основания для замены точки зрения судов Норвегии мнением Европейского Суда.

75. Принимая во внимание вышеизложенное, Европейский Суд приходит к выводу, что суды страны действовали в рамках предоставленной им свободы усмотрения при установлении баланса между правами заявительницы, гарантированными статьей 8 Конвенции, и правом новостного портала и владельцев форумов на свободу выражения мнения, предусмотренным статьей 10 Конвенции.

76. Что касается жалобы на присуждение компенсации судебных расходов, Европейский Суд отмечает, что судебные расходы не включали в себя каких-либо процентов, подлежащих выплате в случае успешного завершения дела, или подобных им выплат. Дело было полностью рассмотрено в двух судебных инстанциях, и обе инстанции добросовестно проверили и значительно снизили размер подлежащей выплате компенсации (см. выше §§ 29 и 40). Принимая во внимание обстоятельства дела, суды Норвегии решили, что отсутствовали основания для того, чтобы отступить от общего правила, согласно которому выигравшей стороне должна быть присуждена компенсация судебных расходов.

77. Несмотря на то, что необходимо принимать во внимание общий уровень расходов, связанных с рассмотрением дела в определенном суде (см., например, Решение Европейского Суда по делу «Компания AS Dagbladet против Норвегии» (*AS Dagbladet v. Norway*) от

20 февраля 2018 г., жалоба № 60715/14, § 33, и Решение Европейского Суда по делу «Компания Avisa Nordland AS против Норвегии» (Avisa Nordland AS v. Norway) от 20 февраля 2018 г., жалоба № 30563/15, § 48), Европейский Суд отмечает, что на заявительницу была возложена обязанность выплатить значительные суммы. Однако принимая во внимание характер требований, заявленных в судах страны, предмет дела, Европейский Суд не считает, что в настоящем деле надлежит ставить под сомнение оценку судов Норвегии относительно компенсации судебных расходов и издержек, в том числе ввиду того, что Апелляционный суд принял во внимание «благосостояние сторон» и их «соответствующие возможности» (см. выше § 40). При таких обстоятельствах у Европейского Суда отсутствует необходимость рассматривать довод властей Норвегии о том, что пункт 1 статьи 6 Конвенции является *lex specialis*, поскольку в любом случае Европейский Суд считает, что права заявительницы, гарантированные статьей 8 Конвенции, были надлежащим образом защищены, и по делу не было допущено нарушения данной статьи Конвенции.

На основании изложенного Европейский Суд единогласно:

- 1) *объявил* жалобу приемлемой для рассмотрения по существу;
- 2) *постановил*, что по делу не было допущено нарушения статьи 8 Конвенции.

Совершено на английском языке, уведомление о Постановлении направлено в письменном виде 19 марта 2019 г. в соответствии с пунктами 2 и 3 правила 77 Регламента Европейского Суда.

Стэнли НАЙСМИТ
Секретарь Секции Суда

Роберт СПАНО
Председатель Палаты Суда

Содержание

Документы Адвокатской палаты города Москвы	2
Решение Совета Адвокатской палаты города Москвы № 177 от 30 октября 2019 года.	2
Решение Совета Адвокатской палаты города Москвы № 178 от 30 октября 2019 года.	3
ПОРЯДОК избрания делегатов на Восемнадцатую ежегодную конференцию адвокатов города Москвы.	4
ПРОТОКОЛ собрания адвокатов, осуществляющих адвокатскую деятельность в составе	6
РЕГЛАМЕНТ проведения Общего собрания членов Адвокатской палаты города Москвы по избранию делегатов на Восемнадцатую ежегодную конференцию адвокатов города Москвы.	8
Руководителям органов управления коллегиями адвокатов и адвокатскими бюро, адвокатским кабинетам	10
Руководителю коллегии адвокатов, адвокатского бюро	11
ЗАЯВЛЕНИЕ Совета Адвокатской палаты города Москвы «О распространении недостоверной информации в отношении адвокатов»	12
Решение Совета Адвокатской палаты города Москвы № 179 от 30 октября 2019 года.	15
Решение Совета Адвокатской палаты города Москвы № 180 от 30 октября 2019 года.	19
Решение Совета Адвокатской палаты города Москвы № 181 от 30 октября 2019 года.	22
Решение Совета Адвокатской палаты города Москвы № 201 от 26 ноября 2019 года	25
Решение Совета Адвокатской палаты города Москвы № 202 от 26 ноября 2019 года	28
Решение Совета Адвокатской палаты города Москвы № 203 от 26 ноября 2019 года	31
Решение Совета Адвокатской палаты города Москвы № 228 от 18 декабря 2019 года.	33
Решение Совета Адвокатской палаты города Москвы № 229 от 18 декабря 2019 года.	36
Решение Совета Адвокатской палаты города Москвы № 230 от 18 декабря 2019 года.	36
Адвокатское сообщество	41
Приняли присягу и получили статус адвоката.	41
Обзор дисциплинарной практики	43
Федеральное законодательство	194
ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ЗАКОН № 400-ФЗ от 2 декабря 2019 года «О внесении изменений в Федеральный закон “Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации”»	194

ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ЗАКОН № 498-ФЗ от 27 декабря 2019 года «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации»	203
Nota bene	205
Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации	205
Международное право	206
«Норберт Вингертер (Norbert Wingerter) против Германии», Решение Европейского Суда по правам человека от 21 марта 2002 г., жалоба № 43718/98	206
«Дамьен Месло (Damien Meslot) против Франции», Решение Европейского Суда по правам человека от 9 января 2018 г., жалоба № 50538/12	212
«Фефилов (Fefilov) против Российской Федерации», Постановление Европейского Суда по правам человека от 17 июля 2018 г., жалоба № 6587/07	222
«К.Ф. (K.F.) против Российской Федерации», Решение Европейского Суда по правам человека от 24 сентября 2019 г., жалоба № 39552/16	235
«Хёйнекс (Høiness) против Норвегии», Постановление Европейского Суда по правам человека от 19 марта 2019 г., жалоба № 43624/14	240

Вестник Адвокатской палаты города Москвы
Выпуск № 4 (147) 2019

Учредитель
Адвокатская палата г. Москвы
119002 Москва, пер. Сивцев Вражек, д. 43
+7 (499) 241–2020
www.advokatymoscow.ru
info@advokatymoscow.ru

Редакционный совет
И.А. Поляков (председатель)
Н.М. Кипнис, В.В. Клювгант,
Г.М. Резник

Ответственный за выпуск
В.В. Клювгант

Дата подписания в печать
25.02.2020

Редакция и издатель
ООО «Развитие правовых систем»
127055 Москва,
Сушевская ул., 12/1
+7 (499) 350–0015
www.echr.today, info@echr.today

Отпечатано
в ООО «АГС-Принт»
115553 Москва, пр-т Андропова,
д. 22, этаж 9, к. 52.
Формат 70 x 108 / 16. Гарнитура Times.
Усл. печ. л. 16.
Печать офсетная. Тираж 300 экз.
Заказ № 200198

© Адвокатская палата
г. Москвы, 2020

© ООО «Развитие правовых систем»
(подготовка, оформление), 2020